ИСТОРИЧЕСКІЯ
МОНОГРАФІИ
и
ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА
ВЪ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе **Д. Е. Кожанчикова.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи К. Вульфа. Литейный пр., д. Зыбиной, № 60.

1868.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

МОНОГРАФІИ

и

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

Изданіе **Д. Е. Кожанчикова.**

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи К. Вульфа. Литейный пр., д. Зыбиной, № 60.
1868.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА

ВЪ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

(1604—1613).

«Źródło tey sprawy z którego następuiący płynęli potoki wprawdzie *tajemne rady* skrycie chowane być maią i nie trzeba odkrywać tego coby na potym przestrzedź nieprzyiaciela miało».

(Рукоп. библіот. Красинск. B. 1. 8).

Сочиненіе Н. И. КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи К. Вульфа. Литейный пр., д. Зыбиной, № 60.
1868.

ИСТОЧНИКИ.

При изученіи эпохи смутнаго времени Московскаго государства, у автора были подъ рукою слѣдующіе источники и пособія, изъ которыхъ важнѣйшіе означены двумя звѣздочками, менѣе важные — одною, а тѣ, которые доставляютъ мало вѣрныхъ свѣдѣній, оставлены безъ знака:

1. Акты Археографической Экспедиціи, т. II. 1836.**
2. Акты историческіе, т. II. 1841.**
3. Акты Западной Россіи, т. IV. 1851.**
4. Арцыбышева, Повѣствованіе о Россіи, т. III. 1843.**
5. Avisi et lettere giuste di cose memorabili succedite tanto in Africa nel regno di Bibuga che nella Guinea quanto in Moscovia raccolte da Barezzo Barezzi. MDCXII.
6. An appendix being the amours of Demetrius and Dorenski, rivals in the affections of Marina. 1677.
7. Annuæ Societatis Jesu. 1604, 1605, 1606.
8. Barezzo Barezzi, Relatione della segnalata et come miraculosa conquista del Paterno imperio conseguita dal Serenissimo giovine Demetrio gran duca di Moscovia in quest' anno 1605. (Приписывается Антонію Поссевину, знаменитому іезуиту.)*
9. Bohomolca, Życie Jana Zamoyskiego. 1837.*
10. Bond, Russia at the close of the sixteenth century. MDCCCLVI. (Сочиненія Флетчера: Of the Russe Commonwealth, и Горсея: Travels.)*
11. Brereton, Newes of the present miseries of Ruschia. 1614.*
12. Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей, книга XVI и XVII. (Иное сказаніе о самозванцахъ, и Книга, глаголемая Новый лѣтописецъ.)**
13. Valerii Archangelis legationis polonicæ olim auditoris ad polonos pacis persuasio. 1608.
14. Videkindi, Historia belli sueco-moscovitici decennalis MDCLXXII.*
15. Warachtige ende eygentljcke Beschryvinge van de wonderbare seer gedenckwerdighe geschiedenissen die in Moscovia zijn vorgevallen in den naest voorleden ende in den tegenwoordighen jare 1606 etc. door een geloofwerdich Coopman die doen ter tijdt aldaer teghenwoordich was. MDCVI. (Переводъ; см. № 98.)*
16. Wassenberg, Historia gestorum Vladislai IV, 1643.

17. Wiadomości o krwawéj i okrutnéj rzezi w mieście Moskwie i okropny a żałośny koniec Dymitra W. X. i Cara Moskiewskiego przez Hollendra na onczas w Moskwie bawiącego etc. 1851. (Польскій варіантъ къ № 98, съ прибавленіями.)*
18. Gratiani, De Joanne Heraclide despota Valachorum principe libri tres. 1759.*
19. Grevenbruch, Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii qui nuper apud Ruthenos imperium tenuit narratio ex fide dignis scriptis et litteris excerpta. 1608.*
20. Historyä Dmytra fałszywego. (О втор. самозв. Польск. Рукоп. И. П. Библ. № 32.)*
21. Historica Russiæ monumenta ex antiquis exterorum gentium archivis et bibliothecis derempta, t. I. 1842.**
22. Два хронографа, принадл. Карамзину, нынѣ находящіеся въ Археографической Коммиссіи. (Рукопись.)**
23. Дворцовые разряды. Т. I и II. 1851.**
24. Дополненія къ актамъ историческимъ, т. I. 1851.**
25. Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго, Голикова. I, II. 1790.**
26. Древняя Россійская Вивліоѳика. Томы VII, XII, XIII, XV и XX. 1788—1791.**
27. D'Alessandro Cilli, Historia di Moscovia. 1627.
28. Danckaer, Beschrywinge van Moscowien oft Rusland. 1615.*
29. Del conte Maiolino Bisaccioni il Demetrio Moscovita. Historia tragica. 1643.
30. De Thou, Historiarum sui temporis usque ad annum 1607. Французскій переводъ: Histoire universelle depuis 1643 jusque l'an 1607. MDCCXXXIV. liv. CXXXIV.*
31. Dzieie Marsa krwawego y sprawy odważne rycerskie przez Wielm. Pana JM. Pana Piotra Sapiehę starostę uświackiego w monarchyi Moskiewskiey od roku 1608 aż do roku 1612 sławnie odprawowane. (Рукопись.)*
32. Dyariusz spisany przez JM. Pana Stanisława Niemojewskiego podstolego koronnego drogi i różnych przypadków pociesznych i żałośnych prowadząc córkę JW. JM. Pana Jerzego Mniszka wojewody Sendomierskiego pannę Marynę poszlubioną małżonkę W. Kniaziowi Moskiewskiemu Dymitrowi Iwanowiczowi, przybycie do Moskwy, koronacya, bankiety festyny, wreszcie niefortunna śmierć W. Kniazia, przez tegoż naocznego świadka opisana. Anno Domini 1606. (Рукопись. Отрывокъ изъ нея былъ помѣщенъ въ львовской газетѣ Wieniec. 1862.)**
33. Drei merkliche Relationes: erste von der Victori Sigismundi III des grossmächtigen Königs in Poln und Schweden so Ihr. Majest. über der Moscoviter vermainten unüberwindliche Vestung Smolenzko erhalten und mit stürmender Hand erobert den 13 Juni des 1611 Jahrs. 1611.*

34. Elias Herekmans, Eeen Historischen Verhael van de vornaemste berverten des keyserrycks van Russia ontstaen door den Demetrium Ivanovits die deu valschen Demetrius t'onrecht genaempt wert. (Издается въ настоящее время Археографическою Коммиссіею.)
35. Esame critico con documenti inediti, della storia di Demetrio di Ivan Wasilevitsch. ed. Ciampi. 1827.*
36. Житіе преподобнаго Діонисія. (Рукопись.)**
37. Żabczyca, Żegnanie ojczyzny Możney Cesarzowey Moskiewskiey. 1606. (Стихами.)
38. Żabczyca, Mars Moskiewski krwawy. 1606. (Стихотворное описаніе похода Димитрія въ Москву 1604—1605 гг.)**
39. Żabczyca, Posel Moskiewski. 1606. (Стихотворное описаніе посольства Аѳанасія Васильева.)**
40. Życie Lwa Sapiehy. 1837.*
41. Исторія государства Россійскаго, Н. Карамзина. Томы X, XI и XII. (Въ примѣчаніяхъ, выписки изъ разныхъ источниковъ.)**
42. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева. Т. VIII. 1856. (Есть выписки изъ современныхъ актовъ.)**
43. Исторія Смутнаго Времени, Д. Бутурлина. 3 ч. 1839. (Въ примѣчаніяхъ современные акты.)**
44. Isaaci Massae Chronicon, Een cort verhael van begin en oorspronck deser tegenwoordige oorloogen en troeblen in Moscovia, totten jare 1610 int cort overlopen ondert gouvernement van diverse vorsten aldaer. (Издается въ настоящее время Археографическою Коммиссіею.)**
45. Inno Petricii, Historiæ Moschoviticæ.*
46. Kaspra Niesieckiego, Korona Polska. 4 t. 1728.*
47. Kobierzycki, Historia Vladislai Poloniæ et Sueciæ principis etc. usque ad excessum Sigismundi III Poloniæ Sueciæque regis. 1656.**
48. Kognowickiego, Życia Sapiehów. 3 t. 1790.
49. Krajewsky, Chronologia woyny Moskiewskiey. 1613. (Стихотворное описаніе военныхъ дѣйствій.)**
50. Krótkie a prawdziwe opisanie wzięcia Smoleńska przedniejszego zamku państwa Siewierskiego. 1611.*
51. Лѣтопись о многихъ мятежахъ. 1788.**
52. Legende de la vie et de la mort de Demetrius l'imposteur, imprimé à Amsterdam en 1606. Reimprimé en 1839 (Варіантъ къ № 98.)
53. Московскаго Гл. Архива Ин. Д. Дѣла Польскія № 26 (рукопись.)**
54. — — № 27 (рукопись.)**
55. — — № 30 (рукопись.)**
56. Московская рѣзня. (Русскій переводъ франц. изд. въ Парижѣ см. № 83.)*
57. Margeret, Estat de l'Empire de Russie et grand Duché de Moscovie, avec ce qui s'y est passé de plus memorable et tragique

pendant le règne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590 jusques en l'an 1606 en septembre. MDCLXIX. Reimprimé à en 1855.**

58. Marchockiego, Historya wojny Moskiewskiey. 1841.**
59. Milton, A brief History of Moscovia. 1682.*
60. Narratio brevis eorum, quæ solemni apparatu acta sunt Romæ a natione Polona ob insignem victoriam ex Moschis partam a serenissimo rege Sigism. III et ob Moscoviam universam in ipsius potestatem reductam. MDCXI.
61. Naruszewicza, Historia Jana Karola Chodkiewicza. 2 t. 1837.*
62. Neue Zeitung auss der Moscau von den sonderbaren practicken der Jesuiten und Ihrem auffgeworffenen vermeinten Grossfürsten Demetrius was és für ein Ende genommen. Neben einem Lateinischen Schreiben. 1606.*
63. Niemcewicza, Dzieje panowania Zygmunta III, 3 t. 1836. (Въ приложеніяхъ, современные акты.)**
64. Nowakowski, Zródła do dziejów Polskich. 1841.
65. Nowiny z Moskwy od Jana Wisłoucha. (Рукопись, заключающая дневникъ похода Димитрія въ 1604—1605 г.)*
66. Отрывки изъ лѣтописи, напечатанные г. Мельниковымъ въ Отечественныхъ Запискахъ. Т. XXIX.*
67. Orzelskiego, Bezkrólewia ksiąg ośmioro. 3 t. 1858.*
68. Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи. 1851. т. I.*
69. Подлинныя свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши, Муханова. 1834.*
70. Псковская лѣтопись. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. IV, 1848.**
71. Paprocki, Pharus Sarmatica etc. 1633.
72. Pauli Piasecii Episcopi Præmisliensis Chronica gestorum in Europa singularium accurate ac fideliter conscripta ad annum Christi MDCXLIII. 1645.*
73. Pieśń o tyraństwie Szujskiego. 1609.*
74. Pisma Stanisława Żołkiewskiego, wydał August Bielowski. 1861.**
75. Poselstwo do Króla P. M. y do Pana Hetmana y do Ich MM. PP. Senatorów y do wszystkiego wobec rycerstwa pod Smoleńskem w obozie będącego od sławnego rycerstwa z wojska Cara Dymitra y respons na tę poselstwo. 1610.**
76. Process powodzenia Dmitra Iwanowicza teraźniejszego Cara Moskiewskiego. (Рукопись.)**
77. Рукопись Филарета митрополита московскаго и всея Россіи. 1839.*
78. Русская лѣтопись по Никоновскому списку, т. VIII. 1792.**
79. Raczyński, Poselstwo od Zygmunta III do Dymitra Iwanowicza cara moskiewskiego. 1837.**
80. Reingoldi Heidensteini Rerum Poloniarum ab excessu Sigismundi Augusti Libri XII. MDCLXXII.*

81. Relazione dell' accquisto et presa della citta et fortezza di Smolenscho in Moscovia. 1611.**
82. Rerum Rossicarum scriptores exteri a collegio archeographico editi. T. I a) Bussov, Relatio, das ist Summarische Erzählung. b) Petri Petreji de Erlesunda, Historien und Bericht von dem Grossfürstentum Muschkow. 1856.*
83. Recit du sanglant et terrible massacre arrivé dans la ville de Moscou. 1859. (Французскій варіантъ англійскаго подлинника; см. № 98).*
84. Сборникъ Муханова. 1836.**
85. Сказаніе объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ Поляковъ и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ, сочиненное онаго же Троицкаго монастыря келаремъ Авраамiемъ Палицынымъ. 1822.*
86. Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ. 5 т. 1834 (Переводы: въ 1-мъ томѣ, Хроники Буссова; во 2-мъ, Записокъ Паэрлэ (Hans Georg Peyerle), аугсбургскаго купца, бывшаго въ Москвѣ въ 1606—1608 гг.; въ 3-мъ, Маржерета и Дету; въ 4-мъ, Дневники Марины Мнишекъ и польскихъ пословъ, помѣщенные подлинникомъ въ Hist. Russ. mon.; и въ 5-мъ, Памятниковъ Маскевича). Изд. Н. Устрялова.**
87. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. 1819. т. II.**
88. Samuela Bielskiego, Diariusz roku 1609. Изд. 1848.*
89. Samuela Maszkiewieza pamiętniki. 1838.*
90. Sir Thomas Smithes. Voyage and entertainement in Ruschia. London, 1605.*
91. Skargi. Na moskiewskie zwycięstwo kazanie. 1611.
92. Stanisława Borszy wyprawa Cara Moskiewskiego Dymitra do Moskwy z Jerzym Mniszkiem. (Рукоп. библ. генер. штаба.)*
93. Stanislai Lubieński episcopi Plocensis opera posthuma historica. MDCXLIII.*
94. Supplementum ad Historica Russiæ monumenta. 1848.**
95. Три записки временъ Лжедимитрія, изданныя по спискамъ Императорской Публичной Библіотеки. 1862.
96. Tragœdia Demetrico-Moscovitica. Исторія достопамятныхъ происшествій, случившихся съ Лжедимитріемъ, и о взятіи Шведами Великаго Новгорода, сочиненіе Матвѣя Шаума. 1614. Изд. 1847.*
97. The Russian Impostor or the History of Muscoviae under the usurpation of Boris and the imposture of Demetrius. MDCLXXIV.
98. The report of a bloody and terrible massacre in the city of Mosco. 1607. (Оригиналъ для №№ 15, 17, 52 и 83.)*
99. Хронографъ, напечатанный г. Мельниковымъ отрывками въ Москвитянинѣ. 1850. Ноябрь.*
100. Chlebowski, Zwycięstwo N. Monarchy Zygmunta III. 1611.

101. Chlebowski, Tryumf radośny wszystkich obywatelów koronnych i W. X. L. z sławnego zwycięstwa N. Monarchy Zygmunta III. 1611.

102. Четыре сказанія о Лжедимитріѣ, извлеченныя изъ рукописей Императорской Публичной библіотеки. 1863.*

103. Чтенія Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей. 1847, № 9. (Сказаніе еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ.)

104. Ciampi, Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell' Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali. 3 v. 1834—1842.*

105. Ciampi, Notizie dei Secoli XV e XVI sulla Italia, Polonia e Russia. 1833.*

106. Щербатова, Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ. T. VII. 1791. (Современныя грамоты.)

Сверхъ того, авторъ пользовался разными актами, письмами и замѣтками, найденными имъ въ разныхъ русскихъ, польскихъ и латинскихъ рукописяхъ, хранящихся въ:

1) Императорской Публичной Библіотекѣ;

2) Литовской Метрикѣ при Правительствующемъ Сенатѣ;

3) Московскомъ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ;

4) Библіотекѣ Красинскихъ въ Варшавѣ;

5) Библіотекѣ Потоцкихъ въ Виляновѣ;

6) Библіотекѣ Главнаго Штаба;

7) Румянцевскомъ Музеѣ, нынѣ Московской Публичной Библіотекѣ;

8) Библіотекѣ Археографической Коммиссіи.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Въ сентябрѣ 1580 года, у московскаго царя Ивана Васильевича въ Александровской слободѣ была свадьба: царь женился на дочери боярина своего Θедора Θедоровича Нагого, Марьѣ Θедоровнѣ. Это былъ, какъ показываютъ хронографы, осьмой бракъ царя; но что было запрещено и дѣлало соблазнъ для другихъ, царю Ивану Васильевичу было позволительно. Неизвѣстно, спрашивалъ ли онъ на этотъ бракъ особаго разрѣшенія церкви; но оно было даваемо ему прежде. Недозволительно было церковью — въ четвертый, и въ шестой, и въ осьмой разъ вступать въ супружество; если же соборъ дозволилъ ему, не въ примѣръ другимъ, жениться въ четвертый разъ, то онъ самъ послѣ того могъ успокоивать свою совѣсть, разрѣшая себѣ и въ осьмой. Свадебное празднество совершалось со всѣми надлежащими обрядами того времени. Роли свадебныхъ чиновъ были розданы такъ, что вышло какъ-то знаменательно и странно: посаженымъ отцомъ царя былъ его сынъ Θедоръ, а невѣстка Ирина Θедоровна — посаженой матерью; другой сынъ, Иванъ Ивановичъ, былъ у него тысяцкимъ; дружками были: со стороны жениха, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, со стороны невѣсты, Борисъ Годуновъ, — оба будущіе цари Московскіе.

Бракосочетаніе царя съ дѣвицею изъ дома Нагихъ должно было возвысить эту фамилію. Дядя новой царицы, Аѳанасій, былъ человѣкъ извѣстный своимъ долговременнымъ пребываніемъ въ Крыму въ качествѣ посла московскаго. Эта возвышающаяся фамилія встрѣтила соперничество въ Годуновѣ. Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, татаринъ по происхожденію, женатый на дочери царскаго любимца Малюты Скуратова, братъ жены царевича Ѳедора, уже въ послѣдніе годы царствованія Грознаго дѣлался однимъ изъ первыхъ людей около царя; уже зачиналось то могущество, которое его ожидало по смерти Ивана Васильевича. Нагіе стали ему на дорогѣ, и онъ тоже сталъ на дорогѣ Нагимъ. Разсказываютъ, когда царь Иванъ Васильевичъ убилъ желѣзнымъ жезломъ старшаго своего сына Ивана Ивановича, Борисъ хотѣлъ было защищать царевича и получилъ нѣсколько ударовъ отъ царя тѣмъ же желѣзнымъ жезломъ. Послѣ того онъ сидѣлъ въ своемъ домѣ за Неглинною и врачъ Строгоновъ дѣлалъ ему заволоки для нагноенія, на мѣстѣ удара. Ѳедоръ Нагой, отецъ царицы, воспользовался случаемъ и замѣтилъ царю, что Борисъ притворяется больнымъ и удаляется отъ царскихъ очей. Грозный царь самъ отправился въ домъ Бориса, но убѣдился, что тотъ дѣйствительно не выходитъ отъ болѣзни, самъ видѣлъ его заволоки и, въ наказаніе за оговоръ, приказалъ положить заволоки своему тестю, совершенно здоровому и не имѣвшему нужды въ заволокахъ. Вообще быть тестемъ или шуриномъ московскаго государя не было счастье: родственники одной изъ женъ его, Собакины, поплатились жизнію за эту честь.

Въ 1583 году, царь Иванъ вздумалъ–было жениться на англійской принцессѣ Маріи Гастингсъ. Когда отправленъ былъ въ Англію Ѳедоръ Писемскій, то въ наказѣ ему было написано: «если спросятъ: какъ же это царь сва-

тается, когда у него есть жена?»—то Писемскій долженъ отвѣчать: «она не царевна, не государскаго рода, неугодна ему, и онъ ее броситъ для королевской племянницы». Царю Ивану не впервые было распоряжаться такъ сурово съ своими женами. Три изъ предыдущихъ его женъ—Анна Колтовская, Анна Васильчикова и Василиса Мелентьева были заточены въ монастырь и должны были благодарить Бога за то, что царь оставилъ имъ жизнь. Не такъ легко раздѣлался онъ съ одною изъ нихъ, Марьею Долгорукою: жёнившись на ней 1573 г. ноября 11, онъ узналъ, что она еще прежде потеряла свое дѣвство, и на другой день послѣ свадьбы приказалъ *затиснуть* ее въ колымагу, повезти на борзыхъ коняхъ и опрокинуть въ воду. Подобные примѣры должны были указывать новой царицѣ, чего она могла ждать каждый день. Бѣдная царица была тогда беременна и 19 октября родила сына; нарекли его Дмитріемъ, а прямое имя ему, говоритъ лѣтописецъ *), Уаръ, потому что онъ родился въ день, когда празднуется память мученика Уара. Дошли объ этомъ слухи въ Лондонъ. «Смотрите», сказалъ Томасъ Рандольфъ русскому толмачу Елизару, «когда вы поѣхали, у государя былъ только одинъ сынъ, а теперь уже у него другой родился.» Θедоръ Писемскій, которому передали слова Рандольфа, отвѣтилъ: «пусть королева не вѣритъ ссорнымъ рѣчамъ, лихіе люди наговариваютъ, не хотятъ промежъ государя и королевы добраго дѣла видѣти.»

Не удалось Іоанну жениться на англичанкѣ: онъ умеръ 1584 года марта 17, и царица Марья, урожденная Нагая, осталась вдовою. На престолѣ московскаго государства долженъ былъ сѣсть слабоумный Θедоръ Ивановичъ. Отецъ сознавалъ, что онъ вовсе не способенъ къ правленію, и

*) Карамз. т. IX, примѣч. 741. Извѣстіе о Долгорукой изъ рукописи Императорской Публичной Библіотеки сообщено А. Θ. Бычковымъ.

учредилъ надъ нимъ опеку изъ пяти бояръ. Но такъ или иначе, а власть должна была перейти къ Борису Өедоровичу, брату царицы. Онъ былъ всѣхъ хитрѣе и умѣлъ прокладывать себѣ пути и избавиться отъ соперниковъ; прежде всѣхъ Нагіе понесли ударъ. Въ ночь, когда еще трупъ Ивана не былъ положенъ въ гробъ, арестовали Нагихъ и отдали за-приставы; взяли тогда же нѣсколькихъ ихъ сообщниковъ. Потомъ маленькаго Димитрія съ матерью удалили въ Угличъ, данный ему отъ отца въ удѣлъ; съ нимъ отправили туда всѣхъ Нагихъ. Царицѣ дали почетную прислугу: стольника, стряпчихъ, стрѣльцовъ; у Димитрія былъ свой дворъ. Такимъ образомъ, Нагихъ не было при московскомъ дворѣ, и отъ нихъ прежде всего избавился Годуновъ. Не такъ дешево расплатились ихъ сторонники: ихъ сослали, а имѣнія ихъ и вотчины побрали въ казну. Лѣтописецъ того времени приписываетъ Борису ссылку Нагихъ и ихъ союзниковъ. Онъ обвинялъ ихъ въ измѣнѣ, а въ чемъ именно — остается неизвѣстнымъ; но такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ малолѣтнаго Димитрія послали въ Угличъ, то кажется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что ихъ вина состояла въ намѣреніи овладѣть правленіемъ во имя маленькаго царевича. Впослѣдствіи разсказывали, будто царевичъ не доѣхалъ до Углича: предвидя, что Борисъ со временемъ его погубитъ, царственнаго ребенка подмѣнили другимъ ребенкомъ, увезли куда-то и воспитывали въ глубокой тайнѣ, тогда какъ всѣ думали, что въ Угличѣ ростетъ настоящій сынъ царя Ивана Грознаго.

Вслѣдъ за Нагими опала постигла одного изъ сильнѣйшихъ бояръ того времени, Богдана Бѣльскаго, которому покойный царь поручилъ въ опеку маленькаго Димитрія. Лѣтописцы наши повѣствуютъ, что въ Москвѣ открылся мятежъ; народъ требовалъ казни Бѣльскаго; подозрѣвали, что онъ извелъ царя Ивана и хочетъ извести Өедора. Его,

какъ бы въ угоду народу, сослали въ низовскіе края. Какъ ни темно, какъ ни сбивчиво представляется это событіе, но, по соображенію предшествовавшихъ обстоятельствъ съ послѣдующими, видно, что тогда шло дѣло о томъ, кому царствовать: слабоумному ли Θедору, на котораго не было надежды, чтобъ онъ поумнѣлъ, или малолѣтному Димитрію, который могъ быть умнымъ человѣкомъ, достигши зрѣлаго возраста. Возмущеніе предпринято было за права Θедора. Бѣльскій, конечно, долженъ былъ желать воцаренія Димитрія, потому что въ его малолѣтство правилъ бы государствомъ онъ, Бѣльскій, какъ назначенный самимъ отцомъ Димитрія, его опекунъ. Его виды и виды Бориса Годунова были противоположны; но Борисъ такъ ловко умѣлъ заслониться, что впослѣдствіи думали иные, будто Борисъ Годуновъ и Богданъ Бѣльскій были пріятели между собою. Вопросъ, кому царствовать — разрѣшился окончательно не прежде, какъ 4-го мая 1584 года, когда именитые люди изъ городовъ, собравшись въ Москвѣ, отъ имени всей земли подали Θедору челобитную и просили быть царемъ. Θедоръ короновался и по скудоумію тотчасъ же отдался Борису Годунову, своему шурину, всецѣло съ принадлежащею ему по рожденію и по избранію верховною властію.

Освободившись отъ Бѣльскаго, Годуновъ мало по малу избавился и отъ другихъ трехъ товарищей по управленію государствомъ, назначенныхъ царемъ Иваномъ. Опаснѣе всѣхъ казался ему Никита Романовичъ, братъ первой жены Ивана Васильевича Грознаго, добродѣтельной Анастасіи, которой память уважалъ народъ, какъ память святой. Его самого до того любили москвичи, что, во время бунта противъ Бѣльскаго, толпа боялась, чтобъ съ Романовымъ чего нибудь не сдѣлали бояре, насильно вытребовала его изъ Кремля, увела въ его собственный домъ и до самаго вѣнчанія царя Θедора берегла съ горячею любовію. Но судьба

скоро избавила отъ него Бориса. Въ томъ же году Никита Романовичъ былъ пораженъ параличемъ, лишился употребленія языка, а въ апрѣлѣ 1586 г. умеръ. Князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго обвинили въ томъ, будто онъ намѣревался зазвать къ себѣ Бориса и убить: его насильно постригли въ монахи. Оставался послѣдній товарищъ, Иванъ Петровичъ Шуйскій, человѣкъ сильный и родомъ, и собственными заслугами, памятный геройскою защитою Пскова противъ Баторія. Величіе Годунова становилось нетерпимо для многихъ. Составился заговоръ. Намѣревались подать Ѳедору челобитную, чтобъ онъ развелся съ безплодною сестрою Бориса и женился на княжнѣ Мстиславской, дочери насильно постриженнаго князя Ивана Ѳедоровича. Годуновъ заранѣе узналъ объ этомъ замыслѣ и уничтожилъ его. По его наущенію, слуга Шуйскихъ Ѳедоръ Старковъ подалъ на нихъ извѣтъ въ измѣнѣ; произвели розыскъ, какой угодно было Годунову, и Борисъ отдѣлался отъ своихъ враговъ. Кара постигла фамилію Шуйскихъ: двоихъ изъ нихъ, соправителя Борисова Ивана Петровича и Андрея Ивановича, сослали, а потомъ, какъ говорятъ, тайно умертвили; другихъ соучастниковъ, Татевыхъ, Колычевыхъ, Быкасовыхъ, Урусовыхъ отправили въ заточеніе; семерымъ купцамъ отрубили головы; митрополита Діонисія съ крутицкимъ архіепископомъ Варлаамомъ, не смотря на ихъ духовный санъ, неподлежавшій суду свѣтской власти, сослали въ монастыри, а на мѣсто митрополита посадили благопріятеля Борисова Іова, ростовскаго митрополита, который потомъ получилъ небывалый еще въ русскомъ мірѣ санъ патріарха; княжну Мстиславскую за то, что ее прочили царю въ невѣсты, заточили въ монастырь; одинъ изъ соучастниковъ заговора, Головинъ, ушелъ въ Польшу. Такъ побѣдилъ Борисъ враговъ своихъ и сталъ еще могущественнѣе.

Царь былъ бездѣтенъ и слабъ здоровьемъ почти такъ же,

какъ и умомъ. Борисъ былъ во цвѣтѣ лѣтъ. Никогда въ московскомъ государствѣ человѣкъ, не носившій вѣнца, не владѣлъ такими богатствами, не достигалъ такой силы и чести, какъ Борисъ. Царя Ѳедора знали только по имени. Съ однимъ Борисомъ имѣли дѣло иноземные послы; къ одному Борису обращались съ челобитными, когда ихъ слѣдовало подавать царской особѣ. Народъ падалъ передъ нимъ ницъ, когда онъ выѣзжалъ; челобитчики, когда онъ имъ говорилъ, что доложитъ о ихъ просьбѣ царю, осмѣливались говорить ему: «ты самъ нашъ государь милостивецъ, Борисъ Ѳедоровичъ; скажи только слово—и будетъ». Это не только проходило имъ даромъ, но еще доставляло Борису удовольствіе. Богатства его были чрезмѣрны; доходы его доходили до огромной по тогдашнему суммы 93,700 р. въ годъ. Кромѣ наслѣдственныхъ вотчинъ въ Вяземѣ и Дорогобужи, область Вага была ему отдана въ пользованіе, и онъ получалъ съ ней съ одной 32,000 р.; сверхъ того ему отданы были доходы со всѣхъ конюшенныхъ слободъ по званію конюшаго, которое онъ носилъ (12,000 р.); доходы Сѣверщины, Твери, Торжка (38,000); доходы съ пчельниковъ и пастбищъ въ окрестностяхъ столицы по обѣимъ сторонамъ Москвы рѣки; наконецъ, доходы съ бань и купаленъ въ самой столицѣ. За всѣми этими доходами, онъ еще каждый годъ получалъ отъ царя по 15,000 р. При такой обстановкѣ, естественно, Борису сталъ представляться престолъ. На той степени величія, на которую онъ взошелъ, нельзя было оставаться: тутъ не было средины,—либо тронъ, либо гибель. Его жена, честолюбивая и злая дочь злодѣя Малюты Скуратова, имѣвшая на мужа большое нравственное вліяніе, безпрестанно побуждала его къ возвышенію, подвигала и ободряла не останавливаться ни передъ какими средствами, успокоивала его совѣсть, когда она возмущалась. Чѣмъ выше онъ

становился, тѣмъ ярче представлялась ему опасность, тѣмъ настойчивѣе побуждала его жена преодолѣвать ее. Всякое новое вступленіе на престолъ началось бы погибелью и его, и его семейства; ему не простили бы прежняго, почти царскаго величія. Онъ долженъ былъ избавиться отъ такихъ лицъ, которыя могли имѣть право на престолъ послѣ смерти Ѳедора Ивановича.

Было два такихъ лица: первое — женщина съ дочерью; она называлась Марья Владимировна, была дочь двоюроднаго брата царя Ивана Васильевича, Владимира Андреевича, убитаго Иваномъ. Царь Иванъ отдалъ ее за датскаго принца Магнуса, возведеннаго имъ въ санъ ливонскаго короля. Послѣ раздѣленія Ливоніи и уничтоженія тѣни королевства, она жила въ Ригѣ полуплѣнницею поляковъ подъ надзоромъ кардинала Радзивилла, на ограниченномъ содержаніи. По прекращеніи царственной линіи съ бездѣтнымъ Ѳедоромъ, право престолонаслѣдія, не утвержденное на этотъ случай предупредительнымъ закономъ и потому зависѣвшее отъ избранія, могло легко въ народномъ понятіи перейти на нее и на ея дочь. По русскимъ извѣчнымъ понятіямъ женщина не исключалась отъ этого наслѣдства, особенно если не было мужскаго пола. Притомъ, еслибъ даже побоялись отдать правленіе женщинѣ, то легко выдать мать или дочь за какого нибудь князя рюрикова дома или за нѣмецкаго принца, который согласился бы принять греческую вѣру. Во всякомъ случаѣ, разумѣется, Марья Владимировна, по мужской линіи прямая правнука Великаго князя, властвовавшаго Москвою, имѣла больше права, чѣмъ Борисъ, который въ случаѣ прекращенія царственнаго дома могъ опереться на свойство съ прежними царями только потому, что сестра его была женою царя, а въ немъ самомъ не было ни капли крови прежнихъ царей. Въ августѣ 1585 года, Борисъ поручилъ

англичанину Жерому Горсею выманить ливонскую королеву съ дочерью въ Москву изъ Риги. Ловкій англичанинъ подделался къ кардиналу Радзивиллу и былъ допущенъ къ Марьѣ Владимировнѣ.—«Братъ вашъ, царь Ѳедоръ Ивановичъ», сказалъ Горсей, «узнавши, что вы съ дочерью вашей живете въ нуждѣ, желаетъ, чтобъ вы возвратились на родину и жили въ довольствѣ, сообразно вашему царственному рожденію; а протекторъ Борисъ Ѳедоровичъ, помня свою службу царю, обѣщаетъ вамъ стараться о томъ же».

— «Я не знаю васъ — отвѣтила Марья:—но вашъ видъ внушаетъ мнѣ довѣріе болѣе, чѣмъ сколько говоритъ мнѣ о васъ разсудокъ. Меня держатъ здѣсь какъ плѣнницу, на скудномъ содержаніи: я получаю тысячу талеровъ въ годъ. Я бы рада была отсюда выбраться; но меня смущаютъ нѣкоторыя обстоятельства: во первыхъ, трудно убѣжать, король и паны берегутъ меня здѣсь, чтобъ извлечь какую нибудь пользу изъ моего происхожденія и крови; во вторыхъ, я знаю московскіе обычаи, знаю, какъ тамъ поступаютъ со вдовами-царицами: меня запрутъ въ монастырь, а это будетъ мнѣ хуже смерти».

— «Теперь другія времена настали—сказалъ Горсей:—теперь не принудятъ къ тому вдовы, если у нея есть дѣти, которыхъ нужно воспитывать».

Горсей далъ ей тысячу угорскихъ червонцевъ и еще обѣщалъ дать; и онъ такъ настроилъ бѣдную королеву, что она совершенно ему довѣрилась. По приказанію Бориса, разставлены были лошади по дорогѣ отъ Москвы до границы Ливоніи. Королева съ дочерью ускользнули изъ Риги; ихъ повезли быстро въ Москву. Сначала съ Марьею Владимировною обходились хорошо: дали ей земель, денегъ, прислугу; но черезъ нѣсколько времени Борисъ, поступавшій по произволу, именемъ царя, ничего не знавшаго о

томъ, что его именемъ дѣлаютъ, разлучилъ ее съ дочерью и заточилъ въ Пятницкій монастырь близъ Троицы. Въ 1589 году, маленькую дочь ея похоронили съ честью, какъ королевну, у Троицы. Смерть ея всѣ принимали за неестественную. Много лѣтъ протомилась въ скучномъ заключеніи несчастная королева, вспоминала Ригу и проклинала англичанина, которому такъ неосторожно довѣрилась *).

Борисъ избавился отъ Марьи и ея дочери; его безпокоилъ ребенокъ Димитрій. Правда, онъ рожденъ былъ отъ осьмой жены: по уставамъ церкви, такой бракъ былъ незаконнымъ, слѣдовательно и сынъ, рожденный отъ такого брака, не былъ законнымъ; онъ не могъ бы, казалось, быть претендентомъ на престолъ и пугать Бориса. Сначала Борисъ думалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и запретилъ молиться о немъ въ церквахъ. Сверхъ того, по приказанію Бориса, распространяли съ умысломъ слухъ, что царевичъ злаго нрава, съ удовольствіемъ смотритъ, какъ рѣжутъ барановъ. Еще дитятею онъ любилъ кровь и животныхъ; внушалось опасеніе, что такой вкусъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ перейдетъ и на людей **). Но скоро Борисъ увидалъ, что этимъ не достигнешь цѣли; не возможно было убѣдить московскій народъ въ томъ, что царевичъ незаконнорожденный и потому не можетъ быть на престолѣ: для московскихъ людей онъ все-таки былъ сынъ царя, кровь его и плоть. Царь въ народномъ воззрѣніи былъ существо выше обыкновенныхъ человѣческихъ существъ; что не дозволялось другимъ, то прощалось царю; нельзя было подвергать осужденію поступковъ царя. Видно, что русскій народъ признавалъ за Димитріемъ право царствовать, когда впослѣдствіи имя этого царевича, принимаемое многими удальцами, увлекало за собою народъ.

*) Horsey, 204.—Fleth. 22.

**) Fletch. 22.

Нельзя было испугать русскихъ, привыкшихъ къ долгому царствованію Ивана Васильевича, разсказами о злонравіи отрока Димитрія. По народному воззрѣнію, дурной царь посылается Богомъ народу въ наказаніе за грѣхи; тогда ничего другаго не остается, какъ только сносить съ терпѣніемъ божью кару и молить Бога о помилованіи. Конечно, Борисъ, попытавшись такъ и сякъ отстранить Димитрія отъ будущаго воцаренія, убѣдился, что нельзя вооружить противъ него русскихъ; а между тѣмъ Нагіе, удаленные въ Угличъ, злобствовали противъ Бориса и съ малолѣтства настраивали Димитрія враждебно къ нему. Дитя повторяло то, что ему твердили родственники и мать; дитя жаловалось, что братъ удалилъ его, что не пускаютъ его въ Москву, а всему виною Борисъ,—онъ его лютый врагъ. Выросъ бы Димитрій,—выросла бы у него и злоба къ Годуновымъ. Ѳедоръ былъ слабъ здоровьемъ и могъ скоро умереть; провозгласили бы царемъ Димитрія, Нагіе захватили бы власть,—и было бы ихъ первымъ дѣломъ погубить Бориса и съ его семьей, и съ родней... Не было для Бориса другаго выхода: либо Димитрія сгубить, или самому со дня на день ждать гибели. Человѣкъ этотъ уже привыкъ не останавливаться передъ выборомъ средствъ.

Были у Бориса люди преданные, готовые за него на все. Такимъ былъ Андрей Клешнинъ. Этотъ человѣкъ поручилъ вниманію правителя одного дьяка, по имени Михайла Битяговскаго. Борисъ назначилъ Битяговскаго главнымъ надзирателемъ надъ домостроительствомъ царевича въ Угличѣ; съ нимъ поѣхали сынъ Михайловъ Данило, Никита Качаловъ и Данило Третьяковъ. Царица боялась, что эти новопріѣзжіе затѣмъ и прибыли, чтобъ извести царевича. Братья царицы, Михаило и Григорій Нагіе, ссорились съ Битяговскимъ; онъ у нихъ власть отнималъ. Нагіе жаловались, что имъ не выдаютъ содержанія, требовали отъ Битягов-

скаго прибавки, тотъ имъ отказывалъ,—и вообще эти пріѣзжіе стали не въ дружескія отношенія съ царицею и съ ея родными.

17 мая 1591 г., пришло въ Москву извѣстіе, что 15 мая царевичъ Димитрій погибъ насильственною смертію... Ѳеодоръ, услышавъ о смерти брата, расплакался. Говорятъ, что онъ самъ хотѣлъ ѣхать въ Угличъ, но Борисъ отговорилъ его, увѣривши, что тамъ свирѣпствуетъ заразительная болѣзнь *). Борисъ отправилъ на слѣдствіе князя Василья Ивановича Шуйскаго, дьяка Андрея Клешнина и дьяка Вылузгина. Выборъ Шуйскаго, казалось, былъ никакъ не въ пользу Бориса: Шуйскіе были съ нимъ во враждѣ, родственники ихъ были сосланы, задушены. Но за то братъ Василія, Димитрій, былъ въ свойствѣ съ Борисомъ: жена Димитрія была родная сестра Борисовой жены, и эта связь была причиною, что Борисъ щадилъ и приближалъ къ себѣ одну вѣтвь рода Шуйскихъ, состоявшую изъ трехъ братьевъ, но все-таки побаивался ихъ и недопускалъ обоихъ братьевъ Димитрія жениться. Василій не могъ бы, казалось, быть доброжелателемъ Борису. Однако онъ произвелъ слѣдствіе совершенно въ угоду Борису, и изъ дошедшаго до насъ слѣдственнаго дѣла объ этомъ событіи, оно представляется въ такомъ видѣ:

15-го мая 1591 года, послѣ обѣдни, часу въ двѣнадцатомъ утра, зазвонилъ въ Углицкой Спасской церкви, находившейся въ земляномъ городѣ, сторожъ Максимъ Кузнецовъ. На этотъ звонъ прибѣжалъ первымъ пономарь другой церкви, царя Константина, вдовый попъ, по прозвищу Огурецъ. На встрѣчу ему бѣжитъ стряпчій кормоваго дворца Суббота Протопоповъ. Увидя Огурца, онъ закричалъ: «царевича не стало! Царица велѣла звонить». Огурецъ при-

*) Grevenbruch, 10.

нялся усердно звонить въ набатъ. Звонъ переполошилъ весь Угличъ, толпы народа посыпали въ Углицкій Кремль; не знали, что значитъ этотъ звонъ, и сперва думали, что пожаръ; бѣжали съ рогатинами, дубинами, топорами. Тутъ раздался крикъ: «царевичъ зарѣзанъ!» На заднемъ дворѣ кормилица *Орина* Жданова держала мертваго ребенка; царица Марья въ неистовствѣ колотила полѣномъ мамку царевича Василису Волохову. По ея приказанію, посадскіе схватили эту женщину, сбили съ нея волосникъ и опростоволосили. Это считалось крайнимъ безчестіемъ и поруганіемъ женщинѣ. Царица и ея братья кричали всенародно, что царевича зарѣзали сынъ этой мамки, Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ и Битяговскіе. Народъ безъ дальнихъ размышленій бросился убивать тѣхъ, на кого ему указывали. Заперли ворота, чтобъ никто не ушелъ со двора. Михайла Битяговскаго не было тогда во дворѣ: онъ обѣдалъ у себя дома съ попомъ Богданомъ и, какъ показывалъ этотъ попъ, сынъ Битяговскаго былъ тогда съ ними же. Битяговскій услышалъ звонъ, побѣжалъ ко двору, но ворота у двора были заперты. Одинъ изъ дворцовыхъ служителей, сытникъ Кирило Моховиковъ, бросился отворять Битяговскому. Только что вошелъ Битяговскій, народъ бросился на него. Онъ пустился бѣжать въ брусяную избу. Данило Третьяковъ примкнулъ къ нему и побѣжалъ туда же. Толпа погналась за ними. Михайло Нагой подстрекалъ народъ убить Битяговскаго. Битяговскій, чтобъ обратить злобу толпы на своего врага, кричалъ, что «Нагой добываетъ вѣдуновъ на государя и государыню». Послушали тогда Нагого, убили Битяговскаго и Третьякова... Потомъ узнали, что другіе, обвиняемые царицею и ея братьями, Никита Качаловъ и сынъ Битяговскаго Данило спрятались въ разрядную избу; ворвались туда и убили ихъ; перебили людей Волоховой. При этой свалкѣ погибли и какіе-то посадскіе,

неизвѣстно за что и по какому побужденію. Царица кричала, чтобъ ловили еще одного убійцу, Осипа Волохова, сына мамки; но его не нашли скоро: онъ убѣжалъ къ женѣ Битяговскаго, и тамъ его спрятали. Тѣло зарѣзаннаго ребенка понесли въ церковь Спаса; за нимъ пошла мать. Тутъ поймали Осипа Волохова и притащили въ церковь предъ царицу; за нимъ вели жену и дѣтей Битяговскаго. Царица закричала: «вотъ убійца царевичевъ!» Народъ убилъ его въ церкви: не дали ему проговорить ни слова въ оправданіе. Разсвирѣпѣвшая толпа хотѣла растерзать и жену, и дочерей Битяговскаго, но ихъ спасли духовные: архимандритъ Өеодоритъ и игуменъ Савватій. Василису Волохову, сильно избитую, посадили подъ караулъ.

Черезъ два дня, по наговору царицы, схватили юродивую жонку, которая жила у Михайла Битяговскаго и хаживала къ Андрею Нагому. Царица обвиняла ее, будто она портила царевича, и велѣла убить ее...

Слѣдствіе указываетъ, что нѣкоторыя снятыя Шуйскимъ показанія были даны людьми въ качествѣ свидѣтелей смерти царевича. При этомъ событіи были: мамка Волохова, кормилица Ирина Жданова, постельница Марья Самойлова и четыре мальчика жильца, сверстники царевича, постоянно съ нимъ игравшіе. Всѣ они въ одинъ голосъ объявили, что царевичъ игралъ со сверстниками въ тычку ножемъ и зарѣзался въ припадкѣ чернаго недуга (падучей). Что царевичъ былъ подверженъ такимъ припадкамъ и дѣлался въ то время неистовъ и золъ, подтверждалось свидѣтельствомъ родственника царицы, Андрея Александровича Нагого: онъ показалъ, согласно съ мамкою Волоховой, что въ прошедшій постъ царевичъ у его дочери объѣлъ руки и также бросался и кусалъ жильцовъ и постельницъ. Изъ прочихъ лицъ, не бывшихъ при событіи, многіе согласно показывали, что царевичъ зарѣзался самъ. Одинъ изъ братьевъ

царицы, Григорій Нагой, показалъ, что царевичъ самъ зарѣзался; другой братъ ея, Михайло Нагой, показывалъ, что царевича зарѣзали Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ и Данило Битяговскій; но самъ онъ не видалъ этого событія. Оба Нагіе запирались въ томъ, что послѣ смерти царевича велѣли убивать кого нибудь по подозрѣнію; царицы не спросили; и тѣхъ, которые перебили людей, оговоренныхъ Нагими, не спрашивали.

По возвращеніи слѣдователей, дѣло представлено было отъ имени государя на обужденіе духовенства: патріарха и освященнаго собора. Тутъ митрополитъ сарскій и подонскій подалъ извѣтъ, будто царица Марья сознавалась, что убійство Битяговскаго было дѣло грѣшное, виноватое, и просила довести до государя челобитье о царскомъ милосердіи къ ея братьямъ, которыхъ она именовала бѣдными червями.

Соборъ разсудилъ, что Михайло и Григорій Нагіе и углицкіе посадскіе люди виновны въ измѣнѣ противъ царскаго величества; царевича Димитрія постигла смерть божіимъ судомъ, а они велѣли побить напрасно людей, которые стояли за правду, а это все произошло отъ того, что Михайло Нагой бранился съ Битяговскимъ за то, что Нагой держалъ у себя вѣдуна Молчанова и другихъ. Нагіе и мужики угличане достойны всякаго наказанія. Но какъ это дѣло земское, градское, а не церковное, то благочестивые духовные сановники предаютъ его въ волю Бога и государя, полагая въ царскую руку и казнь, и опалу, и милость.

Борисъ сдѣлалъ примѣрное наказаніе всѣмъ, которые осмѣливались говорить, будто царевичъ зарѣзанъ, и бросать подозрѣніе на него. Царицу Марью сослали въ Судинъ монастырь на Выксѣ (въ 20 верстахъ отъ Череповца) и постригли; Нагихъ разослали по городамъ въ ссылку;

казнили угличанъ, которые оказывались виновными въ мятежѣ: инымъ порубили головы, другихъ утопили, инымъ рѣзали языки, и наконецъ всѣхъ жителей Углича перевели въ Сибирь и населили ими г. Пелымъ. Даже колоколъ, въ который звонили, сослали въ Сибирь *).

Несмотря, что все было, какъ говорится, шито и крыто, общее подозрѣніе обвиняло Бориса: русскіе говорили на него, иностранцы слышали это отъ русскихъ и повторяли, что царевичъ убитъ по приказу правителя. Говорили, будто Борисъ прежде пытался отравить его, но ядъ не подѣйствовалъ на младенца: чудотворнымъ образомъ онъ спасенъ былъ. Въ Русскомъ Лѣтописцѣ разсказывается (конечно, какъ говорили въ то время вездѣ), что царевича убили такимъ образомъ:

Въ хоромахъ трудно было убить царевича: мать при немъ неотлучно находилась, подозрѣвая, что есть злой умыселъ на дитя. Наконецъ 15-го мая, злая мамка успѣла вывести его на нижнее крыльцо; тутъ стояли убійцы: Битяговскій, Качаловъ и Волоховъ. (Лѣтопись называетъ неправильно Качалова Миколай, когда онъ былъ Никита; Волохову, который звался Осипомъ, дается имя Данила, и неправильно помѣщается здѣсь Битяговскій, который ни въ какомъ случаѣ не былъ при событіи). Волоховъ, взявъ за руку Димитрія, сказалъ ему: «у тебя, государь, на шеѣ новое ожерелье». Ребенокъ поднялъ головку, указалъ пальцами на ожерелье и сказалъ: «нѣтъ, старое!» Тогда Волоховъ ударилъ его ножемъ по шеѣ, и не могъ сразу зарѣзать, только ранилъ. Кормилица съ крикомъ бросилась на него, а Битяговскій и Качаловъ стащили съ него кормилицу и ударили такъ, что она чуть души не отдала; по-

*) Никон. лѣт. VII, 19. — Нов. лѣт. 35. — По Петрею и по Буссову, въ Угличѣ дѣлалось тоже.

томъ зарѣзали царевича и убѣжали. Такъ разсказывали въ Москвѣ, разумѣется, шопотомъ, а оффиціально не смѣли иначе говорить, какъ имъ указывало правительство.

Въ одномъ старинномъ извѣстіи *) разсказывается это событіе такимъ образомъ:

Въ этотъ день царевичъ, вставъ поутру, чувствовалъ себя нездоровымъ: *голова у него съ плечъ покатилася*; въ четвертомъ часу дня (то-есть, въ десятомъ утра) пошелъ къ обѣднѣ, гдѣ послѣ евангелія старецъ Кирилловскаго монастыря поднесъ ему образа. Пришедши въ хоромы, царевичъ перемѣнилъ платьицо; на ту пору вошли съ кушаньемъ; постлали скатерть; священникъ принесъ богородицынъ хлѣбъ: царевичъ всякій день вкушалъ богородицына хлѣба. Послѣ обѣда онъ попросилъ напиться и пошелъ гулять съ кормилицей. Это было въ седьмомъ часу дня (въ первомъ часу). Когда они дошли до церкви царя Константина, Никита Качаловъ и Данило Битяговскій, подошедши, ударили палкой кормилицу такъ, что она, испуганная и ушибенная, упала на землю; тогда они бросились на царевича, перерѣзали ему горло, а сами стали кричать, какъ будто царевичъ самъ зарѣзался. На крикъ выбѣжала мать; убійцы ничего не могли сказать, только глядѣли. Дядей Нагихъ не было здѣсь: они обѣдали у себя. Царица приказала ударить въ колокола; народъ, услышавши набатный звонъ, сбѣжался. Царица была уже въ церкви Преображенія, держала мертваго сына и съ воплемъ кричала, чтобъ убили злодѣевъ. Народъ побилъ ихъ каменьями.

Изъ разсказа англичанина Жерома Горсея, находившагося тогда въ ссылкѣ въ Ярославлѣ **), узнаемъ мы, что

---

*) Погод. Сборн. № 31.

**) Bond, Russia at the close of the sixteenth century. 1856. Travels of sir Jerom Gorseu. 254.

братъ царицы, Аѳанасій Нагой, въ полночь послѣ роковаго дня, прискакалъ въ Ярославль прямо къ мѣсту помѣщенія Горсея, своего прежняго знакомца, и началъ стучаться въ ворота. Горсей вышелъ къ нему, и Нагой объявилъ, что Димитрію *дьяки* перерѣзали горло около шести часовъ (дня); нѣкоторые изъ ихъ слугъ, принужденные истязаніями, объявили, что на это злодѣяніе подучилъ ихъ Борисъ Годуновъ. Нагой извѣщалъ, что царица Марѳа отравлена или испорчена, и просилъ поскорѣе дать какое нибудь средство. Вѣроятно, матери, отъ потрясенія, произведеннаго смертью сына, стало дурно; это, по обычаю, объяснено было порчею, и брату ея было естественно обратиться къ иноземцу и попросить у него какой нибудь заморской хитрости. Горсей далъ ему какой-то бальзамъ. Поутру англичанинъ узналъ, что уже весь городъ толкуетъ о смерти царевича и приписываетъ ее Борису. Сказаніе англичанина достойно вѣроятія, тѣмъ болѣе, что Аѳанасій Нагой не значится спрошеннымъ по сыску и слѣдовательно не былъ въ Угличѣ. Но, при всѣхъ извѣстіяхъ, и русскихъ, и иностранныхъ, событіе это остается темнымъ для исторіи.

Вѣрно только, что Борисъ считалъ себя уже избавленнымъ отъ страшнѣйшаго врага въ будущемъ. Царскій вѣнецъ мерещился ему и на яву, и во снѣ. Наружно набожный, онъ въ то же время не боялся прибѣгать къ волшебству, собиралъ волхвовъ изъ русскихъ и звѣздословов изъ иноземцевъ, спрашивалъ о своей будущности. Гадатели, видя, что ему хочется быть царемъ, прислуживались къ нему и говорили: «ты въ царскую звѣзду родился и будешь царь въ великой Россіи *).

---

*) Погод. № 1456.

II.

Прошло еще семь лѣтъ. Борисъ продолжалъ пребывать въ силѣ; онъ умѣлъ преклонить на свою сторону духовенство. Глава духовенства, возведенный имъ въ санъ патріарха, Іовъ, былъ его вѣрнымъ слугою. Кажется, и самое учрежденіе патріаршества соединялось у Бориса съ дальнѣйшими планами воцаренія. Патріархъ облеченъ былъ властію и значеніемъ выше, чѣмъ прежніе митрополиты. Санъ патріаршій для русскихъ имѣлъ обаяніе новизны. Прежде они знали объ этомъ санѣ только въ отдаленіи; слышали, что на востокѣ есть патріархи, чиномъ своимъ святѣе и выше митрополитовъ и епископовъ; теперь такой высокій санъ находился у нихъ въ Москвѣ; когда всякаго духовнаго голосъ уважался чаще голоса свѣтскаго, потому что надъ духовныхъ совершенъ обрядъ хиротонисанія, то какъ было не уважать голоса такого церковнаго лица, которое есть глава всѣхъ посвященныхъ? Какъ не признавать изреченнаго имъ за выраженіе высшей мудрости? Патріархъ былъ государь духовенства, поэтому стоило только имѣть своимъ орудіемъ патріарха, и все духовенство будетъ на его сторонѣ, а духовенство было въ то время — вся нравственная и умственная сила московскаго государства. Такъ, безъ сомнѣнія, разсчитывалъ Борисъ, и не ошибся: освященный соборъ готовъ былъ исполнять то, что патріархъ укажетъ.

Бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ Борисъ приготовилъ въ свою пользу изданіемъ закона «о крестьянскомъ выходѣ», запрещавшаго свободный переходъ крестьянъ и такимъ образомъ оставлявшаго ихъ во власти землевладѣльцевъ.

Легко было и толпу народа настроить въ свою пользу. Народъ сельскій не былъ важенъ для него: этотъ народъ будетъ повиноваться столицѣ; къ нему не близки государственныя дѣла, да и собраться ему трудно для какого бы то ни было общественнаго обсужденія. Борису нужна была только чернь московская, а московская чернь много разъ испытывала его щедроты. Вскорѣ послѣ смерти царевича Димитрія, сдѣлался въ Москвѣ большой пожаръ: Борисъ чуть не всѣхъ погорѣлыхъ обстроилъ на свой счетъ. Враги его говорили послѣ, что пожаръ былъ и произведенъ Борисомъ, чтобы имѣть возможность показать щедрость и любовь къ народу *).

Съ каждымъ годомъ для русскихъ казалось болѣе и болѣе невозможнымъ не видѣть Бориса верховною особою.

Царь Θеодоръ умеръ 7 января 1598 г. и—прекратилась царственная линія московскаго дома. Много было князей Рюриковичей, потомковъ удѣльныхъ владѣтелей; но давно уже удѣльность лишилась правъ своихъ, давно уже восточная Русь привязана была къ Москвѣ и забыла о прежней возможности существовать безъ московскаго центра, а происхожденіе отъ удѣльныхъ князей никому почти не давало правъ на Москву. Исторія восточной Руси сложилась такъ, что кого Москва признаетъ, тотъ и всей Руси государь. Борисъ былъ богатъ, и поэтому у него было много покупныхъ друзей: за деньги, дары и выгоды они готовы были говорить и дѣлать все въ его пользу. Глава духовенства былъ его пособникъ; изъ бояръ многіе не любили Бориса, но, въ земскомъ всенародномъ дѣлѣ ихъ совѣтъ не могъ быть важенъ, когда противъ нихъ станетъ духовенство, — за духовенство будетъ противъ нихъ и народъ, да и между боярами не было согласія: каждый ду-

*) Smiht 28, на обор.

малъ прежде всего о себѣ и готовъ былъ копать яму товарищу, еслибы избирать въ цари приходилось не Бориса, а кого нибудь другаго... Другаго не было такого, чтобы страсти и побужденія примирились при его имени.

Изъ всѣхъ бояръ могли помѣряться съ Борисомъ Романовы, сыновья любимаго народомъ Никиты. Эта фамилія была родственна царю Θеодору; у ней больше, чѣмъ у другихъ, было сторонниковъ въ народѣ, но и ей трудно было бороться съ Борисомъ, при его власти, богатствахъ и силѣ. Іовъ и духовенство не благоволили бы къ Романовымъ, какъ не благоволили бы ни къ кому, кромѣ Бориса. На сторону Бориса подобраны были гости, богатые купцы, надѣявшіеся отъ него льготъ и милостей. Борисъ самъ владѣлъ огромными имѣніями, и въ рукахъ его было много предметовъ производства, которые покупали купцы, напримѣръ: лѣсъ, деготь, поташъ, пенька. Богатые торговцы находились съ нимъ въ прямыхъ сношеніяхъ по торговлѣ, и, слѣдовательно, связаны были съ нимъ важнѣйшими интересами. Не даромъ Борисъ ласкалъ и англійскую компанію, которая держала тогда въ рукахъ торговлю Россіи.

Московскіе посадскіе люди, чернь, были уже какъ мы сказали, заранѣе подготовлены въ пользу Бориса. Съ одной стороны рабскій страхъ, съ другой—надежда на пріобрѣтеніе выгодъ, дѣлали изъ московской черни удободвижимую массу, готовую поддерживать сильныхъ. Притомъ же, въ народѣ московскомъ было умственное смиреніе, не дозволявшее смѣло высказать то, что чувствуется и думается, если это не понравится сильнымъ или тѣмъ, кого считали умнѣе. Такъ, когда пронеслась въ народѣ мысль, что приходится избирать царя, то многіе тогда считали лучшимъ отдать это дѣло на волю патріарха: кого ему Богъ покажетъ, того онъ и сдѣлаетъ царемъ.

Борисовы агенты разсыпались по Москвѣ и располагали

людей разнаго званія и разныхъ отношеній въ пользу избранія на царство Бориса.

Съ такимъ запасомъ надеждъ, Борисъ началъ играть комедію, которая должна была и нравственно, и вещественно упрочить за нимъ и за его потомствомъ власть и вѣнецъ.

Говорили, что умирающій царь Ѳеодоръ поручилъ царство свое царицѣ. Въ понятіяхъ того времени, у насъ право государственное во многихъ отношеніяхъ еще мало отличалось отъ права частнаго владѣнія. Въ частномъ владѣніи было въ обычаѣ, что бездѣтный хозяинъ, умирая, оставляетъ свое достояніе вдовѣ. Сообразно этому обычаю и умирающій царь могъ оставить своей женѣ царство — свое достояніе. Царица Ирина при жизни мужа имѣла больше значенія, чѣмъ другая на ея мѣстѣ могла имѣть. По неспособности мужа, она часто распоряжалась дѣлами, особенно когда дѣло шло о прощеніи виновныхъ или о раздачѣ какихъ либо милостей. Тогда царица сама приказывала, и народъ зналъ, что это исходитъ отъ нея, а не отъ царя. Но оставить престолъ вдовѣ значило прямо оставить его Борису; если при царѣ правилъ всѣмъ Борисъ, то при женщинѣ отдать ему власть было какъ нельзя умѣстнѣе. Впрочемъ, патріархъ и духовенство поставили этотъ вопросъ сбивчиво и противорѣчиво. Въ утвержденной грамотѣ объ избраніи Бориса*), гдѣ излагалась исторія престолонаслѣдія до избранія Бориса, сказано, что «Ѳедоръ Ивановичъ оставилъ на престолѣ свою супругу, а душу свою приказалъ патріарху Іову и своему шурину Борису Ѳедоровичу»; а въ соборномъ опредѣленіи, гдѣ приводятся доводы права Борисова на престолъ, говорится, будто «Ѳедоръ Ивановичъ прямо назначилъ по себѣ преемника Бориса Ѳедоровича.»

---

*) Акты Эксп. I. 19.

Видно, что сперва выдумали одно, а потомъ увидѣли, что этого недостаточно, — выдумали другое.

Какъ бы то ни было, послѣ погребенія Θедора Ивановича, вдова его царица Ирина объявила, что хочетъ по обѣщанію постричься въ монастырѣ. Іовъ на челѣ духовныхъ и бояре просили ее не оставлять сиротою государства, оставаться на престолѣ, а править государствомъ будетъ попрежнему Борисъ Θедоровичъ. Но царица упорствовала; вдовѣ, по нравственному приличію, слѣдовало лучше всего идти въ монастырь. Она удалилась въ Ново-Дѣвичій монастырь и тамъ постриглась подъ именемъ Александры. Тогда бояре сошлись въ Кремлѣ, приказали звонить на сборъ народа; собралась толпа, и дьякъ Василій Щелкаловъ прочиталъ народу, что, по смерти Θедора, за прекращеніемъ царствующаго дома, правленіе переходитъ въ думу боярскую. Но толпы, по преданію отцовъ своихъ знавшія, что значитъ боярское правленіе, кричали: «мы не хотимъ ни князей, ни бояръ, знаемъ одну царицу! пусть патріархъ, кого ему Богъ укажетъ, того и изберетъ; тотъ и будетъ намъ царемъ!» Патріархъ Іовъ воспользовался этимъ случаемъ, объявилъ, что подобаетъ просить на царство Бориса Θедоровича, предложилъ идти торжественною процессіею въ Ново-Дѣвичій монастырь, молить царицу, чтобъ она благословила послѣ себя царствовать своему брату. Доброжелатели Бориса въ толпѣ тотчасъ оглушили всѣхъ криками: «согласны!» Тѣ бояре, которые этого не хотѣли, не смѣли слова пикнуть и должны были соглашаться, тѣмъ болѣе, что въ ихъ кругу были сторонники и свойственники Годунова, которые тотчасъ вторили голосу патріарха, окружавшаго его духовенства и народной толпы. Шуйскимъ особенно было не по нутру это; тяжело было и Романовымъ, и Черкасскимъ, и Мстиславскому, и всѣмъ вообще знатнымъ лицамъ; но по одиночкѣ никто не

отважился говорить противъ главы духовенства, котораго предложеніе нашло себѣ тотчасъ же отголосокъ.

Всѣ отправились въ Ново-Дѣвичій монастырь. Борисъ Ѳедоровичъ нарочно былъ уже тамъ съ сестрою и какъ будто бы занимался богомысліемъ. Царица вышла изъ келіи вмѣстѣ съ Борисомъ. Патріархъ, большой риторъ, началъ просить ее благословить на царство брата своего Бориса Ѳедоровича, который, «при блаженной памяти царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, правилъ и содержалъ великія государства Россійскаго царствія премудрымъ своимъ и милосердымъ правительствомъ».Потомъ патріархъ обратился къ Борису и говорилъ: «будь намъ, милосердый государь, царемъ и великимъ княземъ и самодержцемъ всеа Русіи, по божіей волѣ воспріимъ *скифетро* православія Россійскаго царствія; не дай въ попраніе православной вѣры, святыхъ божіихъ церквей въ оскверненіе и православныхъ христіанъ на расхищеніе!» Этими послѣдними выраженіями патріархъ показывалъ, чего ожидать, если бы бояре покусились захватить правленіе въ руки своей думы. Патріархъ намекалъ, что это было бы попраніемъ вѣры...

Борисъ, съ постнымъ, благочестивымъ видомъ смиренія и со слезами на глазахъ, отвѣчалъ:

«Не думайте себѣ того, чтобъ я хотѣлъ царствовать: мнѣ въ разумъ этого никогда не приходило и не будетъ того въ мысли моей. Какъ мнѣ помыслить на такую высоту царствія и на престолъ такого великаго государя, моего пресвѣтлаго царя? Намъ теперь только помышлять, какъ бы устроить праведную и безпорочную душу пресвѣтлаго государя моего, царя и великаго князя Ѳедора Ивановича, всеа Руси самодержца; а о государствѣ и о земскихъ и всякихъ дѣлахъ радѣть и промышлять и править государствомъ тебѣ, государю моему, отцу святѣйшему Іову, патріарху московскому и всеа Руси, и боярамъ

съ тобою. А если моя работа пригодится, то я за святыя божіи церкви, и за одну пядь земли, и за все православное христіанство и за ссущихъ младенцовъ готовъ излить кровь свою и положить голову!»

Патріархъ началъ ему доказывать, что онъ долженъ принять вѣнецъ, приводилъ примѣръ изъ ветхаго завѣта и византійской исторіи, когда лица не царскаго происхожденія пріобрѣтали славу своими заслугами военными и гражданскими и были за то избираемы на царство. Онъ указалъ на полновѣсный примѣръ св. царя Константина, который былъ хотя и сынъ цезаря, но избранъ не по наслѣдству; припомнилъ Θеодосія Великаго, облеченнаго въ порфиру отъ цезаря Граціана, упомянулъ о Маркіанѣ, Тиверіѣ, о Маврикіѣ, усыновленныхъ предшествовавшими имъ царями. Но Борисъ не поддавался риторикѣ и силѣ историческихъ свидѣтельствъ, упрямился и не хотѣлъ принимать царскаго достоинства. Люди удалились.

Патріархъ снова предпринималъ такія же торжественныя путешествія, и для большей наглядности дворяне, расположенные къ Борису, взяли туда своихъ женъ и дѣтей: однихъ матери вели за руки, другихъ несли на рукахъ. Но и это не помогло: Борисъ со вздохами отрекался отъ царскаго бремени и говорилъ, что думаетъ теперь о спасеніи души, а не о мірскомъ величіи.

Тогда патріархъ сказалъ народу, что надобно подождать окончанія сорокоуста, потому что дѣйствительно Борисъ Θедоровичъ, по своему обычному благочестію, теперь предался молитвѣ за своего благодѣтеля — покойнаго царя Θедора Ивановича; а межъ тѣмъ нужно созвать изо всѣхъ городовъ людей всякаго чина и устроить земскій соборъ; коли всею землею станутъ его просить, онъ тогда не дерзнетъ противиться.

Пособники Борисовы поѣхали по разнымъ городамъ на-

блюдать и устраивать, чтобы пріѣзжали въ Москву такіе, которые бы сказали слово за Бориса. Къ началу масляницы съѣхались въ Москву выборные люди, и составился земскій соборъ. Но это—какъ показываютъ подписи на утвержденной грамотѣ—былъ только призракъ собора, а не въ самомъ дѣлѣ соборъ. Представителями изъ земель были преимущественно настоятели монастырей (ихъ было до ста); они привыкли исполнять волю высшаго духовенства, и, разумѣется, безъ всякаго разсужденія соглашались на то, что велятъ имъ власти. Затѣмъ изъ свѣтскихъ бо̀льшая часть приходилась на долю дворянъ: ихъ было 119; они-то съ жильцами были расположены къ Борису. Выборныхъ изъ городовъ, также изъ дворянскаго званія, было только 33 человѣка; стольниковъ 41, стряпчихъ 19, жильцовъ 38, дьяковъ по приказамъ 26, головъ стрѣлецкихъ 5; собственно на долю народа приходилось: гостей 22, гостинной сотни два, суконной два; затѣмъ черносотенныхъ шестнадцать, и тѣ всѣ—московскіе. Изъ провинцій подписали изъ гостей: одинъ за Вотскую пятину, другой изъ суконной сотни за Шелонскую пятину. На долю высшаго чиноначалія, то есть бояръ, окольничьихъ и думныхъ людей, приходилось болѣе пятидесяти. Не смотря на то, что въ числѣ составлявшихъ земскій соборъ, какъ видно по соображенію съ современными извѣстіями, были подготовленные друзья Борису, были тамъ и его недоброжелатели, но они должны были молчать: у Бориса было здѣсь двѣ силы, одна напереди—духовенство, другая позади—громада московской черни, которою его пособники могли помыкать какъ нужно.

Соборъ собрался первый разъ 17 февраля, въ Кремлѣ, въ пятницу на пестрой недѣлѣ. Патріархъ объявилъ, что освященный соборъ и бояре и служилые и всякіе люди, что находились въ Москвѣ, уже просили на царство Бориса

Θедоровича, а онъ отрицался; теперь патріархъ предлагалъ, чтобъ члены собора объявили ему, патріарху, и всему освященному собору свою мысль, кому быть на государствѣ государемъ. Но не давши затѣмъ никому изъ прибывшихъ на соборъ сказать своей мысли, не допустивши ихъ ни разсуждать, ни спорить, Іовъ сказалъ: «А у меня Іова патріарха и у митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ и у архимандритовъ и игуменовъ и у всего освященнаго вселенскаго собора, и у бояръ, дворянъ и приказныхъ и служилыхъ и у всякихъ людей и у гостей и у всѣхъ православныхъ христіанъ, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно: что намъ молить государя Бориса Θедоровича, и иного государя никого не хотѣть и не искать.

Сторонники патріарха тотчасъ же стали доказывать, почему Борису Θедоровичу надлежитъ быть царемъ: восхваляли его добродѣтели, храбрость, оказанную противъ крымцевъ, щедрость, правосудіе, и основывали его кровное право на томъ, что царь Иванъ Васильевичъ повѣрилъ ему сына своего, и при Θедорѣ Ивановичѣ онъ правилъ всѣми дѣлами. Пришедшіе на соборъ увидали, что все духовенство за Бориса; имъ нечего было толковать, и они заявили скромно, что ихъ совѣтъ будетъ единъ съ совѣтомъ освященнаго собора. Тогда патріархъ объявилъ, что съ этихъ поръ, «кто захочетъ искать иного государя, кромѣ Бориса Θедоровича и его дѣтей, противъ того всѣмъ свѣтскимъ стоять, какъ противъ измѣнника, всею землею, а патріарху и освященному собору отлучить его отъ церкви: того предадутъ проклятію и отдадутъ на кару градскому суду.» Послѣ такого рѣшительнаго и страшнаго постановленія, никто не посмѣлъ объявить иной думы, несогласной съ волею патріарха и освященнаго собора.

Патріархъ назначилъ три дня молиться, поститься и слу-

жить молебны, чтобъ милосердый Богъ преклонилъ сердце Бориса Өедоровича, чтобъ онъ оказалъ милость и принялъ вѣнецъ Московскаго государства; на четвертый же день, 20 февраля въ понедѣльникъ сырной недѣли, положилъ идти всѣмъ въ Новодѣвичій монастырь просить Бориса Өедоровича на царство. Въ эти дни пособники Бориса бѣгали между чернью и объявляли, что кто не пойдетъ въ понедѣльникъ просить Бориса Өедоровича на царство, съ того возьмутъ пени 2 рубли. «Смотрите», говорили посадскимъ приставы: «когда придете, то плачьте, показывайте, что плачете, и кричите слезно и кланяйтесь Борису Өедоровичу; а кто такъ не будетъ дѣлать, тому дурно будетъ, когда Борисъ станетъ царемъ».

Въ назначенный день патріархъ съ освященнымъ соборомъ и съ такъ называемыми выборными земскаго собора отправились въ Новодѣвичій монастырь. За этими выборными земскаго собора понеслась громадная сила московской посадской черни: мужчины, женщины, дѣти. Изъ тѣхъ, которые потомъ подписали избраніе и слѣдовательно принимали на себя совершеніе дѣла, многихъ тамъ и не было... Когда толпа ввалилась на дворъ Новодѣвичьяго монастыря, вышелъ Борисъ. И на этотъ разъ былъ онъ непреклоненъ. «Какъ я прежде сказалъ, и нынѣ тоже говорю (то были его слова): не думайте, чтобъ я помышлялъ о высотѣ царствія». Тогда, возвратившись назадъ въ Кремль, патріархъ объявилъ, что нужно еще на другой день во вторникъ идти просить Бориса Өедоровича и нести святую икону Богородицы-Одигитріи изъ Вознесенскаго монастыря. «Если Борисъ Өедоровичъ не согласится — говорилъ патріархъ: — то мы съ освященнымъ соборомъ отлучимъ его отъ церкви божіей и отъ причастія святыхъ таинъ, и этимъ учинится святыня въ попраніи и христіанство въ разореніи, и погибнетъ въ безгосударное время народа мно-

жество, и междоусобная брань воздвигнется, и то все пусть взыщетъ Богъ на Борисѣ Ѳедоровичѣ въ день страшнаго суда. А мы тогда свои святительскіе саны снимемъ и панагіи сложимъ и облечемся въ одежды простыхъ миниховъ, и за ослушаніе Бориса Ѳедоровича не будетъ въ святыхъ церквяхъ литургисанія; и все то взыщетъ Богъ съ Бориса Ѳедоровича».

Этимъ объявленіемъ Іовъ еще болѣе сдѣлалъ невозможнымъ противодѣйствіе: всякъ, кто бы осмѣлился говорить противъ Бориса, былъ бы врагъ церкви; значитъ, тотъ не желалъ, чтобъ отправлялось святое богослуженіе, которое считалось залогомъ благосостоянія страны и ея жителей.

На этотъ разъ приставы и пособники Борисовы согнали еще болѣе народа, чѣмъ было его вчера; многихъ привлекала нарядность шествія, и колокольный звонъ возбуждалъ ихъ слѣдовать за другими.

На встрѣчу чудотворной иконѣ вышелъ самъ Борисъ, поклонился до земли и сказалъ: «О, святый отецъ и государь мой, Іовъ патріархъ! почто воздвигъ чудныя чудотворныя иконы пречистыя Богородицы и честные кресты, и сотворилъ такой многотрудный подвигъ?»

— «Не мы этотъ подвигъ сотворили — отвѣчалъ патріархъ, — а пречистая Богородица съ превѣчнымъ младенцемъ Господомъ нашимъ Іисусъ-Христомъ и съ великими чудотворцами возлюбила тебя и изволила придти напомнить тебѣ святую волю Сына своего, Бога нашего. Не будь противенъ воли Божіей; повинись святой его волѣ; не наведи на себя ослушаніемъ праведнаго гнѣва Божія».

Борисъ ушелъ въ сестрину келью. Патріархъ съ освященнымъ соборомъ пошелъ въ храмъ, отслужилъ обѣдню, и потомъ вошелъ въ келью. Толпа народа стояла на дворѣ. Нѣсколько приверженцевъ Бориса, бояръ и окольничьихъ, смотрѣли въ окно кельи и подавали приставамъ знаки ру-

ками; приставы заставляли народъ съ воплями кланяться и плакать. Изъ раболѣпства и страха за будущее москвичи за недостаткомъ слезъ мазали глаза слюнями; а тѣхъ, которые неохотно вопили и дурно кланялись, Борисовы пособники понуждали къ этому пинками въ спину. Тѣ, говоритъ лѣтопись, хоть и не хотѣли, а поневолѣ выли по волчьи *). Патріархъ и архіереи, будучи въ кельѣ, указывали Борису въ окно и просили его посмотрѣть на трогательное зрѣлище плачущаго народа.

Борисъ все упрямился, изъявлялъ готовность работать для государства, жизнь приносить ему, но отрекался отъ вѣнца, ради своего недостоинства. Патріархъ и архіереи, истощивши стараніе тронуть сердце Бориса видомъ плачущаго народа русскаго, наконецъ, стали грозить, что онъ принесетъ Богу отвѣтъ, если въ безгосударное время окрестные государи порадуются сиротству русскаго государства, и будетъ въ попраніи святая непорочная вѣра, а православные христіане въ расхищеніи отъ иноземцевъ.

Тогда инокиня Александра подала согласіе. Борисъ еще упирался: «Неужели тебѣ, моей государынѣ, угодно возложить на меня толико неудобоносимое бремя, и ты ли возводишь меня на такой превысочайшій престолъ, о чемъ у меня никогда и мысли не было и на разумъ не всходило! Я всегда при тебѣ хочу оставаться и зрѣть святое пресвѣтлое равноангельское лицо твое».

— «Слышь, братецъ мой единокровный — сказала инокиня Александра! — это Божіе дѣло, а не человѣческое: какъ будетъ воля Божія, такъ и сотвори!»

Тогда Борисъ, съ видомъ скорби отъ принужденія, залился слезами и говорилъ: «Господи Боже, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ! Если тебѣ то угодно,

*) Лѣт. иное сказаніе о самозв. Времен. 16.

да будетъ святая твоя воля! Я твой рабъ: спаси меня по милости твоей и соблюди по множеству щедротъ твоихъ! Если на то воля Бога, пусть такъ будетъ!» — прибавилъ онъ, обратившись къ патріарху и къ прочимъ.

Тутъ патріархъ въ восторгѣ упалъ на колѣни, за нимъ духовные и бояре, находившіеся въ кельѣ, также стали на колѣни. Всѣ крестились и патріархъ говорилъ: «Слава благодѣтелю всещедрому Богу! не презрѣлъ слезъ нашихъ и послалъ святого Духа въ сердца великой государынѣ царицѣ и государю Борису Өедоровичу!»

Патріархъ благословилъ Бориса, сестру его и жену Борисову, которая тутъ же находилась. Потомъ всѣ вышли изъ кельи, и патріархъ объявилъ народу, что, наконецъ, «Борисъ Өедоровичъ пожаловалъ хочетъ быть на великомъ Россійскомъ царствіи». Раздался радостный крикъ: *слава Богу!* а пристава толкали и пихали москвичей, чтобъ они кричали погромче и повеселѣе и благодарили инокиню Александру и Бориса Өедоровича за то, что не оставили ихъ въ сиротствѣ.

26 февраля пріѣхалъ Борисъ въ Москву, кланялся кремлевской святынѣ; на ектеніи провозгласили его богоизбраннымъ царемъ. Чтобъ внушить къ себѣ болѣе уваженія, съ наступленіемъ поста онъ уѣхалъ въ Новодѣвичій монастырь снова, какъ будто на постный подвигъ. Тогда патріархъ, чтобъ не дать выборнымъ возможности одуматься, составилъ *утвержденную грамоту* и заставилъ ихъ подписаться.

Борисъ пробылъ въ монастырѣ весь постъ и всю Пасху, и пріѣхалъ въ Москву только черезъ недѣлю послѣ Пасхи, а вѣнчался на царство уже въ сентябрѣ. Лѣтомъ онъ ходилъ съ войскомъ противъ крымцевъ, угрожавшихъ нашествіемъ, съ которыми однако не пришлось ему побиться. При своемъ вѣнчаніи, Борисъ сказалъ въ церкви громко:

«Богъ свидѣтель, отче: въ моемъ царствіи не будетъ нищихъ или бѣдныхъ!» Взявшись рукою за воротникъ рубашки, онъ прибавилъ: «и эту послѣднюю раздѣлю со всѣми! *)».

Главнѣйшею опорою царя въ его царствованіе былъ патріархъ Іовъ. Это былъ одинъ изъ такихъ духовныхъ сановниковъ, общихъ всѣмъ временамъ, которые, съ непритворнымъ обрядовымъ постничествомъ и обрядовымъ благочестіемъ, упивались собственнымъ величіемъ и спокойствіемъ собственной совѣсти, были себялюбцы и угодники сильныхъ міра. Не смотря на свое риторство, патріархъ Іовъ не былъ на столько образованъ, чтобы всегда искусно закрывать наружнымъ благочестіемъ то, что было внутри души у него. Такъ, въ своей отреченной грамотѣ, которую онъ писалъ въ 1604 году, онъ расточаетъ похвалы Борису за то, что оказывалъ милости во время пребыванія его на Коломенской, Ростовской и митрополичьей Московской епархіяхъ, и говоритъ, что когда сдѣлался патріархомъ, то былъ отъ него честимъ и пребывалъ въ благоденствіи; а когда Борисъ сдѣлался царемъ, то онъ очень былъ этому радъ, а Борисъ упокоилъ его во всѣ дни живота его **). Патріарху не было дѣла до поведенія и правленія Бориса; лишь бы онъ самъ, патріархъ, проводилъ тихое и благоденственное житіе, достигая въ спокойствіи царствія Божія....

Царь Борисъ былъ тогда сорока семи лѣтъ отъ роду, по наружности высокій ростомъ, плотенъ, съ черными волосами и бородой, круглолицъ, плечистъ, чрезвычайно льстивъ на словахъ, глаза его внушали страхъ и повиновеніе ***). Борисъ хорошо зналъ всѣ извычаи и обычаи тогдашней боярщины, никому не довѣрялъ, ни на кого не пола-

*) Врем. XVI, 85.

**) Собр. гос. грам. II, 180.

***) Smith, 26.

гался, былъ до крайности подозрителенъ и страшился, чтобъ его и роду его не сдѣлали зла чародѣйственными способами. Въ записи, по которой Борисъ требовалъ вѣрности отъ своихъ новыхъ подданныхъ, главное вниманіе обращено на волшебство. Эта вѣра въ волшебство была обычною чертою времени; но въ крестоцѣловальныхъ записяхъ другихъ государей не говорится объ этомъ столько, сколько въ Борисовой. Но пока Борисъ не видалъ противъ себя явныхъ козней, онъ казался добрымъ, и въ самомъ дѣлѣ осторожность его не была опасна прежде, чѣмъ его не раздражали дѣйствительнымъ злоумышленіемъ.

III.

Въ первые два года своего царствованія, Борисъ дѣлалъ все, чтобы привязать къ себѣ народъ и утвердить любовь къ себѣ и своему роду. Онъ хотѣлъ удивить его льготами сначала. И вотъ Борисъ освободилъ сельскій народъ отъ всѣхъ податей на одинъ годъ, далъ торговымъ людямъ право безпошлинной торговли на два года; служилымъ людямъ выдалъ одновременно двойное годовое жалованье. Его огромныя богатства, накопленныя въ царствованіе Ѳеодора, дозволяли ему показывать всевозможнѣйшую щедрость. Разные края получали свои льготы. Такъ въ Новѣгородѣ царь упразднилъ созданные имъ же два кабака, которые уже много лѣтъ причиняли жителямъ тѣсноту и нужду. Онъ сложилъ съ гостей и съ посадскихъ людей лавочные денежные оброки и не велѣлъ отдавать на откупъ мелкіе промыслы, предоставивъ пользоваться ими молодымъ посадскимъ людямъ. Въ Корельскомъ уѣздѣ и въ городѣ дана была льгота отъ всѣхъ поборовъ на десять лѣтъ *).

*) Доп. I, 253.

Въ Сибири и восточной Россіи уволены были инородцы на годъ отъ платежа ясака *). Борисъ зналъ, какъ народъ русскій уважаетъ нищелюбіе, и былъ чрезвычайно щедръ на подачу милостины: никто изъ нуждающихся, подавши ему челобитную, не возвращался отъ него, не почувствовавъ щедрости царской. Вдовы, сироты получали вспоможеніе. Безпрестанно онъ кормилъ и одѣлялъ неимущихъ. «Около него—говоритъ современное извѣстіе—аки море ядѣнія и езеро питія разливашеся **). Сидѣвшіе прежде въ тюрьмѣ пріобрѣтали свободу, опальные прежняго царствованія получали прощеніе, имъ возвращено отнятое достояніе. Милости полились на лицъ близкихъ къ верховной власти: тѣмъ далъ онъ боярство, другимъ окольничество или отольничество. Не было казней. Борисъ наказывалъ только воровъ и разбойниковъ, и то не смертію. Борисъ говорилъ, что наказаніе у него будетъ растворено милосердіемъ. Выказываясь блюстителемъ нравственности, Борисъ преслѣдовалъ безчинное пьянство, говорилъ, что хорошо, если кто дома съ гостьми будетъ пить и веселиться, но не терпѣлъ уличнаго пьянства, содержателямъ корчемъ приказывалъ оставить свои занятія, обѣщалъ имъ, въ случаѣ, если они не имѣютъ другихъ средствъ пропитанія, дать земли и помѣстья для того, чтобъ они занимались честнымъ земледѣліемъ ***); это нравилось благочестивымъ и добронравнымъ людямъ. Всѣ эти блестящія явленія имѣли съ перваго взгляда только временной характеръ уже и потому, что льготы, расточаемыя Борисомъ по вступленіи на престолъ, освобождали народъ отъ такихъ тягостей, которыя самъ же Борисъ ввелъ при Өедорѣ; все это было только на годъ, на два, потомъ пошло бы все по старому. Борису нужно было

*) Собр. гос. грам. II, 156.
**) Погод. сборн. 1446.
***) Buss. 8.

только, чтобы на первыхъ порахъ, послѣ его воцаренія, народъ охотно повиновался ему, былъ имъ доволенъ и прославлялъ его. Въ то время Борисъ ласкалъ и привлекалъ къ себѣ иностранцевъ и окружалъ себя вступившими въ московскую службу. Такъ онъ поселилъ въ Москвѣ недалеко отъ Кремля, въ дворахъ русскихъ бояръ (вѣроятно опальныхъ), ливонскихъ выходцевъ, искавшихъ убѣжища во время войны Польши со Швеціею *); ихъ надѣлили въ Московской землѣ жалованьемъ и помѣстьями. Еще при Ѳедорѣ въ войскѣ московскомъ было уже до пяти тысячъ иностранцевъ; при Борисѣ ихъ опредѣлилось на службу еще болѣе. Можетъ быть, Борисъ хотѣлъ на будущее время составить около себя стражу, не привязанную къ туземнымъ интересамъ, чуждую побужденій страны, обязанную въ ней одному государю, готовую, поэтому, охранять пользу государя и въ такомъ случаѣ, когда бы противъ государя нашлось что нибудь враждебное въ подвластной странѣ; сверхъ того, ему хотѣлось, чтобы въ иноземныхъ государствахъ знали о немъ и притомъ знали съ хорошей стороны, чтобы такимъ образомъ не только въ своей землѣ, но и въ чужихъ, утвердилась привычка считать его законнымъ и достойнымъ государемъ Московскаго царства. Наконецъ, Борисъ понималъ превосходство западной Европы и необходимость усвоить пріемы ея образованности для охраненія престола и удобства царской жизни. Такимъ образомъ, онъ выписывалъ изъ-за границы аптекарей, лекарей, зодчихъ, литейныхъ мастеровъ; что это дѣлалось собственно для царя, а не для народа, показываетъ то, что лекарямъ запрещалось лечить кого бы то ни было, безъ воли царя, не исключая и бояръ.

---

*) Buss. 14.

Сразу заявилъ Борисъ, что онъ не ограничивается желаніемъ поцарствовать самъ, но заранѣе хочетъ утвердить наслѣдственное преемничество въ своемъ родѣ. Онъ сталъ писать грамоты не только отъ себя, но вмѣстѣ отъ сына, приготовлялъ его къ правленію и при всякомъ случаѣ выставлялъ, какъ будущаго царя и даже при жизни отцовской соправителя. Всѣ стремленія, всѣ поступки Бориса стали направляться къ единой цѣли,—чтобъ утвердить родъ свой на престолѣ и расположить къ этому народъ Московскаго государства. Онъ выдумалъ особую молитву о своемъ здравіи и приказалъ читать ее народно во время заздравныхъ чашъ: ни одинъ пиръ не долженъ былъ проходить безъ питья заздравной царской чаши съ этой молитвой.

Такъ прошелъ конецъ 1598, прошелъ 1599 годъ, истекалъ 1600. Царство Бориса шло мирно и спокойно. Это время казалось золотымъ вѣкомъ для Москвы. Скоро измѣнилось все. Не смотря на всѣ щедроты Бориса, его не любили. Его бы не избрали въ цари, если бы избраніе происходило правильнымъ порядкомъ, если бы духовенство и московская чернь не порѣшили тогда судьбы русской земли. Московскіе люди понимали, что всѣ знаки царскаго добродушія истекаютъ изъ одного желанія утвердить за собою похищенную власть, что Борисъ только обольщаетъ народъ. Люди родовитые съ омерзѣніемъ видѣли на царскомъ престолѣ потомка Мурзы Четя, природнаго татарина, тогда какъ были княжескіе роды гораздо его знаменитѣе. Мысль, что потомство татарской крови утвердится на престолѣ московскомъ на будущія времена, оскорбляла народное самолюбіе тѣхъ, кому была знакома исторія русской земли и кто дорожилъ ею, какъ святынею. Но дѣло было искусно обдѣлано. Борисъ, въ качествѣ избраннаго всею землею, вѣнчанный, помазанный, поддерживаемый патріархомъ и всѣмъ духовенствомъ, былъ крѣпокъ какъ нельзя болѣе.

Онъ казался вполнѣ законнымъ государемъ, и никакой потомокъ Рюрика или Гедимина не въ силахъ былъ поставить своихъ родовыхъ преимуществъ противъ величайшихъ правъ народнаго избранія и церковнаго освященія. Столкнуть Бориса и не допустить родъ его до вѣнца можно было только такимъ именемъ, за которымъ бы, прежде возведенія Бориса, народъ признавалъ право занять престолъ московскій. Такимъ именемъ было одно имя — имя Димитрія царевича. Правительство, объявивши разъ, что этотъ царевичъ въ дѣтствѣ зарѣзался, старалось, чтобы не говорили о немъ въ этомъ мірѣ, хотѣло, чтобъ всѣ русскіе люди забыли его. Между тѣмъ въ народѣ шопотомъ продолжали обвинять Бориса въ убійствѣ царственнаго дитяти. Казни въ Угличѣ, переселеніе жителей этого города въ Сибирь, заточенія и ссылки, которыя послѣдовали послѣ смерти царевича, гоненіе на всѣхъ тѣхъ, кто осмѣливался не вѣрить, что царевичъ — самоубійца, все это уже бросило черное пятно на Бориса. Въ судьбѣ Димитрія оставалось много таинственнаго, неразгаданнаго: Эту таинственность поддерживала двойственность представленія его смерти: приказывали вѣрить, что онъ самъ себя убилъ, и не вѣрилось этому, потому что въ оное время, близкое къ его смерти, столько людей пострадало за то, что иначе понимали его смерть. Среди этой неизвѣстности, легко могъ получить вѣру третьяго рода слухъ, что убитъ былъ не Димитрій, а подмѣненный заранѣе мальчикъ, самъ же Димитрій здравствуетъ и готовится гласно потребовать отъ Бориса своего наслѣдія.

И вотъ, въ 1600 году, сталъ разноситься слухъ, будто Димитрій не убитъ, а предохраненный друзьями проживаетъ до сихъ поръ. Этотъ слухъ доходилъ до Маржерета, служившаго въ числѣ иноземцевъ француза, и безъ сомнѣнія дошелъ тогда же до Бориса. Эта роковая вѣсть перевéрнула Годунова и измѣнила до корня. Мягкосердечіе его

исчезло. Въ немъ проснулся прежній Борисъ Годуновъ, воспитанникъ страшныхъ годовъ ивановской опричнины, не содрогавшійся ни предъ чѣмъ истребитель Углича, гонитель Шуйскихъ и всѣхъ враговъ своихъ, правитель царства Өедорова. Цѣль его жизни была утвердить свой родъ на престолѣ; для этой цѣли онъ былъ жестокимъ и суровымъ; для этой цѣли сдѣлался добродушнымъ и милосерднымъ; кроткія средства не удавались теперь: для той же цѣли ему приходилось опять сдѣлаться подозрительнымъ, мрачнымъ, свирѣпымъ. Онъ увидалъ, что у него есть враги, а у враговъ можетъ явиться страшное орудіе. Надобно было найти это орудіе, истребить своихъ враговъ; или же приходилось потерять плоды трудовъ всей жизни, ожидать себѣ и своему роду позора и гибели. Его положеніе было таково, что онъ не могъ, не смѣлъ объявить, чего онъ ищетъ, кого преслѣдуетъ, какого рода измѣны страшится; заикнуться о Димитріѣ значило бы вызывать на свѣтъ ужасный призракъ. Притомъ же Борисъ долженъ былъ сообразить въ тѣ минуты, что онъ не можетъ сказать, что увѣренъ въ смерти Димитрія. Онъ не видалъ убійцъ его, да если бы и видѣлъ, если бы вполнѣ былъ убѣжденъ, что въ Угличѣ зарѣзали отрока, то и тогда не могъ бы поручиться, что зарѣзанный былъ настоящій Димитрій, что царевича не спасли заранѣе и не подмѣнили другимъ мальчикомъ. Оставалось хватать всѣхъ, кого можно было подозрѣвать въ нерасположеніи къ воцарившемуся государю, пытать ихъ, мучить, чтобъ такимъ образомъ случайно попасть на слѣдъ желаемой тайны. Такъ Борисъ и сталъ поступать. Еслибы Борисъ зналъ подлинно, кто враги его, то только на нихъ бы налегъ, и ихъ гибелью окончилось бы все дѣло; но онъ только подозрѣвалъ, а не былъ увѣренъ. Вѣроятно, во время отказовъ своихъ отъ вѣнца, Борисъ старался вывѣдать, не проявится ли кто изъ его недруговъ, чтобы впослѣдствіи знать,

кого слѣдуетъ ему бояться и уничтожить. Но онъ не достигъ цѣли. Враги его не смѣли тогда выявиться вполнѣ; Борисъ оставался въ невѣдѣніи, и теперь, когда услышалъ, что толкуютъ о Димитріѣ, соображалъ, что вѣрно гдѣ-то ему пріискиваютъ Димитрія, можетъ быть фальшиваго, а можетъ быть и настоящаго; ему приходилось искать враговъ, перебирать по одному подозрѣнію много невинныхъ, чтобъ найти виновныхъ.

На перваго онъ напалъ на Богдана Бѣльскаго: этотъ человѣкъ былъ ближе всѣхъ къ Димитрію. Царь Иванъ Васильевичъ поручалъ ему охранять свое дѣтище. Борисъ всегда считалъ его себѣ опаснымъ, въ 1599 году удалилъ изъ Москвы и послалъ въ украинскія степи строить городъ Царевъ-Борисовъ. Бѣльскій зажилъ тамъ богато и знатно, состроилъ крѣпкій городъ, набралъ на свой счетъ войско, кормилъ, одѣвалъ, жаловалъ ратныхъ людей. Когда разнесся слухъ о Димитріѣ, Борисъ, не упоминая объ этомъ имени, придрался къ Бѣльскому за то, что онъ, какъ доносили царю, будучи въ Царевѣ-Борисовѣ, въ веселый часъ произнесъ неосторожныя слова: «царь Борисъ въ Москвѣ царь, а я царь въ Царевѣ-Борисовѣ!» Бѣльскаго привезли въ Москву. Царь позорилъ его, поругался надъ нимъ, приказалъ доктору своему шотландцу выщипать ему густую, красивую бороду, которою Бѣльскій гордился. Его сослали куда-то на Низъ и заточили въ тюрьму. Ссылка постигла и другихъ, которые были съ Бѣльскимъ въ Царевѣ-Борисовѣ, и въ томъ числѣ пріятеля его, Аѳанасія Зиновьева.

Слѣдъ Димитрія не былъ отыскан. Борисъ, растоптавъ Бѣльскаго, принялся за другихъ. Пострадала вся фамилія Романовыхъ и нѣсколько другихъ родственныхъ и дружескихъ съ нею знатныхъ фамилій. Романовы находились не во враждебныхъ отношеніяхъ къ Бѣльскому: впослѣдствіи одинъ изъ сосланныхъ Романовыхъ невольно высказалъ это

высокимъ мнѣніемъ объ умѣ и способностяхъ Бѣльскаго. Притомъ же Романовы были и безъ того бѣльмомъ въ глазу у Бориса. Это былъ родъ самый близкій къ прежней династіи и самый любимый народомъ. Если Борисъ вступилъ на престолъ, будучи шуриномъ покойнаго царя, то Романовы также могли добиваться вѣнца, будучи двоюродными братьями по матери царя Ѳедора Ивановича. На сторонѣ ихъ были и память добродѣтельной Анастасіи, и безукоризненное ихъ всѣхъ поведеніе, и непричастность ихъ рода къ тяжелому времени опричнины. Въ народѣ носились слухи, будто царь Ѳедоръ предъ смертію хотѣлъ, чтобъ вѣнецъ царскій перешелъ по избранію Романовымъ, а не Борису. Понятно, что, при такой обстановкѣ, Романовы не были расположены къ Борису, и Борисъ могъ подозрѣвать Романовыхъ, когда ему приходилось отыскивать тайнаго зла противъ себя. Нужно было потормошить Романовыхъ: авось либо у нихъ найдутъ нити, по которымъ можно добраться до тайны; нужно было потомъ во всякомъ случаѣ избавиться отъ нихъ навсегда. По извѣстіямъ, сообщаемымъ лѣтописями, Борисъ придрался къ нимъ такимъ образомъ: одинъ изъ холопей Александра Никитича Романова, Второй-Бартеневъ, явился къ окольничему Семену Годунову, родственнику и клеврету царя Бориса, и предложилъ свои услуги— донести на Романовыхъ. Семенъ тотчасъ же обѣщалъ ему царское жалованье. Тогда Второй-Бартеневъ наклалъ въ мѣшокъ разныхъ кореньевъ и положилъ этотъ мѣшокъ въ казну Александра Никитича, а потомъ сдѣлалъ доносъ, будто у его боярина есть коренья, которыми онъ хочетъ извести царя и добыть вѣдомствомъ царства. Когда Семенъ донесъ объ этомъ, царь послалъ сдѣлать обыскъ, вмѣстѣ со Вторымъ-Бартеневымъ, окольничаго Михайла Глѣбовича Салтыкова, будущаго измѣнника и предателя Русской земли. Обыскали Александра Никитича, взяли заповѣдной мѣ-

шокъ и понесли къ патріарху Іову; изъ мѣшка вынуты были коренья и положены на столъ при патріархѣ и при другихъ лицахъ изъ знатнаго духовенства. Улика была на лицо. Дѣлавшіе обыскъ ссылались на Втораго-Бартенева, какъ на свидѣтеля, несмотря на то, что онъ же былъ и доносчикъ. Такъ писано въ нашихъ лѣтописяхъ; но историческая критика едва ли можетъ дозволить принять на вѣру эти извѣстія: лѣтописныя сказанія написаны очевидно уже послѣ, въ XVII вѣкѣ. Дѣло, которое производилось о Романовыхъ, не дошло до насъ, и мы не знаемъ подлинно, какую вину нашли тогда за Романовыми. Извѣстно только, что начали брать Романовыхъ-братьевъ одного за другимъ и приводить къ сыску. У нихъ были враги между боярами; желая поддѣлаться къ царю, они ругались надъ Романовыми и старались показать ихъ виновными. На сыскѣ Романовыхъ истязали. Нѣкоторые изъ холопей Романовыхъ оказали такую преданность господамъ своимъ, что претерпѣвали муки и умирали отъ истязаній. Царь Борисъ осудилъ всѣхъ братьевъ съ ихъ семьями, какъ измѣнниковъ и злодѣевъ своихъ, и сослалъ ихъ въ разныя отдаленныя мѣста. Александра сослали къ Бѣлому морю въ усолье Луду; его тамъ скоро не стало; по извѣстію лѣтописца, его удавилъ приставъ Лодыженскій. Василія Никитича съ приставомъ Некрасовымъ сослали въ Яренскъ, а потомъ въ Пелымъ; этотъ бояринъ пострадалъ отъ жестокостей своего пристава Некрасова: онъ надѣлъ на узника тяжелыя цѣпи, мучилъ и билъ вопреки приказаніямъ самого Бориса, а оправдывался тѣмъ, что Романовъ укралъ у него ключъ отъ цѣпи и хотѣлъ убѣжать. Туда же сослали и брата его Ивана Никитича, больнаго, не владѣвшаго рукою. Борисъ не былъ изъ такихъ тирановъ, которые находятъ себѣ наслажденіе въ страданіяхъ тѣхъ, кого считаютъ врагами. Онъ только охранялъ самого себя, былъ рѣшителенъ въ этомъ, но стѣ-

снялъ опасныхъ людей на столько, чтобы они ему не могли быть вредны. Поэтому Борисъ вовсе не приказывалъ мучить братьевъ, сосланныхъ въ Пелымъ. Онъ велѣлъ имъ отвести особый дворъ съ двумя избами, давать имъ по калачу и по два денежныхъ хлѣба въ сутки, въ скоромные дни по части говядины и по три части баранины, а въ постные дни рыбы, не накладывать цѣпей, — но велѣлъ не допускать къ нимъ никого, не дозволять ни съ кѣмъ переписываться, слѣдить за ихъ каждымъ словомъ. Слуги Борисовы показывали свое усердіе къ царю больше, чѣмъ царь требовалъ. Василій Никитичъ скоро умеръ въ Пелымѣ отъ дурнаго содержанія и худаго обращенія. Михайла Никитича отослали съ приставомъ Романомъ Тушинымъ; заточили за 30 верстъ отъ Чертыни въ Наборгской волости и держали въ земляной тюрьмѣ. О немъ сохранилось преданіе, что онъ былъ силачъ; и теперь хранится въ Наборской церкви его цѣпи: плечныя въ 12, ножныя въ 19, а замокъ на нихъ въ 10 фунтовъ. Приставы и сторожа истязали его, но не по приказанію Бориса.

Всѣхъ ихъ разлучили съ семьями. Болѣе всѣхъ братьевъ отличался Ѳедоръ Никитичъ, отъ природы умный, острый, любезный и привѣтливый съ русскими и съ чужеземцами, любознательный и начитанный, знакомый даже немного съ латынью; никто лучше его не умѣлъ ѣздить верхомъ; не было въ Москвѣ красивѣе мужчины, такъ что красота его вошла въ пословицу, и если портной, сдѣлавши платье и примѣривъ его, хотѣлъ похвалить, то говорилъ своему заказчику: «теперь ты совершенно Ѳедоръ Никитичъ».

Говорятъ, что еще при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ принудили его жениться на бѣдной дѣвушкѣ, жившей у сестры его, княгини Черкаской, вѣроятно съ цѣлію унизить его. Но онъ нашелъ добрую жену въ этой незнатной дѣвицѣ, урожденной Шестовой. Этого-то щеголя московскаго по-

стригли насильно въ Сійскомъ монастырѣ и приставили къ нему строгій надзоръ; жену его Ксенію Ивановну разлучили съ малолѣтними дѣтьми, постригли подъ именемъ Мароы и сослали въ Егорѣевскій погостъ Толвуйской волости въ Заонежьѣ; малолѣтнихъ дѣтей ея, мальчика Михаила и дѣвочку, сослали на Бѣлоозеро съ теткою ихъ, сестрою Романовыхъ, дѣвицею Анастасіею. Туда же сослали мужа другой сестры Романовыхъ, князя Бориса Канбулатовича Черкаскаго, съ женою и дѣтьми. Постригли и мать Ксеніи Ивановны, Марью Шестову. Сослали по дѣлу Романовыхъ многихъ другихъ свойственниковъ и друзей ихъ, въ томъ числѣ князя Ивана Васильевича Сицкаго, бывшаго воеводою въ Астрахани: его привезли изъ Астрахани въ оковахъ, разлучили съ женою и сослали въ Кожеозерскій монастырь, а жену въ Сумскую пустынь; сослали также князей Репниныхъ, Карповыхъ и Шестуновыхъ. Вскорѣ участь ихъ нѣсколько была облегчена: такъ, Ивана Никитича перевели въ Нижній Новгородъ. Өедоръ Никитичъ до конца Борисова страдалъ въ Сійскомъ монастырѣ, и приставъ Воейковъ долженъ былъ доносить о рѣчахъ, о всякомъ шагѣ его Борису.

Но Филаретъ былъ слишкомъ для того уменъ и остороженъ, чтобъ Воейковъ могъ услышать отъ него что нибудь важное. Только и могъ Воейковъ донести, что старецъ Филаретъ говорилъ: «бояре мнѣ великіе недруги, искали головъ нашихъ, научали говорить на насъ людей нашихъ, я самъ видѣлъ то не однажды. У нихъ теперь нѣтъ ни одного разумнаго: не сдѣлаетъ съ ними царь никакого дѣла; только несть умный человѣкъ, что Богданъ Бѣльской—тотъ досужъ къ посольскимъ, и ко всякимъ дѣламъ... Передъ приставомъ Филаретъ вспомнилъ о семьѣ, показывалъ видъ, что не знаетъ ничего объ ней, и говорилъ: «милыя мои дѣти! маленьки бѣдные остаются! Кто ихъ будетъ кормить и

понть! А жена моя бѣдная наудачу уже жива ли! гдѣ она? чаю, гдѣ нибудь туда ее замчали, что и слухъ не зайдетъ. Мнѣ уже что надобно! То мнѣ и лихо, что жена и дѣти: какъ помянешь ихъ, такъ словно кто рогатиною въ сердце кольнетъ! Много они мнѣ мѣшаютъ. Дай Господи услышать, чтобъ ихъ раньше Богъ прибралъ,—я бы тому обрадовался; чаю, и жена сама тому рада, чтобъ имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы уже не мѣшали: я бы сталъ промышлять однпъ своею душею». А между тѣмъ, не смотря на всю строгость, Филаретъ зналъ, гдѣ его жена и дѣти; находились добрые люди, которые облегчали участь страдальцевъ. Въ Толвуйской волости былъ попъ Ермолай и нѣкоторые крестьяне, которые освѣдомлялись о положеніи Филарета и сообщали объ немъ извѣстія женѣ его, и отъ ней переносили вѣсти ему. Они какъ будто предчувствовали, что эта погибшая, повидимому, фамилія будетъ въ состояніи вознаградить, за это сочувствіе къ ея несчастію, всѣхъ ихъ потомковъ.

И другія фамиліи испили подобную чашу. Такъ, семейство Пушкиныхъ, по доносу своихъ холоповъ, было разослано въ Сибирь; ихъ помѣстья и вотчины описаны, имущество распродано, а доносчики получили награды. Дьяку Щелкалову не прошло даромъ, что онъ читалъ народу о присягѣ боярской думѣ: и его сослали въ 1602 году *).

Подозрительный до крайности, Борисъ каждую минуту боялся за свой вѣнецъ, за свое существованіе, за свой ордъ и былъ несчастнѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ. Желанный Димитрій не отыскивался; но Борисовы агенты провѣдали и донесли царю, что тайные враги спроваживаютъ этого Димитрія за рубежъ въ Польшу. Донесли также Борису, что уже и въ Польшѣ поговариваютъ, будто живъ законный наслѣдникъ прежнихъ государей Московскаго

*) Карамз. X. примѣчан. 156 и 161.

государства. Борисъ, по прежнему не упоминая имени Димитрія, приказалъ устроить на западной границѣ караулы, не пропускать никого черезъ границу, хотя бы съ проѣзжею памятью, но всѣхъ велѣлъ задерживать и доносить ему объ нихъ. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Трудно было ѣздить изъ города въ городъ,—говоритъ Маржеретъ. Всѣ знали, что ищутъ какихъ-то важныхъ государственныхъ преступниковъ, но никому не объявляли: кого именно ищутъ. Народъ испыталъ много тѣсноты, оскорбленій; много было схвачено и перемучено невинныхъ людей, а того, кого Борису было нужно, не нашли. Награды за доносы привлекали къ этимъ занятіямъ. По московскимъ улицамъ — говоритъ современникъ *): — то и дѣло сновали мерзавцы да подслушивали, что въ народѣ говорится, и чуть только кто заведетъ рѣчь о царѣ, о государственныхъ дѣлахъ, сейчасъ говоруновъ хватаютъ и—въ пытку. Не проходило пира, чтобъ на немъ не было соглядатаевъ; гдѣ только люди соберутся, тамъ и доносчики явятся. «И сталось, говоритъ Русскій Лѣтописецъ **):—у Бориса въ царствѣ великая смута: доносили и попы, и дьяконы, и чернецы, и черницы, и проскурницы, жены на мужьевъ, дѣти на отцовъ, отцы на дѣтей доносили». Бояре и боярыни доносили одни на другихъ—первые царю, вторыя царицѣ; такъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій (впослѣдствіи, въ 1612 г., бывшій предводитель ополченія противъ поляковъ) при Борисѣ былъ доносчикомъ на князя Бориса Лыкова, а мать его княгиня Марья доносила царицѣ на мать Лыкова и на жену Василія Ѳедоровича Скопина-Шуйскаго (мать знаменитаго въ смутное время Михайла Васильевича), будто эти женщины неуважительно отозвались о царевнѣ Ксеніи, Борисовой дочери. Опала постигла ихъ.

*) Is. Masr. 46.

**) Никон. лѣт. стр. 41.

Обвиняемыхъ въ недоброжелательствѣ къ государю и въ злоумышленіяхъ обыкновенно подвергали пыткамъ, и, если они подъ пыткою оказывались сколько нибудь виновными, заключали въ темницы или разсылали по отдаленнымъ землямъ. Имущества опальныхъ брали въ казну или раздавали доносчикамъ. Борисъ воспользовался положеніемъ холоповъ и ихъ естественною непріязнью къ господамъ. Въ тѣ времена господинъ безъ крѣпостнаго акта могъ покуситься на свободу служившаго у него человѣка, и сильный всегда могъ оскорбить, закабалить, примучить слабаго. Зато холопу, если ему тяжело становилось холопство, былъ прекрасный способъ освободиться отъ рабства — донести на господина. Первый примѣръ показалъ тогда Борисъ надъ Воинкомъ, холопомъ князя Шестунова. Этотъ человѣкъ донесъ на своего господина, а царь за то наградилъ его помѣстьемъ, да еще велѣлъ объявить объ этомъ всенародно, чтобъ другимъ былъ примѣръ. Два-три такихъ случая разлакомили холоповъ; вошло у нихъ въ обычай составлять на господъ доносы: сойдется ихъ иногда человѣкъ пять-шесть и больше, подговорятъ лживыхъ свидѣтелей и подадутъ въ приказъ челобитную на царское имя. По этимъ челобитнымъ начинался сыскъ. Кромѣ тѣхъ, на кого прямо доносили, къ дѣлу притягивались родственники, друзья, сосѣди обвиненныхъ, и чуть извѣтъ казался правдоподобнымъ—господъ поражала опала, а холопы получали свободу; ихъ записывали въ число служилыхъ, имъ давали помѣстья. Случалось, господа въ свое оправданіе ссылались на другихъ своихъ холоповъ—тѣ стояли за господъ: ихъ предавали пыткамъ, и если они не переносили кнута и горячихъ угольевъ и путались въ показаніяхъ — имъ рѣзали языки, иногда и вѣшали за приверженность къ господамъ въ ущербъ царской безопасности. Всего чаще обвиняли господъ въ вѣдовствѣ. Скрывая упорно главнѣй-

шую причину розысковъ, Борисъ гласно высказывалъ другаго рода страхъ: чтобъ его и семью его не испортили чарами, наговорами, зельями, и достаточно было голословнаго слуха о вѣдовствѣ, чтобъ начать розыскъ. Царь хоть и боялся вѣдовства, но въ самомъ дѣлѣ не столько, сколько показывалъ, а прикрывалъ этою боязнью надежду посредствомъ розысковъ напасть на слѣдъ Димитрія. Искали въ сущности его—Димитрія; никто не смѣлъ сказать, что его ищутъ; между тѣмъ, объ этомъ знали и расходился на бѣду Борису слухъ о Димитріѣ въ русскомъ народѣ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе, Борисъ хотѣлъ уничтожитъ эту молву въ самомъ источникѣ.

Быстро изчезла та призрачная любовь, которую Борисъ подогрѣвалъ къ себѣ въ русскомъ народѣ искусственною добротою и щедротами. Бориса стали ненавидѣть: его ненавидѣли бояре, ненавидѣло и дворянство, которое ему обязано было закрѣпленіемъ крестьянъ; скоро оно охладѣло къ нему послѣ того, какъ онъ сталъ царемъ. Народъ въ первое льготное время послѣ вѣнчанія новаго царя отдохнулъ не много отъ своего обычнаго бремени; но когда воротился прежній порядокъ, ему послѣ отдыха стало тяжелѣе, чѣмъ прежде, терпѣть отъ налоговъ и грабительства правителей. Разныя вѣтви казенныхъ доходовъ, какъ-то: денежные оброки съ лавокъ въгородахъ, налоги на промыслы, ярмарочные сборы отдавались отъ казны откупщикамъ, получавшимъ грамоту, гдѣ обозначалось: сколько, за что и при какихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ брать; но этого не соблюдали: дѣлалось много произвола и злоупотребленій. Нѣкоторыя статьи торговли были достояніемъ казенной монополіи: важнѣе было то, что продажа вина производилась отъ казны; заведены были кабаки, куда сходились пить царское вино; не дозволено было производить частнаго вина никому, кромѣ тѣхъ, кому давались особыя льго-

ты для домашняго обихода. Такимъ образомъ, пьянство стало источникомъ царскихъ доходовъ; царскій интересъ покровительствовалъ этому пороку, обыкновенно очень заразительному въ сѣверныхъ климатахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ невольно поощрялось народное развращеніе: кабаки царскіе стали притономъ всякихъ мерзостей. По восшествіи на престолъ, Борисъ на первыхъ порахъ какъ будто хотѣлъ измѣнить этотъ порядокъ, тягостный для народа, уничтожалъ кабаки и показывалъ видъ, будто преслѣдуетъ пьянство, но въ сущности поощрялъ его; подъ видомъ охраненія народной нравственности, запрещалась частная продажа вина, а вино, какъ исключительная принадлежность казны, продавалось на кружечныхъ дворахъ. Распространеніе пьянства столько же и разоряло народъ, сколько развращало; явилось много праздношатающихся, пропившихся, готовыхъ на всякое порочное дѣло изъ легкаго прибытка, или съ отчаянія, порвавшихъ семейныя узы и не цѣнившихъ жизни, потому что она имъ не представляла впереди ничего прочнаго. Были и другія причины накопленія такого рода людей. Борисъ, еще бывши правителемъ, покровительствовалъ закрѣпленію холоповъ. Въ 1597 было установлено, чтобъ тѣ, которые давали на себя кабалы за деньги до 1597 года, оставались до смерти въ холопствѣ у тѣхъ, кому они поступали по кабалѣ; не слѣдовало уже брать съ нихъ денегъ, которыя они занимали у господъ и за которыя сами себя имъ закладывали; равнымъ образомъ и дѣти ихъ, рожденныя въ то время, когда ихъ родители находились въ кабалѣ, должны были оставаться въ холопствѣ у того же господина; а на будущее время постановлено, что всякій вольный человѣкъ, прослуживши у господина добровольно около полугода, дѣлался его вѣчнымъ холопомъ на томъ основаніи, что господинъ его одѣвалъ и кормилъ *): при-

*) А. Ист. I. 490.

нималось во вниманіе содержаніе холопа, а его служба не цѣнилась ни во что. Это привело ко всемозможнѣйшимъ насиліямъ. У кого было много денегъ, тотъ дѣлалъ безнаказанно все, что хотѣлъ, съ тѣми, кто въ нихъ нуждался. Приносилъ ли кто вещи въ закладъ,—нужно было, чтобъ вещь стоила вчетверо противъ суммы денегъ. Проценты брались по четыре со ста въ каждую недѣлю, и когда къ сроку нельзя было выкупить, вещь оставалась у хозяина. У кого не было чего заложить, тѣ закладывали сами себя на время, и тогда заимодавецъ устраивалъ дѣло такъ, что обращалъ должника своего себѣ въ холопы. Обыкновенно бѣднякъ, взявши въ займы у богатаго, вмѣсто процентовъ служилъ у него, а хозяинъ придирался къ нему, дѣлалъ начеты, и послѣ срока должникъ, не въ состояніи будучи высвободиться изъ кабалы, оставался въ полномъ холопствѣ. Этого мало. Часто наемный слуга, получавшій жалованье, дѣлался рабомъ потому, что господинъ дѣлалъ притязаніе, будто онъ у него служилъ безъ уговора; и власти присуждали его въ полное холопство, противно всякой правдѣ. Неопредѣленность закона о срокѣ, послѣ котораго вольный слуга дѣлался холопомъ, подавала поводъ къ кривотолкованіямъ. Все зависѣло отъ судьи, а судья приговаривалъ къ холопству и такого, который нѣсколько дней послужилъ господину на томъ основаніи, что господинъ на него потратился. Невольный холопъ не могъ найти управы. Призовутъ мастероваго работать въ домъ; тотъ сколько нибудь поживетъ въ этомъ домѣ, хозяинъ изъявляетъ притязаніе, что онъ его рабъ, а власти потакаютъ ему, оттого что хозяинъ даетъ властямъ взятку. Другаго зазовутъ въ гости, обласкаютъ, покормятъ, напоятъ, а потомъ начнутъ мучить и вымучатъ кабалу. У богатыхъ бояръ и дворянъ нанимались служить въ ратномъ дѣлѣ дѣти боярскіе, люди свободные, даже имѣвшіе помѣстья; сильный господинъ

задерживалъ ихъ и дѣлалъ притязанія, будто тѣ закабалили себя, и они поступали ему въ холопство съ своими имѣніями. Явилась ловля людей: хватали иногда по дорогѣ прохожихъ и заставляли работать, а потомъ муками и насиліями вымогали кабалу; или же начинали съ бѣдняками искъ: начальство потакало сильнымъ и отдавало безсильныхъ въ рабство. За то ловкіе пройдохи играли своей свободой и извлекали для себя пользу изъ рабства: они продадутъ себя въ одномъ домѣ, поживутъ въ немъ, обокрадутъ хозяевъ, бѣгутъ въ другой домъ и въ иной городъ; съ другими сдѣлаютъ такую же продѣлку; потомъ убѣгутъ отъ нихъ и перейдутъ къ третьимъ, чтобъ и этихъ обмануть.

Такимъ образомъ, между господами и холопами была круговая порука: то господинъ дѣлаетъ насильство холопу, то холопъ разоряетъ господина. Въ Московскомъ государствѣ черезчуръ мало и рѣдко было тогда чувство чести быть свободнымъ; званіе несвободнаго не тяготило человѣка. Это было естественно тамъ, гдѣ всѣ, до самаго родовитаго князя, были холопы царя. Исключеніе составляло казачество на югѣ: бѣглецы въ казацкое общество разрывали связи съ московскими порядками; тамъ зачиналось общество на иныхъ началахъ, и притомъ подъ сильнымъ вліяніемъ южной Руси, гдѣ были иныя убѣжденія, иныя преданія, гдѣ остатки удѣльно-вѣчевой старины смѣшивались съ польскими понятіями о рыцарствѣ, заимствованными съ запада и передѣланными въ славянской жизни. Тамъ образовались понятія о свободѣ; тамъ цѣнилось званіе вольнаго человѣка, и казакъ съ гордостію называлъ себя: —« вольный казакъ ». Въ Московскомъ государствѣ считали наравнѣ, что служитъ государству, что быть холопомъ: послѣднее казалось споснѣе; правительство постоянно должно было, ради удержанія на службѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, запрещать имъ вступать въ холопство къ боярамъ.

Крестьяне, сельскіе люди, имѣвшіе право свободно переходить съ земли одного владѣльца на землю другаго и защищаемые закономъ отъ покушеній владѣльцевъ, — при Өедорѣ были закрѣплены и отданы произволу владѣльцевъ, поставлены почти наравнѣ съ кабальными. Мѣра эта была до крайности необходимая. Съ расширеніемъ предѣловъ Московскаго государства на востокъ въ Сибирь, на юго-востокъ по Волгѣ и къ прилежащимъ ей степямъ, на югъ — къ татарскимъ степямъ, открылись новыя привольныя пространства, годныя для поселенія; туда естественно сталъ двигаться народъ: чѣмъ дальше отъ средоточія власти, тѣмъ ему было льготнѣе. Само правительство желало заселенія новыхъ земель русскимъ народомъ, давало для этого и подмогу и предоставляло льготы новопоселяющимся; но такія выселенія въ видахъ правительства не должны были переходить границы, иначе московское государство опустѣло бы. Въ началѣ царствованія Өедора Ивановича, ѣхавшій изъ Вологды въ Ярославль англичанинъ Флетчеръ видѣлъ на этомъ пути до пятидесяти деревень покинутыхъ своими жителями. Между тѣмъ бояре, дворяне, дѣти боярскіе, всѣ вообще служилые люди, составлявшіе военную силу, должны были исправлять свою службу за населенныя земли, называемыя помѣстьями. Доходы съ этихъ земель могли получаться только тогда, когда было кому обработывать эти земли. Естественно было правительству оградить имъ возможность содержать себя для службы. Государственные доходы, получаемые съ посадовъ и волостей, также могли собираться только тогда, когда были на лицо рабочія силы: необходимо было правительству удерживать эти силы въ тѣхъ мѣстахъ, откуда оно получало чрезъ нихъ свои доходы. Борисъ, правившій всѣмъ государствомъ при Өедорѣ, ввелъ закрѣпленіе, соображаясь съ государственными выгодами. Закрѣпленіе крестьянъ было благодѣяніемъ для класса слу-

жилаго, надѣленнаго имѣніями, который нуждался въ работникахъ. Служилые были одолжены этимъ Борису и расположены стоять за своего благодѣтеля при случаѣ. Для громадъ крестьянскаго сословія эта мѣра была тягостна, но Борисъ разсчитывалъ, что ему важнѣе пріобрѣсти силу въ служилыхъ людяхъ, чѣмъ въ крестьянахъ. Тягость закрѣпленія для крестьянъ, впрочемъ, состояла не въ томъ, что владѣльцы и должностные люди могли поступать съ ними как съ рабами, а въ томъ, что они должны были безвыходно жить на одномъ мѣстѣ, тогда какъ это было противно ихъ вѣковымъ дѣдовскимъ привычкамъ, и притомъ когда была для нихъ приманка поселяться въ болѣе льготныхъ и привольныхъ мѣстахъ. Трудно было переселить старину.

Охота переходить должна была еще сильнѣе одолѣвать крестьянина послѣ запрещенія; по крайней мѣрѣ, вмѣсто законно переходившихъ явились бѣглые, противозаконно оставлявшіе владѣльческія земли, гдѣ были прикрѣплены. Ихъ искали, ихъ преслѣдовали и заводили тяжбы съ тѣми, кто ихъ принималъ. Они сами считались преступниками; ихъ связь съ обществомъ была нарушена; преслѣдуемые закономъ, они готовы были идти противъ закона и людскаго общества, подчиненнаго этому закону и исполняющаго его повелѣнія. Такимъ образомъ, накоплялись громады людей, готовыя на всякую смуту. По дорогамъ нападали на проѣзжихъ: грабили и убивали въ городахъ по ночамъ; въ Москвѣ стоило выйти ночью изъ двора, и можно было бояться, что изъ-за угла свиснетъ кто нибудь кистенемъ въ голову. Тамъ, каждое утро, привозили къ земскому приказу убитыхъ ночью и ободранныхъ на улицахъ.

Борисъ одумался, и во время постигшаго русскую землю голода отмѣнилъ было въ близкихъ къ Москвѣ мѣстахъ закрѣпленіе, позволилъ крестьянамъ переходить отъ вла-

дѣльцевъ къ владѣльцамъ по прежнему, но это мало помогло. Страшный голодъ, постигшій Русь въ 1601 и 1602 году, довершилъ подготовку московской земли къ потрясеніямъ. Онъ произошелъ отъ того, что въ теченіи весны и лѣта шли проливные дожди и недоставало тепла, такъ что въ то время, когда уже хлѣбу нужно было созрѣвать, онъ былъ еще зеленъ, а 15 августа ударилъ на него утренній морозъ, и въ этотъ годъ не собрали на полѣ ни зерна. Много было народу, жившаго насущнымъ трудомъ; многіе жили безпечно, не думая собирать запасы на будущее время;—въ хлѣбѣ оказалась скудость, и тотчасъ цѣны на хлѣбъ поднялись неимовѣрно, особенно въ городахъ, такъ что въ Москвѣ, гдѣ было стеченіе народа, цѣна дошла до пяти рублей за четверть. Тогда по дороговизнѣ продавали уже не четвертями, а четвериками *)—$^1/_8$ четверти; этого не было прежде въ обычаѣ, когда бочки (4 четв.) покупались отъ 3 до 5 алтынъ. Нищета поразила простой народъ быстро. Тогда многіе изъ владѣльцевъ, державшихъ у себя холоповъ, и добровольныхъ, и насильно закабаленныхъ, прогоняли ихъ отъ себя, потому что дорого обходился ихъ прокормъ. Изгнанники увеличивали толпы голоднаго народа. Настала тяжелая зима. Но это была только половина бѣдствія. Осенью посѣяли рожь, на весну овесъ и не взошли ни рожь, ни овесъ; и въ слѣдующій годъ былъ такой же неурожай, лѣтописи не говорятъ—отчего. Тогда уже постигла Московское государство такая бѣда, какой, какъ говорили, не помнили ни дѣды, ни прадѣды. Люди стали умирать съ голоду. Царь приказалъ отпереть свои житницы, продавать хлѣбъ дешевле ходячей цѣны, а очень бѣднымъ раздавать деньги. Каждый день въ Москвѣ раздавали нищимъ по полу-деньгѣ человѣку, а въ праздники и

*) Хроногр. Погод. Сбор. 1445.

воскресные дни по цѣлой деньгѣ. Для приходившихъ за царскою милостиною въ нѣсколькихъ мѣстахъ близъ стѣны Бѣлаго города выстроили переходы, и въ нихъ-то раздавалась милостина; каждый день у царя выходило по 20,000 фунтовъ стерлинговъ—говоритъ одинъ англичанинъ *). Но этого было недостаточно; хлѣбъ и прочіе припасы, при накопившемся многолюдствѣ, дорожали болѣе и болѣе; невозможно было всѣхъ прокормить такою милостынею; притòмъ же въ Московской землѣ, по замѣчанію современника **), всѣ должностныя лица были воры; они на этотъ разъ раздавали царскія деньги своей роднѣ, пріятелямъ и тѣмъ, которые съ ними дѣлились барышами; ихъ сообщники приходили въ лохмотьяхъ, за-урядъ съ нищими и голодными, и получали прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ царскія деньги, а настоящіе нищіе — хромые, слѣпые, увѣчные не могли дотолпиться; ихъ прогоняли палками. « Я видѣлъ самъ, говоритъ этотъ современникъ, какъ дьяки, нарядившись въ лохмотья, брали милостину ». Пекарямъ приказано было печь хлѣбы опредѣленнаго вѣса и величины, а они, чтобъ придать больше вѣса своимъ печенымъ хлѣбамъ, продавали ихъ почти сырыми, и даже нарочно воды подливали; и за это нѣкоторые были казнены смертію. Бѣдняки ѣли сѣно, солому, собакъ, кошекъ, мышей, всякую падаль, такую мерзость, что, какъ говоритъ лѣтописецъ, и писать недостойно ***). Много народу издыхало по улицамъ. Борисъ учредилъ стражу, чтобы подбирать и хоронить тѣла умирающихъ безпріютно отъ голода, и приказалъ изъ своей казны отпускать на мертвецовъ саваны. Эта стража то и дѣло разъѣзжала по Москвѣ и увозила мертвецовъ въ ямы за городомъ. Случалось, такимъ обра-

*) Smith 28

**) Is. Mass. 39.

***) Хроногр. Погод. № 1463.

зомъ и живыхъ, падавшихъ отъ изнеможенія, захватывали; случалось—везутъ полныя сани труповъ, а между ними слышатся стоны и жалобныя моленія; а тѣ, что везутъ ихъ, какъ будто не слышатъ, разсчитывая, что все равно придется же забирать ихъ и увозить впослѣдствіи,—и такъ безъ содроганія бросали еще дышащихъ людей въ могилы.

Раздача милостины продолжалась съ мѣсяцъ. Потомъ правительство разсудило, что раздача милостыни только обогащаетъ плутовъ, накопляетъ голодный народъ въ столицѣ; смертность усиливается, можетъ явиться и зараза; притомъ подозрительный Борисъ боялся, чтобъ народъ, пришедши въ крайнее ожесточеніе, не поднялъ бунта, а это было бы опасно, въ столицѣ при такомъ многолюдствѣ. Запретили раздачу милостины въ столицѣ. Это было именно въ такую пору, когда вѣсть о щедротахъ Бориса успѣла распространиться по отдаленнымъ угламъ русскаго міра и со всѣхъ сторонъ шли народныя толпы къ Москвѣ за пропитаніемъ; на дорогѣ постигла ихъ вѣсть, что уже болѣе не раздаютъ въ Москвѣ милостины и не кормятъ голодныхъ. Путники, лишенные средствъ, погибали по дорогамъ, какъ мухи, а другіе ѣли ихъ трупы, и эту пищу у нихъ отнимали стаи волковъ, которые бросались и на мертвыхъ, и на живыхъ.

Борисъ приказалъ посылать милостину денежную въ города, на мѣстѣ покупать хлѣбъ, гдѣ тогда можно было купить его, раздавать бѣднымъ деньги и хлѣбъ. Все это не спасало отъ голодной смерти, а только доставляло возможность еще обогащаться холопамъ государевымъ. Цѣлыя селенія вымирали съ голода. Одинъ современникъ голландецъ, царскій аптекарь, разсказывалъ, что ѣхалъ онъ зимою въ свое имѣніе и на дорогѣ поднялъ замерзавшаго мальчика, отогрѣлъ его въ медвѣжьемъ мѣху и привезъ въ ближайшую деревню. Мальчикъ, пришедши въ чувство,

едва ворочая языкомъ, сказалъ: «весь мой родъ вымеръ отъ голода; осталась мать моя и шла со мною; не въ терпежъ ей стало, что я околѣваю, и убѣжала она въ лѣсъ, а меня покинула на снѣгу». Голландецъ оставилъ поднятаго имъ ребенка въ деревнѣ, далъ кое-что на его содержаніе и поѣхалъ далѣе за своимъ дѣломъ, обѣщавши воротиться и взять къ себѣ сироту. Но когда онъ, по этому обѣщанію, воротился, то не нашелъ никого въ деревнѣ; всѣ ея жители умерли отъ голода и спасенный мальчикъ тоже *). По извѣстію русскихъ и иностранныхъ современниковъ, въ одной Москвѣ погибло 127,000 народа, погребеннаго въ убогихъ домахъ: въ это число не включались мертвецы, которыхъ погребали у приходскихъ церквей. Петрей разсказываетъ, какъ онъ видалъ, что на улицѣ въ Москвѣ умирающая отъ голода женщина вырвала зубами у своего ребенка мясо изъ руки и пожирала въ припадкѣ бѣшенства... **). Иногда мужъ загрызалъ и съѣдалъ свою жену; иногда жена съѣдала мужа; вареная человѣчина продавалась въ пирогахъ на московскихъ рынкахъ. Дорожному человѣку опасно было заѣхать на постоялый дворъ; его могли тамъ зарѣзать и съѣсть, или кормить его мясомъ другихъ проѣзжающихъ. «Я былъ свидѣтелемъ»—говоритъ Маржеретъ:— «какъ четыре москвитянки, брошенныя мужьями, зазвали къ себѣ крестьянина, пріѣхавшаго съ дровами, какъ будто для заплаты, зарѣзали его и спрятали въ погребъ про запасъ, сначала намѣреваясь съѣсть лошадь его, а потомъ уже и его самого. Злодѣяніе это тотчасъ же и открылось; тогда узнали, что эти женщины поступили такимъ образомъ уже съ четвертымъ человѣкомъ».

Тѣмъ не менѣе, современники свидѣтельствуютъ, что на Руси въ то время не было совершенно недостатка хлѣба.

---

*) Is. Mass. 36-

**) Rer. Rossic. script. ext. I, 165.

Не всѣ области Московскаго государства были одинаково поражены голодомъ. Въ Сѣверской землѣ, особенно въ окрестностяхъ Курска, урожаи были хороши, и куряне приписывали это счастливое исключеніе заступничеству своей чудотворной иконы Божіей Матери. Когда въ Москвѣ цѣна четверти ржи доходила до трехъ рублей, въ Курскѣ она продавалась по одному рублю. Но провозъ оттуда былъ чрезвычайно затруднителенъ. У многихъ помѣщиковъ около Владиміра по Клязьмѣ и въ разныхъ уѣздахъ украинныхъ городовъ сохранялись полныя одонья немолоченнаго хлѣба прошлыхъ годовъ. Но мало было готовыхъ приносить общему дѣлу на пользу свои частныя выгоды; напротивъ, старались извлечь себѣ корысть изъ общаго бѣдствія. Нерѣдко зажиточный человѣкъ выгонялъ на голодную смерть рабовъ, рабынь, даже близкихъ сродниковъ, а самъ продавалъ свои запасы дорогою цѣною. Иной мужикъ скряга боялся везти свое зерно на продажу, чтобъ у него не отняли на дорогѣ голодные, и зарывалъ его въ землю; тамъ оно и сгнивало у него безъ пользы; другому удавалось продавать и взять огромные барыши, но потомъ онъ трясся надъ деньгами отъ страха, каждую минуту боялся, чтобъ на него не напали; были такіе, что отъ страха за свои сокровища, такъ быстро нажитыя продажею хлѣба, сходили съ ума и вѣшались или топились *). Московскіе торговцы съ начала дороговизны покупали множество хлѣба и держали его подъ замками въ своихъ лабазахъ, разсчитывая продать его тогда, когда цѣны поднимутся до нельзя. Борисъ сталъ преслѣдовать тѣхъ, у кого былъ спрятанъ хлѣбъ. Холопы дѣлали доносы на господъ: царь посылалъ повѣрять истину доносовъ и найденный хлѣбъ раздавать бѣднымъ, выплачивая хозяевамъ по умѣреннымъ цѣнамъ.

---

*) Is. Mass. 39.

Но посланные стакивались съ хлѣбопродавцами; иногда скрывали найденный хлѣбъ, иногда же хлѣбопродавцы отдавали на продажу по установленной отъ царя цѣнѣ гнилой хлѣбъ, или же царскіе чиновники принимали отъ нихъ меньше, чѣмъ писали. Также точно и посылаемые въ города для повѣрки немолоченнаго хлѣба брали съ владѣльцевъ посулы и укрывали ихъ. Такимъ образомъ, все стараніе Бориса къ удешевленію хлѣбныхъ цѣнъ послужило только къ беззаконному обогащенію его чиновниковъ. Впрочемъ, найденный въ далекихъ провинціяхъ хлѣбъ трудно было возить; голодъ разогналъ ямщиковъ; невозможно было отыскать подводъ.

Борисъ однако хотѣлъ, чтобъ его царство, если было въ печальномъ положеніи, то по крайней мѣрѣ казалось бы въ счастливомъ. Уже при окончаніи голода, пріѣзжали въ Москву иноземные послы; Борисъ думалъ утаивать отъ нихъ бѣдствіе: ему было стыдно, что его царствованіе несчастно; ему хотѣлось, чтобы иноземцы распространяли вѣсти, что народъ подъ его державою благоденствуетъ. Велѣно было всѣмъ наряжаться въ одежды бархатныя и камчатныя, непремѣнно цвѣтныя; запрещено было бѣднякамъ въ отрепьяхъ являться на дорогѣ. Бѣдные дворяне, выстроенные для встрѣчи пословъ, должны были тратить свое достояніе, чтобъ закрыть своимъ фальшивымъ блескомъ горе, постигшее Московскую землю. На тѣхъ, которые скупились разориться для царской воли, доносили доносчики—обыкновенно ихъ же слуги, и царь за то лишалъ ихъ помѣстьевъ и жалованья. Когда пословъ помѣстили въ Москвѣ, то наблюдали, чтобъ никто изъ живущихъ въ Россіи иноземцевъ не разговаривалъ съ посольскою свитою; смертная казнь обѣщана была тому, кто станетъ разсказывать пріѣзжему иноземцу о бѣдствіи, тогда уже проходившемъ. Съ этою цѣлію, въ самый развалъ голода, Борисъ

не дозволялъ выписывать хлѣба изъ-за границы, а между тѣмъ такой ввозъ въ пору могъ значительно понизить цѣны и спасти многихъ отъ голодной смерти *). Борисъ дозволилъ, однако, ввозъ уже по окончаніи сильнаго неурожая, чтобы понизить цѣны. Но урожаи послѣдующихъ лѣтъ не скоро могли понизить цѣны на хлѣбъ до прежней дешевизны. При огромной смертности людей и скота, много полей оставалось и послѣ незасѣянными. Еще въ мартѣ 1604 г., на востокѣ Московскаго государства, въ Нижегородской землѣ платили за четверть ржи цѣлый рубль, тогда какъ скотъ упалъ въ цѣнѣ до того, что ѣзжалую лошадь продавали за 40 алтынъ (1 р. 7½ алт.), а корову за 36 алт. 2 д. (1 руб. 3 алт. **). Дороговизна поддерживалась до осени 1605 г.

Голодное время сдѣлало свое: кромѣ погибели множества народа, оно утвердило въ московскомъ народѣ тяжелую мысль, что царствованіе Бориса не благословляется небомъ, потому что достигнуто и поддерживается беззаконіями. Какъ онъ тамъ ни старался показываться народу щедрымъ, сострадательнымъ, милосердымъ,—все это принималось за лицемѣрство; все дурное напротивъ, что происходило на Руси, —все ставили въ вину царю. Укоренилось мнѣніе, что родъ Борисовъ послѣ него, если сядетъ на престолѣ, не принесетъ русской землѣ благословенія Божія. Желательно становилось, чтобъ дѣтямъ Бориса не пришлось царствовать, чтобъ нашелся такой, который предъ Борисомъ имѣлъ бы болѣе правъ. Такимъ былъ единственно Димитрій. Мысль о томъ, что онъ живъ и явится отнимать у Бориса престолъ, была отрадна и потому принималась, такъ какъ вездѣ и всегда въ несчастіяхъ охотно вѣрится въ воз-

---

*) Rer. Ross. scr. ext. Buss. 24.

**) Расх. кн. Нижегор. Печ. Мон. 112 г. сообщ. П. И. Мельниковымъ.

можность того, что желается. Суровыя преслѣдованія со стороны Бориса распространяли и поддерживали эту страшную для него мысль.

Если старожилы не помнили на Руси такого страшнаго голода, то не помнили и такого бродяжничества, какъ въ эти времена. Господа выгоняли слугъ своихъ, когда черезчуръ дорого стоило ихъ прокормить, а потомъ, какъ хлѣбныя цѣны спадали, хотѣли возвратить ихъ себѣ; но бывшіе холопы, если не успѣвали пропасть отъ голода, жили у другихъ или пріобрѣли вкусъ скитаться—и не хотѣли ворочаться. Умножились тяжбы, преслѣдованія; отыскиваемые бѣглецы собирались въ шайки. Къ этимъ бродягамъ приставало множество холоповъ, принадлежавшихъ опальнымъ боярамъ. Борисъ запрещалъ ихъ принимать вновь въ холопство; а это было также тяжело для нихъ, какъ запрещеніе перехода для крестьянъ; тяготясь холопскою участью у одного господина, рѣдкій холопъ желалъ выйти совсѣмъ изъ холопскаго званія; всѣ почти для того и бѣгали, чтобъ поступить въ другое мѣсто. Этихъ опальныхъ холоповъ собрались тогда тысячи; лишенные права шататься изъ двора во дворъ, они приставали къ разбойничьимъ шайкамъ, которыя повсюду составлялись въ разномъ числѣ. Большей части холоповъ нечѣмъ было кормиться иначе; исключеніе составляли только тѣ, которые знали какое нибудь ремесло *). Было тогда множество бѣглыхъ изъ дворцовыхъ, монастырскихъ, черныхъ селъ, также изъ посадовъ; они разбѣгались во время голода, а потомъ, когда ихъ требовали на прежнія мѣста, имъ тяжело показалось тянуть тягло, особенно послѣ того, какъ множество народа перемерло, а на оставшихся валились большіе налоги, прежде отбываемые бо́льшимъ числомъ тяголъ;

*) Хроногр. Погод. Сбор. 1456.

и они бѣгали, жалуясь на поборы, на неправды прикащиковъ и старостъ, на насилія стороннихъ людей. Одни убѣгали въ Сибирь, другіе на Донъ, третьи въ Запорожье; многіе селились на украинныхъ степяхъ и тамъ уклонялись отъ государственныхъ повинностей. Счастливое исключеніе Сѣверской Украины во время голода было причиною чрезвычайнаго накопленія народа въ этомъ краю. Правительство стало принимать мѣры къ возвращенію бѣглецовъ, а они съ своей стороны готовы были отбиваться. Все это бѣглое населеніе естественно было недовольно тогдашнимъ Московскимъ государствомъ; все оно съ радостію готово было броситься къ тому, кто подниметъ его на Бориса, кто пообѣщаетъ ему льготы. Тутъ не было никакихъ стремленій къ какому бы то ни было иному государственному и общественному строю; громада недовольныхъ легко пристаетъ къ новому лицу, надѣясь, что при новомъ будетъ лучше, чѣмъ при старомъ.

Въ Сѣверщинѣ, лѣсной пограничной сторонѣ, въ 1603 году образовалась большая разбойничья шайка Хлопки Косолапаго. Такъ обыкновенно современники считаютъ ее разбойничьей шайкой, но едва ли она была тѣмъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Скорѣе это было въ зародышѣ такое сборище, какихъ много являлось впослѣдствіи въ русской исторіи—сборище, которое не ограничивалось простымъ грабежомъ и убійствомъ, а покушалось сломать и опрокинуть господствующій строй государственной и общественной жизни. Хлопка не ограничивался нападеніемъ на проѣзжихъ: съ огромной шайкою онъ шелъ прямо на Москву, грозилъ истребить и престолъ, и бояръ, и все, что было на Руси правительственнаго, властвующаго, богатаго и утѣсняющаго. Борисъ, въ октябрѣ 1603, послалъ для истребленія этой шайки ратную силу подъ начальствомъ окольничьяго Ивана Θедоровича Басманова. Уже не далеко

отъ Москвы напали на Басманова воры нежданно. Они ударили на царскую рать на пути между зарослями. Басмановъ былъ убитъ. Но тутъ сталось противно тому, что обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда убьютъ вождя и войско разбѣгается; на этотъ разъ смерть воеводы побудила ратныхъ сражаться съ удвоеннымъ мужествомъ и храбростью. Бились храбро и мятежники. Наконецъ вождь ихъ былъ раненъ и раненый схваченъ въ плѣнъ. Они были разбиты и бѣжали; почти всѣ важнѣйшіе заводчики были пойманы; самъ Хлопка — въ ихъ числѣ; его казнили въ Москвѣ, всѣхъ прочихъ воровъ повѣшали на деревьяхъ *). Басманова погребли съ честію у Троицы.

Этотъ неудачный мятежъ былъ только предвѣстникомъ того, что приближается время, когда такъ или иначе, а приходится пошатнуться Московскому государству. Благочестивые люди ожидали Божіей кары. Въ сентябрѣ того же 1603 года, скончалась сестра Бориса, инокиня Александра, бывшая царица Ирина. Говорили, что смерть постигла ее отъ тоски: она слышала о бѣдствіяхъ Московскаго государства, о страданіяхъ русскаго православнаго народа, о мучительствахъ своего брата. Она пророчила грядущія лютѣйшія бѣды. Говорятъ, совѣсть угрызала ее за то, что она способствовала возведенію Бориса на престолъ. Всемогущій Господь—говоритъ современникъ-иноземецъ, повторяя, конечно, слова русскихъ:—воззвалъ ее изъ юдоли плача къ себѣ, чтобъ избавить отъ ужаса дожить до того, что постигло послѣ нея Московское государство. Толпы мужчинъ, женщинъ, дѣтей провожали тѣло усопшей царицы въ склепъ Вознесенскаго монастыря. Ѣхавшій на саняхъ за гробомъ сестры, царь Борисъ чувствовалъ, что народное

---

*) Is. Mass. 47.

сожалѣніе о его сестрѣ было зловѣщимъ укоромъ ему самому *).

Всегда въ исторіи, предъ великими и страшными потрясеніями и народными бѣдствіями, бывали предзнаменованія, тревожившія суевѣрныя понятія ожиданіемъ чего-то неизвѣстнаго и страшнаго. Такъ было и тогда, предъ началомъ смутнаго времени. Еще при Ѳедорѣ, скоро послѣ убійства Димитрія, происходили въ разныхъ углахъ русской земли явленія, пугавшія народное воображеніе. Говорили, въ 1592 году, въ Сѣверномъ морѣ проявилась такая китъ-рыба, что чуть было Соловецкаго острова со святою обителью не перевернула. Страхъ и раздумье навело на русскихъ разрушеніе Печерскаго монастыря близь Нижняго Новгорода въ 1596 году: осунулась подъ монастыремъ крутая гора и придвинулась къ Волгѣ; монастырскія строенія развалились; люди, однако, успѣли убѣжать. Это событіе повсюду сочли предзнаменованіемъ большой перемѣны въ Московскомъ государствѣ. Скоро народное ожиданіе оправдалось: прекратилась царственная вѣтвь варяжскаго дома, и на престолъ сѣлъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Русь себя государствомъ помнила, человѣкъ другаго рода, да еще татарской крови. Теперь, при Борисѣ, опять народъ пугался предзнаменованій. То и дѣло, что носились слухи о видѣніяхъ и страшныхъ знаменіяхъ. Въ 1601 году, въ Москвѣ караульные стрѣльцы разсказывали: «стоимъ мы ночью въ кремлѣ на караулѣ и видимъ, какъ бы ровно въ полночь промчалась по воздуху надъ кремлемъ карета въ шесть лошадей, а возница одѣтъ по-польски: какъ ударилъ онъ бичемъ по кремлевской стѣнѣ, да такъ зычно крикнулъ, что мы со страха разбѣжались». На западъ отъ Москвы, бродили стаи волковъ и бѣглыхъ собакъ; они на-

*) Is. Mass. 47.

падали на прохожихъ и заѣдали ихъ; зловѣщій ихъ вой слышали въ городахъ и въ самой Москвѣ; разсказывали, будто они пожирали другъ друга,—это казалось необыкновеннымъ. «Вотъ—говорили москвичи:—стало быть неправа пословица: волкъ волка не ѣстъ». Одинъ какой-то смѣлый татаринъ говорилъ: «это значитъ, что вы, москвитяне, будете какъ голодные волки или собаки терзать или истреблять другъ друга!» Около Москвы появилось множество лисицъ, и нѣкоторыя смѣло забѣгали въ городъ. Въ сентябрѣ 1604 года, близъ самаго дворца убили лисицу; эта лисица была черная, какихъ не видано было никогда въ этой сторонѣ; одинъ купецъ заплатилъ за нее большую сумму, какъ за рѣдкую за сибирскую — 90 рублей. Въ разныхъ мѣстахъ Московщины ужасныя бури вырывали съ корнемъ деревья, перевертывали въ городахъ колокольни, срывали крыши. Тутъ не ловилась въ водѣ рыба; тамъ птицъ совсѣмъ не было видно; тамъ женщина родила урода; тамъ домашнее животное произвело такое чудовище, что нельзя было сказать—что̀ оно такое. На небѣ стали видѣть по два солнца и по два мѣсяца. Въ довершеніе всѣхъ ужасовъ явилась комета: она была такъ велика, что во второе воскресенье послѣ Троицына дня 1604 года видѣли ее въ полдень. Борисъ призвалъ какого-то нѣмца-астролога, и этотъ нѣмецъ сказалъ ему: «Богъ посылаетъ такія знаменія на предостереженіе великимъ государямъ; это значитъ, что въ ихъ государствѣ будутъ важныя перемѣны. Царь! берегись, остерегайся людей, которые около тебя, и укрѣпляй границы своего государства, — большая бѣда наступитъ*)!»

Въ Иванъ-городѣ перехвачено было письмо, которое, въ январѣ 1604 года, отправилъ изъ Нарвы въ Або нѣкто Іо-

*) Is. Mass. 41.—Buss. 26.

ганнъ Тирфельдъ: въ немъ онъ сообщалъ носившіеся слухи, что явился сынъ Московскаго царя Ивана Васильевича, Димитрій, теперь находится у казаковъ и скоро Московію постигнетъ большое волненіе. Вслѣдъ за тѣмъ случилось слѣдующее: посланъ былъ окольничій Семенъ Годуновъ, родственникъ царя, въ Астрахань для усмиренія волновавшихся инородцевъ. Доплывши до Саратова, онъ услышалъ, что все казачество по Волгѣ поднялось; купцы сбѣгались въ Саратовъ, извѣщали, что казаки разбойничаютъ большими шайками: далѣе нельзя плыть—говорили Годунову купцы. Но Годуновъ поплылъ далѣе; казаки на него напали; онъ бѣжалъ; кое-кто изъ его людей попалъ въ плѣнъ казакамъ *). Казаки отправили въ Москву этихъ плѣнниковъ и поручили передать царю такъ: «вотъ мы, казаки, скоро придемъ въ Москву съ царемъ Димитріемъ Ивановичемъ!» Борисъ призвалъ къ себѣ бояръ, объявилъ объ этомъ и сказалъ мрачно: «вотъ наконецъ оно, вотъ что вышло! я знаю: это ваше дѣло, измѣнниковъ и предателей, князей и бояръ дѣло... **)».

---

*) Is. Mas. 48.
**) Bussov. 27.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НАЗВАНЫЙ ЦАРЬ ДИМИТРІЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Самозванство въ Украинѣ.—Явленіе Димитрія.—Пребываніе у Мнишка.

Польская Украина была въ тѣ времена обѣтованною землею удали, отваги, смѣлыхъ затѣй и предпріимчивости. Сосѣдство съ воинственною Турціею, грозившею безпрестанно разливомъ своихъ завоеваній, нескончаемыя битвы съ татарами, нападавшими на черезполостныя степныя оконечности Рѣчи Посполитой поддерживали такой духъ между населеніемъ этихъ странъ. Казачество росло не по днямъ, а по часамъ. Казачество, впослѣдствіи враждебное на смерть польскому шляхетскому строю — въ тѣ времена еще не образовало изъ себя окончательно сословія, непріязненнаго шляхетству. Тогда и шляхтичи, и знатныхъ родовъ паны носили въ своихъ нравахъ много казацкаго, охотно служили въ казацкихъ рядахъ, начальствовали казаками. Казакъ значилъ вольнаго удалого молодца, а не мятежнаго хлопа, какъ въ половинѣ XVII вѣка. Воспитанію и развитію казачества между прочими причинами помогалъ въ

4

XVI вѣкѣ молдавскіе безпорядки, которые выразились рядомъ самозванцевъ, называвшихся именами умершихъ и даже небывалыхъ претендентовъ на молдавское господарство; всѣ они искали пріюта и опоры въ Украинѣ, и съ толпами украинской вольницы ходили добывать себѣ призрачнаго господства. Первый проложилъ къ этому путь сынъ рыбака изъ острова Крита Василидъ, называвшійся племянникомъ самосскаго деспота Гераклида; послѣ разныхъ романтическихъ похожденій въ европейскихъ странахъ, онъ, съ помощію украинской вольницы, собранной подольскимъ паномъ Альбертомъ Ласкимъ, въ 1561 г. изгналъ изъ Молдавіи тирана Александра, овладѣлъ молдавскимъ престоломъ, былъ всѣми признанъ за того, за кого самъ себя выдавалъ; но черезъ два года погибъ отъ возмущенія за то, что пыталъ ввести въ Молдавію европейскіе обычаи и хотѣлъ жениться на дочери одного польскаго пана, ревностнаго протестанта, что для молдованъ угрожало ущербомъ ихъ національной религіи *). Въ 1574 году, казацкій гетманъ Свирговскій помогалъ получить молдавское господарство другому самозванцу, Ивоніи, который назвался сыномъ молдавскаго господаря Стефана VII. Въ 1577 г., казаки проводили на молдавское господарство третьяго самозванца Подкову или Серпягу, который назвался братомъ Ивоніи. Не смотря на несчастный исходъ обоихъ послѣднихъ самозванцевъ (успѣвшихъ, однако, на короткое время быть признанными), въ 1591—1592 у казаковъ искалъ помощи четвертый самозванецъ, котораго выдали, однако, полякамъ **). Въ концѣ XVI в., сербскій искатель приключеній Михаилъ овладѣлъ Молдавіею и поднималъ на ноги все казачество именемъ греческой вѣры и

*) De J. Heraclide.

**) Joach. Bielski.

тѣмъ взволновалъ всю русскую чернь. По свидѣтельству современника, въ Украинѣ его ждали какъ Мессію *). Тогда украинская удаль искала личностей, около которыхъ, какъ около центровъ, могла соединиться. Тогда у казаковъ давать пріютъ самозванцамъ и вообще помогать смѣлымъ искателямъ приключеній сдѣлалось спеціальностію, и король Сигизмундъ III наложилъ на казаковъ, для обузданія ихъ своевольствъ, обязательно не принимать къ себѣ «господарчиковъ». Когда по Московской землѣ сталъ ходить слухъ, что Димитрій царевичъ живъ, и этотъ слухъ дошелъ до Украины, было вполнѣ естественно явиться въ Украинѣ Димитрію — былъ ли бы этотъ Димитрій истинный или ложный, подобный молдавскимъ господарчикамъ. Пришелъ удобный случай перенести на Московскую землю сцены казацкаго своеволія подъ тѣмъ знаменемъ, подъ которымъ оно уже привыкло разгуливать по Молдавской землѣ. Не могли же не провѣдать въ Украинѣ, что въ Московщинѣ думаютъ, что Димитрій живъ; много было перебѣжчиковъ изъ Московскаго государства въ Украинѣ; многіе служили въ казацкихъ рядахъ. Всякій, кто бы въ Украинѣ ни назвался именемъ Димитрія, непремѣнно могъ разсчитывать на поддержку: дальнѣйшій успѣхъ зависѣлъ отъ способностей и умѣнья вести дѣло.

И вотъ, въ 1600 — 1601 гг., когда Борисъ учреждалъ по границѣ заставы и не пропускалъ никого даже съ проѣзжими памятьми, сталъ по Кіеву бродить молодой монахъ. Онъ говорилъ о себѣ, что вышелъ изъ Московской земли. Это былъ перехожій кáлика, странникъ: много шаталось такихъ повсюду. Онъ поступилъ во дворъ князя Острожскаго, кіевскаго воеводы. Этотъ столѣтній старецъ, главный дѣятель защиты православія противъ римскаго католи-

*) Lubienicki, Poloneutichia. 143.

чества, былъ гостепріименъ особенно для православныхъ духовныхъ; много ихъ проживало у него на его счетъ. Но таинственный монахъ остался у него долго: онъ оставилъ его и перешелъ къ панамъ Гойскимъ. Гавріилъ и Романъ — отецъ и сынъ — Гойскіе были люди чрезвычайно вліятельные и извѣстные *). Они были аріане и въ то время оставались самыми ревностными двигателями этой вольнодумной секты въ Рѣчи Постолитой. Гавріилъ Гойскій былъ прежде старостою въ имѣніяхъ князя Острожскаго и пользовался расположеніемъ его и сыновей его. Православные паны дружили съ еретикомъ во имя свободы совѣсти. Старикъ Константинъ Острожскій не терпѣлъ католичества и ради этого ладилъ со всѣми разновѣрцами, лишь бы и они враждебно относились къ католичеству, надѣясь составить изъ различныхъ толковъ союзъ противъ папскаго всевластія. Аріанство въ Польшѣ было сначала религіозное вольнодумство неопредѣленнаго свойства, въ концѣ царствованія Сигизмунда Августа получившее видъ правильной церкви съ опредѣленными догматами. Основанія этой секты были таковы: признаніе единаго Бога, но не въ Троицѣ, признаніе Іисуса Христа не воплотившимся свыше чудесно сыномъ Божіимъ, а боговдохновеннымъ человѣкомъ, отверженіе крещенія младенцевъ, иносказательное пониманіе христіанскихъ догматовъ и таинствъ, стремленіе вообще поставить свободное мышленіе выше авторитета вѣры въ невидимое и непостижимое. Гойскіе устроили на Волынѣ двѣ аріанскихъ школы: одну въ Гощѣ, на р. Горынѣ, другую въ Соколѣ, на р. Случѣ. Сами они проживали въ Гощѣ; около нихъ постоянно собирался аріанскій сборъ, т. е. пріѣзжали единовѣрцы толковать и спорить, а послѣ споровъ пировать и веселиться. Въ такой кругъ попалъ нашъ калика и сбросилъ

*) О Гойскихъ у Lubienicki, Hist. reform. in Polon. 276.

съ себя монашеское платье; нѣкоторые говорятъ, будто онъ служилъ на кухнѣ у Гойскаго *), другіе говорятъ, что онъ тамъ училъ дѣтей; но вѣроятнѣе — третье извѣстіе — что онъ самъ тамъ учился. Сколько мы его знаемъ впослѣдствіи, онъ кое-чему учился и успѣлъ нахвататься вершковъ польскаго либеральнаго воспитанія. Здѣсь, быть можетъ, онъ пріобрѣлъ навыкъ къ стрѣльбѣ и верховой ѣздѣ и вообще ту ловкость и развязность, которою послѣ отличался. Тогда въ Польшѣ въ школахъ и въ панскихъ дворахъ, гдѣ воспитывалось юношество, очень заботились о томъ, чтобы развить тѣлесныя силы и быстроту движеній молодого человѣка. Тотъ былъ молодецъ, кто могъ на лету застрѣлить птицу, или попасть пулею или стрѣлою въ написанное на бумагѣ слово, перескочить съ разбѣга черезъ заборъ, вскочить на коня, не прикасаясь къ лукѣ сѣдла, а еще болѣе славы тому, кто заставитъ слугу поднять вверхъ руку, разставить пальцы, а между пальцами монету держать, а онъ выстрѣлитъ и попадетъ въ монету. При такомъ способѣ воспитанія, неудивительно, что нашъ ка́лика, побывши нѣсколько времени при дворѣ Гойскаго, сдѣлался ловкимъ молодымъ человѣкомъ, и гимнастика далась ему лучше чѣмъ латинская грамматика. Сверхъ того, пребываніе въ этой школѣ свободомыслія положило на него печать того религіознаго индифферентизма, котораго не стерли впослѣдствіи и отцы іезуиты. Отъ Гойскаго ка́лика перешелъ въ мѣстечко Брагинъ ко князю Адаму Вишневецкому и поступилъ къ нему на дворовую службу. Какъ это могло сдѣлаться, что нашъ ка́лика перешелъ во дворъ Вишневецкаго, — объясняется отчасти тѣмъ, что Гойскіе, у которыхъ онъ жилъ и учился, были въ дружескихъ отношеніяхъ съ Вишневецкими.

*) Bar. Barezzi, 6.

Знатные паны держали у себя на дворахъ большіе *оршаки* слугъ. Изъ нихъ одни назывались дворяне, были шляхетскаго происхожденія и занимали ближайшія къ панской особѣ должности; изъ нихъ-то составлялась надворная команда, выходившая въ поле подъ панскою хоругвіею. Другіе подъ общимъ названіемъ либеріи составляли дворню: между ними различались гайдуки, казаки, хлопцы, пахолки, пахолята. У пана, какъ у независимаго владѣльческаго лица, были свои придворные чины. Первое мѣсто занималъ между ними маршалокъ двора (дворецкій): онъ завѣдывалъ порядкомъ службы, творилъ судъ и расправу надъ слугаму, принималъ ихъ въ службу и увольнялъ. За нимъ слѣдовали панскій докторъ, правникъ, то есть ходатай по судебнымъ дѣламъ, коморникъ, крайчій, старосты, ключники, писари, наконецъ, шуты или забавники, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобъ веселить пана и гостей его, когда понадобится. Большая же часть слугъ не имѣла опредѣленнаго занятія. Собственно слуги или либерія назывались юргельтниками оттого, что получали *юргельтъ* (Suhrgeld)—жалованье, но такихъ было не много, да и то жалованье обыкновенно давалось въ скудномъ количествѣ; остальные тѣмъ довольствовались, что получали помѣщеніе и пищу, ничего не дѣлая; не имѣя средствъ къ хорошему содержанію, слуги панскіе нерѣдко дѣлали всякаго рода своевольства и разбойничали. Многолюдство прислуги во дворѣ знатнаго вельможи увеличивалось оттого, что съ дворянами, то есть слугами шляхетскаго происхожденія, проживали у пановъ собственные пахолки этихъ дворянъ. Дворы Вишневецкихъ отличались многолюдствомъ, и паны не были разборчивы въ пріемѣ слугъ, даже сами не знали, кто у нихъ служитъ: приходили къ нимъ и уходили отъ нихъ бродяги всякихъ странъ; стоило только попросить маршалка записать себя въ реестрѣ. Князь Адамъ Вишне-

вецкій, владѣлецъ огромныхъ имѣній въ южной Руси, былъ панъ молодыхъ лѣтъ, гуляка, любилъ пиры задавать и показывать панскія причуды, — былъ готовъ на всякое своевольное удалое предпріятіе — украинскій панъ! Молодой московскій человѣкъ, какимъ пришелецъ себя выдавалъ, былъ лѣтъ двадцати, худощавъ, небольшаго роста, съ русыми волосами, лицо у него было кругловатое, некрасивое, смуглое, большой расплюснутый носъ, подъ носомъ бородавка, голубые глаза отдавались какою-то задумчивостію; голосъ его былъ пріятенъ; говорилъ онъ складно съ воодушевленіемъ.

Поживши не долго въ ряду другихъ слугъ, онъ заболѣлъ или сказался больнымъ, легъ въ постель и попросилъ къ себѣ русскаго священника, а по другимъ извѣстіямъ—русскаго игумена *). Его исповѣдали. Онъ сказалъ духовнику: «если я умру отъ этой болѣзни, похороните меня съ честію, какъ погребаютъ царскихъ дѣтей.» Священникъ изумился и спросилъ: «что значитъ это?»

— «Я не открою тебѣ теперь, отвѣчалъ слуга; пока я живъ, не говори объ этомъ никому; такъ Богу угодно; по смерти моей возьми у меня изъ-подъ постели бумагу, прочитаещь — узнаешь послѣ моей смерти, кто я таковъ; но и тогда знай самъ, а другимъ не разсказывай **).»

Священникъ, вмѣсто того, чтобъ исполнить такъ, какъ говорилъ больной, сдѣлалъ, какъ, быть можетъ, втайнѣ хотѣлось больному: онъ побѣжалъ къ Вишневецкому и разсказалъ все. Князь Вишневецкій вмѣстѣ съ этимъ исповѣдникомъ самъ пришелъ къ больному и сталъ его разспрашивать. Тотъ молчалъ. Вишневецкій отыскалъ подъ постелью свитокъ, прочиталъ и узналъ изъ него, что передъ нимъ

*) Petric. 17.
**) Никоновск. 56.

находился сынъ Московскаго царя Ивана Васильевича Грознаго, Димитрій, котораго считали убитымъ въ Угличѣ, въ царствованіе Өедора Ивановича.

Голова закружилась у папа; пріятно стала щекотать его самолюбіе мысль, что въ его домѣ между его слугами пришелъ искать убѣжища несчастный изгнанный царевичъ, законный наслѣдникъ великаго сосѣдняго царства. Видъ больнаго внушалъ довѣріе: Димитрій, повидимому, не хотѣлъ открывать себя; онъ открылся только потому, что уже не надѣялся жить. Вишневецкій приложилъ попеченіе о его выздоровленіи. Димитрій поднялся на ноги очень скоро.

Тогда князь Адамъ одѣлъ его въ богатое платье, приставилъ къ нему слугъ, далъ ему парадную карету съ шестью отличными лошадями, началъ съ нимъ обращаться съ уваженіемъ, и повезъ его къ брату своему воеводѣ Константину Вишневецкому *). Между тѣмъ дали знать объ этомъ королю.

---

*) По другому извѣстію (Chr. Buss. 20), князь Адамъ однажды отправился съ нимъ въ баню и приказалъ что то привести себѣ. Слуга позамѣшкался. Князь разсердился, обругалъ его и ударилъ. Слуга горько заплакалъ и сказалъ: «если бы ты, князь Адамъ, узналъ, кто я таковъ, ты бы не ругалъ и не билъ меня.» — «Кто же ты?» спросилъ князь. Тогда слуга объявилъ, что онъ царевичъ Димитрій и въ доказательство истины словъ своихъ показалъ ему золотой крестъ, осыпанной драгоцѣнными камнями: «вотъ крестъ, сказалъ онъ, который мнѣ дали при крещеніи.» Онъ упалъ къ ногамъ князя. «Князь Адамъ, дѣлай со мною, что хочешь. Я не хочу болѣе жить въ такомъ униженіи. Если жь ты мнѣ поможешь, возблагодарится тебѣ достойно». Князь Адамъ пригласилъ царевича помыться въ банѣ, а самъ побѣжалъ къ женѣ, разсказалъ, что у нихъ въ домѣ московскій государь, приказалъ подвести къ банѣ карету въ шесть лошадей и самъ съ семнадцатью слугами вошелъ въ баню и помогалъ царевичу одѣваться въ принесенныя богатыя одежды и проводилъ до кареты, которую просилъ принять въ даръ отъ себя.

По третьему (Bisaccioni. 27—40), претендентъ открылся не у Адама, а у Константина Вишневецкаго, куда онъ пріѣхалъ съ паномъ

Называвшій себя Димитріемъ разсказывалъ, что Борисъ, посягая завладѣть царствомъ, когда умретъ его зять царь Ѳедоръ, тайно приказалъ убить царевича Димитрія. Но царевича спасъ его пѣстунъ; провѣдавъ, что ребенка хотятъ убить, онъ подмѣнилъ его другимъ мальчикомъ, который и былъ убитъ подосланными убійцами, на постелѣ, ночью. Димитрія увезли къ одному сыну боярскому; тамъ онъ воспитывался въ неизвѣстности, а чтобъ лучше сохранить его отъ Бориса, удалили его въ монастырь. Димитрій ходилъ изъ монастыря въ монастырь, но потомъ Борисъ узналъ о его существованіи и сталъ сильно искать его, и онъ ушелъ въ Украину, во владѣніе Польскаго короля *).

Адамомъ въ качествѣ слуги. Тамъ онъ увидалъ сестру жены князя Вишневецкаго, Урсулы, урожденной Мнишекъ, панну Марину Мнишекъ. Ослѣпительная прелесть поразила его. Онъ осмѣлился мечтать о ней, и однажды подложилъ ей на окно записку, гдѣ сказалъ, что онъ не то по рожденію, чѣмъ принужденъ быть по несчастнымъ обстоятельствамъ, и подписался Димитріемъ. Любопытство увлекло панну Марину. Она объявила объ этомъ сестрѣ своей. Обѣ сестры пригласили Димитрія для объясненія съ ними. Димитрій разсказалъ имъ исторію московскаго царевича. Вдругъ появились паны Вишневецкіе и бывшій у Константина въ то время панъ Гойскій, прежній хозяинъ Димитрія. Они слушали его рѣчи въ скрытомъ мѣстѣ. Димитрій, не смѣшавшись, прежде чѣмъ они произнесли слово, сказалъ: «если бъ я былъ московскій царевичъ, могъ ли бы надѣятся получить руку панны Марины?» Константинъ Вишневецкій сказалъ: «совѣтую вамъ хорошенько подумать о томъ, что вы говорите. Если вы точно Димитрій, сынъ Ивана Васильевича, то я могу вамъ помочь и поднять за васъ большую часть Польши. Мой тесть также силенъ. Но если вы говорите неправду, васъ узнаютъ. Когда получите ваше государство, то наша слава будетъ въ томъ, чтобъ служить вамъ, а теперь не думайте видѣть желаемую супругу». По этому сказанію какъ бы выходитъ, что самая мысль назваться царевичемъ родилась отъ страстной любви. Онъ ухватился за эту мысль съ цѣлію овладѣть особою, которую полюбилъ. Первое сказаніе подтверждается письмомъ князя Вишневецкаго къ королю. (Nowak. Żródła. t. II).

*) Собств. письмо Сигизм. III. къ Брестскому воев. Зѣновичу, отъ 18 февр. 1664. Въ автогр. публ. библ. № 63.

Когда слухъ распространился о спасеніи царевича, тутъ случился какой-то московскій человѣкъ, звавшій себя Петровскимъ, слуга канцлера Льва Сапѣги; онъ говорилъ, что видѣлъ когда-то Угличскаго царевича и можетъ теперь узнать его. Петровскаго призвали, и тотъ съ перваго раза закричалъ: «это истинный царевичъ Димитрій!» Сходство нашлось поразительное: у царевича маленькаго была бородавка на щекѣ и одна рука короче другой; и у этого молодого человѣка точно тѣже признаки; у царевича будто бы при самомъ корнѣ правой руки было родимое красное пятнышко,—и у него точно такое оказалось *). Этого свидѣтельства было достаточно; дальнѣйшей критики не требовалось, особенно когда панское тщеславіе побуждало болѣе вѣрить, чѣмъ сомнѣваться. Оба брата Вишневецкіе сочли несомнѣннымъ, что у нихъ спасенный сынъ Московскаго царя.

Вишневецкіе имѣли большое значеніе въ южно-русскомъ краѣ; домъ ихъ всегда былъ биткомъ набитъ шляхтою. Теперь вѣсть о чудесно спасенномъ царевичѣ распространилась быстро, и всѣ бѣжали смотрѣть на такое диво. Вишневецкій показывалъ его предъ всѣми. Молодой человѣкъ говорилъ о своей судьбѣ съ жаромъ и возбуждалъ сочувствіе въ слушавшей шляхтѣ. «Я долженъ былъ скрываться подъ вымышленными именами,»—говорилъ онъ,—«я зналъ, какого я происхожденія, и когда пришелъ въ возрастъ, тяжело мнѣ стало въ Московской землѣ, и я ушелъ къ вамъ, и теперь принялъ твердое намѣреніе—возвратить отеческое достояніе. Я не изъ честолюбія хочу этого, а чтобъ не торжествовало злодѣяніе; многіе московскіе бояре желаютъ этого, многіе знаютъ, что я живъ, ожидаютъ меня, ненавидятъ тирана, и готовы признать меня законнымъ госуда-

*) Petric. 12—17.

ремъ.» Въ этомъ краѣ, не смотря на сосѣдство, мало были знакомы съ подробностями обстоятельствъ Московской земли, и потому легко вѣрили. Этому помогло одно обстоятельство: нашелся въ Польшѣ какой-то ливонецъ, который увѣрялъ, что служилъ царевичу Димитрію въ его дѣтствѣ и былъ тогда въ Угличѣ, когда случилось убійство. «Я не знаю», говорилъ онъ, «настоящаго ли тогда убили или подмѣненнаго. Но я помню царевича и узна́ю его, если тотъ, кто называется его именемъ, дѣйствительно настоящій». Король приказалъ послать этого ливонца къ Вишневецкому. Ливонецъ, поговоривши съ претендентомъ, потомъ всѣмъ говорилъ: «это настоящій царевичъ Дмитрій. Я узналъ его по знакамъ на тѣлѣ; кромѣ того, я его распрашивалъ; онъ помнитъ много такого, что случалось въ его дѣтствѣ и чего другой не могъ бы знать *)». Вѣроятно отъ этого ливонца пошло въ ходъ доказывать истинность Димитрія между прочимъ тѣмъ, что у него на лѣвомъ плечѣ красная родинка, которую будто бы видѣли на намъ тогда, когда онъ, будучи еще ребенкомъ, жилъ въ Угличѣ.

Проживая у Вишневецкаго, Димитрій завелъ сношенія съ казаками и побуждалъ ихъ помогать ему достигнуть московскаго престола **). Онъ отправилъ поджигатъ противъ Бориса и Донскихъ казаковъ. Это порученіе принялъ на себя, по увѣренію современника, Григорій Отрепьевъ: бывъ монахомъ въ Чудовомъ монастырѣ, онъ служилъ у патріарха Іова для письмоводства и ходилъ съ нимъ въ царскую думу, а потомъ былъ обвиненъ въ чернокнижествѣ и убѣжалъ въ 1602 г. въ постъ Польшу. Такъ-какъ этотъ монахъ, по извѣстіямъ знавшихъ его, былъ въ Гощѣ, то, вѣроятно, тамъ онъ и сошелся съ Димитріемъ. По извѣстію Буссова ***), онъ-то и настроилъ его назваться этимъ

*) Письмо Сигизмунда III.
) Ibid.
**) Bussow, 26; руск. перев 32.

именемъ. Король потребовалъ отъ Вишневецкаго, чтобъ онъ доставилъ къ нему отыскавшагося московскаго царевича, и Вишневецкій выѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ къ королю.

Польскіе паны ѣздили пышно и медленно; ихъ сопровождало множество экипажей и множество слугъ; за ними везли чуть не все хозяйство; а ѣдучи, если не было къ спѣху, они заѣзжали къ роднѣ и къ друзьямъ, гдѣ пріѣздъ гостей давалъ поводъ къ празднествамъ и угощеніямъ. Такъ было и теперь. Константинъ Вишневецкій, ѣхавшій вмѣстѣ съ женою, заѣхалъ и завезъ молодого царевича къ своему тестю Юрію Мнишку, Сендомирскому воеводѣ, въ Самборъ, городъ «королевскихъ добръ», отданный въ управленіе Мнишку. Онъ находился въ превосходнѣйшемъ краѣ, стоялъ на прекрасномъ мѣстоположеніи надъ Днѣстромъ; былъ, какъ всѣ города, набитъ жидами; въ немъ былъ деревянный замокъ, съ башнями и съ двумя воротами, надъ которыми возвышались башенки, покрытыя жестью; одна была съ золотою маковкою. Тутъ находилось много деревянныхъ строеній, гдѣ помѣщались службы и находились пріюты для гостей, которые то и дѣло что пріѣзжали на дворъ и съѣзжали со двора знатнаго пана; былъ тамъ садъ, а за садомъ гумна, оборы, шпихлеры, пивоварня, скотня и проч. Напереди во дворѣ возвышался деревянный костелъ, а близъ него домъ или палацъ, гдѣ проживалъ Мнишекъ, управитель королевской экономіи въ Самборѣ. Палацъ въ Самборѣ былъ деревянный. Тогда богатые паны не гнушались домами построенными изъ лиственницы: это не мѣшало украшать ихъ великолѣпно и снаружи и внутри. На верху очень высокой, въ два уступа, гонтовой крыши, со множествомъ слуховыхъ оконъ, была средняя вышка съ золоченой маковкой; по угламъ стояли вышки поменьше. Панскіе домы обыкновенно строились тогда въ два жилья,

съ заворотами и угольниками, на глубокомъ подвалѣ. Наружное разнообразіе постройки увеличивалось многими входами съ крыльцами подъ навѣсами. Съ пріѣзда на дворъ бросался въ глаза главный входъ подъ фронтономъ на колонкахъ, украшеннымъ гербомъ владѣтеля (у Мнишковъ, пукъ перьевъ). Съ главнаго крыльца входили въ огромныя сѣни, гдѣ всегда бывало множество прислуги. Изъ сѣней былъ входъ въ столовую залу, обычное мѣсто сборища гостей; за нею анфиладою шло двѣ или три залы, убранныя нарядно. Потолки разрисовывались, раззолочивались узорами, рѣзныя створки дверей блистали позолотою; на дверяхъ и на окнахъ съ разноцвѣтными стеклами и лѣпными карнизами висѣли золототканые или бархатные занавѣсы съ широкою бахрамою; стѣны, столы и скамьи, а во многихъ комнатахъ и полы, укрыты были ковровыми тканями съ затѣйливыми изображеніями охоты, сраженій, любовныхъ сценъ, миѳическихъ и историческихъ событій и пр. На стѣнахъ висѣли картины и въ одной изъ залъ по стѣнамъ красовались въ золоченыхъ рамахъ портреты королей и предковъ хозяина. У стѣнъ стояли лавки съ откосами, а кресла, которыхъ было не много, дѣлались на золоченыхъ ногахъ съ золочеными рукоятками въ видѣ вычурныхъ фигуръ. Кромѣ этихъ парадныхъ комнатъ, панскій домъ наполняли жилыя комнаты въ различныхъ направленіяхъ, отличавшихся тѣмъ, что въ стѣнахъ были выемки и шкапы съ полками и дверцами для храненія всякаго рода домашнихъ вещей. Таковъ былъ общій видъ панскаго дома начала XVII в.; такой видъ жилья долженъ былъ тогда представиться нашему монаху. Управитель самборскаго королевскаго имѣнія не пользовался расположеніемъ подданныхъ, которые были ввѣрены къ управленію; напротивъ, сохранились жалобы на притѣсненія и несправедливости

Мнишка *). Это, впрочемъ, было дѣло обычное въ имѣніяхъ, такъ или иначе пожалованныхъ отъ короля пану въ пользованіе или въ аренду. Огромная толпа панскихъ слугъ шляхетскаго званія жила на счетъ мѣщанъ, жителей города или мѣстечка даннаго пану; мѣщане обязаны были давать имъ «стаціи» на продовольствіе—хлѣбомъ, мукою, рыбою, мясомъ, а часомъ шляхтичь-слуга и насильно бралъ, что хотѣлъ, у мѣщанина. Когда пану нужно было что нибудь для дома — то это покупалось у подвластныхъ мѣщанъ; имъ вмѣсто чистыхъ денегъ давались карточки, которыя ходили между ними, какъ ассигнаціи и, разумѣется, падали въ цѣнѣ при сношеніяхъ съ чужими. Кромѣ обычныхъ по уставу поборовъ, панъ вымогалъ отъ мѣщанъ упоминки, особенно, когда случалось ему дѣлать пиръ. Тогда у пана веселились, а мѣщане терпѣли лишенія, втайнѣ проклиная панскую веселость.

Мнишекъ былъ пожилой человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, невысокаго роста, съ короткою шеею, дородный, съ высокимъ лбомъ, съ небольшой круглой бородой, съ выдавшимся впередъ подбородкомъ и съ голубыми плутоватыми глазами, со сладкими манерами, съ красивымъ образомъ выраженія. Есть извѣстія, дающія намъ возможность познакомиться нѣсколько съ этимъ человѣкомъ **). Слава о немъ была не отличная. Отецъ его, Николай Вандалинъ Мнишекъ изъ Великихъ Кончицъ, родомъ былъ чехъ и пришелъ въ Польшу изъ Моравіи въ царствованіе Сигизмунда I, женился на дочери пана Каменецкаго русскаго воеводы и получилъ званіе короннаго подкоморія. Двое сыновей его — Николай и Юрій служили при дворѣ Сигизмунда-Августа и въ послѣдствіи дни его жизни вошли къ нему въ большое

*) Въ дѣл. Литовск. Метрики.

**) У Оржельскаго, Bezkrólewie t. I и II.

довѣріе. Послѣ смерти своей любимой супруги, Барбары Радзивиловны, король впалъ въ тоску, которая истощала его нравственныя и тѣлесныя силы. Исполняя волю умирающей жены, Сигизмундъ-Августъ женился на австрійской принцессѣ, но скоро возненавидѣлъ ее и развелся съ нею. Онъ не могъ забыть Барбары; годы проходили, тоска его возрастала. Надобно было чѣмъ нибудь заглушить ее. Какъ часто бываетъ съ тѣми, которые страдаютъ отъ потери дорогихъ существъ, король предался распутству Тутъ пригодились ему Мнишки. Они доставляли женщинъ для королевской спальни. Сигизмундъ-Августъ сталъ ребячески суевѣренъ: и въ этомъ угождали ему Мнишки; они держали у себя для короля двухъ колдуновъ Гроновіуса и Бурана; кромѣ того выписывали и доставляли королю разныхъ бабъ шептухъ, гадальщицъ и лекарокъ, которыя волшебными средствами поддерживали въ королѣ способность наслажденія женскимъ естествомъ. Провѣдаютъ Мнишки про подобную знахарку, сейчасъ посылаютъ за нею, привозятъ къ королю тайно ночью, и та обливаетъ чудесною водою его изсохшее тѣло и совѣтуетъ оставить прежнюю любовницу и взять себѣ иную — такую-то. Мнишки добываютъ королю ту, на которую укажетъ колдунья. Тогда прежняя любовница, покинутая, вмѣстѣ съ своей бабой колдуньей, хотятъ вѣдовствомъ испортить короля. Опять работа Мнишкамъ. Они достаютъ еще одну бабу, которая уничтожитъ зловредныя чары прежней. Король былъ совсѣмъ не мстителенъ и не преслѣдовалъ тѣхъ любовницъ и бабъ, о которыхъ думалъ, что онѣ ему творятъ зло, а старался ихъ задобрить деньгами и подарками. Родственники и свойственники любовницъ получали королевскія милости и возвышенія. Предъ концомъ жизни короля была у него въ любви Барбара, дочь мѣщанина Гижи, называемая по отцу Гижанка. Она, и по своей красотѣ и по своему имени,

напоминала ему незабвенную супругу Радзивилдвну; король пристрастился къ ней. Ее досталъ ему Юрій Мнишекъ; онъ переодѣлся въ женское платье, вошелъ въ монастырь бернардинокъ, гдѣ воспитывалась Гижанка, подговорилъ ее, увезъ изъ монастыря и доставилъ на королевское ложе. Она жила во дворцѣ и каждый день два раза приводилъ ее къ королю Мнишекъ. Тогда Мнишки стали всемогущими людьми въ Рѣчи Посполитой. Юрій получилъ санъ коронпаго крапчаго, начальствовалъ дворцовою стражею, оберегалъ здравіе любовницъ, которыхъ жило во дворцѣ пять съ ихъ роднею: изъ зависти и досады ихъ могли оскорблять; тогдашнее поведеніе короля соблазняло нравственныя понятія польскаго общества. Мнишекъ съ братомъ имѣли доступъ къ королю во всякое время, тогда какъ знатные сенаторы, лица древнихъ родовъ, не такіе пришельцы, какъ они, принуждены были дожидаться за воротами, пока ихъ допустятъ къ высокой особѣ. Къ Мнишкамъ обращались съ просьбами; черезъ нихъ получались должности, имѣнія; Мнишки писали королевскимъ именемъ грамоты и подносили Сигизмунду Августу, не читая, подписывать слабою дрожащею рукою. Его домашняя казна была въ распоряженіи Мнишковъ. Въ этомъ положеніи они получали отъ короля награды, да и сами не стѣснялись поживляться изъ той казны, которая отдана была имъ въ руки. Но окончательно обогатились они въ день смерти короля. Постепенно таявшій король, пріѣхавши съ Мнишками, съ Гижанкою и съ приближенными дворянами въ литовскій замокъ Книшинъ, скончался тамъ 7 іюля 1572 года. Въ ночь послѣ того Мнишки отправили съ своими слугами нѣсколько «мѣшковъ» изъ замка, а за шесть дней передъ тѣмъ вывезли уже такой большой сундукъ, что шесть человѣкъ едва могли поднять его. Другіе дворяне съ ихъ согласія также погрѣли руки. Домашняя королевская казна до того была очищена,

что не во что было прилично одѣть смертныя останки короля. На послѣдовавшемъ потомъ избирательномъ сеймѣ возникло объ этомъ грабежѣ дѣло; оно началось по неудовольствію сестры короля, инфантки Анны, которая давно уже ненавидѣла Мнишковъ, оскорбляясь тѣмъ, что король больше оказывалъ чести и вниманія подставляемымъ ему отъ Мнишковъ любовницамъ, чѣмъ сестрѣ. Но за Мнишковъ стали заступаться сильные люди, которые были съ ними въ свойствѣ; доказывали, что невозможно фактически доказать разстрату королевскаго имущества и уговорили инфантку Анну оставить преслѣдованіе Мнишковъ. «Я много потерпѣла отъ нихъ — сказала инфантка — но пусть эти негодяи остаются ненаказанными: не приходится мнѣ въ моемъ горѣ домогаться ихъ заслуженной кары, а простить ихъ никогда не могу». Дѣло было прекращено. Не смотря, однако, на сильныя связи Мнишковъ, находились впослѣдствіи смѣлые люди, которые рѣшались обличать ихъ. На томъ же избирательномъ сеймѣ, когда нѣкоторые подавали мнѣніе избрать на польскій престолъ Пяста, противники замѣтили, что наслѣдственное правленіе имѣетъ ту невыгоду, что король можетъ приблизить себѣ любимцемъ какого нибудь негодяя, и будетъ въ родѣ того, какъ при Сигизмундѣ Августѣ, когда никто не смѣлъ сказать слова противъ нахолка Мнишка. При королѣ Генрихѣ, когда Юрій Мнишекъ исполнялъ за торжественнымъ обѣдомъ свою должность коронпаго крайчаго, одинъ изъ королевскихъ дворянъ Залеснкій заявилъ, что Юрій Мнишекъ, человѣкъ извѣстный своимъ дурнымъ поведеніемъ, не очистился отъ обвиненій, не достоинъ исполнять своей обязанности. Король, незнавшій дѣлъ Польши, объявилъ, что Юрій Мнишекъ долженъ оправдаться отъ такихъ обвиненій; но зять Мнишка Фирлей убѣдилъ короля оставить это дѣло и не обращать на него вниманія. Съ тѣхъ поръ уже всѣмъ вѣдомые поступки Юрія

и брата его остались безъ преслѣдованія, но никогда уже Мнишки не могли смыть съ себя дурного воспоминанія. Ихъ огромныя богатства, пріобрѣтенныя около больного короля и награбленныя послѣ его смерти, сдѣлали ихъ значительными людьми въ Рѣчи Исполитовой. При Стефанѣ Баторіѣ, Юрій былъ каштеляномъ Радомскимъ; но ни онъ, ни его братъ не играли важной роли въ политическихъ дѣлахъ. При Сигизмундѣ III, Юрій поддѣлался въ милость короля и получилъ воеводство Сендомирское, староство Львовское и управленіе королевскимъ имѣніемъ въ Самборѣ. При отсутствіи дарованій, трудолюбія и опытности въ важныхъ дѣлахъ, онъ держался и возвышался только богатствомъ, связями и интригами. Еще съ молоду онъ обставилъ себя выгодно родствомъ съ важными домами, и замѣчательно, что его родство и связи были преимущественно съ диссидентскими фамиліями. Одна сестра его была за аріаниномъ Стадницкимъ; другая — за кальвинистомъ, воеводою Краковскимъ Яномъ Фирлеемъ; самъ онъ былъ женатъ на Гедвигѣ Тарло, которой отецъ и братья были упорные аріане; въ родствѣ съ нимъ была аріанская фамилія Олесницкихъ; даже Якубъ Сѣнинскій, главный коноводъ аріанской партіи, основатель аріанской академіи въ Раковѣ, былъ покровителемъ Мнишковъ. Такимъ образомъ, въ XVI в. мы встрѣчаемъ Мнишковъ въ глубоко-некатолическокъ кругу. Но когда вступилъ на престолъ Сигизмундъ III, ревностный католикъ и другъ іезуитовъ, — Юрій Мнишекъ сталъ показывать себя католикомъ и получивъ отъ короля въ управленія Самборъ, построилъ тамъ монастырь отцовъ Доминикановъ, а въ своемъ Львовскомъ староствѣ бернардинскаго ордена монастырь; подарилъ десять тысячъ на устройство іезуитской коллегіи въ Львовѣ. Ловкій человѣкъ наблюдалъ откуда вѣтеръ вѣетъ, и сообразно тому показывалъ свои убѣжденія и наклонности. Ро-

скошная жизнь, при его крайней суетности и пустотѣ, истощала его большое состояніе; какъ ни велики казались его доходы, но ихъ не ставало для того блеска, которымъ окружалъ себя уже нажившій отъ пресыщенія подагру панъ; онъ вошелъ въ долги и поправлялся, устраивая дѣтей своихъ. Меньшую дочь свою Урсулу онъ успѣлъ выдать за князя Константина Вишневецкаго, сильнаго и чрезвычайно богатаго пана. Другая — старшая, по имени Марина, ожидала себѣ знатнаго жениха *).

Воевода былъ въ восторгѣ, когда узналъ, какого знатнаго и страннаго гостя привезъ ему зять. Онъ расточилъ все, чтобъ понравиться гостю и плѣнить его. Самборъ зашумѣлъ гостями. Съ разныхъ сторонъ спѣшили посмотрѣть на московскаго царевича. Съѣзжались къ Мнишку сосѣдніе паны; ѣхали и такіе гости, что хозяинъ ихъ встрѣчалъ на крыльцѣ, а для помѣщенія отводили имъ чистыя убранныя коврами комнаты, въ наугольникахъ дворца; и такіе, которыхъ помѣщали гдѣ нибудь на соломѣ; за обѣдомъ, сажая на концѣ стола, давали имъ ложки оловянныя, когда

---

*) По гербовнику Нѣсецкаго (т. III, стр. 280), Юрій Мнишекъ имѣлъ отъ первой жены двухъ дочерей: 1, *Марину* 2, *Урсулу* Вишневецкую, и двухъ сыновей· *Яна* и *Станислава*. Гедвига, мать ихъ, принесла большое состояніе въ приданое Мнишку. Отъ второй жены, Софіи княжны Головинской, было у него три дочери. *Анна-Августина* и *Евфросина*, и четыре сына: *Николай*, *Сигизмундъ*, *Станиславъ-Болеславъ* и *Францъ-Бернардъ*. Дѣти отъ второй жены, въ описываемое нами время, еще не были совершеннолѣтними.

По родословной книгѣ Долгорукаго, у Юрія Мнишка были дѣти: а) сыновья: 1, Янъ-Стефанъ р. 1580, ум. 1602, 2, Станиславъ-Вонифатій ум. 1645, женатый на княгинѣ Софіи Сангушко, умершей въ 1605 г., 3, Николай 4, Францъ-Бернардъ, каштелянъ Сандецкій женатый на Варварѣ Стадницкой; б) дочери: 1, Христина-Терезія, монахиня Кармелитка; 2, Анна, за Войницкимъ каштеляномъ Петромъ Щишковскимъ, 3, Урсула, княгиня Вишневецкая, 4, Марина, 5, Евфросинія, за Ермолаемъ Іорданомъ (Родослов. кн. III 197).

другимъ подавали серебряныя, не давали ножей и вилокъ, не перемѣняли тарелокъ;—гости, которымъ хозяинъ надменнымъ обращеніемъ показывалъ, какъ велико для нихъ счастіе, что имъ дозволено переступить за его высокій порогъ, но которые, прислучаѣ, когда ихъ много соберется, отомщали хозяевамъ за ихъ высокомѣріе, поднявши въ домѣ такую кутерьму, что гордому пану, по выраженію современника, меньше было свободы въ собственномъ дворцѣ, чѣмъ шинкарю въ своей корчмѣ. Такихъ гостей въ то время у Мнишка было много; и онъ въ нихъ нуждался для своего царевича, и они себѣ занятіе предвидѣли. Тогда въ Польшѣ—оттого, что въ модѣ было гостепріимство, пированье, щегольство — много было такихъ, что проѣдались, пропивались, проигрывались, и искали средствъ поправиться рыцарскими трудами, хотя бы обыкновеннымъ разбоемъ; по тогдашнимъ понятіямъ честнѣе было шляхетному человѣку разбойничать, чѣмъ жить съ разсчетомъ, трудами ремеслъ и торговли. У Мнишка начались пиры, гдѣ всего роскошнѣе высказывалась приманчивая сторона польской жизни. Не скупился Мнишекъ, надѣясь потраченное воротить съ лихвою на счетъ московщины. Польскій пиръ въ тѣ времена такъ отправлялся. Въ два часа по полудни ударялъ колоколъ между палацомъ и официною. Гости собирались въ столовую, гдѣ полъ былъ усыпанъ пахучими травами, а въ воздухѣ носились облака благовонныхъ куреній; въ одномъ углу за перилами блистала пирамида серебряной и золотой посуды, а въ противоположномъ, также за перилами, сидѣлъ оркестръ музыкантовъ, гдѣ преобладали духовые инструменты. Маршалокъ, стоя у дверей столовой, впускалъ гостей по реестру. Четыре служителя подходили къ гостямъ поочереди; одинъ держалъ тазъ, другой изъ серебрянаго сосуда лилъ на руки гостю благовонную воду, третій и четвертый подавали ему утереть руки выши-

тое по краямъ полотенце. Гости садились за столъ, обыкновенно поставленный въ видѣ буквъ *покоя* или *твердо*, смотря по количеству гостей, накрытый тремя скатертями одна сверху другой и уставленный множествомъ серебряныхъ и позолоченныхъ кубковъ, чарокъ, роструханов̆ъ и серебрянныхъ судковъ съ филегранными корзинами наверху для плодовъ. Дамы садились поперемѣнно съ мужчинами для веселости бесѣды. Музыканты играли въ продолженіе всего обѣда. Подстолій, крайчій, подчашій распоряжались слугами: множество послѣднихъ въ цвѣтныхъ платьяхъ бѣгали взадъ и впередъ, ставили на столъ и снимали со стола кушанья, которыхъ бывало у поляковъ обыкновенно четыре перемѣны, и на каждую перемѣну ставилось разомъ на столъ блюдъ пятьдесятъ и больше, какъ можно по затѣйливѣе изготовленныхъ, какъ по выбору матеріала, такъ и по способу приготовленія: тутъ подавались чижи, воробьи, коноплянки, жаворонки, чечетки, кукушки, козьи хвосты, пѣтушьи гребешки, бобровые хвосты, медвѣжьи лапки, какой-нибудь соусъ въ видѣ барана съ позолоченными рогами, налитого жидкостію, пропитанною шафраномъ; но особенное художническое дарованіе поваровъ высказывалось въ концѣ обѣда на цукрахъ, когда, снявши верхнія скатерти, слуги устанавливали столъ сахарными изображеніями городовъ, деревьевъ, животныхъ, людей, и пр., и пр. Такъ какъ польская вѣжливость требовала въ этомъ случаѣ представить изображенія, имѣющія отношеніе къ почетному гостю, то нашъ претендентъ видѣлъ на столѣ у Мнишка двуглавые орлы, московскій кремль съ позолоченными куполами церквей и свое собственное подобіе на тронѣ въ мономаховой шапкѣ. Изъ кубковъ вычурной работы, которые Польшѣ доставляли во множествѣ Нюренбергъ и Генуя, пили заздравныя чаши стараго венгерскаго, и тутъ было раздолье всевозможному краснословію, тутъ сыпа-

лись фразы изъ св. писанія, изъ латинскихъ классиковъ, изъ греческихъ философовъ, часто въ искаженномъ видѣ, уподобленія изъ миѳологіи, примѣры изъ древней исторіи, диѳирамбы католичеству, восхваленія доблести польскихъ героевъ, угрозы невѣрію. Димитрій разсказывалъ о кознихъ Бориса, о собственномъ терпѣніи; шляхтичи обѣщали служить ему и положить за него жизнь. Ознакомившись съ пріемами тогдашней вѣжливости, Димитрій нравился полякамъ, когда приводилъ разные примѣры изъ исторіи, какъ цари и властители были въ такомъ же затруднительномъ положеніи, какъ онъ самъ теперь, а впослѣдствіи достигали могущества и дѣлались славны подвигами своими. «Такими — говорилъ онъ — были Киръ и Ромулъ, пастухи бѣдные, ничтожные, а потомъ царскіе роды основали и заложили великія государства». Ловко и красиво сплетенныя фразы приводили поляковъ въ восторгъ. «Не можетъ быть, чтобъ онъ не былъ истинный царевичъ! Москва — народъ грубый и неученый, а этотъ знаетъ и древности и риторику; онъ долженъ быть царскій сынъ».

Еще гости сидѣли и толковали за кубками венгерскаго, а уже блескъ польскаго пира смѣнялся другою стороною польскаго веселья. Музыка играла полонезъ. Дамы, ушедшія изъ за стола заранѣе, входили попарно въ танцовальныхъ нарядахъ, сверкая множествомъ цѣпей, украшавшихъ ихъ грудь, затѣйливыми филегранными кружевами около шеи, дорогими перстнями на пальцахъ, въ тѣ времена не закрываемыхъ перчатками. Онѣ плавно подходили къ пирующимъ и кланялись; мужчины, покручивая усы, побрякивая карабелями и поправляя на головахъ расшитыя золотомъ магерки, молодецки выступали за ними и попарно шли по разнымъ покоямъ дома. Эта процессія открывала рядъ туземныхъ и иноземныхъ танцевъ въ сосѣдней залѣ: ихъ никто не въ состояніи былъ описать; фигуры вымыш-

лялись по вдохновенію, а общаго между ними было то, что въ тѣлодвиженіяхъ, круженіяхъ, бѣготнѣ, разыгрывалась исторія любви, ея упоенія, ея муки, измѣна, ревность, спокойствіе семейнаго счастія, житейское горе, ссоры и примиренія, торжество мужеской отваги и женской красоты. Эти танцы сопровождались хорами, криками, стуками, хлопаньемъ въ ладоши, ударами металлическихъ подковъ до появленія искръ. Вліяніе западно-европейской образованности ввело въ польское общество и иноземные танцы; въ знатныхъ домахъ, они свидѣтельствовали о хорошемъ тонѣ, но и тамъ не изгнали они еще народныхъ забавъ, и на балѣ польско-русскаго пана можно было рядомъ съ чужеземными танцами увидѣть нѣжно-разбитную горлицу или удалаго казака, танцуемаго подъ меланхолическую украинскую пѣсню, которую пѣлъ по срединѣ залы съ лютнею какой нибудь шляхтичъ, и притомъ забавлялъ гостей передразниваньемъ степныхъ пріемовъ запорожцевъ. Нашъ претендентъ проникся прелестію такого веселья и уже мечталъ ввести въ своемъ московскомъ государствѣ эти признаки цивилизаціи.

Не меньше приманчивая сторона польской жизни высказывалась въ охотѣ. Послѣ танцевъ, это была любимая забава. Знатный панъ, открывая свой домъ для гостей, считалъ долгомъ угостить ихъ охотою на своихъ поляхъ, пощеголять своими сабаками, соколами, кречетами. Тутъ было гдѣ развернуться шляхетскому молодцу, показать свою ловкость и мужество, красоту своей лошади, блескъ конскаго убора, на который поляки тратили чуть не столько, сколько на посуду. Тутъ молодыя пани и панны показывали свою удаль наравнѣ съ мужчинами, и нигдѣ польская красавица не была такъ очаровательна, какъ несясь на конѣ въ полумужскомъ нарядѣ съ развѣвающимися по вѣтру кудрями изъ-подъ бирета, украшеннаго перьями.

Дочь Мнишка, Марина, была дѣвица росту небольшого, съ черными волосами, съ красивыми чертами лица, но въ ея немного прижатыхъ губахъ, узкомъ подбородкѣ виднѣлась какая-то сухость, а глаза ея блистали болѣе умомъ и силою, чѣмъ страстію. Эта дѣвица употребила тогда всю силу женской прелести, чтобъ овладѣть царевичемъ; а это было не трудно. Монахъ скиталецъ не зналъ женщинъ, или можетъ быть зналъ ихъ только съ такой стороны, съ какой можно было къ нимъ прикасаться бродягѣ; онъ очутился въ очарованномъ мірѣ любви и красоты, непохожемъ на его грустную жизнь. Онъ влюбился и первыя впечатлѣнія любви, какъ бываетъ часто, опредѣлили его послѣдующую судьбу. Тутъ, вѣроятно, утвердилось то предпочтеніе всему польскому предъ русскимъ, та любовь къ польскимъ нарядамъ, къ польскому языку, къ польскому образу жизни и къ польскимъ понятіямъ, — все, что впослѣдствіи очертило характеръ этого человѣка и погубило его.

Чтобы увѣрить гостей въ подлинности Димитрія, какъ разумѣется захотѣлось Мнишку съ перваго раза, призваны были слуги, которые когда-то находились въ плѣну въ Московщинѣ. Слуги, разумѣется, говорили такъ, какъ желательно господамъ: увѣряли предъ всѣми, что знали и видали Димитрія въ Московщинѣ, и клялись, что это по истинѣ царевичъ. Ихъ не спрашивали, какъ и гдѣ они могли видѣть царевича; всѣ вѣрили имъ, потому что пріятнѣе было вѣрить, чѣмъ не вѣрить; успокоивали свои сомнѣнія, радуясь, что такъ скоро можно ихъ успокоить; хотя эти свидѣтели не выдержали бы самой легкой критики. Въ южно-русскомъ краѣ жило много московкихъ дѣтей боярскихъ, перешедшихъ на жительство во владѣнія польскаго короля; тамъ имъ давали помѣстья. Еще многіе убѣжали туда отъ тиранства Ивана Васильевича; другіе спасались

отъ Бориса. Услышали они, что явился царевичъ. Имъ было подручно признать его за настоящаго. Въ случаѣ неудачи они ничего не теряли и оставались бы въ томъ же положеніи, въ какомъ находились; а въ случаѣ удачи, ихъ могло ожидать возвращеніе въ отечество, почести и возвышеніе въ благодарность за содѣйствіе царю въ полученіи законнаго достоянія. Они пріѣзжали смотрѣть царевича, и тѣ изъ нихъ, которымъ по времени своего удаленія изъ отечества возможно было видѣть царевича, свидѣтельствовали передъ всѣми, что онъ истинный Димитрій, сосланный въ дѣтствѣ въ Угличъ, о которомъ распространяли ложный слухъ, будто онъ убитъ. Видя, что его признаютъ свои, поляки тѣмъ скорѣе успокоивали свои сомнѣнія.

Кромѣ женскихъ сѣтей, наслѣдника Московскаго престола опутывали въ тоже время иными сѣтями. Тогда было время, когда католическая пропаганда обратила сильнѣйшую дѣятельность на «Московію». Чрезвычайные успѣхи іезуитскаго ордена побуждали ее къ смѣлымъ предпріятіямъ, располагали къ широкимъ предположеніямъ. Изъ отдаленныхъ странъ Японіи, Китая, Индіи, Америки приносились баснословныя извѣстія о быстромъ паденіи идолопоклонства и невѣрія, о торжествѣ истинной религіи. Въ Европѣ протестанство уступало реакціи. Въ Польшѣ и Литвѣ только что совершилось давно желанное присоединеніе грекославянской церкви: флорентійскій соборъ переставалъ быть однимъ воспоминаніемъ. Ничего не было естественнѣе побужденія слѣдовать далѣе—проникнуть въ Московщину и покорить власти св. Петра схизматическія и языческія души этой неизмѣримой страны. Въ Западной Европѣ знали, что въ Московскомъ государствѣ царь всемогущъ, ничто не можетъ остановить его воли: народы привыкли повиноваться ей безъ размышленія и считать справедливымъ то, что царь такимъ почитаетъ. Казалось, нужно только,

чтобъ московскій государь былъ расположенъ присоединиться къ западной церкви — весь управляемый имъ край послѣдуетъ за нимъ. Іезуитская политика вездѣ отыскивала слабую сторону и на нее дѣйствовала, и черезъ нее проводила свои виды. Въ Польшѣ могущественна была аристократія; на нее налегли іезуиты. Въ «Московіи» все значилъ царь: для успѣха въ этой землѣ, и нужно во что бы то ни стало сдѣлать царя орудіемъ пропаганды. Уже не одинъ разъ подбиралось латинство къ Москвѣ и придавало себѣ больше успѣха, чѣмъ сколько было его на дѣлѣ. Отецъ царя Ивана Грознаго, Василій, по поводу войны съ Литвою, завелъ сношеніе съ римскимъ дворомъ, принималъ папскихъ пословъ, посылалъ въ Римъ своего, обращался къ папѣ съ вѣжливыми письмами; изъ этого папы и весь католическій міръ заключили, что московскій государь уже призналъ власть апостольскаго престола *). Въ 1580 году, Иванъ Грозный, по поводу войны съ Баторіемъ, обратился къ папѣ, и тогда посланъ былъ отъ св. отца кардиналъ іезуитъ Антоній Поссевинъ. Устроивши миръ московскаго государя съ Баторіемъ, Поссевинъ отправился въ Москву съ покушеніемъ осуществить завѣтное желаніе присоединенія московской церкви. Покушеніе неудалось; но двукратное обращеніе московскихъ государей къ главѣ римско-католической церкви показывало, что московскіе государи могутъ имѣть необходимость въ связи съ римскимъ престоломъ и рано ли, поздно ли,—а можетъ отыскаться счастливый случай, когда московскій государь будетъ поставленъ въ условія, благопріятныя для папскихъ видовъ. И католичество искало этого желаннаго случая. Послѣ неудачной поѣздки Поссевина, папская политика не теряла изъ вида «Московіи». Письма за письмами слѣдовали къ

*) Hist. Russ. Mon. I. 128, 134.

московскому государю. Сношенія стали чаще. Римъ слѣдилъ за событіями въ Московскомъ государствѣ; папскіе нунціи при польскомъ дворѣ и іезуиты, разсыпанные по Литвѣ, были его соглядатаями въ этомъ дѣлѣ. Узнавали и сообщали въ Италію обо всемъ, что дѣлалось въ Московскомъ государствѣ, соображали разныя стороны: нельзя ли за то или за другое уцѣпиться. Малоуміе Өеодора, ссоры между боярами, возвышеніе Бориса, предположенія объ избраніи московскаго государя на московскій престолъ, сношенія съ Персіею, подданство Грузіи—всѣ эти событія обращали на себя вниманіе римскаго престола и его слугъ. Важнѣйшимъ поводомъ къ сношеніямъ съ Московскимъ государствомъ казался тогда вопросъ о войнѣ съ Турціею, объ участіи московскаго государя вмѣстѣ съ католическими монархами въ предполагаемомъ союзѣ христіанства противъ ислама: въ этомъ отношеніи, папской пропагандѣ естественно было присосѣдиться къ сношеніямъ Австріи съ Московскимъ государствомъ. Австрія болѣе всѣхъ христіанскихъ державъ нуждалась въ образованіи союза противъ турокъ, и потому ей ближе всего и нужнѣе всего было побуждать Московское государство ко взаимному союзу. По этому поводу папа Климентъ VIII отправилъ къ царю Өедору посломъ иллирійскаго прелата Александра Камулеопе: онъ былъ природный славянинъ и выучился по-русски; до того времени не было подобнаго, и отъ его посольства ожидали большихъ успѣховъ. «Семьсотъ или восемьсотъ лѣтъ прошло съ принятія христіанства, а еще никогда не случилось, чтобъ отъ св. престола былъ посланъ къ москвитянамъ знающій ихъ языкъ, и потому есть надежда, что вы будете орудіемъ для бо́льшаго блага св. церкви»,—говорилось въ наказѣ этому славянину. Предлогомъ посольства было расположить къ войнѣ противъ Турціи въ помощь Австріи. Посолъ долженъ былъ обѣщать

Московскому государству завоеваніе Константинополя, указать, что прямое назначеніе московскаго государя—присоединить къ себѣ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ народовъ, находящихся подъ турецкимъ игомъ, которые мало разнятся по языку отъ москвитянъ. Разсчитывали, такимъ образомъ, на подмѣченную уже склонность Московскаго государства къ расширенію предѣловъ своихъ владѣній. Но главная цѣль посольства была попытаться склонить царя этими блестящими надеждами къ подчиненію папской власти. Посолъ долженъ былъ дѣйствовать на высокомѣріе московскаго государя: съ одной стороны, представить, какъ унизительно уважать духовную власть константинопольскаго патріарха, который получаетъ свой санъ за деньги и есть рабъ турецкаго государя, главнаго врага христіанства, съ другой—польстить его императорскою короною, которую дать можетъ только одинъ папа. Славянинъ приготовился спорить о вѣрѣ и отвѣчать на всевозможные вопросы о различіи догматовъ, уставовъ и обрядовъ *). Этотъ проповѣдникъ ѣздилъ въ Москву два раза; онъ не сдѣлалъ тамъ ничего важнаго, но пропаганда не оставила своего дѣла; надобно было искать иныхъ путей. Θеодоръ умеръ. Возшелъ на престолъ Борисъ. Еще когда онъ былъ правителемъ, папа зналъ о немъ и писалъ къ нему вѣжливыя письма. Съ перемѣною династіи приходили въ Римъ неясныя и двусмысленныя вѣсти. Оказалось нужнымъ поближе узнать, что дѣлается въ Московщинѣ. И вотъ, въ 1601 г. **) посланы были двое пословъ, португальцы Франческо Коста и Дидакъ Миранда Генрихъ, въ Персію черезъ «Московію», съ просьбою дозволить имъ проѣхать черезъ эту страну. Явно было для Бориса, говоритъ жившій въ московскомъ государствѣ голландецъ ***), что эти по-

*) Др. р. Вивл. XII, 458.

**) Hist. Russ. Mon. II. 54.

***) Is. Mass.

слы пріѣзжали съ тѣмъ, чтобы провѣдать, что дѣлается въ Московской землѣ, и узнать свойства народа, потомъ передать объ этомъ свѣдѣнія своему государю, римскому папѣ, чтобы впослѣдствіи употребить ихъ для своего искусства. Борисъ угостилъ ихъ и съ миромъ отпустилъ. И такъ, когда за Московскимъ государствомъ наблюдали пристально и знали и хотѣли знать въ подробности, что тамъ дѣлается, — такія событія, какъ убійство послѣдняго наслѣдника прежней династіи, воцареніе Бориса, несчастія его царствованія, нелюбовь къ нему народа, наконецъ слухъ о спасеніи Димитрія, не могли не приниматься въ соображеніе при стремленіи римской пропаганды проникнуть въ Московское государство. Димитрій появился чрезвычайно кстати для нея; да и для него въ его положеніи она была необходима. Въ Польшѣ было время господства сильной католической реакціи. Протестантское вольнодумство падало. Іезуитское воспитаніе передѣлывало молодое панское поколѣніе въ вѣрныхъ слугъ св. престола. На польскомъ престолѣ царствовалъ король, глубоко преданный католичеству. Чтобъ снискать себѣ поддержку въ Польшѣ, Димитрію выгодно было показаться готовымъ принять католичество и обѣщать его ввести въ Московское государство, а католической пропагандѣ отыскивался наконецъ самый счастливый и удобный случай для ея видовъ; то, о чемъ она помышляла, сбывалось: царь московскій расположенъ къ католичеству и, слѣдовательно, введетъ его въ своихъ владѣніяхъ. Не видно ни изъ чего, чтобы Мнишекъ былъ очень ревностный папистъ; но какъ практическій человѣкъ, онъ долженъ былъ сразу понять, что самая вѣрная надежда Димитрію отъ короля и католической Польши будетъ тогда, когда въ молодомъ царевичѣ замѣтятъ готовность быть орудіемъ католической пропаганды. Ксендзы принялись за Димитрія; дамы имъ помогали. Царевича плѣ-

няли обаяніемъ богослужебнаго великолѣпія. Ксендзъ Помасскій, духовникъ королевскій въ Самборѣ, расточалъ предъ нимъ доводы своей учености. Претендентъ понялъ, что предъ нимъ сила и ей надобно угождать; и за то за каждое слово, сказанное имъ дружелюбно о римско-католической церкви, и духовные, и свѣтскіе восхваляли его умъ, дарованія, краснорѣчіе; кричали, что все въ немъ показываетъ истинное царственное происхожденіе, что долгъ справедливости и человѣчества побуждаетъ всякаго помогать ему, и заранѣе пророчили московской державѣ счастье и величіе, когда надъ нею воцарится такой мудрый государь. Его побудили написать письмо къ папскому нунцію Рангони, жившему въ Краковѣ, и искать его покровительства. Кругомъ царевича все твердило, что если онъ пріобрѣтетъ его благосклонность, то успѣхъ несомнѣненъ: нунцій напишетъ святому отцу, а слово святаго отца все можетъ,—вся Польша пойдетъ за него.

Димитрій написалъ къ нунцію. Нунцій не отвѣчалъ, но въ то же время, какъ оказывается изъ переписки, написалъ папѣ о Димитріѣ, сообщилъ, что явленіемъ его въ польскихъ владѣніяхъ слѣдуетъ воспользоваться въ видахъ распространенія римско-католической вѣры. Прождавши нѣсколько времени, Димитрію совѣтовали писать въ другой разъ. Онъ послушался, написалъ въ другой разъ и опять нѣсколько времени ждалъ отвѣта. А между тѣмъ іезуиты слѣдили каждый шагъ его и доносили нунцію, что дѣло идетъ очень успѣшно, молодой царевичъ расположенъ и настроенъ принять католичество.

Наконецъ изъ Кракова послѣдовало новое приглашеніе къ Вишневецкому и Мнишку, чтобъ они ѣхали въ столицу, везли съ собой спасеннаго чудесно царевича и представили королю. Такъ Димитрій, весело поживши въ домѣ Мнишка, выѣхалъ; его провожало уже много друзей: а въ головѣ у

него былъ чарующій образъ женской прелести, который болѣе всего увлекаетъ къ предпріимчивости пылкія натуры.

II.

Димитрій въ Краковѣ. — Сватовство. — Наборъ ополченія.—Вступленіе въ Московское государство.

Димитрій съ панами прибылъ въ Краковъ въ мартѣ 1604 года. На другой день пріѣзда, нунцій посѣтилъ Димитрія. Онъ слушалъ съ участіемъ его разсказъ о чудесномъ спасеніи, удивлялся промыслу Божію и говорилъ: «перстъ Божій явно показываетъ, что провидѣніе сохранило тебя для великаго дѣла человѣческаго спасенія; призваніе твое велико!» Наконецъ, нунцій объявилъ положительно, что король и польская нація будутъ ему помогать только въ такомъ случаѣ, если онъ приметъ покровительство папы и соединеніе со святою римско-католическою религіею. Письма Димитрія къ нунцію, который не отвѣчалъ на нихъ, хранили какъ обличительный документъ на случай: они были растолкованы такъ, какъ будто со стороны московскаго царевича уже послѣдовало полное обѣщаніе принять католическую вѣру. Претенденту некуда было дѣваться: въ случаѣ отказа, онъ лишался помощи. Этого мало; онъ могъ бояться, что когда Борисъ начнетъ усильно домогаться его выдачи, то его могутъ и выдать, какъ существо безполезное для цѣлей Польши и напротивъ вредное для согласія съ сосѣдями. Іезуиты въ своихъ ежегодникахъ (Annuæ) разсказываютъ, что царевичъ, опасаясь, чтобъ его не узнали московскіе люди, приверженные къ схизмѣ, переодѣлся, окуталъ лицо и въ нищенскомъ видѣ, въ сопровожденіи одного польскаго пана, шатаясь подъ окнами домовъ, какъ будто прося милостыни, пришелъ въ іезуитскій домъ ради при-

нятія римско-католической вѣры, а потомъ отъ нунція былъ причащенъ св. Таинъ и помазанъ миромъ въ утвержденіе вѣры. Сказаніе это болѣе чѣмъ сомнительно; царевичу не было необходимости, для укрытія своего поступка отъ московскихъ людей, переодѣваться нищимъ вмѣстѣ съ паномъ, съ которымъ могъ пріѣхать къ іезуитамъ въ закрытой каретѣ. Правдоподобнѣе, кажется, разсказъ Чилли, бывшаго секретаремъ короля Сигизмунда III.

Въ слѣдующее воскресенье послѣ своего пріѣзда, Димитрій пріѣхалъ къ Рангони, и тамъ, въ присутствіи многихъ особъ, между которыми находился сообщающій эти извѣстія Чилли *), обѣщалъ ввести съ римскою церковію единство. Послѣ того монсиньоръ Рангони далъ ему великолѣпный пиръ, гдѣ угощалъ многихъ польскихъ пановъ, которыхъ тогда увидѣлъ въ первый разъ претендентъ, и которые всѣ разсыпались передъ нимъ въ увѣреніяхъ въ преданности и готовности помогать его дѣлу.

Обдѣлавши, какъ слѣдуетъ, свое дѣло, монсиньоръ ввелъ самъ царевича къ королю. Сигизмундъ III давно уже ждалъ его и желалъ видѣть. Получивши извѣстіе о его появленіи у Вишневецкихъ, польскій король тотчасъ сообразилъ, что изъ этого можно извлечь выгоды для страны, которою управлялъ, и разослалъ письма къ разнымъ важнымъ панамъ: извѣщалъ о событіи, просилъ совѣта, какъ поступить, а съ своей стороны наклонялся къ мнѣнію, что слѣдуетъ принять благосклонно претендента на московскій престолъ, но не излагалъ этого мнѣнія настойчиво, готовясь во всякомъ случаѣ послѣдовать чужимъ совѣтамъ. Этимъ поступкомъ король хотѣлъ оградить себя на будущее время отъ укоровъ, которые бы его постигли, еслибъ онъ самовольно поступалъ такъ или иначе въ такомъ важномъ дѣлѣ. Дѣйстви-

---

*) Stor. di Moscov. II.

тельно, впослѣдствіи это послужило его защитникамъ и сторонникамъ поводомъ оправдать его, когда нѣкоторые вздумали было обвинять короля за принятіе неизвѣстнаго лица, бездоказательно назвавшагося царственнымъ именемъ. Король получалъ различные отвѣты: нѣкоторые совсѣмъ были противъ участія въ этомъ дѣлѣ; другіе не прочь были обратить это явленіе въ пользу Рѣчи Посполитой, но боялись войны съ Московскимъ государствомъ. Выпытавши мнѣніе пановъ, король приготовился принять Димитрія ласково, но сдержанно. Самъ онъ лично былъ болѣе расположенъ въ его пользу, чѣмъ сколько смѣлъ выказать. Онъ встрѣтилъ претендента, стоя, съ горделивой, но привѣтливой осанкой, опершись одной рукой на маленькій столикъ, и протянулъ ему руку съ улыбкой. Изгнанникъ поцѣловалъ ее. Король былъ въ шляпѣ; Димитрій съ открытой головой. Димитрій началъ говорить съ нѣкоторымъ страхомъ; потомъ сталъ смѣлѣе, изъяснилъ, что онъ, лишенный наслѣдія царевичъ, по волѣ провидѣнія нѣкогда спасенный отъ злодѣйскаго умысла Годунова, долго проживалъ въ неизвѣстности, а теперь ищетъ отеческаго наслѣдія. «Многіе бояре московскіе доброжелательствуютъ мнѣ, многіе знаютъ о моемъ спасеніи и о настоящихъ моихъ намѣреніяхъ. Вся земля Московская оставитъ похитителя и станетъ за меня, какъ только увидитъ сохраненную отрасль своихъ законныхъ государей: нужно только немного войска, чтобы мнѣ войти съ нимъ въ предѣлы московскіе».

Димитрій, по обычаю, пересыпалъ рѣчь свою примѣрами изъ исторіи и кончилъ ее такъ: «вспомните, ваше величество, что вы родились узникомъ: Богъ освободилъ васъ и вашихъ родителей; Богъ хочетъ, чтобъ вы освободили меня отъ изгнанія и потери отеческаго престола» *). На пановъ,

*) Barezz. Barezzi, 6.—Greveubr, 12.—Lubiénsky 29.

стоявшихъ около, эта рѣчь сдѣлала хорошее впечатлѣніе: она была произнесена съ благородствомъ, съ царскою простотою и съ выраженіемъ глубокаго чувства. Сигизмундъ ничего не отвѣчалъ, но далъ знакъ своему дворецкому; тотъ попросилъ царевича на минуту выйти. Король сталъ совѣтоваться съ нунціемъ наединѣ. Черезъ нѣсколько минутъ позвали царевича снова; за нимъ вошли и паны. Король далъ ему такой отвѣтъ: «Боже тебя сохрани въ добромъ здоровьѣ, московскій князь Димитрій. Мы тебя признаемъ княземъ; мы вѣримъ тому, что отъ тебя слышали, вѣримъ письменнымъ доказательствамъ, тобою доставленнымъ, и свидѣтельствамъ другихъ; и поэтому мы назначаемъ тебѣ на твои нужды сорокъ тысячъ злотыхъ въ годъ; съ этого времени ты другъ нашъ и находишься подъ нашимъ покровительствомъ; мы позволяемъ тебѣ имѣть свободное обращеніе съ нашими подданными и пользоваться ихъ помощію и совѣтомъ, насколько будешь имѣть нужду».

Въ этихъ словахъ не было никакого обѣщанія со стороны короля и еще менѣе польской націи: послѣдняго не смѣлъ сказать король, даже и тогда, когда бы имѣлъ за собою расположеніе пановъ помогать Димитрію. Всякое политическое дѣло зависѣло отъ сейма, а не отъ короля. Но и этого было уже достаточно: Сигизмундъ, по крайней мѣрѣ, заявилъ, что не станетъ противодѣйствовать тѣмъ, которые возъимѣли бы доброе желаніе помогать Димитрію.

Претендентъ не отвѣчалъ ни слова, пришелъ въ смущеніе; нунцій за него изъявлялъ чувства благодарности.

Отъ короля Димитрій отправился къ воеводѣ. Туда прибылъ и нунцій; снова онъ обнималъ и цѣловалъ Димитрія, совѣтовалъ быть дѣятельнымъ, просилъ присутствовавшихъ пановъ помогать ему всѣми силами къ пріобрѣтенію короны; онъ объяснялъ, что если король не обѣщалъ помощи отъ всего королевства Польскаго, то паны, соеди-

нившись, могутъ привести въ исполненіе великое предпріятіе; а Димитрія просилъ не забывать своего великаго назначенія—содѣйствовать распространенію римско-католической вѣры. Здѣсь нунцій вручилъ Димитрію письмо отъ папы: святой отецъ посылалъ ему свое благословеніе, назидательные и утѣшительные совѣты и побужденія—преслѣдовать неуклонно предположенную цѣль и возвратить себѣ родительское достояніе *). Благодаря посламъ своимъ, проѣхавшимъ через Московское государство въ Персію, папа хорошо зналъ, что происходитъ въ Московскомъ государствѣ, какъ ненавидятъ Бориса, какъ вѣрятъ, что Димитрій живъ, и ждутъ его появленія, и по этимъ свѣдѣніямъ папа надѣялся, что дѣло претендента пойдетъ удачно.

Къ Димитрію назначили отца іезуита Савицкаго, который поучалъ его въ догматахъ римско-католической вѣры, показывалъ ему величіе римско-католическаго богослуженія и укоренялъ въ немъ мысль о соединеніи съ римско-католическою церковью для блага и согласія всего христіанства.

Во время пребыванія его въ Краковѣ явилась толпа московскихъ людей,—на челѣ ихъ былъ какой-то Иванъ Порошинъ съ товарищами; они услышали, что во владѣніяхъ короля Польскаго есть кто-то называющій себя царевичемъ Димитріемъ, и хотѣли взглянуть на него. Когда ихъ допустили, они поклонились ему и признали его настоящимъ своимъ законнымъ государемъ. Тогда же съ Дону прибыло двое атамановъ, Корѣла и Нѣжакожъ. Когда посланный Димитріемъ на Донъ монахъ извѣстилъ казаковъ и увѣрялъ, что Димитрій живъ и находится въ Польшѣ—въ казацкомъ

*) Отвѣтъ на это письмо отъ Димитрія, рукописный, доставленъ г. Минцлофомъ.

кругу стали думать и такъ, и иначе; восемь тысячъ молодцовъ съ своими атаманами рѣшили такъ: идти къ польскимъ границамъ и отправить на вывѣдку двоихъ—узнать, настоящій ли Димитрій явился, и если найдутъ, что онъ настоящій, тогда казачество будетъ служить ему. Посланнымъ назначили двухнедѣльный срокъ. Эти посланцы—двое атамановъ—и явились теперь въ Краковъ. Съ ними былъ какой-то бѣглецъ изъ сѣверскихъ областей; онъ объявилъ передъ всѣми, что видѣлъ когда-то Димитрія въ Угличѣ и теперь узнаетъ его. Этотъ свидѣтель нашелъ въ претендентѣ царевича Димитрія съ перваго раза. Онъ разсказывалъ, что Борисъ мучитъ, умерщвляетъ тайно ядомъ, раззоряетъ цѣлыя семейства за одно слово о Димитріѣ. Нелюбимый и прежде, Борисъ, за послѣднія свои злодѣянія, сдѣлался еще ненавистнѣе всѣмъ, и нужно только появиться Димитрію въ московскихъ предѣлахъ — вся земля пристанетъ къ нему. Эти свидѣтельства и извѣстія придавали полякамъ надежду, что если повести Димитрія въ Московское государство, то предпріятіе пойдетъ успѣшно; а казацкіе атаманы, видя, что знатные паны и самъ польскій король признаютъ явившагося Димитрія настоящимъ, объявили ему готовность служить всѣмъ тихимъ Дономъ и, воротившись къ своимъ, увѣряли, что царевичъ дѣйствительный *).

Въ Польскомъ сенатѣ однако не такъ горячо принимались за дѣло. Понятно, что украинскимъ панамъ, которые преслѣдовали прежде всего свою личную пользу или свое тщеславіе, а еще болѣе духовнымъ и іезуитамъ, не нужно было слишкомъ строгой критики и можно было довольствоваться тѣми доказательствами, которыя до сихъ поръ представлялись. Достаточно было ихъ и для тѣхъ русскихъ, которые

*) Is. Mass.

не терпѣли Бориса и готовы были стать подъ какое угодно знамя, лишь бы оно развѣвалось съ цѣлію низложить ненавистнаго похитителя. Но люди, у которыхъ на первомъ планѣ была безопасность Польши, и внутренняя, и внѣшняя, разбирали построже: сообразно ли съ выгодами Польши намѣреніе помогать Димитрію. Сигизмундъ былъ иноземецъ для Польши и по душѣ, и по тѣлу: шведъ по рожденію, нѣмецъ по симпатіямъ и по жизненной обстановкѣ, римлянинъ по религіознымъ побужденіямъ, менѣе всего полякъ, Сигизмундъ, съ іезуитскими наклонностями къ расширенію господства, находилъ большія выгоды для страны, которою управлялъ, если Польша возведетъ на московскій престолъ государя. Сигизмунда между прочимъ побуждалъ помогать Димитрію епископъ Краковскій, кардиналъ Бернардъ Мацѣіовскій, родственникъ Мнишка. Самъ король хотѣлъ бы за претендента объявить войну Борису и идти на него съ цѣлію посадить вооруженною силой на престолъ Димитрія. Но если предложить это на сеймѣ, то плоха была надежда, чтобъ земскіе послы согласились на это; въ Польшѣ вообще боялись всякой новой наступательной войны: тогда приходилось давать королямъ власть и распоряженіе надъ бо̀льшимъ войскомъ и деньги; а это грозило опасностями для шляхетской свободы: поляки остерегались, чтобъ ихъ короли не увлеклись духомъ господствовавшаго въ Европѣ стремленія къ усиленію монархической власти. Сигизмундъ обратился 23 марта 1604 года съ письмомъ къ старому Замойскому, еще находившемуся въ санѣ канцлера и гетмана со времени Баторія. Онъ открывалъ ему свою мысль, что очень выгодно было бы помочь Димитрію: Московскій государь, посаженный на тронъ поляками, былъ бы слугою Польши: — тогда съ одной стороны Турція не осмѣлится безпокоить польскихъ предѣловъ; тогда соединенными силами можно будетъ усмирить Крымъ, который

уже издавна пользуется вѣчными раздорами русскихъ съ поляками, чтобъ раззорять тѣхъ и другихъ; тогда можно будетъ удержать Ливонію и принудить Швецію къ уступкамъ; тѣсная связь двухъ государствъ повлекла бы къ развитію торговли Польши съ востокомъ, не только въ Московіи, но черезъ Московію съ Грузіею и Персіей; наконецъ, это предпріятіе въ настоящее время представляетъ ту ближайшую выгоду, что отдалитъ изъ Польши толпы молодцовъ-удальцовъ, которые дѣлаютъ безчинства и безпорядки во многихъ провинціяхъ. По мнѣнію Сигизмунда, это дѣло трудно было провести черезъ сеймъ: уже не разъ выражалъ онъ въ письмахъ своихъ, что выгоды Рѣчи Посполитой страдали отъ частной вражды нѣкоторыхъ особъ на сеймахъ. Онъ предлагалъ начать это дѣло безъ сейма при посредствѣ архіепископа Гнѣзненскаго Тарновскаго *). 4 апрѣля отвѣчалъ ему Янъ Замойскій **) отрицательно, совершенно не одобрялъ его намѣреній, вовсе не вѣрилъ, чтобъ Димитрій былъ настоящій царевичъ, и считалъ опаснымъ и безчестнымъ вмѣшивать въ это дѣло Польшу безъ воли сейма. Король самъ разсудилъ, что нельзя начать этого дѣла; нація, подъ вліяніемъ Замойскаго, врага іезуитскихъ козней, не одобритъ разрыва съ Московскимъ государствомъ. И король ограничился только позволеніемъ панамъ содѣйствовать Димитрію, рѣшился, такъ сказать, смотрѣть сквозь пальцы на это предпріятіе, чтобъ послѣ получить отъ него выгоду, если оно пойдетъ успѣшно, и отговориться отъ обвиненій, если пойдетъ неудачно. Тайно онъ самъ побуждалъ своихъ подданныхъ помогать Димитрію и сложилъ съ Мнишка временно платежъ въ королевскую казну доходовъ

---

*) Hist. J. Kar. Chodkiewicza, 213.—List Zygm. poprawiony w kilku miejscach od P. Silickiego w Ms. Królewsk.

**) List originalny, pisany do króla z Zamościa 3 kw. 1604 w Ms. J. K. M. — J. Kar. Chod. 215.

съ Самборскаго имѣнія на то, чтобы Мнишекъ могъ обратить эту сумму на сборъ ратной силы Димитрію.

За эту милость, за то только, что польскій король будетъ смотрѣть сквозь пальцы, когда польскіе паны станутъ помогать претенденту, названный Димитрій долженъ былъ заранѣе обѣщать Польшѣ большія жертвы. Ему предложили условія, и онъ принужденъ былъ принять ихъ, подписать и утвердить присягой. По восшествіи своемъ на престолъ, онъ долженъ былъ возвратить польской коронѣ Смоленскъ и Сѣверскую землю, которыя Польша не переставала считать своимъ достояніемъ, устроить на будущее время вѣчное соединеніе государства Московскаго съ Польшею, сооружать въ своемъ государствѣ костёлы, ввести іезуитовъ и другое католическое духовенство, содѣйствовать Сигизмунду къ пріобрѣтенію шведской короны. Ему въ числѣ условій *позволяли* жениться въ Польшѣ, съ прибавленіемъ выраженія: «хотя бы съ королевной», изъ чего видно, что король, въ случаѣ успѣха, имѣлъ виды отдать за него сестру. Эти условія хранились втайнѣ отъ всѣхъ у королевскаго секретаря Боболи, въ шкатулкѣ подъ его ключемъ *).

Было вполнѣ естественно и согласно съ историческою необходимостію предложить претенденту такія тяжелыя условія. Польша и Русь давно уже завязали между собою такой узелъ, который могъ развязаться только окончательнымъ подчиненіемъ одной страны другой, уничтоженіемъ самобытности слабѣйшей. Этотъ роковой узелъ завязался еще въ XIV вѣкѣ со времени бракосочетанія Ядвиги и Ягелла и соединенія литовской державы съ польскою. Это случилось въ то критическое и многознаменательное для русскаго міра время, когда древняя удѣльно-вѣчевая союз-

---

*) Bibl. Kras. N. B. 1. 3. 384.

ность отживала свой вѣкъ, и возникало единовластіе на двухъ пунктахъ — въ Литвѣ и Москвѣ. Но два русскія государства не могли спокойно существовать и развиваться на русской землѣ. Ея географія не представляла для этого надежныхъ условій; не было никакихъ преградъ, которыми бы естественно обозначались государственные рубежи; еще болѣе мѣшалъ этому давній духъ единства, привычка считать русскую землю единою при всякихъ внутреннихъ раздѣлахъ, укоренившаяся многими вѣками. Ни Москва, ни Литва не нашли бы линіи, гдѣ, по какимъ бы то ни было правамъ, начинались владѣнія той и другой. Литва двигалась на востокъ, Москва на западъ; каждый шагъ той и другой располагалъ ихъ двигаться далѣе. Литва могла считать себя вправѣ овладѣть всѣмъ, чѣмъ владѣла Москва, и наоборотъ — то же побужденіе должно было двигать Москвою. Не было другаго исхода ихъ борьбѣ, какъ только покореніе и поглощеніе одной другою. Польша, соединившись съ Литвою и съ принадлежавшими ей русскими землями, тѣмъ самымъ взяла и на себя историческую необходимость вести эту борьбу за единство Руси съ кѣмъ бы то ни было. Польша, страна малая по отношенію къ пространству въ сравненіи съ литовско-русскою державою, была выше ея по цивилизаціи и скоро начала надъ нею имѣть перевѣсъ и завоевывать ее нравственно, и то же призваніе должно было явиться у ней по отношенію къ тѣмъ частямъ Руси, которыя не входили въ сферу литовскаго владѣнія. Такимъ образомъ, возникшее поступательное движеніе Польши на востокъ выражалось въ двухъ сторонахъ — матеріальной и нравственной; Польша вмѣстѣ съ Литвою стремилась присоединить къ себѣ дальнѣйшія русскія земли и въ то же время ввести туда строй своей цивилизаціи; въ этомъ стремленіи она прямо упиралась въ Москву и державу ея; неизбѣжно являлась потребность уничтожить само-

бытность Московскаго государства и втянуть его въ кругъ земель, уже соединенныхъ съ Польшею. Съ своей стороны, Московское государство, развивая въ себѣ иныя стихіи, не только противодѣйствовало стремленіямъ Польши, въ силу самоохраненія, но, соединяя подъ свою власть всѣ прежде свободныя русскія земли, по отсутствію опредѣленныхъ для своей державы на западѣ географическихъ и историческихъ границъ, въ силу древняго единства земли русской, стремилось отнять отъ польскаго міра всѣ земли, которыя вошли въ составъ польско-литовской державы. Критическое время для Москвы было въ концѣ XV вѣка, когда шло дѣло о покореніи Великаго Новгорода. Тогда Великій Новгородъ, для сохраненія своей удѣльной независимости и прежняго порядка, отдавался польско-литовскому государю Казимиру. Помоги ему Казимиръ, — Новгородъ потянулъ бы за собою весь сѣверно-русскій край въ составъ польско-литовской державы, и, конечно, Москва, осѣкшись, въ своихъ стремленіяхъ къ господству, на Новгородѣ, не удержалась бы и съ тѣмъ, что уже успѣла пріобрѣсти, не сохранила бы и собственной своей самобытности, и восточная Русь поглощена бы была польско-литовскимъ элементомъ, какъ и западная; стали бы въ ней господствовать польская цивилизація, польскій гражданскій строй, польскій образъ воззрѣній, польская рѣчь, а наконецъ и католическая вѣра. Но Казимиръ промахнулся; поляки не узнали своего часа, не ковали желѣза, пока оно было горячо; Москва овладѣла Новгородомъ, потомъ Псковомъ, а потомъ уже стала распространять свои владѣнія и на счетъ Литвы: присоединила къ себѣ Смоленскъ и Сѣверщину. И Москва съ тѣхъ поръ не останавливалась въ своихъ стремленіяхъ и постоянно заявляла свои права на всѣ русскія земли, принадлежавшія Литвѣ и Польшѣ, какъ на свое законное достояніе. Въ самомъ дѣлѣ, если Москва овладѣла Смоленскомъ и Сѣверщиною—

русскими землями, бывшими подъ властію Литвы, то почему же ей не силиться и не желать овладѣть Кіевомъ, Волынью, Подолью, Галичемъ, Полоцкомъ, такими же русскими землями, какъ Сѣверщина и Смоленщина, но еще находившимися во власти Литвы и соединенной съ нею Польши? Но этимъ дѣло не окончилось бы: притязаніе Москвы на русскія земли, которыя Польша считала своими, въ случаѣ успѣха, необходимо повлекло бы новое притязаніе на всю Польшу и Литву; естественно, пріобрѣвши земли, которыя считала своимъ достояніемъ, Москва не удержала бы ихъ, еслибъ не уничтожила съ корнемъ и Литву, и самую Польшу, которая не отдала бы даромъ того, что признавала своимъ, и скорѣе погибла бы, изсякнувши въ борьбѣ, чѣмъ удовольствовалась бы прежнимъ политическимъ ничтожествомъ. Съ своей стороны, и польско-литовская держава для самозащищенія должна была стремиться овладѣть Московскимъ государствомъ. Въ половинѣ XVI вѣка, Польша, уже около двухсотъ лѣтъ соединенная съ Литвою фактически, соединилась съ нею въ одно тѣло юридически. То былъ результатъ нравственнаго преобладанія Польши надъ Литвою и Русью и залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ на пути этого преобладанія. Съ тѣхъ-то поръ въ соединенной державѣ сильнѣе, чѣмъ прежде, началось чувствоваться стремленіе присоединить къ себѣ и Московскую Русь. Оно выражалось нѣсколько разъ намѣреніемъ возвесть на польско-литовскій престолъ Московскаго государя. Такъ, по смерти Сигизмунда Августа, предлагали корону царю Ивану, по смерти Баторія—царю Ѳедору; объ этомъ толковалъ и при Борисѣ Левъ Сапѣга, заключая въ 1600 году перемиріе. Теперь кстати представлялся удобный случай, если не совсѣмъ достигнуть цѣли, то значительно придвинуться къ ней. Очевидно, здравая политика требовала не иначе оказать содѣйствіе претенденту на мо-

сковскій престолъ, какъ съ возможно-большими выгодами для Польши, и слѣдовательно съ возможно-большимъ изъяномъ для Московскаго государства. Предполагалось прежде всего обезсилить Московское государство отнятіемъ у него двухъ пограничныхъ областей: это бы отодвинуло его назадъ къ XV вѣку и возвратило польско-литовской державѣ то, что она послѣ того утратила; введеніе іезуитовъ и католическаго духовенства, приготовляя въ Московскомъ государствѣ торжество и господство вѣры, исповѣдуемой въ Польшѣ, пролагало бы вмѣстѣ съ тѣмъ путь нравственному преобладанію польскаго элемента; этому же содѣйствовала бы и женитьба московскаго царя на полькѣ. Съ царицею польскою вошли бы и польскіе нравы, особенно когда претендентъ уже и такъ достаточно окурился польскимъ духомъ. Наконецъ, съ московскаго царевича требовали обѣщанія стараться о вѣчномъ соединеніи государствъ. Это-то и была конечная цѣль; какъ она могла быть достигнута, объ этомъ не говорилось, но достаточно было, что этотъ царевичъ, сдѣлавшись государемъ, до того будетъ въ рукахъ Польши и притомъ до того связанъ своимъ обѣщаніемъ, что Польша будетъ помыкать имъ, и современемъ можно будетъ исполнить завѣтное стремленіе такъ, какъ обстоятельства укажутъ. Таковъ былъ смыслъ этихъ условій. Но если со стороны Польши было исторически законно давать помощь претенденту съ такими тяжелыми условіями, то со стороны претендента также исторически законно было ихъ не исполнить въ свое время, хотя крайняя необходимость и побуждала ихъ теперь принять. Такой царь, какимъ могъ быть, при успѣхѣ, претендентъ, назвавшійся именемъ, которое можно будетъ у него оспоривать, болѣе чѣмъ другой долженъ былъ показаться въ своемъ царствѣ своенароднымъ человѣкомъ, и, слѣдовательно, меньше чѣмъ всякій дру-

гой, могъ рѣшиться гласно заявить объ этихъ условіяхъ, а еще менѣе рѣшиться ихъ исполнить. Очевидно, ему тогда пришлось бы сложить голову, а Польша не выиграла бы ничего изъ этого. Въ будущемъ также не проглядывало ничего, кромѣ новыхъ поводовъ ко враждѣ и кровопролитію между соперничествующими державами, и каждый такой поводъ открывалъ обѣимъ суровую истину, что рано или поздно борьба ихъ не можетъ окончиться иначе, какъ совершеннымъ поглощеніемъ одною стороною другой стороны. Такъ и понималъ дѣло Сигизмундъ и хотѣлъ бы, чтобъ молодой претендентъ былъ посаженъ на престолъ силою польской державы: тогда онъ былъ бы ея вассаломъ; царство его было бы временнымъ призракомъ; его при первомъ удобномъ случаѣ можно было стереть. Но не такъ смотрѣли на вещи поляки, какъ ихъ король. Осталось предоставить дѣло претендента вольницѣ, которой было на бѣду Польшѣ много въ этой землѣ, и тѣмъ историческимъ инстинктамъ, которые иногда невольно, безсознательно увлекаютъ громады туда, куда онѣ стремятся, идя по дорогѣ, проложенной прежними вѣками, сами не видя и не понимая, что это за дорога, и оттого часто съ ней сбиваются.

Въ Польшѣ толковали о Димитріѣ и такъ, и иначе. Составилась цѣлая легенда о спасеніи его, перешедшая до насъ въ современномъ рукописномъ сочиненіи Товіановскаго. Исторію эту перенесли въ Европу, и долго ходили по рукамъ сказанія о необыкновенномъ и занимательномъ для всѣхъ событіи: говорили, что Димитрій спасенъ былъ какимъ-то докторомъ итальянцемъ, увезенъ къ Ледовитому морю, и потомъ воспитатель посовѣтовалъ ему поступить въ монастырь подъ чужимъ именемъ; онъ, избѣгая опасности быть открытымъ, переходилъ изъ одного монастыря въ другой, жилъ въ Москвѣ, былъ въ палатахъ Бо-

риса, наконецъ ушелъ изъ Московскаго государства, жилъ въ Кіевѣ и потомъ пришелъ къ князю Острожскому. Нѣкоторые говорили, что онъ былъ въ Ливоніи, прожилъ тамъ три года, выучился отлично по латыни [1]); другіе разсказывали, что онъ доходилъ до такой нищеты, что въ Гощѣ у пана Гойскаго служилъ на кухнѣ [2]); наконецъ, когда услышалъ, что Борисъ сдѣлался своимъ подданнымъ ненавистенъ за свое тиранство, тогда только рѣшился открыться Вишневецкому [3]). Говорятъ [4]), что у него былъ алмазный крестъ, данный ему при крещеніи крестнымъ отцомъ, княземъ Иваномъ Лютиславскимъ, и это служило Вишневецкому однимъ изъ доказательствъ подлинности царевича [5]).

Димитрій воротился съ Мнишками и съ Вишневецкими въ Самборъ. Тутъ паны кликнули кличъ, приглашали шляхту и казаковъ идти съ ними въ Московщину добывать законному царю престолъ. Не трудно было набрать охотниковъ на какой-нибудь набѣгъ, въ Украинѣ, особенно Вишневецкимъ, когда они владѣли тамъ множествомъ имѣній и голосъ ихъ былъ повсюду знаемъ и уважаемъ.

Пока собирались охотники, претендентъ опять поселился у Мнишка, и опять начались пиры и веселости. Свидѣвшись вновь съ Мариной, Димитрій, уже признанный отъ короля въ званіи царевича, сталъ смѣлѣе [6]). На помощь ему при-

---

1) Vassenberg, 14.

2) Grevenbr 12.

3) Ibid. 11.

4) Ibid.

5) Tovian. рукоп. И. П. Б. № 32.—Буссовъ, 32.

6) О томъ, какъ Димитрій сошелся съ Мариной, существуютъ цѣлыя романическія повѣствованія. Долго онъ не смѣлъ заговорить съ нею о любви, хоть давно уже сердце его таяло. Но вотъ однажды вечеромъ увидѣлъ онъ красавицу въ саду. Она была одна, Димитрій

спѣлъ патеръ Савицкій, втершійся къ нему въ дружбу іезуитъ. Онъ началъ ему совѣтовать жениться на Маринѣ и представлялъ, что это будетъ полезно для предпріятія. Родство съ знатною фамиліей произведетъ хорошее впечатлѣніе. «Воевода Сендомирскій гордъ! ему подобнаго не найти; если вы снизойдете до вступленія съ нимъ въ родство, то съ этимъ вмѣстѣ скорѣе достигнете отеческаго престола; тогда никто не подумаетъ, чтобъ воевода, такой гордый и умный, могъ не знать, за кого отдаетъ дочь, и не вполнѣ увѣренъ, что вы настоящій Димитрій. Тогда и польскій король будетъ явно за васъ; тогда вы заставите замолчать голоса, которые теперь поднимаются вамъ во вредъ, вы удовлетворите и дворянству, и народу русскому. Поговорите съ панной Мариной; замѣтите согласіе, тогда поговорите съ отцомъ. Конечно, онъ, прежде чѣмъ согласится, спроситъ моего совѣта; а вы уже знаете, что я ска-

---

подошелъ къ ней и сказалъ: панна! моя звѣзда привела меня къ вамъ: отъ васъ зависитъ сдѣлать ее счастливою! — Марина отвѣчала: ваша звѣзда слишкомъ высока для такой дѣвушки, какъ я. — Присутствіе любимой особы взволновало его; онъ упалъ передъ нею на колѣни; она протянула къ нему руку, чтобъ поднять его: онъ приложилъ ее къ губамъ своимъ.—Моя рука, сказала Марина, отнимая свою руку, слаба для вашего дѣла; вамъ нужны руки, владѣющія оружіемъ, а моя можетъ только возноситься къ небу вмѣстѣ съ молитвами о вашемъ счастіи. — Я посвящу вамъ жизнь свою, восклицалъ восторженный юноша, я говорю это отъ души. — Шорохъ идущихъ гостей перервалъ эти объясненія. Марина своимъ обращеніемъ томила, мучила Димитрія: то дарила ласковыми взглядами, то убивала неприступною холодностію; страсть его разгоралась сильнѣе и сильнѣе. Онъ заболѣлъ отъ любви. Марина показала къ нему участіе.—Я умру отъ любви къ вамъ, сказалъ Димитрій: тогда велите разрѣзать мое сердце и въ немъ увидите свой образъ. — Перестаньте думать обо мнѣ, сказала Марина, оправьтесь; станьте на челѣ войска, побѣдите своихъ враговъ, тогда подумаете, какъ побѣдить мое сердце; только славными подвигами и доблестями вы меня завоюете! — Марина продолжала съ нимъ прежнюю игру женскаго кокетства. Димитрій написалъ къ ней страстное письмо. Въ отвѣтъ на него она всунула ему въ руку записку, гдѣ онъ прочиталъ такія строки: вы много страдаете; я не могу быть

жу. Я знаю ваше расположеніе къ истинной религіи и такъ радуюсь, что вы преуспѣваете на пути истины, что каждый день молю Бога о ниспосланіи вамъ благословенія. Его благословеніе побѣдитъ вашихъ враговъ. Оно сильнѣе всякой человѣческой мудрости, оно возведетъ васъ на отцовскій тронъ».

Димитрій просилъ наставника поговорить о немъ съ воеводою, а когда услышалъ отъ іезуита, что Мнишекъ уже предупрежденъ, обратился къ нему самъ. Мнишекъ обрадовался, цѣловалъ его, обнималъ нареченнаго зятя, плакалъ отъ умиленія. Но свадьба отложена была до того счастливаго времени, когда Димитрій, низвергнувши Бориса, сядетъ на престолъ московскій: тогда онъ пошлетъ посольство, и отецъ пріѣдетъ съ невѣстой къ сильному и могучему монарху. Мнишекъ нашелъ отговорку очень благовидную. Онъ сказалъ Димитрію такъ: «чтобъ доказать вамъ свое расположеніе, я откладываю вашу свадьбу до того времени, когда трупъ Го-

---

безотвѣтною къ вашей благородной искренней страсти. Побѣдите враговъ вашихъ и не сомнѣвайтесь, что въ свое время ваши надежды увѣнчаются и вы получите награду за ваши доблести.

Говорятъ, что Димитрій выходилъ на поединокъ съ какимъ-то княземъ, неравнодушнымъ къ Маринѣ. Его называютъ испорченнымъ именемъ Доренскій—можетъ быть, это былъ одинъ изъ князей Корецкихъ. Это было въ духѣ того времени. Прекрасная дѣвица знатнаго рода гордилась тѣмъ, что за нее проливали кровь мужественные рыцари. Димитрій обронилъ письмо, полученное имъ отъ марины. Князь, поднявъ его, пришелъ въ ярость, написалъ Димитрію дерзкое письмо, называлъ его обманщикомъ и вызывалъ на поединокъ. Соперники выѣхали верхомъ въ восемь часовъ утра въ рощу. Димитрій сбилъ князя съ коня и сталъ этимъ довольствоваться, но князь, разсвирѣпѣвши, бросился на него. Поединокъ кончился тѣмъ, что князь оцарапалъ Димитрію щеку, а Димитрій прокололъ ему насквозь руку. Князя унесли чуть живаго. Мнишекъ удалялся отъ объясненій и радовался, что дочь его такъ умѣетъ плѣнять сердца и покорила себѣ того, кто могъ быть на престолѣ. Но Мнишекъ и Марина сохраняли такой видъ, чтобъ Димитрій не проникнулъ, что его желаютъ больше, чѣмъ онъ Марины *).

---

*) Appendix being the amours etc.

дунова послужитъ ступенью вамъ на тронъ. Это совершенно противъ собственнаго моего желанія и выгодъ, но я васъ прошу: поступите такъ; это мой отеческій и дружескій совѣтъ. Сигизмундъ готовъ васъ поддерживать, и знаете ли, что у него на умѣ? Онъ надѣется выдать за васъ свою сестру; поэтому только онъ и благопріятствуетъ нѣсколько вашему предпріятію. Другіе паны воеводы будутъ завидовать нашему родству; многіе разсчитываютъ на васъ и перестанутъ помогать вамъ, когда узнаютъ, что вы женитесь на моей дочери, а вамъ слѣдуетъ расти, а не малитися, увеличивать, а не уменьшать число своихъ союзниковъ *). Не возражайте мнѣ, я знаю лучше вашъ путь. Я пойду съ вами; пожертвую всѣмъ, что имѣю, за возвращеніе вамъ отеческаго достоянія» **).

Удостовѣрившись, что дочь совершенно плѣнила Димитрія, и, слѣдовательно, можно теперь изъ него, какъ говорится, вить веревки, Мнишекъ потребовалъ крупную цѣну за свою красавицу. 23-го мая 1604 года, Димитрій вручилъ Мнишку запись, гдѣ давалъ слово жениться на паннѣ Маринѣ по возшествіи на престолъ и налагалъ на себя проклятіе за неисполненіе такого обѣщанія; обѣщалъ прежде всего дать Мнишку 100,000 польскихъ злотыхъ на подъемъ и на заплату долговъ его, и для покупки убранствъ невѣсты и столоваго серебра; а потомъ обѣщалъ во владѣніе будущей женѣ своей Новгородъ и Псковъ со всѣми уѣздами этихъ государствъ, и отрекался самъ владѣть въ нихъ. Въ этихъ земляхъ предоставлялось ей давать своимъ служилымъ людямъ помѣстья и вотчины, ставить римско-католическіе монастыри, костелы и школы и содержать сколько угодно римско-католическаго духовенства. Въ записи

---

*) Esame critico. Ciampi, 32—35.

**) The Russ. Impost. 39.

прибавлялось, что это дѣлается потому, что онъ самъ будетъ стараться привести свое государство во единую вѣру римско-католической церкви *). Если я этого не сдѣлаю въ теченіе одного года—было сказано въ этой записи—то вольно будетъ ей развестись со мною; а захочетъ,—подождетъ болѣе года. Такая запись была въ порядкѣ вещей того времени. Въ Литвѣ и Польшѣ при сговорѣ женихъ всегда давалъ своей невѣстѣ въ вѣно сумму, назначалъ ее, и полагалось, что слѣдовало заплатить ее на дѣлѣ вдвое противъ того, а въ залогъ оставлялась треть его имѣнія; въ случаѣ смерти и бездѣтности мужа, жена владѣла заложенною частью имѣнія, а наслѣдники имѣли право выплатить двойную сумму вѣна и возвратить въ свой родъ имѣніе. Кажется и здѣсь Новгородская и Псковская земли отдавались въ вѣно Маринѣ какъ третья часть наслѣдственнаго владѣнія Димитріева. Сумма сто тысячъ злотыхъ, обѣщанная Мнишку, также полагалась вдвое и потому впослѣдствіи Димитрій заплатилъ ему 200,000 злотыхъ.

Существуетъ еще другая запись отъ 12-го іюня 1604 года. Тамъ претендентъ обѣщалъ дать самому Мнишку въ вѣчное и потомственное владѣніе Смоленское и Сѣверское княжества за исключеніемъ половины Смоленской земли и шести городовъ Сѣверской, которые отдавалъ польской коронѣ ради дружелюбія съ польскимъ королемъ **).

Ея существованіе было отвергаемо впослѣдствіи польскими послами, спорившими съ русскими боярами. Тогда они возражали, что Мнишекъ, сенаторъ Рѣчи Посполитой, не могъ принимать того, что уже принадлежало по праву Рѣчи Посполитой. Но видно, претендентъ не стѣснялся

---

*) Собр. гос. грам. II, 161.
**) Собр. гос. гр. II, 166.—Petricii, 24.

обѣщать одно и тоже и Рѣчи Посполитой, и Мнишку, для соблюденія приличія дѣлалъ свой подарокъ пополамъ, но, какъ оказалось впослѣдствіи, не думалъ исполнить того, что принужденъ былъ обѣщать имъ. Во всякомъ случаѣ, видно, что и Сигизмундъ, и Мнишки распоряжались на счетъ претендента самымъ безцеремоннымъ образомъ русскою землею, куда вели его на тронъ. Димитрій долженъ былъ на все соглашаться; у него не было денегъ; а Мнишекъ, удостовѣрившись, что Димитрій женится на его дочери, и получивши записи, началъ дѣятельно работать, своимъ вліяніемъ собралъ денежныя пожертвованія; по его призыву сходились люди и давали на издержки въ чаяніи будущихъ благъ *).

Такъ Димитрій поневолѣ потакалъ окружавшей его средѣ и оставлялъ ей надежды, которыя самъ не считалъ осуществимыми. Не смотря на то, что онъ получилъ письмо отъ папы еще въ Краковѣ, онъ отвѣчалъ на него не ранѣе 30 іюля **). Говорятъ, что при пособіи Савицкаго Димитрій тогда такъ наловчился въ латинскомъ словосочиненіи, что самъ составлялъ письмо къ папѣ ***). Въ своемъ письмѣ Димитрій «извинялся нездоровьемъ, мѣшавшимъ ему, при другихъ обстоятельствахъ, и въ томъ числѣ при недостаткѣ средствъ предпринять свой походъ въ Московію, благодарилъ святаго отца за вниманіе и благочестивыя нравоученія, изъявлялъ намѣреніе всегда помнить ихъ и обѣщалъ, если Богъ, защитникъ невинныхъ, пособитъ ему возвратить похищенный престолъ, посвятить юность, здоровье и самую жизнь на пользу христіанства и апостольскаго престола, стараясь вести подвластные ему

*) Petricii, 26.

**) Письмо Димитрія къ папѣ, сообщенное въ итальянскомъ переводѣ г. Минцлофомъ.

***) Grevenbr. 13.

народы къ той же цѣли, для восхваленія имени Божія». Въ письмѣ его не было ни явнаго принятія католичества или уніи, ни положительнаго обѣщанія за свой народъ. Все ограничивалось двусмысленными изъявленіями расположенія; католики могли толковать это къ своей выгодѣ такъ, какъ будто Димитрій уже принялъ римско-католическую вѣру; Димитрій оставлялъ возможность на будущее время оставаться съ одною терпимостію римско-католическаго вѣроисповѣданія, не давая ему исключительнаго первенства.

Живучи у сендомирскаго воеводы, Димитрій написалъ грамоты къ московскому народу и послалъ ихъ впередъ прежде чѣмъ онъ войдетъ въ свое наслѣдіе. Въ этихъ грамотахъ онъ благодарилъ тѣхъ, которые ему помогли спастись, и увѣщевалъ народъ русскій отстать отъ Бориса и признать законнаго государя. Эти грамоты появились въ украинныхъ земляхъ и подготовляли народъ къ появленію царевича. Борисъ принялъ чрезвычайныя мѣры, чтобъ ничего и никого не пропускать изъ Литвы; но грамоты Димитрія входили въ Московское государство въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, который привозился въ Россію по случаю дороговизны *), Явилось множество незванныхъ слугъ и пособниковъ претенденту, его воззванія переписывались и распространялись по дорогамъ, на улицахъ городовъ и посадовъ **). Посланъ былъ еще какой-то Свирскій на Донъ снова возбуждать донскихъ казаковъ. Между тѣмъ двое Борисовыхъ слугъ прокрались въ Самборъ, съ тѣмъ, чтобъ убить царскаго врага. Они прикинулись вѣрными Димитрію и однажды въ полночь намѣревались извести его, а сами бѣжать. Одинъ изъ нихъ пошелъ сѣдлать лошадей, другой взялся

*) Petric. 19.
**) Ст. спис. Арх. И. Д. № 26.

убить царевича. Но тотъ, который пошелъ за лошадьми, былъ поймапъ и признался. Тогда отыскали другаго. На счастье Димитрію, онъ долго вечеромъ сидѣлъ у Мнишка и не шелъ въ свои покои, гдѣ его стерегъ убійца. На другой день казнили обоихъ заговорщиковъ, и съ тѣхъ поръ берегли неусыпно царевича *).

Подъ Глинянами сдѣлапъ былъ сборъ войска. Составилось коло рыцарское, на немъ выбрали начальникомъ или гетманомъ Юрія Мнишка и трехъ полковниковъ: Адама Жулицкаго (800 человѣкъ), Станислава Гоголинскаго (1,400 ч.) и Адама Дворжицкаго (400 ч.) **). Передовою стражею начальствовалъ Неборскій съ двумя стами человѣкъ пятигорцевъ. Полки дѣлились на роты. Набралось тогда тысячъ до трехъ человѣкъ. Они двинулись къ Днѣпру. Тутъ присоединилось къ нимъ двѣ тысячи днѣпровскихъ казаковъ.

Что было тогда въ южной Руси буйнаго, развратнаго, враждебнаго гражданскому порядку и спокойствію — стекалось подъ знамя московскаго претендента. Въ сеймовыхъ рѣчахъ того времени каждый годъ жаловались на своевольство шаекъ въ южной Руси; неудачный исходъ бунтовъ Косинскаго и Наливайка нѣсколько лѣтъ не допускалъ проявляться своевольству въ слишкомъ большихъ размѣрахъ, но не истребилъ его. Теперь появленіе московскаго царевича сдѣлалось собирательною точкою для украинской удали; составленные въ пользу его отряды, прежде, чѣмъ вступили въ Московское государство, успѣли себя выказать, какъ только собрались въ условленное мѣсто. На сеймѣ 1605 года, говорили о сподвижникахъ Димитрія, что татары своими набѣгами не надѣлали столь-

*) Żabczyc, Mars Mosk.
**) Żabczyc.

ко безчинствъ и горестей народу, сколько поборники московскаго царевича *).

Приближаясь къ Кіеву, ополченіе боялось князя Острожскаго, который, какъ видно, не благоволилъ предпріятію. Отрядъ его слѣдилъ за ополченіемъ, и удальцы боялись, чтобъ Острожскій не ударилъ на нихъ, держали наготовѣ лошадей и не спали по ночамъ. Когда они дошли до Днѣпра близъ Кіева, то не нашли ни одного парома для переправы. Острожскій съ намѣреніемъ велѣлъ угнать всѣ паромы, которые обыкновенно стояли на перевозѣ. Передъ тѣмъ не задолго къ нему пріѣзжалъ посланецъ отъ патріарха Іова, Аѳанасій Пальчиковъ, съ грамотою, гдѣ патріархъ увѣрялъ, что «называющій себя Димитріемъ бѣглый дьяконъ; самъ патріархъ посвящалъ его и весь освященный соборъ это знаетъ. Впослѣдствіи онъ впалъ въ злыя еретическія дѣла и чернокнижіе и, страшась справедливой казни, бѣжалъ». Патріархъ убѣдительно просилъ не только не оказывать помощи вору, но поймать его и прислать въ Москву для достойнаго возмездія по дѣламъ его**). Острожскій не отвѣчалъ на эту грамоту ничего. Кіевскій воевода не вѣрилъ, чтобъ претендентъ былъ истинный Димитрій, не хотѣлъ помогать его дѣлу, но не хотѣлъ и раздражать Вишневецкихъ, Мнишковъ, у которыхъ была огромная партія, а предпочелъ не мѣшаться въ это дѣло никакъ.

Ополченцы ждали нѣсколько дней у Днѣпра и послали искать паромовъ; наконецъ нашли ихъ, переправились, потерявши только одного товарища, который въ припадкѣ горячки бросился въ воду. Въ Острѣ присоединился къ нимъ староста остерскій, Ратомскій, съ толпой украинской вольницы.

---

*) Bibl Villan. № 31.

**) Арх. иностр. дѣлъ № 26.

«На лѣвой сторонѣ Днѣпра, говоритъ соучастникъ *), намъ пришлось идти посреди дубравъ и веселыхъ полей; все вокругъ цвѣло изобиліемъ, и мы себѣ все нужное получали къ нашему удовольствію». Здѣсь явились къ Димитрію въ другой разъ послы отъ донскихъ казаковъ съ изъявленіемъ охоты служить спасенному чудесно царевичу всѣмъ вольнымъ Дономъ. Они, въ доказательство своей вѣрности, привели къ ногамъ его дворянина Петра Хрущова, посланнаго Борисомъ для возбужденія ихъ противъ Димитрія. Плѣнникъ, приведенный къ нему въ кандалахъ, какъ только посмотрѣлъ на претендента, тотчасъ упалъ ему въ ноги и говорилъ: «теперь я вижу, что ты природный истинный царевичъ; ты похожъ лицомъ на отца своего, государя царя Ивана Васильевича. Прости и помилуй насъ, государь; по невѣдѣнію нашему мы служили Борису, а, какъ увидятъ тебя, всѣ признаютъ тебя». Димитрій понялъ, что въ признаніи Хрущова мало искренности, и, освободивъ его отъ оковъ, держалъ однако нѣсколько времени подъ стражею и допрашивалъ его. «Я, сказалъ, Хрущовъ, жилъ далеко отъ Москвы, въ Васильгородѣ, а въ Москву меня призвали и я былъ въ Москвѣ только пять дней, а потому не могу достаточно обо всемъ сказать». Онъ сообщилъ только то, что могъ узнать въ продолженіи пяти дней. По его показанію, Борисъ по прежнему старался, чтобъ о Димитріѣ не говорили, и, пославши въ Сѣверскую землю войско подъ начальствомъ Петра Шереметева и Михаила Салтыкова, далъ имъ наказъ охранять край не противъ царевича, а противъ перекопскаго царя. «Я, говорилъ Хрущовъ, встрѣчался съ ними, былъ у Шереметева на обѣдѣ, а у Салтыкова на ужинѣ, и сказалъ, что меня Борисъ послалъ къ донскимъ казакамъ побуждать ихъ на того, кто

*) Borsza

назвался царевичемъ; а Шереметевъ пожалъ плечами и сказалъ мнѣ: мы ничего не знаемъ; насъ послали на татаръ, но мы догадываемся, что идемъ не противъ татаръ, а противъ другаго: если онъ въ самомъ дѣлѣ природный царевичъ, то трудно будетъ противъ него воевать. А какъ я былъ въ Москвѣ,такъ Борисъ дознался, что двое господъ, Василій Смирной да Меньшой Булгаковъ, пили за здоровье царевича; перваго приказалъ убить въ тюрьмѣ, а другаго утопить; только его еще не утопили, какъ я въ Москвѣ былъ». Хрущовъ сообщилъ также слухъ, что Борисъ ласкаетъ и приближаетъ къ себѣ Смирнова Отрепьева, который назвался родственникомъ тому, кто явился царевичемъ, и отправился въ Польшу. И то было не при немъ. Относительно расположенія умовъ, Хрущовъ радовалъ претендента, увѣряя, что его письма и грамоты читаются народомъ съ любовію *).

Октября 16, называвшій себя царевичемъ Димитріемъ вступилъ въ Московское государство и отправилъ Борису письмо, гдѣ припоминалъ его злодѣянія, извѣщалъ о своемъ спасеніи, убѣждалъ добровольно оставить престолъ и удалиться въ монастырь, и обнадеживалъ своимъ милосердіемъ къ нему и его семейству **).

---

*) Собр. госуд. гр. и догов. II, 173—178.

**) Въ одномъ рукописномъ дневникѣ о событіяхъ этого времени, помѣщено такое письмо въ польскомъ переводѣ, но оно, очевидно, или подложное, или вѣроятно испорченное невѣрнымъ переводомъ и вставками:

«Мы Димитрій Ивановичъ, божіею милостію царевичъ всея Руси, удѣльный князь Углицкій, Дмитровскій, Городецкій, по роду отъ предковъ своихъ наслѣдственный государь великаго царства Московскаго, похитителю власти нашей надъ государствомъ Борису Годунову любовь и напоминовеніе, желаемъ неисповѣдимыхъ щедротъ вышняго Бога и предлагаемъ нашу милость. Мы недавно еще писали письмо къ тебѣ и напоминали тебѣ по-христіански; но твои коварства, о Борисъ, и злодѣянія пусть будутъ извѣстны людямъ; они важнѣе, чѣмъ ты хочешь притворно показать. Намъ, природному государю

Разомъ съ письмомъ къ Борису посланы были съ агентами по Россіи воеводамъ, дьякамъ, служилымъ, гостямъ, торговымъ чернымъ людямъ списки съ другой грамоты отъ имени претендента такого содержанія:

твоему, жаль тебя, подданнаго своего; ты готовишься къ пролитію христіанской крови; жаль намъ глупаго разума твоего; ибо ты осквернилъ душу, созданную Богомъ по образу своему, и въ своемъ упорствѣ готовишь ей бо́льшую гибель; развѣ не знаешь, что ты смертный человѣкъ и подлежишь случайности? Довольствоваться бы тебѣ, о Борисъ, тѣмъ, что Богъ далъ тебѣ, не равнять бы себя съ Богомъ, который распоряжается государствами, а ты противишься Богу и нарушаешь его заповѣди. Такъ, будучи по волѣ Вышняго царя нашимъ подданнымъ, ты укралъ при сатанинской помощи наше отеческое достояніе, которое поручено намъ во временной жизни, по волѣ Господа Бога, отъ нашихъ предковъ; не знаемъ, какъ намъ съ тобой считаться: какъ съ измѣнникомъ, или какъ съ мучителемъ, который коварно захватилъ столицу предковъ нашихъ? Но кто кладетъ злое основаніе, тотъ все долженъ потерять снова: ты, глупецъ, присвоивши себѣ государство, порученное намъ отъ Бога, покусился на то, чего тебѣ не дала природа и запрещало брать общественное право. Ты не предвидѣлъ исхода дѣламъ своимъ, и приготовилъ себѣ именно такой, на какой теперь долженъ смотрѣть съ досадою и великимъ стыдомъ. Но еще недовольно того, что ты лживо объявилъ славу свою въ сей краткій вѣкъ; мы соболѣзнуемъ, чтобъ ты не погубилъ души своей, и хотимъ дать тебѣ исповѣдь и припомнить тебѣ вкратцѣ, какими путями ты достигъ власти. Ты самъ это лучше знаешь, но пусть другимъ также будутъ извѣстны твои дѣянія. Ты захватилъ управленіе государствомъ при посредствѣ и содѣйствіи сестры своей, жены нашего брата Ѳедора; вкусна тебѣ показалась верховная власть. Братъ нашъ Ѳедоръ занимался большею частію богослуженіемъ, мы же были въ малолѣтнемъ возрастѣ, и ты, не обращая на насъ вниманія, пролагалъ себѣ путь къ престолу, преградивши доступъ къ блаженной памяти нашему брату, и началъ истреблять нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ бояръ, выдумывая разныя вины. Прежде ты приказалъ умертвить князей Ивана и Андрея Шуйскихъ и московскихъ посадскихъ лучшихъ людей за то, что они были расположены къ Шуйскимъ; такъ, ты погубилъ Гая купца знатнаго, приказалъ выколоть глаза Симеону царю Казанскому, великому князю удѣльному Тверскому, сына его Ивана приказалъ отравить; но мало этого—ты самому Богу не спускалъ: оскорблялъ духовный санъ; митрополита Діонисія за то, что онъ укорялъ и обличалъ тебя передъ братомъ нашимъ Ѳедоромъ за твои преступленія, ты послалъ въ ссылку, а брату нашему сказалъ, будто онъ внезапно скончался; а мы знаемъ,

«Богъ милосердый по своему произволенію покрывалъ насъ отъ измѣнника Бориса Годунова, хотѣвшаго насъ предать злой смерти, не восхотѣлъ исполнить злокозненнаго его замысла, укрылъ меня, прироженаго вашего госуда-

---

что митрополитъ до сихъ поръ живетъ въ Тихвинскомъ (Хутынскомъ) монастырѣ, и ты ему далъ льготу послѣ смерти брата нашего. Многихъ другихъ ты погубилъ; именъ не упомнимъ, потому что тогда были еще въ недозрѣлыхъ лѣтахъ. Ты погубилъ цвѣтъ нашихъ друзей и вѣрныхъ подданныхъ. Только мы тебѣ стояли на дорогѣ; ты чувствовалъ, что будешь въ нашихъ рукахъ; хотя мы были и въ молодыхъ лѣтахъ, но уже слышали о твоихъ злодѣйствахъ. Помнишь ли, какъ мы тебѣ напоминали объ этомъ нашими письмами? помнишь ли, какъ послали къ тебѣ священника съ напоминаніемъ? помнишь ли, какъ мы отправили свойственника твоего Андрея Клешнина, который, будучи посланъ къ намъ отъ брата нашего Өедора, надѣясь на тебя, отнесся къ намъ неуважительно? Это тебѣ не понравилось, Борисъ, потому что мы были тебѣ препятствіемъ къ пріобрѣтенію царства; и ты, коварный мудрецъ міра сего, искоренивши знатнѣйшихъ князей нашего государства, сталъ точить ножъ на насъ, и такъ какъ тебѣ, яко подданному, было страшно брата нашего Өедора, то ты нашелъ прекрасный способъ: подговорилъ дьяка нашего Михайла Битяговскаго и двѣнадцать спальниковъ, Никиту Качалова и Осипа Волохова, чтобы насъ умертвили; согласился на это, боясь тебя, и нашъ учитель и лекарь докторъ Симеонъ, который берегъ здоровье наше; но, по волѣ Божіей, мы черезъ его посредство спасены отъ жестокой смерти, которую ты намъ приготовлялъ; и чтобы твои смѣлыя дѣла не открылись, ты прибѣгнулъ къ средству, вполнѣ достойному похвалы: ты сказалъ брату нашему Өедору, будто въ Угличѣ, гдѣ мы жили, большой моръ; а чтобъ изъ Углича не пришла вѣсть къ брату нашему о томъ, что съ нами сталось, ты подвелъ Крымскаго хана съ большими силами къ Москвѣ, и въ то время, когда приготовилъ намъ смерть, приказалъ зажечь столичный городъ Москву въ нѣсколькихъ мѣстахъ и другіе окольные города, чтобы люди были заняты другими важными дѣлами, и въ это-то время велѣлъ насъ убить и замучить; чтобъ способъ смерти нашей не сталъ извѣстенъ брату нашему Өедору и другимъ людямъ, ты приказалъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль поджигать Москву, чтобы тѣмъ временемъ кончить свои дѣла, и объявилъ нашему брату Өедору, будто мы сами убили себя въ припадкѣ падучей болѣзни. Братъ нашъ, опечалившись, велѣлъ привезти тѣло наше въ Москву, а ты склонилъ на свою сторону патріарха, котораго самъ изъ митрополитовъ посадилъ на престолѣ. И говорили вы, что не слѣдуетъ класть тѣла самоубійцы между тѣлами помазанниковъ Божіихъ. Братъ самъ хо-

ря, своею невидимою рукою и много лѣтъ хранилъ меня въ судьбахъ своихъ; и я, царевичъ Димитрій, теперь приспѣлъ въ мужество и иду съ Божіею помощію на прародителей моихъ, на Московское государство и на всѣ государ-

---

тѣлъ ѣхать въ Угличь, а ты сказалъ, что тамъ большое моровое повѣтріе. Съ другой стороны, противъ царя Крымскаго расположилъ войско, которое было вдвое сильнѣе непріятеля, подъ Москвою, и запретилъ подъ смертной казнью выходить *на герцы*. И такъ три дни смотрѣли вы въ глаза непріятелю и отпустили его свободно, и онъ ушелъ себѣ, не сдѣлавши вреда нашему государству; а ты на третій день пустился за нимъ будто въ погоню, не допуская брату нашему предаться печали о смерти нашей. Между тѣмъ пожары объяснились, когда земскій судья бояринъ Андрей Клобуковъ перехватилъ поджигателей. Они показывали на тебя, что ты ихъ подговаривалъ; а ты, желая показать, что это вовсе не твое дѣло, подговорилъ тѣхъ, которые дали тебѣ себя поймать, чтобъ они на пыткѣ показывали на Клобукова, и тогда ты его, по ихъ наговору, отдалъ въ пытку и замучилъ. Когда же стали говорить, что мы не сами убили себя, а насъ умертвили, тогда ты съ притворнымъ сожалѣніемъ приказалъ о насъ дѣлать сыскъ, и, схвативши слугъ нашихъ, однихъ замучилъ на пыткѣ, другихъ утопилъ, третьихъ бросилъ на вѣки въ темницы, какъ будто бы за то, что не уберегли царевича. Когда же все исполнилось по твоей мысли, тогда ты посягнулъ на жизнь брата нашего и ускорилъ его смерть, и плакалъ невинная овечка съ волчьимъ сердцемъ... Думалъ ты, что уже нѣтъ болѣе прямыхъ наслѣдниковъ нашего дома, и показывалъ самъ, будто не желаешь царствовать, а между тѣмъ разными обычными способами коварства достигалъ этого: ты разсыпалъ большія деньги убогимъ, слѣпымъ, хромымъ, разслабленнымъ раздавалъ милостыню съ злою цѣлію поднять за себя голь, и устроилъ такъ, что по всѣмъ городамъ и въ Кремлѣ безчисленная толпа тебя провозгласила царемъ, и малыя дѣти кричали: благослови, Боже, быть ему государемъ, онъ достоинъ этого! Но какая награда досталась за то, показало твое царствованіе: ты погубилъ свойственниковъ отца нашего Романовыхъ, князей Черкасскихъ, Шуйскихъ; и до сихъ поръ еще многіе чувствуютъ твое добросердечіе.

«Мы пишемъ тебѣ это краткое исповѣданіе съ тою цѣлію, чтобъ ты опомнился, не приводилъ насъ своею злобою къ большему гнѣву и себя не доводилъ до гибели. Развѣ мало тебѣ, что Богъ избавилъ меня отъ рукъ твоихъ, отъ жестокой смерти? Но ты, оставаясь въ прежнемъ упорствѣ и зная, что мы, Димитрій, живы, хочешь уподобиться Богу и творить людей по своей мысли, и начинаешь насъ, Димитрія, окрещивать чернецомъ Григоріемъ, Отрепьевымъ сыномъ. Но скоро узнаешь, кто Григорій, и кто Димитрій; ты, конечно, этому не

ства Россiйскаго царствiя. Вспомните наше прироженiе, православную христiанскую истинную вѣру и крестное цѣлованiе, на чемъ вы цѣловали крестъ отцу нашему блаженной памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русiи и намъ, дѣтямъ его—хотѣть во всемъ добра; отложитесь нынѣ отъ измѣнника Бориса Годунова къ намъ, и впередъ уже служите, прямите и добра хотите намъ, государю своему прироженому, какъ отцу нашему блаженныя памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русiи; а я стану васъ жаловать по своему царскому милосердому обычаю, и буду васъ свыше въ чести держать, ибо мы хотимъ учинить все православное христiанство въ тишинѣ и покоѣ и въ благоденственномъ житiи» *).

Отправивъ эти посланiя, нареченный Димитрiй двинулся въ Московскую землю.

радъ, но слѣдуетъ сказать тебѣ глупцу, совсѣмъ лишенному разсудка: не посылай къ мудрымъ и благоразумнымъ, знающимъ про твои злодѣйства. Но приходитъ конецъ твоимъ злодѣянiямъ, и правда и справедливость возьмутъ верхъ: никто въ свѣтѣ не можетъ ихъ истребить. Какъ ни тяжко тебѣ, а придется уступить царство; но самъ видишь, что оно слѣдуетъ намъ по справедливости. Лучше же потерпѣть тебѣ временное посрамленiе, чѣмъ послать душу свою на вѣчную гибель въ адскiй огонь. Видимъ, что ты не заботишься о Богѣ и душѣ своей; тѣмъ хуже. Возврати же лучше намъ наше; а мы простимъ для Бога всѣ твои вины, и заботясь о душѣ твоей, которая въ каждомъ человѣкѣ драгоцѣнна, назначимъ тебѣ спокойное мѣсто для покаянiя. Лучше тебѣ на этомъ свѣтѣ потерпѣть, чѣмъ горѣть вѣчно въ аду за множество душъ; замученныя тобою они взываютъ къ Богу объ отмщенiи. Вѣдь мы терпѣли въ недавнее время по грѣхамъ: скитались по монастырямъ, ибо Господь Богъ черезъ тебя отнялъ у насъ достоянiе. Напоминаемъ же тебѣ, Борисъ; иначе скоро увидишь, что не помогутъ болѣе тебѣ никакiя коварства. Помысли о концѣ твоемъ и предупреди заранѣе бѣду свою. Затѣмъ желаемъ тебѣ отъ Господа Бога добраго здоровья и души спасенiя». *Historya Dmitra fałszywego*, въ рукоп. И. П. Б. Польская истор. f. № 33.

*) А. А. Э. II, 76.

III.

Взятіе Моравска и Чернигова. — Осада Новгородъ-Сѣверска. — Побѣда Димитрія. — Добрыницкая битва. — Отступленіе въ Путивль.

Первый городъ, который ему предстояло въ Московской землѣ взять, былъ Моравскъ, иначе Монастырево. Воеводами тамъ были Борисъ Ладыгинъ и Елизаръ Безобразовъ. Димитрій, остановившись отъ Моравска верстъ за 30 на самой границѣ, въ Шляхетской слободѣ, отправилъ туда казаковъ запорожскихъ подъ начальствомъ Дилешка, съ 2,000, Куцька́ и Швайковскаго. Въ Моравскѣ полученныя грамоты произвели свое дѣйствіе: жители и ратные люди взбунтовались, отлагались отъ Бориса и кричали, что они хотятъ служить законному государю Димитрію Ивановичу. Воеводы заупрямились. Ихъ связали *) и прислали сказать Димитрію, что они поддаются. Не понимая такой быстрой сдачи, поляки, бывшіе съ Димитріемъ, не могли приписывать этого иному побужденію кромѣ страха. Димитрій отправилъ впередъ ротмистра со ста пятидясетью воинами, а на другой день самъ подступилъ подъ Моравскъ **). Войско стало обозомъ. Самъ царевичъ съ воеводою поѣхалъ въ городъ. Жители встрѣчали его съ хлѣбомъ-солью и представили его суду связанныхъ воеводъ. Димитрій обошелся съ ними ласково, далъ имъ свободу, и обворожилъ русскихъ при первомъ знакомствѣ съ ними въ званіи царевича. Мнишекъ призывалъ къ себѣ этихъ *севрюковъ*, какъ назывались вообще жители Сѣверской области, говорилъ имъ, кто онъ такой: что онъ сенаторъ польскій и радный панъ и стало

*) Дневн. соврем. въ Hist. Russ. Mon. II.
**) Сказ. совр. Паэрлэ. 6.

быть не станетъ лгать, увѣрялъ и клялся, что съ нимъ идетъ настоящій царевичъ. Для большаго успѣха онъ говорилъ, что король и вся Польша приняли участіе въ изгнанномъ царевичѣ, и если Москвитяне не примутъ его добровольно и не покорятся ему, то пойдетъ на нихъ войною королевское войско. Съ этими вѣстями отправили севрюковъ по окрестнымъ поселеніямъ распространять между народомъ вѣсть о спасеніи Димитрія и убѣждать скорѣе покориться ему, чтобъ избѣжать прихода королевскихъ войскъ. Посланцы эти имѣли чрезвычайный успѣхъ. Имъ помогало еще то, что въ Сѣверскую землю Борисъ ссылалъ множество всякихъ людей, и дѣйствительно дурныхъ, безпокойныхъ, и просто — своихъ недоброхотовъ, которыхъ у него было много. Они съ своей стороны располагали жителей отложиться отъ Бориса и признать настоящаго государя. Въ Сѣверщинѣ стали составляться шайки на помощь Димитрію.

Изъ Моравска претендентъ двинулся на Черниговъ. Тамъ былъ воеводою Иванъ Андреевичъ Татевъ съ товарищами. Не доходя Чернигова, Димитрій послалъ туда отрядъ казаковъ. Подошедши къ Чернигову, казаки увидали крѣпкій городъ, окруженный плохо-укрѣпленнымъ посадомъ, и, подъѣхавши, кричали: «поддавайтесь царю и великому князю Димитрію Ивановичу; Моравскъ уже поддался!» Въ городѣ сдѣлалась суматоха; иные кричали: сдаваться! другіе кричали: биться! Иванъ Андреевичъ Татевъ былъ за Годуновыхъ. Со стѣнъ города дали залпъ по казакамъ и такъ удачно, что сразу многихъ положили. Казаки отступили и ударили на слабый посадъ. Въ это время партія, противная Борису, взяла верхъ; на ея сторону перешли товарищи Татева. Ивана Андреевича связали и послали сказать казакамъ, чтобъ они перестали нападать на посадъ: всѣ черниговцы бьютъ челомъ царевичу. Но казаки не слушали, во-

рвались въ посадъ, стали грабить жителей и безчинствовать. Тогда гонцы поскакали отъ черниговцевъ къ Димитрію просить, чтобъ онъ остановилъ буйство казаковъ: Черниговъ признаетъ его власть добровольно. Царевичъ послалъ немедленно къ казакамъ Станислава Борша съ товарищами. Но когда эти посланцы прибыли, то уже казаки сдѣлали свое дѣло: весь городъ облупили. На другой день пришло все войско и стало обозомъ. Димитрій, увидѣвши, что сдѣлали казаки, послалъ имъ сказать: «отдайте все, что вы награбили незаконно у черниговцевъ; а не отдадите, пойду биться противъ васъ съ рыцарствомъ». Казаки прислали отвѣтъ: «когда мы подошли къ Чернигову,—по насъ стрѣляли и многихъ убили и ранили; поэтому мы и взяли посадъ, чтобъ вознаградить себя; мы хотѣли этимъ царевичу прислужиться; мы боимся, чтобъ Москва, укрѣпившись, не стала намъ сильною». Но Димитрій этимъ не удовлетворился и требовалъ, чтобъ казаки воротили награбленное. Казаки упорствовали; царевичъ настаивалъ. Такъ прошло нѣсколько дней; наконецъ казаки должны были уступить и обѣщали воротить награбленное, но воротили не все, оставивши у себя кое-что. Димитрій обласкалъ черниговцевъ. Татевъ присягнулъ ему служить и прямить. Но для вѣрности Димитрій оставилъ въ Черниговѣ одного изъ ротмистровъ Яна Запорскаго. Въ черниговскомъ городѣ Димитрій нашелъ на 10,000 злотыхъ казны, и раздѣлилъ ее между своею дружиною. Она начинала уже вопить о заплатѣ жалованья.

4 ноября выступило войско, значительно усиленное пристающими къ нему русскими и казаками, къ Новгороду-Сѣверскому, и шло до него восемь дней. Вездѣ по берегамъ рѣкъ Десны, Свиницы и Сновы, покорялись Димитрію жители селъ и деревень. Не было ни сопротивленія, ни боязни; народъ не разбѣгался, какъ обыкновенно бывало,

когда приближается войско, но выходилъ на встрѣчу съ хлѣбомъ и солью; севрюки съ умиленіемъ смотрѣли на своего государя, чудесно избавленнаго Богомъ, и кричали въ изступленной радости: многая лѣта царю Димитрію Ивановичу! На дорогѣ прискакалъ къ нему гонецъ изъ Польши и 8 ноября привезъ папскую грамоту *). То былъ отвѣтъ на Димитріеву. Эта грамота, писанная еще отъ Клемента VIII, не дошла до насъ, но безъ сомнѣнія, въ ней были побужденія не забывать своего назначенія. Такимъ образомъ, когда все на Руси склонялось къ Димитрію во имя отеческаго православія, когда къ нему выходили священники и міряне съ православными иконами, папская грамота должна была стать для него невольно зловѣщимъ кошмаромъ, предсказывавшимъ ему, что въ будущемъ не такъ легко можетъ онъ расплатиться за помощь, которую ему теперь оказываютъ чужіе. Достойно замѣчанія, что когда папа переписывался съ Димитріемъ и признавалъ его законнымъ наслѣдникомъ, въ половинѣ іюля того же года, снаряжено было опять посольство въ Персію, и папа просилъ очень дружелюбно Бориса пропустить чрезъ московскія владѣнія пятерыхъ кармелитскихъ монаховъ, отправленныхъ для этой цѣли **). Видно, что св. отецъ взиралъ тогда самымъ наблюдательнымъ окомъ на отдаленную и непокорную его власти Московію.

11 ноября стало ополченіе подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ. Тутъ претенденту уже не пошло какъ по маслу, подобно тому, какъ шло до сихъ поръ. Здѣсь онъ долженъ былъ встрѣтить препятствія. Въ Новгородѣ-Сѣверскомъ начальствовалъ воевода умный, расторопный, храбрый, знавшій ратное дѣло и умѣвшій держать въ повиновеніи

*) Собр. гос. грам. II, 169.

**) Hist. Russ. Mon. I, 55.

подчиненныхъ. Это былъ окольничій Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, братъ убитаго въ бою противъ Хлопки, сынъ одного изъ гнуснѣйшихъ сподвижниковъ мрачнаго періода тиранства царя Грознаго. Онъ зналъ духъ народа. Онъ зналъ, что какъ только прибудетъ войско съ Димитріемъ, то между жителями откроется желаніе пристать къ нему. Наступило зимнее время; Димитрію сдались бы прежде всего посадскіе, и Димитрій утвердился бы въ теплыхъ избахъ посада. Басмановъ послалъ двѣсти стрѣльцовъ и внезапно приказалъ сжечь посадъ, а жителей загнать въ городъ. Жители убѣгали съ тѣмъ, что успѣли схватить. Подъѣхавъ къ Новгороду-Сѣверскому, Димитрій выслалъ впередъ казаковъ. Они пришли уже на потухающій пожаръ. Жалко имъ было посада; сожалѣли они объ немъ съ своей казацкой точки зрѣнія: лучше было бы его такъ ограбить, какъ ограбили черниговскій. Остановившись, они не знали, что дѣлать, и дали знать Димитрію. На другой день подошелъ къ Новгороду-Сѣверскому самъ Димитрій со всѣмъ войскомъ, и отправилъ трехъ поляковъ и нѣсколько московскихъ людей изъ Моравска съ предложеніемъ сдаться и присягнуть Димитрію Ивановичу, какъ это сдѣлали другіе. Но Басмановъ принялъ ихъ не такъ, какъ другіе: со стѣнъ Новгорода-Сѣверскаго закричали имъ: «а, б...... сыны, пріѣхали на наши деньги съ воромъ!»

Ополченіе Димитрія стало обозомъ надъ рѣкою Десною, версты за полторы отъ замка. 14 ноября приготовили они свои пушечки, которыхъ у нихъ было восемь небольшихъ нѣмецкихъ полевыхъ, да шесть смиговницъ на колесахъ; стали стрѣлять изъ нихъ по городу, ничего не сдѣлали: не могли пробить стѣны. Выстрѣлы изъ города, напротивъ, нѣсколькихъ побили и покалѣчили. Потомъ охотники сошли съ лошадей и пошли было на приступъ; два раза подходили они къ стѣнамъ, и два раза ихъ отбивали; тѣмъ,

которые доходили до стѣнъ, бревнами и колодами покалѣчили руки и ноги. Черезъ четыре дня, 18 ноября, съ субботы на воскресенье, задумали Димитрій и Мнишекъ зажечь стѣны; иначе невозможно было и думать добыть городъ, когда пушки были такъ малы, что не могли пробить стѣнъ. Выстроили подвижныя деревянныя башенки, поставили на саняхъ и тихо покатили по пепелищу посада. При нихъ шло человѣкъ триста съ соломою и хворостомъ; нужно было разложить огонь у самыхъ стѣнъ такъ, чтобъ занялись стѣны. Но отъ Басманова не укрылись эти замыслы: только что Димитріевцы стали приближаться къ стѣнамъ, Басмановъ велѣлъ стрѣлять со стѣнъ, и выстрѣлы прогнали ихъ. Другой разъ собрались они и пошли, придавши себѣ храбрости,—и опять выстрѣлы со стѣнъ разогнали ихъ. Оправились они, и въ третій разъ пошли къ стѣнамъ съ такими же снарядами; но и въ третій разъ Басмановъ разогналъ ихъ. Такъ суетились они безполезно цѣлую ночь до разсвѣта. Человѣкъ до десяти выбыло *). Утромъ, раздосадованные поляки стали роптать и говорили царевичу, что теперь уже не пойдутъ на приступъ; а царевичъ отпускалъ имъ такія колкости: «я думалъ, что поляки великій народъ, а они такіе люди, какъ и другіе!»—«Не порочь нашей славы! закричали бывшіе при немъ рыцари: всѣ народы знаютъ, что намъ не новость добывать приступомъ крѣпкіе замки; хотя теперь это не наша обязанность, но мы и тутъ не хотѣли потерять славы предковъ нашихъ; прикажи только прежде дыры пробить въ стѣнѣ. Какъ придется намъ въ полѣ встрѣтиться съ этимъ же непріятелемъ, такъ вотъ тогда узнаешь, ваша милость, каковы мужество и храбрость наша; вотъ тогда полюбуешься доблестями поляковъ!»

---

*) Сказан. соврем. Паэрлэ.

Въ воскресенье, 19 ноября, Димитрій могъ утѣшиться отъ неудачнаго приступа. Пришли изъ Путивля посланцы и объявили, что путивляне повязали воеводъ и отдаютъ ему Путивль со всѣмъ уѣздомъ. На другой день приведены эти воеводы. Вотъ какъ дѣло происходило по разсказамъ современниковъ: былъ у Димитрія отрядъ изъ московскихъ людей, что жили помѣстьями въ польской Руси; они пристали къ нему первые, какъ онъ набиралъ дружину въ Самборѣ. Они отправились изъ-подъ Новгорода-Сѣверскаго за живностью для войска и наткнулись на отрядъ, посланный изъ Путивля. «Что вы за люди?»—спрашивали путивляне. Тѣ отвѣчали: «мы братья ваши; ѣдемъ въ свою землю съ Димитріемъ Ивановичемъ, нашимъ прироженымъ царемъ». Путивляне забрали ихъ въ плѣнъ и грозили имъ пыткою; но Димитріевы воины сказали: «вольно вамъ дѣлать съ нами что̀ захотите; только мы иначе не можемъ сказать, какъ уже сказали; мы знаемъ, и навѣрно дознались, что это нашъ истинный государь, царевичъ Димитрій; и вамъ, братья, совѣтуемъ поклониться ему». Пока путивляне довезли ихъ до Путивля, сами совершенно перешли на ихъ сторону; а пріѣхавъ въ Путивль, подняли всѣхъ ратныхъ людей и жителей; и всѣ объявили себя за истиннаго царевича, законнаго наслѣдника Московскаго государства. Воеводъ привели къ Димитрію подъ Новгородъ-Сѣверскій *); одного изъ нихъ, Михайла Михайловича Салтыкова, связали, а другой, князь Василій Рубецъ-Масальскій самъ безъ принужденія объявилъ себя за Димитрія. То же сдѣлалъ дьякъ Богданъ Сутуповъ, и другіе ратные также поступили. Василій Рубецъ-Масальскій скоро вошелъ къ Димитрію въ особенную довѣренность, а дьякъ Сутуповъ доставилъ Димитрію деньги, которыя самъ привезъ недав-

*) Ник. лѣт. 63.

но изъ Москвы для раздачи войску; этимъ онъ поддержалъ Димитрія, когда онъ сильно нуждался въ деньгахъ, и за то впослѣдствіи Сутуповъ сдѣлался думнымъ дьякомъ. Димитрій послалъ въ Путивль установить порядокъ Станислава Боршу, и приказалъ ему вернуться скорѣе назадъ.

24 ноября—новая радость: пріѣхалъ посланецъ изъ Рыльска и объявилъ, что рыльчане сдаются и признаютъ Димитрія. Чрезъ нѣсколько часовъ, въ тотъ же день, еще одна радость: пріѣхалъ посланецъ изъ Комарницкой волости и объявилъ, что она сдалась съ городомъ Сѣвскомъ и тамошніе воеводы взяты. 1 декабря пришло извѣстіе изъ Курска, что этотъ городъ призналъ Димитрія Ивановича. Потомъ 2 декабря новый посланецъ привезъ извѣстіе, что сдались Кромы. Вслѣдъ за тѣмъ Димитрій узналъ, что на его сторону перешелъ Бѣлгородъ. Войско Димитрія безпрестанно увеличивалось и уже простиралось до 15,000, кромѣ отрядовъ, которые находились въ покорившихся городахъ и готовы были присоединиться, когда будетъ нужно.

Димитрій продолжалъ стоять подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ. Напрасно къ городу не разъ подъѣзжали поляки, убѣждали покориться царю и великому государю, грозили истребленіемъ и старыхъ, и малыхъ, когда придется взять Новгородъ-Сѣверскъ приступомъ. «Убирайтесь!—кричалъ имъ со стѣны Басмановъ:—у насъ государь царь и великій князь всея Русіи Борисъ Өедоровичъ на Москвѣ; а вашъ Димитрій — воръ и измѣнникъ; вотъ его скоро посадятъ на колъ со всѣми единомышленниками!» *) 2 декабря стали было палить изъ новыхъ пушекъ, привезенныхъ изъ Путивля; и то не помогло: эти пушки не пробили стѣнъ Новгородъ-Сѣверскаго кремля, а пушки у Басманова были отличныя; самъ Басмановъ то и дѣло что бѣгалъ по стѣнѣ,

*) Сказан. соврем. Паэрлэ, 4.

самъ зажигалъ фитили, самъ училъ направлять пушку, осматривалъ днемъ и ночью стѣны и, главное, не допускалъ предательства. Правда, при тѣснотѣ, какая была въ Кремлѣ, куда согнаны были всѣ раззоренные посадскіе людишки, Басмановъ не могъ усмотрѣть, какъ нѣкоторые переходили въ обозъ Димитрія. Такъ, 27 ноября въ одинъ день перебѣжало туда 80 человѣкъ *).

5 декабря услышали въ обозѣ Димитрія, что приближается войско, посланное Борисомъ на своего врага.

Еще въ іюнѣ, въ Москвѣ, у царя съ освященнымъ соборомъ и съ боярскою думою состоялся приговоръ о томъ, чтобъ не только изъ помѣстьевъ и вотчинъ, но и изъ имѣній церковнаго вѣдомства, владычнихъ и монастырскихъ, снаряжены были слуги съ оружіемъ и отправлены въ Калугу въ полкъ къ Мстиславскому **). Въ этомъ приговорѣ правительство уже сознавалось, что дѣла его пошли плохо: казаки, забывъ крестное цѣлованіе, измѣняютъ, многіе изъ русскихъ прельщаются отъ вора и передаются на его сторону; многіе хотя еще не измѣняютъ явно, но бѣгаютъ отъ службы самовольно или не хотятъ идти на службу. Тогда, по извѣстію современника ***), употребляли крутыя мѣры: за ослушаніе или медленность сажали въ тюрьмы или сѣкли плетьми такъ больно, что на спинѣ не оставалось цѣлаго мѣста, гдѣ бы можно кольнуть иглою. Такими-то мѣрами согнали войска, какъ сказано выше, отъ сорока до пятидесяти тысячъ. Носились преувеличенные слухи о его величинѣ: одни говорили, что въ немъ сто тысячъ, другіе — двѣсти тысячъ. Въ немъ были доброжелатели Димитрія, и за десять дней до его появленія, въ обозъ претендента приходили письменныя извѣщенія о ходѣ войска; а когда оно

*) Собр. государ. гр. II, 170.

**) Собр. гос. гр. II, 164.

***) Маржер. 46.

приближалось, то нѣкоторые, отдѣлившись отъ годуновцевъ, переходили въ станъ Димитрія служить законному государю.

Главный предводитель царскаго войска былъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, человѣкъ ничтожнѣйшій по дарованіямъ, за то знатный, по происхожденію первая личность въ боярской думѣ. До сихъ поръ не было ничего, что бы побуждало надѣяться на преданность этого человѣка Годуновымъ. Отца его при царѣ Ѳедорѣ постригъ Борисъ насильно; сестру его за то, что ее хотѣли навязать слабоумному царю, также заточили въ монастырь. Ему самому не дозволялъ жениться подозрительный царь, съ намѣреніемъ прекратить родъ, стоявшій выше рода Годуновыхъ. Теперь *) Борисъ бросилъ ему надежду, что если онъ истребитъ Димитрія, то получитъ въ супружество царскую дочь Ксенію, да еще царь дастъ ему Казанское и Сибирское государство въ удѣлъ. Съ этой надеждой и отправился Мстиславскій предводительствовать надъ войскомъ, отличаясь блескомъ своего родоваго имени, за недостаткомъ способностей.

20 декабря на разсвѣтѣ передняя стража, высланная для наблюденія, дала знать Димитрію, что войско царя Бориса подходитъ. Войско Димитріево вышло въ поле, затрубило въ трубы; Борисово войско показалось. Удальцы выѣзжали съ обѣихъ сторонъ и вызывали другъ друга на герцы. Въ это время Басмановъ сталъ дѣлать внезапныя вылазки одну за другою, чтобъ развлекать вниманіе и силы димитріевцевъ. Они должны были отстрѣливаться и гоняться за гарнизономъ; русскіе въ Новгородѣ-Сѣверскомъ притворно показали видъ, что поддаются, отворили ворота, заманили димитріевцевъ, а потомъ затворили ворота, перебили тѣхъ,

---

*) Is. Mass. 52.

что вскочили въ ворота, и, вслѣдъ за тѣмъ, сами изъ другихъ воротъ выскочили и надѣлали большаго смятенія въ Димитріевомъ войскѣ. Въ стычкахъ прошелъ короткій зимній день. Ратники разошлись. Димитрій посылалъ въ Борисово войско сказать: пусть его тамъ признаютъ царемъ, а онъ не желаетъ сражаться противъ своихъ соотечественниковъ и подданныхъ. Эти выходки были еще пока напрасны. На другой день московское войско приблизилось. Димитрій приказалъ своимъ начать битву. Вышла прежде двухсотная конная рота Неборскаго, ударила на московскихъ ратныхъ людей и была отбита. Потомъ бросились въ дѣло другія роты *). Московскіе люди подались. Димитріевцы наперли на правое крыло Борисова войска, и правое крыло растроилось. Но остальные Димитріевы воины не шли въ дѣло и стояли да ожидали времени, когда, быть можетъ, имъ придется выручать своихъ изъ нужды. Маржеретъ говоритъ, что тутъ, если бы хоть одинъ отрядъ въ четыреста всадниковъ бросился на годуновцевъ, такъ годуновцы были бы на повалъ разбиты. Не удалось Мстиславскому сдѣлать и засады: онъ еще предъ свѣтомъ отрядилъ было отрядъ въ долину, да польская пѣхота, узнавъ объ этомъ, ударила на засаду и разсѣяла ее. Довольно московскихъ людей легло тогда на мѣстѣ. Все московское войско отступило назадъ верстъ за четырнадцать и оставило непріятелю поле сраженія**). Самому Мстиславскому дали тогда нѣсколько ударовъ въ голову; онъ упалъ съ коня; его едва унесли. У московитянъ, говоритъ очевидецъ***), словно какъ будто рукъ не было для сѣчи.

На другой день собирали и хоронили мертвыхъ. Москов-

*) Дворжицкаго, двѣ гусарскія, одна Мнишка и другая Фредра, а потомъ царская.

**) Borsza.

***) Маржер. 30.

скихъ людей подобрали тысячъ до шести, изъ войска Димитріева погибло болѣе ста двадцати, и только 20 человѣкъ шляхетскаго достоинства; прочіе были простые люди. Эта неравномѣрность подозрительна по своей чрезвычайности. Московскихъ людей зарыли въ трехъ высокихъ могилахъ. Царевичъ находился при погребеніи и плакалъ надъ убитыми земляками, противъ которыхъ сражался. Неподалеку отъ могилъ московскихъ людей вырывали могилу для простыхъ Димитріевцевъ; но шляхетскія тѣла удостоились быть погребенными особо близъ церкви, что стояла посреди Димитріева обоза *).

Малыя силы одолѣли большое войско. Казалось бы, такая побѣда должна была заохотить поляковъ воевать бодрѣе: не то вышло. Они какъ будто пересытились своей славой. Въ Димитріевомъ войскѣ были все удальцы, хотѣвшіе поживы; вотъ болѣе мѣсяца стояли они подъ упорнымъ Новгородомъ-Сѣверскимъ и ничѣмъ не поживлялись, а проживались. Жалованье за прежнюю службу было имъ заплачено. Они хотѣли получить еще впередъ. Жолнѣры-товарищи приходятъ къ Димитрію толпою и говорятъ: «царевичъ, давай намъ жалованье, а не то уйдемъ въ Польшу.»

— «Ради Бога, будьте терпѣливы! — говорилъ имъ Димитрій — я съумѣю вознаградить храброму рыцарству скоро, а теперь послужите мнѣ; время очень важное: надобно намъ преслѣдовать нашего непріятеля: онъ теперь пораженъ нашей побѣдой; если мы не дадимъ ему собраться съ духомъ и погонимся за нимъ, то уничтожимъ его, и тогда верхъ будетъ за нами, и вся земля намъ покорится, а я заплачу вамъ!...

Но жолнѣры перервали его рѣчь и кричали, что дальше не идутъ и не будутъ служить, коли Димитрій тотчасъ же не выплатитъ имъ жалованье.

---

*) Borsza.—Petricii, 43.

— «Что же я буду дѣлать! — говорилъ Димитрій: — у меня нѣтъ столько денегъ, чтобъ я могъ заплатить всѣмъ».

— «А намъ что за дѣло! говорили поляки: — не можешь, такъ мы уйдемъ».

Какъ ни упрашивалъ ихъ Димитрій, ничто не дѣйствовало на нихъ: твердили одно и тоже. Тогда товарищи изъ роты Фредра пришли тайкомъ къ Димитрію и говорили: «ваша царская милость, извольте заплатить только нашей ротѣ, а другіе знать не будутъ; мы останемся, и другіе, глядя на насъ, останутся также». Димитрія поддѣли на эту удочку. Онъ согласился заплатить одной ротѣ; на это у него ставало денегъ, и онъ выплатилъ жолнѣрамъ Фредра ночью. Утромъ послѣ того въ другихъ ротахъ узнали объ этомъ и подняли тревогу. Толпа бросилась къ Димитрію съ выговоромъ; схватили его знамя; одинъ полякъ сорвалъ съ него соболью ферезею; тутъ подскочили московскіе люди и выкупили за 300 злотыхъ одежду своего государя. Кто-то изъ жолнѣровъ осмѣлился сказать царевичу: «ей-ей быть тебѣ на колѣ!» Димитрій не утерпѣлъ, и ударилъ его въ зубы *). Поляки пошумѣли и побуянили передъ царевичемъ, показали, какъ уважаютъ его, и разошлись. Димитрій бросился за ними. Они собирались домой, Димитрій ѣздилъ между ними да упрашивалъ, чтобъ не покидали его на погибель... На силу изъ разныхъ ротъ кое-какіе жолнѣры разчувствовались отъ его просьбъ и остались: такихъ было человѣкъ 1500. Прочіе ничѣмъ не умолились и ушли. Къ бо́льшей его досадѣ, и воевода Сендомирскій объявилъ, что оставляетъ нареченнаго зятя и идетъ въ Польшу. Онъ извинялся, во-первыхъ, нездоровьемъ, во-вторыхъ, что сеймъ наступаетъ. Его побуждалъ возвратиться король, его укоряли многіе паны за то, что даетъ поблажку экспе-

*) Borsza.

диціи въ Московское государство; король боялся, что когда соберется сеймъ, то многіе послы поднимутъ противъ него за это же голосъ, и потому, чтобъ себя очистить, онъ, посредствомъ универсаловъ, приказывалъ, чтобъ его подданные не вступали вооруженною рукой въ чужое государство. Конечно, свободная шляхта могла служить, гдѣ хотѣла; пребываніе шляхты въ войскѣ Димитрія значило, что свободные люди частно служатъ Димитрію, а никакъ не Польша нападаетъ. Но Мнишекъ занималъ званіе воеводы, и въ этомъ званіи не могъ распоряжаться своей вольностью такъ, чтобъ его нападеніе на предѣлы чужаго государства не сочтено было за нарушеніе мира со стороны Рѣчи Посполитой. Въ глазахъ Димитрія ушли поляки въ Польшу; но не прошло это имъ даромъ, говоритъ очевидецъ, который тогда предпочелъ остаться въ службѣ Димитрія: «натерпѣлись они на дорогѣ и холоду, и голоду, и лошади у нихъ поморились, и кляли они сами себя, что уѣхали, и хуже было имъ, чѣмъ тѣмъ, которые остались съ царевичемъ» *).

Однако скоро Димитрій утѣшился. Чрезъ нѣсколько дней послѣ выхода поляковъ, пришло двѣнадцать тысячъ запорожцевъ; они привезли съ собой пушекъ, а въ нихъ нуждался Димитрій. Разсудили, что нечего стоять подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, а гораздо лучше перейти въ Комарницкую волость; носились слухи, что тамошній народъ, еще недавно буйный и безпокойный, станетъ за Димитрія и желаетъ его видѣть. Онъ оставилъ осаду и со всѣмъ войскомъ двинулся въ Комарницкую волость и сталъ у Сѣвска.

Но Борисовы воеводы узнали, что поляки ушли, и разочли, что теперь, пока еще у нихъ силы не утомились, а у претендента не прибавились, надобно ударить на него.

---

*) Borsza.

Послѣ сраженія подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ вышло такъ, какъ бы ожидать не слѣдовало. Димитрій выигралъ сраженіе, и вслѣдъ за тѣмъ заслужилъ нерасположеніе поляковъ и его силы умалились, а московскіе воеводы, проигравъ битву, пріобрѣли благосклонность своего царя. Борисъ прислалъ къ раненому Мстиславскому чашника Вельяминова-Зернова и велѣлъ отъ себя и отъ своего семейства челомъ ударить, о здоровьѣ спросить, похвалить за службу, и обѣщалъ такое великое жалованье, какого у него и на умѣ нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь прислалъ ему для излеченія медика и двухъ аптекарей нѣмцевъ. Разомъ милостивъ былъ Борисъ и ко всѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и велѣлъ ихъ спросить о здоровьѣ *). Это значило, что Борисъ заискиваетъ у войска, боится измѣны, хочетъ задобритъ его и тѣмъ предотвратить измѣну. Рана Мстиславскаго не была опасна: чрезъ мѣсяцъ онъ могъ сѣсть на коня, хотя еще и чувствовалъ слабость. Войско его увеличилось и простиралось отъ 60,000 до 70,000; товарищемъ ему посланъ князь Василій Шуйскій. Шуйскій присланъ *прибыльнымъ* воеводою **). Воеводы пошли на войско Димитрія, стоявшее подъ Сѣвскомъ, и остановились отъ него обозомъ за нѣсколько верстъ. По извѣстіямъ современниковъ, у Димитрія было тогда семь хоругвей польскихъ конныхъ, сотня польской пѣхоты, четыреста пѣшихъ

---

*) А. Е. I, 17.

**) Тогда было такое распредѣленіе начальства: въ большомъ полку, князь Өедоръ Ивановичъ Мстиславскій да князь Андрей Андреевичъ Телятевскій; по другимъ полкамъ оставлено прежнее росписаніе: въ правой рукѣ, князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій и князь Михайла Өедоровичъ Кашинъ; въ передовомъ, бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ и бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, въ сторожевомъ, окольничій Иванъ Ивановичъ Годуновъ и князь Михаилъ Самсоновичъ Туренинъ; а въ лѣвой рукѣ, окольничій Василій Петровичъ Морозовъ и князь Лука Өедоровичъ Щербатовъ.

и пятьсотъ конныхъ московскихъ людей [1]), а по другимъ извѣстіямъ ихъ было до 2000 [2]); три тысячи донскихъ казаковъ, да сверхъ того пришедшіе запорожцы [3]); всего было до 15,000 человѣкъ [4]).

Годуновцы хоть и не далеко были отъ Димитрія, а долго не знали, гдѣ онъ именно и съ какими силами стоитъ. Надобно было запастись продовольствіемъ. Борисовы воеводы послали отрядъ, по показанію одного изъ современниковъ, болѣе чѣмъ въ семь тысячъ [5]), по показанію другаго въ четыре [6]) для сбора скота, овса, сѣна и хлѣба по сосѣднимъ селамъ; но какъ только этотъ отрядъ вышелъ, на него напалъ отрядъ, высланный Димитріемъ; произошла схватка; годуновцевъ разбили жестоко; много легло, остальные бѣжали. Это произвело страхъ въ царскомъ войскѣ; тамъ никакъ не думали, чтобъ непріятель былъ такъ близко. На этой [7]), или на другой [8]) стычкѣ годуновцы поймали какого-то поляка, и не могли отъ него ничего дозпаться. «Люблю выпить, сказалъ онъ:—дайте двѣ чарочки винца; всю правду скажу». Одни говорятъ [9]), что воевода приказалъ его положить спать, и онъ во снѣ умеръ, другіе [10]), что воеводы разсердились, велѣли пытать, думая и безъ вина заставить его высказать правду, и замучили до смерти, ничего отъ него не допытавшись, а потомъ съ досады повѣсили его голое тѣло на высокой ели [11]).

---

1) Petricii, 46.
2) Сказ. соврем. Паэрлэ, 18.
3) Petricii, 46.
4) Buss. 47.
5) Petricii, 169.
6) Is. Mass. 57.
7) Is. Mass. 58.
8) Petricii, 169.
9) Is. Mass. 58.
10) Petricii, 169.
11) Petricii, 169.

У Димитрія въ войскѣ былъ совѣтъ; въ совѣтѣ разногласица. Поляки, бывшіе при немъ, совѣтовали не нападать на московскихъ людей и дожидаться, пока тѣ сами не нападутъ; казацкіе атаманы были противъ этого и совѣтовали самимъ выйти изъ обоза и ударить на враговъ. «Что—говорили они—намъ тутъ дожидаться! Пусть москвы и больше; мы на это не посмотримъ: били ее прежде, и теперь побьемъ *)!» Говорили, что въ Борисовомъ войскѣ колебаніе. Уже многихъ тамъ брало раздумье; быть можетъ они идутъ воевать противъ законнаго государя за ненавистнаго похитителя; многихъ соблазняли слухи о Димитріевомъ удальствѣ, великодушіи и добротѣ, тогда какъ за Борисомъ не оставалось для нихъ никакого привлекательнаго качества; добротѣ его не вѣрили давно. Соображая это, поляки подавали Димитрію совѣты не открывать битвы, а заводить съ Годуновскимъ войскомъ сношенія и стараться склонить московскихъ людей на свою сторону **). Послѣ споровъ и толковъ, Димитрій присталъ къ думѣ казацкой; онъ разсудилъ такъ: годуновцевъ несравненно больше; они могутъ осадить его съ войскомъ; перервутъ сообщенія; нельзя будетъ подвозить продовольствія. «Лучше и славнѣе, говорилъ Димитрій, встрѣтить ихъ въ открытомъ полѣ и найти или смерть, или побѣду—послѣдняя вѣроятнѣе ***)». Счастливыя стычки предъидущихъ дней подавали ему надежду.

Донесли ему, что немалая часть войска Борисова находится въ деревнѣ Добрыничахъ въ тѣснотѣ. Жители этой деревни расположены были къ Димитрію, какъ и вообще жители всего этого края; они сами вызывались зажечь свою деревню въ то время, когда Димитрій на нее нападетъ; тог-

*) Petricii, 48.
**) Petricii, 47.
***) Сказ. соврем. Паэрлэ, 18.

да, среди суматохи, годуновцы не успѣютъ устроиться въ боевой порядокъ и можно будетъ разбить ихъ. Но прежде чѣмъ успѣли поселяне исполнить задуманное, узнали объ этомъ годуновцы, перевѣшали зажигателей, вышли изъ деревни; войско устроилось къ бою [1]). Ожидали Димитрія; направо поставлены были татары, въ перемѣшку съ московскими людьми, въ числѣ 20,000; налѣво тридцать тысячъ московскихъ людей; посрединѣ десять съ небольшимъ тысячъ и пушки [2]).

21 января на разсвѣтѣ все войско Димитріево пошло на годуновцевъ. Самъ Димитрій передъ выѣздомъ въ полѣ отслушалъ обѣдню. Его войско раздѣлилось на три отдѣла: одинъ состоялъ изъ поляковъ, и былъ подѣленъ на семь ротъ; гетманомъ у нихъ вмѣсто отъѣхавшаго Мнишка былъ теперь полковникъ Дворжицкій [3]); къ нимъ присоединилось двѣ тысячи московскихъ людей; для отличія отъ своихъ единоотечественниковъ, годуновцевъ, они надѣли бѣлыя рубахи сверхъ панцырей и латъ [4]). Другой большой отрядъ состоялъ изъ 8,000 запорожскихъ казаковъ; третій изъ 4,000 казаковъ [5]).

Мѣстоположеніе было холмистое; большая часть войска закрылась отъ московской рати холмами: на видъ вышла сперва польская конница—тысячи двѣ человѣкъ; они воинственно гарцовали, весело разливался звукъ ихъ трубъ и литавръ, а польскіе ротмистры возбуждали отвагу удалыми окликами и такими похвалками на непріятеля, какъ будто уже одолѣли его. Они направлялись на правую сторону московскаго войска и уже спускались въ лощину; они ду-

---

1) Маржер. 80.
2) Petricii, 49.
3) Borsza.
4) Сказ. соврем. Паэрлэ, 18.
5) Маржер. 80.

мали отрѣзать московскій станъ отъ деревни Добрыничей, стоявшей на холмѣ за лощиною. Димитрій для ободренія своихъ летѣлъ впереди на каромъ аргамакѣ съ обнаженнымъ тесакомъ въ рукѣ. Сначала выступили изъ царскаго лагеря нѣмцы, потомъ за ними московскіе люди. Началась перестрѣлка. Вдругъ изъ-за холмовъ разомъ появилось шестьдесятъ или семьдесятъ знаменъ, раздался оглушительный звукъ трубъ и литавръ, задорный крикъ ратныхъ людей. Московскіе люди подались назадъ. Въ московскомъ войскѣ не было такъ много знаменъ, какъ у поляковъ; у нихъ было тогда всего-на-все три знамени, но чрезвычайно огромныя, съ изображеніемъ святыхъ, украшенныя жемчугами; не было вовсе и трубъ, кромѣ у служившихъ царю иноземцевъ; поэтому годуновцы, увидя множество знаменъ и услыша сильный трубный глазъ, вообразили, что на нихъ идетъ большое войско. Начальствовалъ передовымъ полкомъ Иванъ Годуновъ, человѣкъ не храбраго десятка; онъ такъ обомлѣлъ, что его можно было пальцемъ съ коня сшибить, говоритъ современникъ. Димитрій выбилъ годуновцевъ изъ лощины и уже поднимался на гору къ Добрыничамъ,—вдругъ одинъ нѣмецъ Арнстъ Кляссенъ, служившій въ отрядѣ Маржерета, замѣтилъ, что поляки не страшны: идутъ они маленькими отдѣлами, и можно съ нихъ прыть сбить; бѣгущіе годуновцы быстро остановились, раздвинулись. За ними на горѣ былъ обозъ *). Московскіе стрѣльцы стояли за укрѣпленіемъ изъ саней и, подпустивши къ горѣ поляковъ, дали по нимъ сверху залпъ изъ полевыхъ пушекъ и множества ружьей, по извѣстію современника **), изъ 12,000. По увѣренію поляковъ ***), къ ихъ собственному удивленію, этотъ залпъ мало повредилъ

*) Borsza.
**) Маржер. 81.
***) Borsza.—Сказан соврем. Паэрлэ, 20.

имъ; неискусны были стрѣльцы московскіе; за то залпъ отуманилъ поляковъ. Дымъ отъ стрѣльбы понесло сильнымъ вѣтромъ на запорожскую конницу, стоявшую влѣво; на нѣсколько минутъ закрылъ ее дымъ и вдругъ раздался крикъ: запорожцы убѣгаютъ! Поляки были поражены этимъ извѣстіемъ и разстроились. Годуновцы, воспользовавшись смятеніемъ въ рядахъ непріятелей, ударили на нихъ; дымъ разошелся: оказалось, что запорожцы дѣйствительно убѣжали; поляки окончательно растерялись и побѣжали, отбиваясь отъ годуновцевъ и все еще надѣясь, что запорожцы воротятся и подкрѣпятъ ихъ. Но запорожцы не воротились. Только отрядъ пѣшихъ казаковъ, вѣроятно донскихъ, поставленный за холмомъ, далъ было отпоръ годуновцамъ; однако, натиснутые огромными силами, казаки потеряли много убитыхъ и отступили, побросавши пушки. Годуновцы преслѣдовали димитріевцевъ конницею верстъ на шесть или на семь; много ихъ перебили, нахватали много плѣнныхъ *), взяли пятнадцать знаменъ и тринадцать орудій. Самъ Димитрій чуть было не попался въ плѣнъ: его конь былъ подъ нимъ застрѣленъ. Служившіе въ Борисовскомъ войскѣ нѣмцы чуть-чуть не схватили его; но Василій Рубецъ-Масальскій, соскочивъ со своего коня, посадилъ на него Димитрія, а себѣ взялъ коня у своего слуги. И другой конь подъ Димитріемъ былъ раненъ, но унесъ его; и съ этихъ поръ Димитрій чрезмѣрно уважалъ Василія Масальскаго и въ большой чести содержалъ коня, который спасъ его отъ гибели **). Выбыло тогда у него, по однимъ извѣстіямъ, до шести тысячъ. Такъ говоритъ Маржеретъ, участвовавшій въ тогдашней войнѣ ***). По другимъ извѣсті-

---

*) Borsza. — Паэрлэ, 21.

**) Is. Mass. 59.

***) Маржер. 91.

ямъ, у Димитрія убито было до трехъ тысячъ [1]). Русскія извѣстія увеличиваютъ потерю до 13,000 [2]).

Послѣ этой потери Димитрій приказалъ наскоро сняться обозомъ и уходить къ Рыльску. На казаковъ не смѣлъ онъ болѣе полагаться. Современники говорятъ, что начальники этихъ восьми тысячъ запорожцевъ были подкуплены Борисовыми воеводами за нѣсколько дней; умышленно не стали помогать Димитрію и ушли, покинувъ его въ рѣшительную минуту [3]). Когда они проходили мимо Рыльска, со стѣнъ этого города московскіе люди отпускали имъ крѣпкія ругательныя слова. Они пошли себѣ въ польскія владѣнія. Димитрій сказалъ имъ такое прощальное слово: «вы храбры передъ битвой, а въ битвѣ трусы; стыдно мнѣ, что вы мнѣ служили; только и могу о васъ вспомнить по одному бѣгству вашему [4])!»

Борисовы воеводы не могли рѣшиться преслѣдовать Димитрія иначе, какъ со всѣмъ своимъ обозомъ, а для этого нужно было время, и въ сборѣ провели московскіе люди нѣсколько дней. Это дало Димитрію возможность уйти до Рыльска. Въ эти дни московскіе воеводы изрубливали, вѣшали, разстрѣливали и мучили плѣнниковъ безъ разбора: доставалось не только своимъ въ качествѣ измѣнниковъ и бунтовщиковъ, но и полякамъ; ихъ не считали военноплѣнными, оттого что войны между Польшею и Московскимъ государствомъ не было объявлено. Пощадили только тѣхъ, что были познатнѣе, да и то для того, чтобы въ Москвѣ поругаться надъ ними всенародно. 8 февраля ихъ водили по городу со взятыми знаменами при звукахъ трубъ и накровъ, у нихъ же отнятыхъ. Тогда несли и показывали народу

---

1) Сказан. Совр. Паэрлэ, 21.
2) Хроногр.
3) Сказ. совр. Паэрлэ, 21.
4) Petricii, 50.

позолоченное копье съ тремя бѣлыми перьями [1]); оно было найдено близъ убитаго Димитріева коня. Такъ хотѣли народъ увѣрить, что царскія войска одолѣваютъ богомерзкаго разстригу.

Наконецъ, собравшись, двинулось войско Борисово за Димитріемъ, но Димитрій ушелъ уже болѣе, чѣмъ на сто верстъ. Годуновцы достигли Рыльска, а Димитрій былъ тогда уже въ Путивлѣ. Годуновцы осадили Рыльскъ. Рыльчане передъ самымъ приходомъ годуновцевъ отправили къ Димитрію просить помощи. Изъ Путивля Димитрій послалъ имъ двѣ тысячи своихъ московскихъ людей и пять сотъ поляковъ. Годуновцы были тогда до того оплошны, что, въ ихъ глазахъ, посланная Димитріемъ рать вошла въ Рыльскъ и увеличилась тамошняя ратная сила, охранявшая городъ. Годуновцы простояли подъ Рыльскомъ тринадцать дней, и ничего ему не сдѣлали [2]). У рыльчанъ мало было запасовъ; продолжительная осада погубила бы ихъ; но они знали, что съ ними жестоко поступятъ Борисовы воеводы, и по неволѣ должны были храбро отбиваться [3]). Въ Рыльскѣ воеводствовали [4]) передавшіеся Димитрію князь Григорій Долгорукій-Роща и Яковъ Зміевъ. Пытались было склонить убѣжденіями къ сдачѣ рыльчанъ: «не стыдно ли вамъ измѣнять законному царю и служить разстригѣ, бѣглому монаху». — «Стоимъ за прироженаго государя Димитрія Ивановича, котораго вашъ Борисъ измѣнникъ хотѣлъ убить, а Богъ его укрылъ», твердили рыльчане. Между тѣмъ, въ началѣ, въ Путивлѣ Димитрію было не хорошо; поляки, которые съ нимъ оставались, разсудили, что счастіе ему перестаетъ служить, и уходили въ

1) Is. Mass. 61.
2) Марж. 82.
3) Petricii, 52.
4) Ник. VIII, 62.

Польшу почти всѣ, даже не прощаясь съ нимъ. На силу, на силу часть ихъ воротилась по убѣжденіямъ Станислава Борши и начальника гусаровъ Бялоскурскаго [1]). Еслибы Годуновцы поспѣшили ударить на Путивль, то много бы вреда ему сдѣлали. Но годуновцы потратили время подъ Рыльскомъ, а тѣмъ временемъ дѣла Димитрія съ другой стороны поправлялись: украинные города продолжали сдаваться; одинъ за другимъ приступили къ нему Осколъ, Воронежъ, Царевъ-Борисовъ, Орелъ и также Елецъ [2]). Во всѣхъ этихъ городахъ досталось Димитрію до 50 орудій [3]); въ послѣднемъ городѣ взяли какого-то знаменитаго чародѣя. Къ Димитрію съ Дону прибывали одинъ за другимъ въ Путивль отряды.

Тогда, чтобъ отвлечь Борисово войско отъ Рыльска, Димитріевы поляки изъ Путивля подослали въ Борисовъ обозъ языка и научили, что ему говорить. Онъ попался въ плѣнъ. Борисовы воеводы стали его допрашивать. Онъ показалъ, будто на помощь Димитрію идетъ коронный гетманъ Жолкѣвскій, а у него войска сорокъ тысячъ. Этому легко было повѣрить отъ того, что Борисъ, по своему обыкновенію хитрить, содержать въ тайнѣ настоящій смыслъ дѣла и распускать ложь, далъ своей борьбѣ съ престолоискателемъ такой смыслъ, какъ будто все дѣлается по злобѣ Сигизмунда, который ищетъ такого или инаго повода объявить войну [4]). Воеводы разочли, что тутъ имъ не слѣдуетъ оставаться, а нужно уйти въ Комарницкую волость, поближе ко внутреннимъ землямъ, и тамъ ожидать непріятеля. Снялись такъ поспѣшно, что побросали въ обозѣ много запасовъ и съѣстныхъ, и боевыхъ. Рыльчане, какъ толь-

1) Rorsza, 47.
2) Borsza, 10.—Bar. Bar. 10.
3) Grevenbr, 16.
4) А. Э. 178.

ко увидѣли, что осаждавшее ихъ городъ войско удаляется, тотчасъ сами сдѣлали вылазку, напали на заднiй отрядъ, разсѣяли его, многихъ взяли въ плѣнъ, забрали тринадцать орудiй *). Годуновцы ушли къ Кромамъ. Димитрiю тотчасъ дали знать объ этомъ, и онъ отправилъ туда въ въ передогонку отрядъ донцовъ и московскихъ людей; всѣхъ было четыре тысячи; начальствовалъ ими атаманъ Корела и Григорiй Акинфiевъ.

Они успѣли войти въ Кромы тихо, прежде, чѣмъ Борисово войско 14 марта осадило этотъ городъ **). Съ этихъ поръ главный станъ царскаго войска былъ подъ Кромами, а изъ него посылались отряды по окрестностямъ раззорять жителей. «Нельзя выразить—говоритъ Паэрлэ—съ одной стороны, съ какимъ безчеловѣчiемъ ратные люди Борисовы свирѣпствовали надъ своими соотечественниками, съ другой — съ какимъ мужествомъ и твердостiю духа шли мученики на смерть и истязанiя за Димитрiя, своего законнаго государя ***), тѣ, которые и не видали въ глаза никакого Димитрiя, а воображали, что видѣли его, и никакiя пытки не могли заставить ихъ говорить иное. Годуновцы свирѣпствовали особенно въ Комарницкой волости: за преданность Димитрiю мужчинъ, женщинъ, дѣтей сажали на колъ, вѣшали по деревьямъ за ноги, разстрѣливали для забавы изъ луковъ и пищалей, младенцевъ жарили на сковородахъ. Вся Сѣверщина была осуждена царемъ на порабощенiе по произволу военщины; людей ни къ чему не причастныхъ хватали и продавали татары за старое платье или за джбанъ водки, а иныхъ отводили толпами въ неволю, особенно молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей. Въ московскомъ войскѣ было на половину татаръ и прочихъ инород-

*) Паэрлэ, 23.

**) Borsza.—Маржер. 22.—Паэрлэ, 21.

***) Паэрлэ, 23.

цевъ, и они-то особенно варварски свирѣпствовали. Ничего подобнаго не дѣлалось народу отъ димитріевцевъ, и эта разница утверждала народъ въ убѣжденіи, что Димитрій настоящій царевичъ.

IV

Поведеніе Бориса. — Посольство въ Польшу. — Гришка Отрепьевъ.— Смерть Бориса.

Со времени появленія Димитрія, царь Борисъ велъ противъ него борьбу такимъ способомъ, какой только могъ быть наиболѣе выгоденъ для претендента. Кромѣ короткихъ сбивчивыхъ извѣщеній чрезъ пограничныхъ воеводъ, Борисъ не посылалъ въ Польшу, не объяснялся съ королемъ и правительствомъ, не старался съ другой стороны въ пору объяснить народу русскому явленіе царевича въ свою пользу. Только исподволь распространяли вѣсти, что этотъ новоявленный Димитрій въ Польшѣ—Гришка Отрепьевъ, разстрига, бѣглый монахъ изъ Чудова монастыря. Но въ то же время Борисъ хотѣлъ, чтобы въ его государствѣ не говорили ни о Димитріѣ, ни о разстригѣ. Подъ тѣмъ предлогомъ, будто въ Литвѣ моровое повѣтріе, Борисъ велѣлъ учредить по московской границы крѣпкія заставы и никого не пропускать ни туда, ни оттуда. Думали, что такимъ образомъ не будутъ знать ничего въ Московщинѣ о Димитріѣ, а въ Литвѣ о настроеніи умовъ и недоброжелательствѣ народа московскаго къ Борису. Внутри государства шпіоны повсюду прислушивались, не говоритъ ли кто нибудь о Димитріѣ, не ругаетъ ли Бориса; обвиненнымъ рѣзали языки, жгли ихъ на огнѣ, сажали на колья; сомнительно виновныхъ засылали въ сибирскіе города въ тюремное заключеніе [1]. Московскіе люди боялись гово-

[1] Supplem. 411.

рить между собою о повседневныхъ дѣлахъ. Поссорятся люди между собою—и одинъ отъ другаго боится доноса; кто прежде успѣетъ объявить, что его недругъ говорилъ про Димитрія, тотъ и выигрывалъ, а того, на кого доносили, схватятъ и начнутъ пытать и допрашивать [1]). Борисъ думалъ, что, истребивши распространителей слуховъ о Димитріѣ, онъ можетъ отклонить отъ себя опасность [2]). Мраченъ, угрюмъ, недоступенъ становился Борисъ, постоянно сидѣлъ во дворцѣ своемъ, не показывался народу; и бѣдныхъ просителей, которые являлись съ челобитными, отгоняли отъ дворцоваго крыльца палками; и много безнаказанныхъ насильствъ совершали начальные люди въ Московскомъ государствѣ, зная, что до царя не дойдутъ жалобы утѣсненныхъ [3]). А между тѣмъ въ Москву давали знать, что въ польской украинѣ собирается ополченіе, и день ото дня надобно ждать вторженія въ Московское государство. Въ іюлѣ пріѣхалъ въ столицу посланникъ отъ нѣмецкаго императора и сообщалъ отъ имени государя по сосѣдской дружбѣ, что въ Польшѣ проявился Димитрій и собираетъ силы. Борисъ отвѣчалъ, что Димитрія нѣтъ на свѣтѣ, а въ Польшѣ—какой-то обманщикъ, и онъ не боится его [4]). Но скоро онъ увидѣлъ необходимость дѣйствовать явнѣе: чтобъ доказать, что Димитрій есть Гришка Отрепьевъ, нашли Смирного Отрепьева, котораго называютъ дядею Гришки Отрепьева, и пустили слухъ, что его посылаютъ въ Польшу; говорили, что тамъ онъ будетъ просить короля, чтобъ свелъ его съ племянникомъ, и онъ обличитъ Гришку въ воровствѣ. На самомъ дѣлѣ этого Смирного Отрепьева хотя и послали гонцомъ въ Польшу, да не дали

---

1) Is. Mass. 50.
2) Videk. 20.
3) Is. Mass. 52.
4) Is. Mass. 50.

никакого письменнаго порученія о томъ человѣкѣ, который назывался Димитріемъ, а дали грамоту, гдѣ шло дѣло о пограничныхъ недоразумѣніяхъ между жителями обоихъ государствъ и о высылкѣ судей съ обѣихъ сторонъ для прекращенія этихъ недоразумѣній. Когда Смирной Отрепьевъ воротился въ Москву, то говорили, будто король, наровя вору, н допустилъ гонца видѣться съ племянникомъ. Такіе слухи распускали тогда въ Московскомъ государствѣ. Но впослѣдствіи, когда царствовалъ Шуйскій, московскіе бояре, думавшіе, что Смирной Отрепьевъ ѣздилъ въ Польшу для обличенія вора, начали польскимъ панамъ выговаривать несправедливость польскаго короля и польскихъ пановъ; тогда паны объяснили, что гонецъ Смирной Отрепьевъ ѣздилъ совсѣмъ за другимъ дѣломъ, и притомъ Борисъ выбралъ послать его въ такое время, когда онъ не могъ исполнить такого порученія, если бы и предъявилъ его въ Польшѣ; называвшій себя Димитріемъ тогда уже выступилъ изъ польскихъ владѣній *).

Послѣ Смирного Отрепьева, въ октябрѣ 1604 года, снаряженъ былъ въ Польшу гонцомъ дворянинъ Постникъ-Огаревъ, но не былъ посланъ тотчасъ. Вѣроятно Борисъ разсчиталъ, что лучше помедлить, пока дѣло болѣе разъяснится, а между тѣмъ началъ дѣйствовать внутри. Онъ, говорятъ, велѣлъ привезть мать Димитрія въ Новодѣвичій монастырь; оттуда привезли ее ночью во дворецъ тайно и ввели въ спальню Бориса. Царь былъ тамъ съ своею женою. — «Говори правду, живъ ли твой сынъ, или нѣтъ?» грозно спросилъ Борисъ. — «Я не знаю», отвѣчала старица. Тогда царица Марья пришла въ такую ярость, что схватила зажженную свѣчу, крикнула: «ахъ ты б....! смѣешь говорить: не знаю, коли вѣрно знаешь!» и швырнула ей

*) Арх. И. Д. № 30.

свѣчею въ глаза. Царь Борисъ охранилъ Мароу, а иначе царица выжгла бы ей глаза. Тогда старица Мароа сказала: «мнѣ говорили, что моего сына тайно увезли изъ русской земли безъ моего вѣдома, а тѣ, что мнѣ такъ говорили, уже умерли». Разсерженный Борисъ приказалъ отвезти старуху въ заключеніе и держать съ большею строгостію и лишеніями *).

Но послѣ того, что̀ дѣлалось, послѣ того, какъ до 80,000 войска сражалось съ претендентомъ, хотящимъ сорвать вѣнецъ съ Борисовой головы, невозможно было играть по прежнему въ молчанку, нельзя было затыкать подданнымъ рты и уши, чтобъ имя Димитрія не произносилось и не слышалось, и только исподтишка пускать вѣсти, что называющійся Димитріемъ—Гришка Отрепьевъ: приходилось, наконецъ, объяснить народу, что̀ все это значитъ. И вотъ, послушный Борису, патріархъ Іовъ пустилъ грамоту по всему Московскому государству. Такимъ образомъ, не Борисъ царь, а первопрестольникъ церкви взялся объяснять запутанное дѣло Русской землѣ: по его словамъ, все это дѣло происходило «изъ крамолы врага и поругателя христіанской церкви Жигимонта Литовскаго короля»; цѣль у него была «раззорить въ Россійскомъ государствѣ православныя церкви и построить костелы латинскіе и лютерскіе и жидовскіе». Въ этихъ видахъ, онъ съ панами радными назвалъ странника вора, бѣглеца изъ Московскаго государства, разстригу Гришку Отрепьева княземъ Углицкимъ Димитріемъ. Грамота оповѣщала, что «патріарху и всему освященному собору и всему міру извѣстно, что Димитрія царевича не стало еще въ 1590 году, назадъ тому четырнадцать лѣтъ». Святѣйшій первопрестольникъ русской церкви счелъ умѣстнымъ покрыть благоразумнымъ

*) Is. Mass. 65.

молчаніемъ вопросъ о томъ, какъ не стало этого дитяти; довольно, казалось, припомнить только отпѣваніе его. Тотъ, кто теперь называется Димитріемъ царевичемъ, есть не иной кто, какъ чернецъ Гришка; онъ назывался въ мірѣ Юшка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, жилъ въ дѣтствѣ у Романовыхъ, заворовался и пошелъ въ монахи; былъ во многихъ монастыряхъ, потомъ въ Чудовомъ монастырѣ въ дьяконахъ; патріархъ бралъ его къ себѣ во дворъ для книжнаго письма; потомъ онъ убѣжалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ товарищами Варлаамомъ Яцкимъ и крылошаниномъ Михайлою Повадинымъ, проживалъ въ Кіевѣ въ монастыряхъ Печерскомъ и Никольскомъ во дьяконскомъ чинѣ; потомъ отвергся христіанской вѣры, скинулъ съ себя чернеческое платье, уклонился въ латынскую ересь, въ чернокнижіе, вѣдовство, и, по умышленію короля Жигимонта и литовскихъ людей, началъ называться Димитріемъ Углицкимъ. Про него знаютъ и показываютъ воры его товарищи, которые съ нимъ знались; они проводили его въ Литву и водились съ нимъ въ Литвѣ: чернецъ Пименъ, постриженникъ Троицкаго Сергіева монастыря, посадскій человѣкъ ярославецъ Степанъ Иконникъ,—они всѣ трое предъ патріархомъ дали показаніе, и патріархъ теперь сообщаетъ его всей Русской землѣ во всеуслышаніе и разумѣніе. Первый говорилъ, что онъ спознался съ Отрепьевымъ и съ его товарищами Варлаамомъ и Михайлою въ Новгородѣ-Сѣверскомъ въ Спасскомъ монастырѣ, проводилъ ихъ для знанья дороги за Стародубъ въ Литву до села Слободки. Второй показывалъ, что, убѣжавши изъ Смоленска въ литовскія владѣнія, онъ, Венедиктъ, проживалъ въ Кіевѣ и тамъ познакомился съ Гришкою, проживалъ съ нимъ въ разныхъ кіевскихъ монастыряхъ во діяконствѣ и бывалъ у князя Острожскаго; Гришка потомъ присталъ къ лютерамъ, впалъ въ чернокнижіе, учалъ воровать у запорожскихъ чер-

касъ; будучи чернецомъ, ѣлъ мясо; Венедиктъ, узнавши объ этомъ, извѣщалъ Печерскому игумену, и тотъ посылалъ къ казакамъ печерскихъ монаховъ взять этого вора; но воръ, какъ былъ чернокнижникъ, то узналъ, что его ищутъ, и убѣжалъ къ Адаму Вишневецкому, а потомъ, по воровскому умышленію этого князя и по королевскому велѣнью, сталъ называться княземъ Димитріемъ. Третій, Степанъ Иконникъ, показывалъ, что, торгуя иконами или мѣняя иконы, какъ выражаются обыкновенно для благочестиваго приличія, онъ видѣлъ Гришку въ Кіевѣ: приходилъ Гришка къ нему въ лавку покупать иконы; а потомъ Гришка разстригся и ушелъ къ Вишневецкому и тамъ, по умышленію королевскому, началъ называться княземъ Димитріемъ. Такія-то свидѣтельства выставляли о томъ русскому народу, что появившійся Димитрій былъ Гришка. Патріархъ извѣщалъ, что онъ съ освященнымъ соборомъ проклялъ Гришку и всѣхъ его соучастниковъ, и повелѣваетъ теперь вездѣ по церквамъ во всемъ Московскомъ государствѣ произносить анаѳему на Гришку разстригу и на всѣхъ тѣхъ, которые ему послѣдствуютъ и именуютъ его княземъ Димитріемъ *). Такимъ образомъ, народу вначалѣ представили, что Гришка есть только орудіе, что умыселъ у него явился въ Польшѣ, а не въ Руси, и что все это дѣло злобы польскаго короля. Пустивши патріаршую грамоту въ народъ, правительство рѣшилось объясниться и съ Польшею. Посланъ былъ гонцемъ тотъ же Постникъ-Огаревъ, который былъ снаряженъ еще въ октября 1604 года.

Въ грамотѣ, которую онъ привезъ, главнымъ образомъ говорится о томъ, что польскіе судьи не прибыли на границу для разбирательства пограничныхъ недоразумѣній, когда русскіе туда, по условію, прибыли, и излагались

*) А. Э. I. 80.

жалобы на то, что люди изъ Польши и Литвы дѣлаютъ набѣги на Московское государство. Вслѣдъ за тѣмъ, излагалось дѣло претендента такъ: «стало вѣдомо, что въ вашемъ государствѣ проявился разстрига монахъ, называющій себя царевичемъ Димитріемъ. Былъ онъ прежде въ Московскомъ государствѣ дьякономъ и у чудовскаго архимандрита онъ былъ въ келейникахъ, и для письма былъ въ патріаршемъ дворѣ; имя ему Гришка, а предъ монашескимъ званіемъ въ мірѣ звали его Юшка Отрепьевъ, Богдановъ сынъ; и, будучи въ мірѣ, онъ не былъ послушенъ отцу своему, впалъ въ ересь, разбойничалъ, кралъ, игралъ въ кости, пьянствовалъ и много разъ убѣгалъ отъ отца своего, и, наконецъ, учинивши преступленіе, вступилъ въ монастырь, но тамъ не покинулъ воровства своего, впалъ въ чернокнижіе, отступалъ отъ Бога, призывалъ духовъ нечистыхъ, и найдено у него отступленіе отъ Бога; и богомолецъ нашъ святѣйшій патріархъ, узнавши объ этомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, по правиламъ святыхъ отецъ, повелѣлъ сослать его съ единомышленниками на Бѣлоозеро въ тюрьму на смерть, а Гришка, увидя свою гибель, съ товарищами своими попомъ Варлаамомъ и крылошаниномъ Михайлою, убѣжалъ изъ Москвы за границу въ ваше государство и жилъ въ Печерскомъ монастырѣ и въ Острогѣ и въ Брагинѣ, а потомъ пришелъ къ Вишневецкимъ и отъ монашескаго званія обратился въ мірское званіе и по совѣту тамошнихъ тузовъ началъ называться сыномъ царя Ивана Васильевича Димитріемъ. Онъ посылаетъ въ украиные города грамоты и къ донскимъ казакамъ послалъ Счеснаго Свирскаго; запорожскіе казаки погромили московскихъ людей Ивана Реутова и Ѳеанасія Сухачева, а Михайла Ратомскій изъ Остра, соединившись съ разстригою, губятъ и разоряютъ Московское государство и надъ святынею ругаются». Государь московскій требовалъ отъ

польской націи выдачи вора, въ противномъ случаѣ считалъ перемиріе нарушеннымъ и обѣщалъ писать объ этомъ къ сосѣднимъ государямъ. Въ этой грамотѣ было упомянуто, что и Димитрій, который зарѣзался въ припадкѣ черной немочи въ Угличѣ, былъ незаконный сынъ, потому что былъ рожденъ отъ седьмой жены. Впослѣдствіи поляки толковали это замѣчаніе такъ, какъ будто бы въ грамотѣ было сказано, что «еслибъ тотъ, который называется Димитріемъ, былъ и настоящій Димитрій, то не имѣлъ бы права на престолъ», и дѣлали изъ этого такой выводъ, что самъ Борисъ не зналъ навѣрное, кто идетъ противъ него, и допускалъ возможность, что человѣкъ этотъ могъ быть настоящій Димитрій.

Гонецъ пріѣхалъ въ Варшаву 10 февраля, когда еще сеймъ не кончился. Сеймъ этотъ былъ очень бурный и неблагосклонный къ королю. Уже много накопилось причинъ и неудовольствій противъ короля; уже слышались предвѣстники открытаго возмущенія, которое наступило въ слѣдующемъ году. Охранитель шляхетской свободы Замойскій говорилъ тогда Сигизмунду такія многозначительныя рѣчи: «уже есть много такого, за что мы имѣемъ право укорить ваше королевское величество въ нарушеніи правъ. Встарину, когда короли польскіе не соблюдали своей присяги, ихъ прогоняли предки наши изъ польскаго королевства и выбирали другихъ; тоже и съ вашимъ величествомъ быть можетъ, если не опомнитесь». Покровительство названому Димитрію ставилось, между прочимъ, въ вину королю. «Я считаю—говорилъ Замойскій—это дѣло противнымъ не только благу и чести Рѣчи Посполитой, но и спасенію душъ нашихъ. Этотъ Димитрій называетъ себя сыномъ царя Ивана Васильевича. Объ этомъ сынѣ былъ слухъ у насъ, что его умертвили. А онъ говоритъ, что вмѣсто его другаго умертвили. Помилуйте! что это за Плавтова или

Теренціева комедія? Возможное ли дѣло: приказать убить кого нибудь, особенно наслѣдника, и не посмотрѣть, кого убили? Такъ можно только зарѣзать козла или барана! Да кромѣ этого Димитрія, еслибъ пришлось кого нибудь возвести на московскій престолъ, есть законные наслѣдники великаго княжества Московскаго—домъ Володимирскихъ князей; отъ нихъ, по праву наслѣдства, преемничество приходится на домъ Шуйскихъ; это можно видѣть изъ русскихъ лѣтописей!» Такъ говорилъ на польскомъ сеймѣ о московскихъ дѣлахъ Замойскій, не задолго до своей смерти. Можно подозрѣвать, что Василій Шуйскій тогда уже дѣйствовалъ черезъ своихъ пособниковъ, которые въ Польшѣ распространяли мысль о его правѣ на престолъ. Едва ли бы Замойскому пришло въ голову толковать на польскомъ сеймѣ о правахъ Шуйскаго на московскій престолъ и ссылаться на русскія лѣтописи, еслибъ его на эту мысль умышленно не натолкнули. За Замойскимъ поднялись послы воеводства бельзскаго, которое на всѣхъ сеймахъ въ дѣлахъ тянуло за Замойскимъ. «Мы не видимъ вѣроятія—говорили они—въ этомъ господарчикѣ, Димитріѣ, человѣкѣ московскаго происхожденія; но если бъ онъ былъ истинный, все таки намъ дивно, что предпринято частными силами безъ согласія сейма ему помогать. Этого не бывало никогда. Это очень дурной примѣръ для Рѣчи Посполитой и Богъ знаетъ, куда поведетъ. Король присягнулъ настоящему московскому государю хранить миръ не за себя только, но и за насъ всѣхъ». Нѣкоторые паны также сами по себѣ поднимали голосъ противъ претендента. Епископъ виленскій Война называлъ пособіе Димитрію разбойничьимъ набѣгомъ. Дорогостайскій хвалилъ короля за то, что онъ своимъ универсаломъ приказывалъ Мнишку и другимъ полякамъ возвратиться, но вопіялъ противъ Мнишка, и боялся, что своевольная толпа, ушедшая въ Московщину, во-

ротится назадъ и начнетъ неистовствовать въ Польшѣ. Другіе паны, какъ напр., Лещинскій, Тарновскій, говорили, что надобно подождать конца. Остророгъ, не одобряя помощи, оказанной Димитрію, изъявлялъ желаніе, чтобъ такъ или иначе, этотъ Димитрій остался вь Московской землѣ, потому что тѣ, которые съ нимъ ушли, хуже татаръ для своей собственной земли. Никто не смѣлъ сказать слова въ пользу Димитрія. Даже родственникъ Мнишка краковскій епископъ Мацѣевскій ограничился совѣтомъ подождать конца. Московскій гонецъ прибылъ въ самую благопріятную пору, когда не хотѣли нарушать мира съ Москвою. 12 февраля, былъ онъ допущенъ къ королевской рукѣ и проговорилъ рѣчь по наказу и въ концѣ замѣтилъ: «только въ вашей землѣ такіе бѣглецы и богоотступники могутъ находить себѣ притонъ». Ему назначили также совѣщаніе и для того уполномочили нѣсколькихъ пановъ; то были: Янушъ Острожскій, Гіеронимъ Ходкѣвичъ, Адамъ Збаражскій, Янъ Замойскій, епископъ виленскій Война и Левъ Сапѣга. Къ сожалѣнію, переговоры эти намъ неизвѣстны. Въ концѣ концовъ, Левъ Сапѣга далъ такой послѣдній отвѣтъ: «этотъ человѣкъ вступилъ уже въ Московское государство и его тамъ легче достать и казнить, чѣмъ въ Польшѣ». Съ тѣмъ и отпустили Постника-Огарева *). Поляки, какъ оказывается, считали Бориса гораздо крѣпче на престолѣ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Опасность московскому государю угрожала тогда уже не изъ Польши, а извнутри.

Ни патріаршая грамота, ни увѣщанія духовныхъ лицъ, которыя должны были повторять слова патріарха съ добавками собственнаго краснорѣчія, ни обрядъ проклятія, совершенный торжественно по всей московской Руси, не рас-

*) Bibl Villan. № 31. Рукопись.—Имп. Публ. Библ. fol. 33 q. 8.

положили къ Борису сердца народнаго. Напротивъ, этотъ новый Борисовъ пріемъ къ своему спасенію, какъ и другіе, ускорилъ его погибель. Все обратилось ему во вредъ. Слушая патріаршую грамоту, московскіе люди шепотомъ говорили: это по начатію Борисову дѣлается. Сходились въ домахъ разсуждать: права ли грамота; обыкновенно рѣшали, что она лжива. Московскіе люди судили такъ: «Борисъ поневолѣ долженъ говорить и дѣлать такъ, какъ говоритъ и дѣлаетъ; а то вѣдь ему придется не только царства отступиться, а еще и про жизнь свою промышлять». Другіе толковали: «Борису и патріарху самимъ невѣдомо, что Димитрій Ивановичъ живъ; они думаютъ, что его зарѣзали, какъ велѣлъ Борисъ, а того не знаютъ, что вмѣсто его другой убитъ. За долгое время, мать и родные его Нагіе провѣдали умыселъ Борисовъ, что онъ хочетъ царевича извести, что будетъ царевичу смерть потаенно, невѣдомо, какъ и въ какое время; вотъ, мать подмѣнила ребенка, чужого приняла въ царевичево мѣсто, а своего отослала въ соблюденіе; вотъ, Богъ его и сохранилъ отъ убійства и погубленія Борисова; теперь же онъ возмужалъ и идетъ на свой прародительскій престолъ» *). Иные говорили: «пусть-пусть проклинаютъ Гришку; отъ этого царевичу ничего не станется: царевичъ—истинный Димитрій, а не Гришка». Вѣсти объ успѣхахъ Димитрія возбуждали радость въ народѣ; а когда прошелъ слухъ о дѣлѣ подъ Добрыничами, то распространилось уныніе. Не разъ въ народѣ разносились ложныя вѣсти: «вотъ, говорили, Польша поднялась за Димитрія; вотъ, войско наше передалось; вотъ, царь Димитрій недалеко отъ Москвы!» Многіе, не задавая себѣ труда подумать: дѣйствительно ли Димитрій тотъ, кто домогается свергнуть Бориса, наклонялись къ нему и серд-

*) Врем. XVI 22.

цемъ, и помышленіемъ только оттого, что всякую другую власть, чья бы она ни была, готовы были предпочесть Борисовой *). Борисовы шпіоны продолжали подслушивать рѣчи, подмѣчать движенія и доносить. Довольно было подмѣтить у человѣка смутный взоръ и нетвердую походку, и его подвергали пыткѣ, вымучивали признаніе, нерѣдко замучивали огнемъ, желѣзомъ, или кнутомъ. Не проходило дня, чтобъ въ Москвѣ не мучили людей. Эти мѣры, при напряженномъ состояніи умовъ въ народѣ, обращались болѣе и болѣе во вредъ царю. Если прежде ненависть къ Борису обуздывалъ страхъ — противиться помазаннику, то теперь въ народномъ воззрѣніи уваженіе къ царской святости въ особѣ Бориса умалялось по мѣрѣ сознанія, что онъ достигъ престола беззаконіями, темными злодѣйствами и всенародными обманами. Въ то же время, Борисъ съ одной стороны свирѣпствовалъ надъ тѣми, кто навлекалъ на себя подозрѣніе, а съ другой показывалъ подданнымъ свою трусость, задабривалъ войско, и тѣмъ какъ будто хотѣлъ сказать ратнымъ людямъ Московскаго государства: постойте за меня; я вамъ заплачу за это. Когда ему принесли извѣстіе о побѣдѣ при Добрыничахъ, онъ былъ у Троицы. Принесъ ему это извѣстіе Михаилъ Борисовичъ Шеинъ, впослѣдствіи знаменитый защитникъ Смоленска. Борисъ такъ обрадовался, что вѣстника за добрую вѣсть наградилъ чиномъ окольничаго; говорятъ, что этотъ, еще молодой въ то время человѣкъ, отличился въ битвѣ и спасъ отъ смерти военачальника**). Потомъ Борисъ со стольникомъ княземъ Мезецкимъ послалъ войску нѣсколько десятковъ тысячъ рублей***). Самимъ воеводамъ подарилъ онъ золотыя монеты, которыя были рѣдки, чекапились нарочно по какому

*) Grevenbruch, 13.
**) Is. Mass. 60.
***) Bussov. 30.

нибудь событію, давались за особыя заслуги, какъ теперь ордена *); иноземцамъ, служившимъ въ войскѣ, дано годовое жалованье не въ зачетъ; обѣщаны служилымъ, за будущія услуги, помѣстья и вотчины. Борисъ, по своей обычной поговоркѣ, изъявлялъ готовность даже подѣлиться съ ратными людьми послѣднею рубашкой, если нужно будетъ. Такъ Борисъ ласкалъ войско. Но чрезъ нѣсколько времени онъ услышалъ, что войско, послѣ побѣды при Добрыничахъ, ходило слѣдомъ за претендентомъ, не поймало его и оставило въ Путивлѣ спокойно; тогда Борисъ раздражился и послалъ къ воеводамъ выговоръ съ окольничимъ Петромъ Никитичемъ Шереметевымъ и дьякомъ Аѳанасіемъ Власьевымъ. Эти посланцы застали войско уже подъ Кромами. Суровое слово отъ Бориса раздражило противъ него многихъ изъ начальныхъ людей: они и безъ того уже колебались. Начались шопотомъ толки; не передаться ли Димитрію Ивановичу, не выгоднѣе ли это будетъ **)? Самая милость Бориса послужила поводомъ къ раздорамъ въ войскѣ. Окольничій Василій Морозовъ, не взялъ *золотого* изъ-за мѣстническихъ счетовъ съ княземъ Телятевскимъ; его смѣстили, а преемникъ его Замятня Сабуровъ, будучи воеводою лѣвой руки, не хотѣлъ служить, считаясь меньше князя Голицына, который былъ въ передовомъ полку ***). При такомъ несогласіи и безпорядкѣ мудрено было ожидать успѣховъ.

За то Борисъ особенно былъ признателенъ Басманову. За храбрую защиту Новгорода-Сѣверскаго этотъ человѣкъ, еще молодой, получилъ такія почести, какія всѣмъ казались выше его породы и званія: многихъ знатныхъ это приводило въ досаду, особенно князя Никиту Трубецкаго, который

*) Petricia, 170.

**) Ник. VIII, 63.

***) Хроногр. Карамз. хран. въ Арх. Ком.

находился въ Новгородѣ-Сѣверскомъ вмѣстѣ съ Басмановымъ и по происхожденію былъ гораздо выше его. Борисъ однако понималъ, что охранялъ городъ не Трубецкой, а Басмановъ. Когда Басмановъ пріѣхалъ въ Москву, Борисъ послалъ ему для въѣзда богатыя сани, и знатные думные люди должны были выѣхать встрѣчать его какъ торжествующаго побѣдителя. Борисъ далъ Басманову золотую чашу, наполненную угорскими червонцами, нѣсколько серебряныхъ кубковъ, пожаловалъ его саномъ думнаго боярина *). Этимъ-то думалъ привязать къ себѣ Борисъ человѣка, въ которомъ одномъ между всѣми увидалъ воинское дарованіе. Борисъ давно уже не довѣрялъ безкорыстной преданности; онъ хотѣлъ купить полезнаго человѣка, и ошибся: онъ только испортилъ этимъ своего раба. Обращеніе съ войскомъ вообще ясно показывало, что Борисъ считалъ врага своего слишкомъ опаснымъ. Однако въ тоже время онъ переходилъ отъ трусости къ высокомѣрію и старался показать видъ, какъ будто не видитъ бѣды. Шведскій король присылалъ къ нему предложеніе помогать противъ претендента войсками. Смертельный врагъ Сигизмунда и Польши, Шведскій король считалъ разумнымъ для собственной безопасности поддерживать Бориса, чтобъ не дать усилиться Польшѣ: онъ понималъ, что у того, кто идетъ на Москву, поддержка въ Польшѣ, и онъ самъ ея орудіе. Царь московскій съ достоинствомъ приказалъ послу Шведскаго короля дать такой отвѣтъ: «Московскому государству не нужна шведская помощь; при царѣ Иванѣ Васильевичѣ мы дали себя знать и теперь постоимъ разомъ противъ турокъ, татаръ, поляковъ и шведовъ, а не то, что противъ какого нибудь бѣглаго монаха**)». Тѣмъ не менѣе,

*) Petr. 171.
**) Videk. 20.

его очень безпокоило, что думают о Димитріѣ въ иноземныхъ краяхъ, и онъ посылалъ одного нѣмца, служившаго въ Москвѣ переводчикомъ, Ганса Ателаера, въ Швецію, а оттуда въ Германію, провѣдать вѣстей: но этотъ нѣмецъ пропалъ безвѣстно въ Швеціи *).

Притворяясь спокойнымъ, Борисъ съ каждымъ днемъ опускался. Могущество его падало—онъ видѣлъ: русская земля не терпѣла его—онъ зналъ это и не старался болѣе примириться съ нею; тайно доносили ему, что въ войскѣ шатость, что тамъ сомнѣваются: не истинный ли противъ нихъ царевичъ, и уже совѣсть укоряетъ многихъ за то, что они стоятъ за похитителя. Борисъ подозрѣвалъ измѣну или по крайней мѣрѣ недоброжелательство въ томъ, что воеводы не пошли добывать Димитрія въ Путивлѣ: «вѣрно — думалъ онъ — есть изъ начальниковъ такіе, что желаютъ добра врагу». Вѣроятно, и самъ Борисъ не могъ положительно сказать самъ себѣ, кто такой этотъ страшный врагъ, грозившій его вѣнцу изъ Сѣверской земли. Имя Гришки, очевидно, было поймано какъ первое подходящее, когда нужно было назвать не Димитріемъ, а кѣмъ бы то ни было, того, кто назывался такимъ ужаснымъ именемъ. Борисъ едва ли могъ поручиться—въ самомъ ли дѣлѣ это самозванецъ, а не Димитрій. Онъ не видалъ трупа отрока, зарѣзаннаго въ Угличѣ, не удалось ему говорить со слугами, исполнявшими его порученіе. На Шуйскаго, производившаго сыскъ въ Угличѣ, онъ не надѣялся; не довѣрялъ онъ никому, оттого что ни въ комъ не могъ возбудить къ себѣ безкорыстной привязанности; ему служили изъ страха или изъ личныхъ выгодъ. Зловѣщая неизвѣстность окружала Бориса. Онъ обращался къ ворожеямъ и предсказателямъ и выслушивалъ отъ нихъ двусмысленныя прори-

*) Is. Mass.

цапія. Разсказываютъ, что была въ Москвѣ какая-то затворница Алена юродивая: ея келья была въ землѣ. Славилась она даромъ прорицанія, и всѣ говорили: что Алена предскажетъ, то и сбудется. Къ ней поѣхалъ царь: первый разъ она не впустила его къ себѣ. Борисъ поѣхалъ къ ней въ другой разъ. Тогда Алена велѣла принести передъ свою подземельную келью четвероугольный кусокъ дерева и пропѣть надъ нимъ духовенству погребальную пѣснь: «Вотъ, что ждетъ царя Бориса», сказала она. Зловѣщее предсказаніе поразило еще болѣе Бориса. Отчаяніе овладѣло его душею. Онъ сидѣлъ по цѣлымъ днямъ, запершись одинъ, и только посылалъ сына молиться по церквамъ. Но сердце его не умилялось. Казни и пытки не переставали, а враги его умножались, и уже въ близкихъ ему лицахъ созрѣвала измѣна. Однажды въ порывѣ отчаянія призвалъ онъ Басманова, цѣловалъ передъ нимъ крестъ на томъ, что показывающій себя Димитріемъ не истинный царевичъ, а обманщикъ, бѣглый монахъ разстрига, умолялъ Басманова достать злодѣя и, по извѣстіи современника, голландца, обѣщалъ ему, какъ прежде Мстиславскому, свою дочь въ замужество, а въ приданое давалъ Казань, Астрахань, Сибирь, лишь бы только Басмановъ избавилъ его отъ разстриги. Басмановъ сказалъ объ этомъ Семену Никитичу Годунову, царскому родственнику, которому царь во всемъ довѣрялъ. Съ Семенѣ Годуновѣ возбудилась зависть къ Басманову, досада на Бориса, что онъ возвышаетъ и приближаетъ къ себѣ Басманова; и онъ сказалъ ему: «Охъ, мнѣ сонъ былъ, что этотъ Димитрій истинный царевичъ». Слова эти запали въ сердце Басманова; раздумье взяло его; сердце у него не лежало къ Борису; вѣрить онъ ему не могъ; зналъ, что Борисъ готовъ сулить золотыя горы, а потомъ, когда бѣда минетъ, то не сдержитъ обѣщанія, а еще и погубитъ его. Уже со многими онъ такъ посту-

палъ; и Басмановъ, не смотря на увѣренія Бориса и на почести, убѣждался, что съ Борисомъ воюетъ истинный Димитрій, и готовъ былъ перейти къ нему.

Долго томившись думами, Борисъ рѣшился на тайное убійство: это казалось вѣрнѣе *), это средство было ему издавна хорошо знакомо и не разъ помогало. Самозванецъ ли этотъ Димитрій — тѣмъ лучше: почему же не избавить себя отъ опасности и землю отъ соблазна и кровопролитія; настоящій ли это Димитрій — все равно; если одинъ разъ онъ избѣжалъ смерти, ему приготовленной для того, чтобъ открыть Борису дорогу къ престолу, почему же не приготовить ему въ другой разъ гибели, чтобъ удержаться Борису на престолѣ? Борисъ подговорилъ трехъ монаховъ, идти въ Путивль и отравить его злодѣя **). Это было въ мартѣ.

Неизвѣстно, дошла ли до Бориса вѣсть, что сдѣлалось съ этими монахами. Немного времени спустя послѣ того, Борисъ окончилъ свою исторію. 13 апрѣля была недѣля мироносицъ. Царь всталъ здоровъ и казался веселѣе обыкновеннаго. Послѣ обѣдни приготовленъ былъ праздничный столъ въ золотой палатѣ. Одно извѣстіе (письмо Димитрія къ Мнишку) говоритъ, что онъ принималъ тогда иноземныхъ пословъ. Борисъ въ этотъ день ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и переполнилъ себѣ желудокъ такъ, что ему стало тяжело. Послѣ обѣда онъ пошелъ на вышку, съ которой онъ часто обозрѣвалъ всю Москву. Вдругъ сошелъ онъ оттуда и закричалъ, что чувствуетъ колотье и дурноту. Побѣжали за докторомъ. Но еще не успѣлъ придти докторъ, ему стало хуже. Окружавшіе его заговорили о будущей судьбѣ Россіи. Борисъ сказалъ: «какъ угодно Богу

---

*) Is. Mass. 64.

**) Сказ. соврем. Паэрлэ, 23.

и земству *)!» Вслѣдъ затѣмъ у него полилась кровь изъ ушей и изъ носа; онъ упалъ безъ чувствъ. Къ нему прибѣжали патріархъ, духовенство, едва успѣли кое-какъ пріобщить его, а потомъ наскоро совершили уже надъ полумертвымъ посвященіе въ схиму и нарекли Боголѣпомъ. Онъ скончался около трехъ часовъ по полудни. Всѣ въ дворцѣ были поражены неожиданностію событія. Цѣлый день не объявляли народу. Москвичи замѣчали въ Кремлѣ бѣготню, видѣли, какъ бояре, дворяне, стрѣльцы шли туда съ оружіемъ, догадывались, что это значитъ: но никто не смѣлъ заикнуться, что царь умеръ. Только на другой день объявили объ этомъ и послали народъ всякаго званія, и дѣтей боярскихъ, и купцовъ, и посадскихъ, ко Кремлю цѣловать крестъ царицѣ Маріи и сыну Θеодору. Патріархъ объявилъ, что имъ оставилъ Борисъ престолъ свой. Тотчасъ пошли разсказы, что Борисъ на вышкѣ самъ себя отравилъ ядомъ въ припадкѣ отчаянья и мукъ совѣсти. Этотъ слухъ вынесли нѣмцы доктора, лѣчившіе царя Бориса **). Лицо мертваго было страшно изуродовано предсмертными конвульсіями и почернѣло ***).

На слѣдующій день останки его погребены были въ Архангельскомъ соборѣ между прочими властителями Московскаго государства. Семьдесятъ тысячъ рублей назначено было раздать въ теченіи сорокоуста на милостыню ради успокоенія души усопшаго царя.

Новый царь былъ юноша шестнадцати лѣтъ, довольно полный тѣломъ, съ бѣлымъ румянымъ лицомъ, съ черными глазами, способный и умный отъ природы, начитанъ съ дѣтства, изученъ, какъ говорятъ современные лѣто-

---

*) Smith, 25; на обор.

**) Is. Mass. 65

***) Barezzo Bar. 13.—Buss. 31.—Petr. 171.—Врем. XVI, 22.—Grevenbr. 19.—Petricii, 74.—Smith. The Russ. imp. 59.

писцы [1]), всякаго философскаго естествословія и благочестивъ. Отецъ до чрезвычайности любилъ его, готовилъ къ вѣнцу и посвящалъ во всѣ дѣла управленія [2]), заботился, чтобы молодой царевичъ читалъ книги и пріобрѣталъ знанія; вообще, отецъ не спускалъ его съ глазъ отъ себя, и надъ молодымъ человѣкомъ съ дѣтства тяготѣло отцовское наблюденіе; всѣ свои чувства, помышленія, желанія, впечатлѣнія онъ долженъ былъ сообразовать съ волею отца. Борисъ напоминалъ ему часто, что, пока онъ живъ, сынъ— рабъ его, рабъ государя, и долженъ существовать для государя и отца, также какъ послѣ отцовской смерти все должно будетъ существовать для него. Сынъ принималъ отцовское наслѣдіе съ тѣми понятіями и способами, какіе внушилъ ему отецъ: другой науки управленія онъ не зналъ, и, слѣдовательно, его царствованіе должно было вначалѣ явиться продолженіемъ отцовскаго. Первымъ дѣломъ новаго правительства было избрать предводителя войску. Назначенъ Петръ Өедоровичъ Басмановъ; но, въ угожденіе мѣстничеству, Басмановъ былъ оффиціально названъ только вторымъ воеводою, а первымъ—Михайла Катыревъ-Ростовскій [3]). Басмановъ былъ стараго дворянскаго рода Плещеевыхъ, но не могъ стать въ уровень съ родами княжескими [4]).

Басмановъ немедленно посланъ къ войску приводить его

---

[1]) Врем. XVI.—Иное сказ. о самозв. 23.

[2]) Smith. 26, на обор.

[3]) Два хроногр. Карамз.

[4]) Распредѣленіе сдѣлано такое: въ большомъ полку, князь Михаила Катыревъ-Ростовскій, Петръ Өедоровичъ Басмановъ; въ правой рукѣ, князь Голицынъ (Василій Васильевичъ) и князь Михаилъ Өедоровичъ Кашинъ; въ передовомъ полку, бояринъ князь Андрей Андреевичъ Телятевскій и князь Михаилъ Самсоновичъ Туренинъ; въ лѣвой рукѣ, Замятня Ивановичъ Сабуровъ и князь Лука Осиповичъ Щербатовъ. Замятня продолжалъ спорить съ Телятевскимъ.

къ присягѣ и воевать противъ врага. Вслѣдъ за тѣмъ послана во всѣ города русскаго царства грамота съ извѣстіемъ о кончинѣ царя Бориса Өедоровича и о воцареніи сына съ его матерью. По семейному характеру государственнаго строя русской земли, мать поставлена была выше сына, и она, пока была жива, не могла не быть участницею верховной власти, хотя бы только по имени. Присяга требовалась прежде всего матери, а потомъ уже сыну. Чтобъ придать Өедору Борисовичу право признанія со стороны народа, была пущена во всѣ предѣлы русской земли отъ патріарха грамота, гдѣ представлялось дѣло такъ, будто новый царь Өедоръ Борисовичъ избранъ на престолъ земскимъ соборомъ; излагалась небывалая исторія, будто по смерти Бориса бояре, окольничьи, дворяне, весь царскій сигклитъ и гости, торговые люди и всенародное множество Россійскаго государства, молили со слезами сначала мать, чтобъ благословила сына на царство, а потомъ самого молодаго Борисовича, чтобъ онъ принялъ царственное бремя послѣ отца. По силѣ-то этого вымышленнаго избранія требовалась присяга на службу царицѣ Марьѣ Григорьевнѣ, царю Өедору Борисовичу и царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ *). Этою ложью явно показывалось, что сынъ Бориса не имѣетъ родоваго права на престолъ, и эта ложь повредила его дѣлу. Старались показать видъ, будто новый царь получаетъ престолъ по единодушному моленію народа; но въ тоже время заранѣе изъявлялась боязнь, что въ народѣ будетъ противодѣйствіе его воцаренію. Такимъ образомъ, въ окружной грамотѣ отъ имени царицы и дѣтей ея было сказано, чтобъ воеводы берегли накрѣпко, чтобъ не было ни одного человѣка, который бы креста не цѣловалъ **). Ра-

*) А. Арх. Э. I, 87.

**) Собр. гос. гр. 182.

зослана была крестоцѣловальная запись, на которой велѣно было произносить присягу; въ ней, какъ и въ крестоцѣловальной записи Борисова времени, главное вниманіе обращено на волшебство. Что же касается до тогдашнихъ угрожавшихъ обстоятельствъ, то вмѣсто того, чтобъ назвать соперника Годуновыхъ именемъ Гришки Отрепьева, какимъ онъ уже былъ объявленъ недавно въ патріаршей грамотѣ, прочитанной повсюду, въ крестоцѣловальной записи сказано глухо: «къ вору, который называется Димитріемъ Углицкимъ, не приставати и съ нимъ и съ его совѣтники ни съ кѣмъ не ссылатись ни на кое лихо, и не измѣнити, и не отъѣхати, и лиха никотораго не учинити, и государства не подъискивати, и не по своей мѣрѣ ничего не искати, и того вора, что называется княземъ Димитріемъ Углицкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣти не хотѣти *).» Этою неясностью выраженія новое правительство какъ будто показывало, что само не увѣрено, есть ли соперникъ его Гришка Отрепьевъ, между тѣмъ какъ вездѣ по церквамъ проклинали Гришку Отрепьева. Такимъ образомъ ходила въ народѣ мысль, что Борисъ съ патріархомъ свалили вину на Гришку Отрепьева, а сами или не знаютъ, кто такой претендентъ, или же сознаютъ, что онъ настоящій; и проклятіе въ церквахъ дѣлалось беззаконнымъ обращеніемъ церковныхъ уставовъ и обрядовъ на пользу властолюбія Бориса и его рода. «Пусть—толковали Москвичи—приведутъ сюда старую царицу мать Димитрія и поставятъ всенародно у Кремля. Пусть всякій услышитъ отъ нея: живъ ли ея сынъ, или нѣтъ. А то, за что ее держатъ въ заточеніи? значитъ, знаютъ, что она скажетъ: «ея сынъ живъ»—вотъ, что она скажетъ! Недолго царствовать Бо-

---

*) Собр. гос. гр. II, 192.

рисовымъ дѣтямъ. Димитрій Ивановичъ придетъ на Москву, какъ на деревѣ начнетъ листъ развертываться *).

Во все время великаго поста войско Борисово осаждало маленькій городъ Кромы. Маржеретъ въ военномъ отношеніи называетъ эту осаду дѣломъ достойнымъ смѣха **). Огромное войско тысячъ въ семьдесятъ или восемьдесятъ стояло подъ маленькимъ городкомъ, укрѣпленнымъ прежде деревянными стѣнами и земляными окопами, гдѣ было всего на всего жителей тысячи четыре или пять. А между тѣмъ у Годуновцевъ было много большихъ пушекъ, по однимъ извѣстіямъ семьдесятъ, а нѣкоторыя были такъ огромны, что двое едва могли охватить ихъ***). Годуновцы еще прежде сожгли до тла стѣну; оставался высокій валъ; строенія въ городѣ всѣ были истреблены отъ выстрѣловъ и огня; но казаки и кромчане дѣлали себѣ подземныя норы и переходы, со множествомъ входовъ и выходовъ: всѣ упирались въ валъ, откуда можно было выходить на свѣтъ и дѣлать вылазки. Эти подземелья шли глубоко, ниже поверхности пласта, который замерзалъ, и потому ихъ было легко копать; въ нихъ можно было прятаться и отъ стужи, а землю изъ подземельевъ выгребали на валъ и повышали его. Годуновцы ничего не могли сдѣлать съ осажденными. Годуновцы нападутъ—осажденные уходятъ въ свои норы; осаждающимъ невозможно было туда проникнуть, затѣмъ что однимъ осажденнымъ извѣстно было, какъ направлены эти подземелья: два-три смѣльчака приблизятся къ выходамъ,—изъ глубины въ нихъ стрѣляютъ; большою толпою нельзя было вскочить въ отверстіе: онѣ были для того узки. Какъ только годуновцы отступятъ, кромчане въ свою очередь выскакиваютъ изъ норъ и стрѣляютъ въ нихъ; а обо

*) А. И. I, 67.

**) Сказ. соврем. Марж. 82.

***) Grevenbr. 24.

ротятся Годуновцы, кромчане опять убѣгаютъ въ свои норы. Ружья у казаковъ были предлинныя, а стрѣляли они такъ, что рѣдкій давалъ промахъ. Соберутся двѣсти или триста и выходятъ изъ Кромъ пѣшіе, дразнятъ конныхъ московскихъ людей. Тѣ думаютъ: какъ это пѣшіе смѣютъ такъ далеко выходить; вотъ мы имъ дадимъ! пускаются на нихъ верхомъ; казаки выпалятъ изъ ружей — у Годуновцевъ лошади попадаютъ; а потомъ казаки въ другой разъ выпалятъ, людей бьютъ; и пока другіе наскочатъ, казаки отбѣжатъ далѣе къ Кромамъ, а сами заряжаютъ ружья; и какъ только Годуновцы къ нимъ близко наскакиваютъ, — снова стрѣляютъ, бьютъ еще лошадей и людей и уходятъ въ свои норы. Такъ погибало каждый день человѣкъ пятьдесятъ и шестьдесятъ московскихъ людей [1]).

Такъ распоряжался казацкій атаманъ Корела. Его считали чернокнижникомъ, то есть *характерникомъ*, по казацкому образу выраженія [2]). Съ виду это былъ невзрачный человѣчекъ, весь въ рубцахъ,—родомъ онъ говорятъ, былъ изъ Курляндіи, навѣрное изъ Корелы, поступилъ въ казачество, какъ поступали туда бродяги изъ разныхъ краевъ русскаго міра, и на Дону уже прославился своею храбростью и смѣлостью; его тамъ еще сдѣлали атаманомъ, и имя его уже прежде наводило страхъ [3]).

Но главное—необычное было терпѣніе у казаковъ, и никто не могъ, какъ они, переносить всякую нужду; они, говоритъ лѣтописецъ современникъ [4]), безстрашны къ смерти, непокоримы и къ нуждамъ терпѣливы. Запасу у нихъ ставало. Они пѣшіе пробрались въ Кромы и притащили туда множество саней, которые связывали четвероугольни-

[1]) Is. Mass. 62.
[2]) In. Petric. 171.
[3]) Is. Mass. 61.
[4]) Врем. XVI, 21.

комъ, и онѣ имъ служили подвижною крѣпостью: на этихъ саняхъ привезли они съ собою не только сухари, но еще и довольно водки, и въ своихъ порахъ жили они весело—пили, гуляли; слышны были въ Кромахъ трубы и пѣсни, и даже веселыя женщины у нихъ были: для поруганія московскимъ людямъ казаки раздѣвали этихъ женщинъ донага и заставляли ихъ въ виду годуновскаго лагеря отпускать насмѣшки и показывать оскорбительныя постыдныя тѣлодвиженія. Корела умышленно протягивалъ такого рода войну; онъ разсчитывалъ, что пока годуновское войско будетъ стоять попусту подъ Кромами, городъ за городомъ, земля за землею станутъ сдаваться Димитрію, и его сила будетъ возрастать безъ боя. Въ годуновское войско приходили воззванія отъ Димитрія очень искусительнаго содержанія. «Если не вѣрите мнѣ, писалъ онъ, поставьте меня передъ Мстиславскимъ и моею матерью; я знаю—она еще жива и находится въ горькомъ бѣдствіи отъ Годуновыхъ. Если она скажетъ, что я не сынъ ея, не настоящій Димитрій, тогда вы изрубите меня въ куски». Между осажденными и Годуновцами происходили сношенія; письма летали изъ стана въ станъ на стрѣлахъ; а когда въ московскомъ войскѣ узнали, что у казаковъ недостача пороха, то выставили на шанцахъ мѣшки съ порохомъ, и казаки, предувѣдомленные объ этомъ черезъ письмо, пущенное на стрѣлѣ, бросились и достали назначенный для нихъ подарокъ. Караульные не повредили имъ. Съ каждымъ днемъ росла охота переходить на сторону Димитрія Ивановича. Однажды, когда воеводы сдѣлали рѣшительное нападеніе и причинили, по выраженію лѣтописцевъ *), тѣсноту велію, Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, начальствовавшій орудіями, самовольно, безъ вѣдома главныхъ воеводъ, свезъ нарядъ (то

*) Нов. лѣт. 85.—Лѣт. о мятеж. 4.

есть, пушки) съ осыпи, «норовя окоянному Гришкѣ». О самомъ Мстиславскомъ говорили, что онъ начиналъ вѣрить въ истинность Димитрія, послѣ того, какъ Димитрій написалъ къ нему дружелюбное письмо, въ которомъ извинялъ его упорство данною присягою Борису и ссылался на мать свою, отдавая себя совершенно на судъ материнскаго свидѣтельства. У Корелы собственно донскихъ казаковъ было только 600 человѣкъ *), кромѣ ихъ были все московскіе люди; но за то казаки держали осаду. Войско годуновское затруднялось собственною огромностью; оно уже разорило страну варварскимъ обращеніемъ съ жителями, разогнало народонаселеніе края, и теперь само затруднялось въ продовольствіи; селенія были пожжены; не было теплаго помѣщенія. Годуновцы должны были въ шатрахъ и шалашахъ терпѣть стужу, да въ добавокъ въ войскѣ распространилась болѣзнь, которая называется у лѣтописцевъ мытъ. Въ войско были присланы Борисомъ врачи и лекарства.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда 17 апрѣля прибылъ въ войско Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ въ качествѣ главнаго предводителя и съ именемъ втораго послѣ князя Михайла Катырева-Ростовскаго. Прежніе главные воеводы, князья Мстиславскій и Шуйскій, должны были оставить команду и ѣхать въ Москву. Они уѣхали немедленно. Басмановъ долженъ былъ приводить къ присягѣ. Съ нимъ для этого дѣла пріѣхалъ новгородскій митрополитъ Исидоръ съ духовенствомъ. Но Басмановъ поколебался. Слова Семена Годунова запали ему въ душу. Внезапная смерть Бориса казалась ему явнымъ указаніемъ Божіимъ. Счастье престолоискателя давало видъ небеснаго покровительства надъ нимъ, но Басмановъ не рѣшился первый озваться за

*) In. Petr. 171.

Димитрія, а прежде нужно ему было узнать расположеніе войска. Стали приводить къ присягѣ; въ войскѣ поднялся шумъ и разногласія.

Слышалось имя Димитрія Ивановича, законнаго наслѣдника. Многіе ратные на прямикъ показывали, что не хотятъ служить Борисову роду. Въ числѣ первыхъ, смѣло поднявшихъ такой голосъ, были рязанскіе дворяне Ляпуновы, братья Прокопій и Захарій, за ними все рязанское ополченіе; потомъ къ нимъ пристали ополченія другихъ городовъ: Тулы, Каширы, Алексина и вообще украинныхъ мѣстъ, которыя лежали на югъ отъ Москвы.

Положеніе Ѳедора Борисовича на престолѣ оказалось черезчуръ шаткимъ: онъ не могъ быть царемъ ни по избранію, ни по наслѣдству. Въ окружной грамотѣ патріархъ разсказываетъ объ избраніи Ѳедора Борисовича всею землею, всенароднымъ множествомъ всего Россійскаго государства; но такого избранія не было вовсе. Наслѣдственное право Ѳедора Борисовича было также несостоятельно. Тогда всѣ знали, что отецъ его Борисъ неправильно былъ выбранъ. Да и сами Годуновы и патріархъ сознавали это, потому и обманывали русскую землю, будто бы новое преемничество совершилось избраніемъ. Происхожденіе отъ Бориса не имѣло силы, когда самъ Борисъ представлялъ видъ, будто избранъ народомъ только потому, что не оставалось прямаго наслѣдника послѣ Іоанна Грознаго. Такой наслѣдникъ отыскивался, и хотя Борисъ и его преемники внушали народу, что называющій себя Димитріемъ есть самозванецъ, но способы увѣренія были не ловки. Существеннаго на этотъ счетъ патріархъ могъ сказать только то, что какіе-то два бѣглыхъ монаха-бродяги такъ говорили, да какой-то торговавшій въ Кіевѣ иконами глухо и неясно присоединилъ къ нимъ свой голосъ. Другихъ свидѣтельствъ не представлялось; народъ ничего больше не слыхалъ и не

зналъ. Недостаточность такихъ доказательствъ только могла расположить къ тому, чтобъ поддаться заманчивой мысли о чудесномъ спасеніи законнаго царевича, увлечься страннымъ и таинственнымъ его появленіемъ, а это свойственно всегда во всякія времена народнымъ громадамъ. Пока Борисъ былъ живъ,—многихъ удерживала присяга, понятіе, что онъ царь, помазанникъ божій; хотя его не терпѣли, а все-таки считали грѣхомъ не повиноваться ему, признавая, что слѣдуетъ покоряться и дурному господину, не только хорошему. Поэтому-то нѣкоторые воеводы, расположенные къ Димитрію, давали себя народу связывать, и потомъ охотно служили Димитрію; они успокоивали совѣсть тѣмъ, что измѣнили признаваемому всѣми царю по неволѣ, а не по охотѣ. Какъ скоро русскіе подвергали разсужденію тогдашнія дѣла, — имъ представлялась мысль, что есть два соискателя престола: одинъ — сынъ Бориса, хоть и царя, но обманомъ и злодѣяніями достигшаго престола; другой — сынъ стараго законнаго царя Ивана Васильевича, котораго и отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ были на московскомъ престолѣ и признавались всѣмъ народомъ русскимъ. Вопросъ, кого изъ нихъ предпочесть, естественно разрѣшался въ пользу Димитрія.

По этимъ чувствамъ и воззрѣніямъ, войско, до сихъ поръ наружно вѣрное Борису, стало явно двоиться, когда узнало, что Борисъ умеръ, и сынъ его предъявлялъ передъ народомъ притязаніе быть царемъ послѣ отца. Къ прежнимъ недоброжелателямъ Бориса стали приставать и тѣ, которые относились къ дѣлу равнодушно. Нѣкоторые ратные люди покорно присягнули, другіе кричали, вопили и гнали прочь митрополита Исидора съ его присягою. Митрополитъ видѣлъ, что не миновать усобицѣ; ничего не оставалось ему, какъ уѣхать въ Москву со своимъ духовенствомъ. Воеводы не знали, на чтó имъ рѣшиться въ это время. Но имъ посо-

былъ слѣпой случай. Свѣдѣнія о томъ, что̀ дѣлается въ войскѣ и въ Москвѣ, сообщались быстро въ Путивль. Димитрій узналъ о смерти Борисовой тогда же, когда узнало объ ней Борисово войско, а можетъ быть и раньше. Какъ только пріѣхали новые воеводы подъ Кромы, сынъ боярскій арзамасецъ Бахметевъ тотчасъ побѣжалъ въ Путивль сообщить вѣсти [1]). Басмановъ отправилъ повинное письмо къ Димитрію, извинялся, что такъ долго служилъ Борису, потому что не былъ увѣренъ, что явился истинный Димитрій. «Я не былъ никогда измѣнникомъ и не желаю своей землѣ раззоренія; а желаю ей счастія. Теперь всемогущій промыселъ открылъ многое; притомъ, самъ ближній Бориса, Семенъ Никитичъ Годуновъ, сознался мнѣ, что ты истинный царевичъ; теперь я вижу, что Богъ покаралъ насъ и мучительствомъ Борисовымъ, и нестроеніемъ боярскимъ, и бѣдствіемъ царствія Борисова, за то, что Борисъ не право держалъ престолъ, когда былъ истинный наслѣдникъ; теперь я готовъ служить тебѣ какъ подобаетъ». Тѣмъ временемъ Басмановъ хотѣлъ подготовить войско̀, чтобы переходъ на сторону новаго царя обошелся безъ братняго кровопролитія [2]).

Въ Путивлѣ тогда же узнали, что въ войскѣ разноголосица. Димитрій отправилъ впередъ подъ Кромы Дворжицкаго, да пришедшаго къ нему недавно Запорскаго; у нихъ было пять польскихъ ротъ, 500 запорожцевъ и 1,000 казаковъ [3]). Не доходя нѣсколько верстъ до Кромъ, Запорскій остановился, призвалъ одного ловкаго московскаго человѣка и сказалъ ему: «берешься ли послужить своему прирожденному государю Димитрію Ивановичу и идти въ обозъ годуновскій, и согласенъ ли потерпѣть за него?» Московскій человѣкъ отвѣчалъ: «за своего государя Димитрія

1) Хрон. Карамз.
2) Is. Mass. 62.
3) Diar. Wisłoucha.

Ивановича я готовъ умереть и всякія муки претерплю; я не открою ничего о своемъ государѣ врагамъ его».

— «Ну, такъ иди, возьми это письмо и попадись въ ихъ руки,» — сказалъ Запорскій. Онъ научилъ московскаго человѣка, что́ отвѣчать на распросы, обѣщалъ ему большую награду, если онъ исполнитъ счастливо свое порученіе *), и далъ ему рубль на дорогу.

Молодецъ пошелъ мимо обоза, показывая видъ, что пробирается въ Кромы. Караульные его остановили, спрашивали, кто онъ и куда идетъ? Тотъ сказалъ: «я иду отъ моего государя, царя и великаго князя всея Руссіи Димитрія Ивановича въ Кромы съ грамотою».

Его схватили и представили Басманову. Взяли у него письмо и прочитано было оно въ присутствіи совѣта бояръ, находившихся въ войскѣ. Въ письмѣ было написано:

«Мы, Димитрій Ивановичъ, царь и великій князь всея Русіи, посылаемъ вамъ, вѣрнымъ Кромчанамъ, по вашей просьбѣ и желанію, двѣ тысячи поляковъ и восемь тысячь русскихъ, а сами не идемъ къ вамъ потому, что ожидаемъ со дня на день сорокъ тысячъ польскаго войска съ Жолкѣвскимъ, которое уже недалеко отъ Путивля. Мы надѣемся на справедливость дѣла нашего; вы, при помощи Божіей, не только отобьете нападенія враговъ на вашъ городъ, но и нанесете имъ совершенное пораженіе; убѣждаемъ васъ оставаться вѣрными подданными нашими, не щадя ни жизни, ни имуществъ за насъ, а мы васъ вознаградимъ, въ свое время».

Воеводы, прочитавши эту грамоту, повѣрили ей совершенно и стали разсуждать: если польское войско нападетъ на русское въ такомъ положеніи, въ какомъ находилось послѣднее, то совершенный успѣхъ будетъ на сторонѣ поля-

---

*) Grevenb. 21.

ковъ, а русскихъ ожидаетъ неминуемое и жестокое истребленіе. Невозможно было думать о воинскомъ строѣ для встрѣчи непріятеля, когда все войско волновалось. Пришлось бы тогда сражаться не только съ поляками, но и со своими; а свои, не объяснившись еще какъ слѣдуетъ, били бы другъ друга, не разбирая, гдѣ свой, а гдѣ противникъ.

Пока воеводы размышляли и такъ и сякъ, прибѣжали къ нимъ татары: татарскій отрядъ былъ посланъ на объѣздъ; начальствовалъ имъ Иванъ Годуновъ *); онъ встрѣтился съ Запорскимъ и, какъ слѣдовало ожидать по его трусости, бѣжалъ. Татары увѣряли, что собственными глазами видѣли польское войско.

Тогда Басмановъ сошелся съ Васильемъ Васильевичемъ Голицынымъ, братомъ его Иваномъ Васильевичемъ, Михайломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ, и стали они разсуждать, что̀ имъ дѣлать. Басмановъ говорилъ имъ такъ: «Видимое дѣло, что самъ Богъ ему пособляетъ: вотъ сколько мы съ нимъ ни боремся, какъ изъ силъ ни бьемся, а ничего не сдѣлаемъ; онъ сокрушаетъ силу нашу и наши начинанія разрушаетъ: стало-быть онъ настоящій Димитрій, законный нашъ государь. Еслибъ онъ былъ простой человѣкъ Гришка-разстрига, какъ мы думали, такъ Богъ бы ему не помогалъ. И какъ простому человѣку можно смѣть на такое дѣло отважиться! Сами видимъ въ полкахъ нашихъ шатость, смятеніе: городъ за городомъ, земля за землею передаются ему, а литовскій король посылаетъ ему помощь. Не безуменъ же король; значитъ, видитъ, что онъ настоящій царевичъ! Придутъ поляки, начнутъ биться, а наши не захотятъ. Все государство русское приложится къ Димитрію, и мы какъ ни будемъ упорствовать, а все-таки наконецъ по неволѣ покоримся ему, и тогда будемъ у него послѣдніе и

*) Grevenbr. 22.

останемся въ безчестіи. Такъ по моему, чѣмъ по неволѣ и насильно покориться, лучше теперь, пока время, покоримся ему по доброй волѣ, и будемъ у него въ чести».

Голицыны согласились съ мнѣніемъ Басманова; о Салтыковѣ нечего было и заботиться: онъ прежде всѣхъ былъ склоненъ на это. Оставалось теперь одно: склонить или принудить войско. Зазорно казалось самимъ предводителямъ объявить о переходѣ; это значило подать примѣръ измѣны и поводъ къ непослушанію, разохотить ратныхъ къ смутамъ. Положили снестись съ Кромчанами, чтобъ тѣ подали начатокъ этому дѣлу, а свои подготовленные окончатъ его. Съ того времени какъ снѣгъ растаялъ, съ кромчанами не происходило ничего важнаго. Мелководная рѣка Крома разлилась и между обѣими враждебными сторонами была топь и грязь; только въ томъ и война состояла, что московскіе люди иногда пострѣливали на вѣтеръ да тратили по-пустому боевые запасы. То и дѣло, что изъ годуновскаго обоза ходили перебѣжчики въ Кромы и извѣщали, что у нихъ въ обозѣ дѣлается; черезъ такихъ перебѣжчиковъ составился уговоръ, чтобы въ назначенный день кромчане были готовы броситься на обозъ по данному знаку; и въ тоже время свои помогутъ; всѣ—кто за Димитрія—перейдутъ на другой берегъ рѣки Кромы, начальниковъ повяжутъ, упорныхъ прогонятъ или принудятъ; знакомъ къ этому будетъ то, что верховой подбѣжитъ къ валу. День назначенъ былъ 7 мая.

Въ этотъ условленный день въ четыре часа утра всѣ кромчане стояли уже на готовѣ. Былъ на скоро устроенъ мостъ черезъ рѣку. Воеводы собрались у разряднаго шатра. Вдругъ по данному знаку съ крикомъ вырвались кромчане и бѣгутъ въ обозъ. Въ это самое время Прокопій Ляпуновъ съ толпою преданныхъ ему рязанцевъ окружаетъ разрядный шатеръ, требуетъ присяги Димитрію и приказываетъ вязать воеводъ. Раздались крики: «Боже сохрани,

Боже пособи Димитрію Ивановичу!... За рѣку, за рѣку!» Потащили связанныхъ воеводъ и Басманова тоже; на мосту развязали ему руки. Толпы бѣжали къ мосту. Тогда Басмановъ, стоя на мосту, показывалъ грамоту Димитрія, которую послѣдній присылалъ въ обозъ во множествѣ списковъ; Басмановъ кричалъ громкимъ голосомъ:

«Вотъ грамота царя и великаго князя Димитрія Ивановича! Измѣнникъ Борисъ хотѣлъ погубить его въ дѣтствѣ, но Божій промыселъ спасъ его чудеснымъ образомъ. Онъ идетъ теперь получать свое законное наслѣдіе. Самъ Богъ видимо ему помогаетъ! Мы признаемъ его теперь за истиннаго Димитрія царевича, законнаго наслѣдника и государя русской земли. Кто съ нами соглашается, тотъ пусть пристаетъ къ намъ, на эту сторону, соединяется съ тѣми, что сидятъ въ Кромахъ; а кто не хочетъ, пусть остается на другой сторонѣ рѣки и служитъ измѣнникамъ противъ своего государя».

Толпы бѣжали за рѣку; на мосту стало три или четыре священника съ крестами въ рукахъ. Они принимали крестное цѣлованіе на имя Димитрія Ивановича. Отъ чрезвычайной давки подломился мостъ; многіе попадали въ рѣку — иные перешли ее въ бродъ, иные верхомъ переѣхали, были такіе несчастливцы, что попали на глубокія мѣста и утонули. Между тѣмъ раздавался несмолкаемый крикъ: «многая лѣта царю нашему Димитрію Ивановичу! ради служить и прямить ему!»

Назади, между тѣмъ, по другой сторонѣ рѣчки, нашлись такіе, что, присягнувши Борисовой вдовѣ и сыну, хотѣли оставаться на своемъ цѣлованіи и убѣждали другихъ именемъ церкви и долга не измѣнять. Они поносили Димитрія, провозглашали: «многая лѣта дѣтямъ Бориса Ѳеодоровича!» Тогда Корела закричалъ: «бейте ихъ, да не саблями, не пулями, а батогами; бейте ихъ да приговаривайте: вотъ такъ

вамъ, вотъ такъ вамъ! не ходите биться противъ насъ!» Понравилось это ратнымъ людямъ, особенно рязанцамъ. Годуновцы пустились въ разсыпную, а Димитріевцы съ хохотомъ гонялись за ними и били—кто плетью, кто палкою, а кто кулакомъ. И отъ этого иные ворочались и объявляли, что готовы покориться Димитрію Ивановичу. Князь Андрей Телятевскій сталъ при нарядѣ и кричалъ: «стойте, братцы, до послѣдняго и не будьте измѣнниками». Но когда у него начали отнимать нарядъ, а люди передавались, онъ бѣжалъ изъ лагеря. Убѣжалъ и товарищъ Басманова, Катыревъ-Ростовскій, по имени первый воевода; онъ остался вѣренъ Годуновымъ. Были такіе, которые не приставали ни на ту, ни на другую сторону и кричали: «кого на Москвѣ царемъ признаютъ, тотъ намъ и царь!» Иные, испуганные переполохомъ, не разобраши, въ чемъ дѣло, бѣжали на возахъ и верхомъ изъ лагеря: кто въ Москву, кто спѣшилъ въ свою деревню; трусы прятались, другъ у друга спрашивали: что это, но не могли другъ другу отвѣчать; въ неистовствѣ бросались другъ на друга, стрѣлялись и рубились, не зная, о чемъ идетъ дѣло, и такимъ образомъ много побили людей напрасно. Нѣмцы упорно стали подъ свое знамя и не хотѣли переходить. Басмановъ послалъ къ нимъ убѣжденіе служить законному государю. Капитанъ Розенъ сначала отказалъ, но, когда большая часть подчиненныхъ поколебалась, и онъ согласился. Только семьдесятъ человѣкъ изъ нихъ убѣжало. Они-то принесли роковую вѣсть о переходѣ войска. Не такъ былъ счастливъ родственникъ царей Годуновыхъ, Иванъ Годуновъ: онъ также бѣжалъ, но его догнали, связали и рѣшили отправить къ Димитрію. Онъ не прочь былъ признать Димитрія. Его помѣстили въ шатрѣ и онъ лежалъ тамъ, а слуга обгонялъ около него мухъ *).

*) Is. Mass. 69.

Василій Голицынъ, одинъ изъ первыхъ совѣтниковъ, принявшихъ предложеніе Басманова, сказалъ: «я присягалъ Борису, моя совѣсть зазритъ переходить по доброй волѣ къ Димитрію Ивановичу; а вы меня свяжите и ведите какъ будто неволей *)».

V

Житье Димитрія въ Путивлѣ. — Его прибытіе въ Тулу.

Димитрій жилъ въ Путивлѣ съ февраля, уже около двухъ мѣсяцевъ. Тамъ у него устроился самъ собою дворъ; маленькій Путивль сдѣлался на нѣкоторое время оживленною и многолюдною столицею. Съ разныхъ сторонъ Руси туда безпрестанно прибывали охотники служить Димитрію. Многолюдство привлекло туда и торговцевъ; образовалось тамъ подобіе ярмарки. Вмѣстѣ съ этимъ Путивль сохранялъ воинственный образъ: каждый день опасались то нападеній, то измѣны. На стѣнахъ были заряженныя пушки; и день и ночь пушкари, чередуясь, стояли на-готовѣ съ фитилями; по валу, по всему посаду и по околицѣ ходили и ѣздили отряды для надзора. Димитрій дѣятельно работалъ надъ воинскимъ дѣломъ, прибѣгалъ и къ благочестію. Онъ приказалъ привести изъ Курска чудотворную икону Божіей Матери, которая славилась знаменіями и исцѣленіями.

Духовенство обнесло ее по городской стѣнѣ въ торжественной процессіи; множество народа слѣдовало за ней. Каждый день, послѣ того, утромъ Димитрія видѣли въ церкви: онъ усердно молился предъ иконою и говорилъ,

*) Borsza. — Сказ. соврем. Паэрлэ, 27—33. — Bussovii, 30—32. — In. Petricii. 76—77 — Petrei, 172. — Маржер. 85. — De Thou. — Lubienski, 31. — Лѣтоп. о мят. 87—90 — Grevenbruch, 22—23.

что отдаетъ себя и свое дѣло защитѣ и покрову пресвятой Дѣвы Богородицы. Димитрій любилъ бесѣды, приглашалъ и русскихъ, и поляковъ на обѣдъ; тутъ были и православные монахи и священники, и католическіе ксендзы. Димитрій поднималъ разговоры и споры о предметахъ богословскихъ и философскихъ и укорялъ въ невѣжествѣ своихъ духовныхъ. «Когда я съ Божіею помощью стану царемъ,— говорилъ онъ,—то заведу школы, чтобъ у меня по всему государству выучились читать и писать; въ Москвѣ университетъ заложу, какъ въ Краковѣ; буду посылать своихъ въ чужія земли, а къ себѣ стану принимать умныхъ и знающихъ иностранцевъ, чтобъ ихъ примѣромъ побудить моихъ русскихъ—учить своихъ дѣтей всякимъ наукамъ и искуствамъ». Самъ Димитрій былъ очень любознателенъ; не получивши основательнаго воспитанія, онъ хотѣлъ дополнить этотъ недостатокъ чтеніемъ польскихъ книгъ и бесѣдами съ образованными поляками, заводилъ разговоры о риторикѣ, философіи и исторіи, спрашивалъ о многомъ и сообщалъ собственныя впечатлѣнія. Ксендзы пользовались этимъ, съ тайною цѣлію распространенія католичества. Въ Путивлѣ около Димитрія неотступно находилось двое іезуитовъ, Николай Черниковскій и Андрей Савицкій. Будучи воспитаннѣе другихъ, окружавшихъ Димитрія, они были способнѣе отвѣчать ему на разные вопросы, касавшіеся области знанія, и потому легко овладѣли его бесѣдою, сдѣлались ему необходимы для его умственной жизни; въ то же время, они всѣми силами старались воспитать въ немъ предпочтеніе римско-католической церкви и желаніе ввести ее въ свое отечество *). Поляки устроили себѣ въ Путивлѣ церковь и отправляли въ ней богослуженіе. Московскіе люди приходили туда, дивились латинскимъ обрядамъ, ура-

---

*) Barrezzo Berezzi, cop. VI. IX.—Grevenbruch, 19.

зумѣвали, что это обряды также христіанскіе, какъ и обряды греческой церкви; имъ они понравились. Самъ Димитрій показывалъ другимъ примѣръ уваженія къ католическому богослуженію, посылая въ эту церковь въ даръ образа; а въ день Пасхи католики, ради торжества, стрѣляли изъ пушекъ, и для того заранѣе предупредили русскихъ, чтобъ они не были изумлены внезапною стрѣльбою.

Всѣмъ казалось, что промыселъ печется надъ Димитріемъ. Тайное порученіе Борисово—извести врага, не имѣло успѣха. Эти монахи, вмѣсто того, чтобъ сейчасъ поддѣлаться и приблизиться къ Димитрію, чтобъ имѣть возможность его убить, стали возмущать людей въ Путивлѣ, проповѣдывали, что называющій себя Димитріемъ не есть настоящій царевичъ, увѣряли, что знаютъ его, что жили съ нимъ въ одномъ монастырѣ, что онъ бѣглый монахъ-чернокнижникъ, а настоящій Димитрій давно лежитъ въ землѣ въ Угличѣ. Они принесли въ Путивль грамоту отъ патріарха, предающую проклятію разстригу и обманщика. Они успѣли склонить на свою сторону двухъ приближенныхъ претендента. Но больше не удалось имъ ничего. Ихъ поймали. Одинъ изъ нихъ, уже старикъ, сознался: «у моего товарища— говорилъ онъ—есть въ сапогѣ ядъ, страшный ядъ; если къ нему прикоснуться голымъ тѣломъ, то тѣло распухнетъ, и человѣкъ въ девятый день умретъ; твои приближенные согласились съ нимъ, рѣшили положить ядъ въ кадило и окурить тебя этимъ ядомъ вмѣстѣ съ ладаномъ; онъ подкупленъ Борисомъ и пересылалъ ему письма». Въ тѣ времена было въ обычаѣ вѣрить въ яды, которыхъ дѣйствіе оказывается какимъ нибудь необычнымъ способомъ. Димитрій призвалъ обвиненныхъ. То были люди, которыхъ привели къ нему прежде связанными, какъ обыкновенно выдавалъ народъ своихъ воеводъ и начальниковъ. Они были люди

старые. «При вашихъ сѣдинахъ, вы рѣшились на такое дѣло—сказалъ имъ Димитрій—коварные злодѣи, такъ-то заплатили вы за милость и милосердіе, когда я даровалъ вамъ жизнь! Богъ обнаружилъ ваши злодѣянія чрезъ этого монаха». Они повинились во всемъ. Димитрій, принявъ уже правиломъ отстранять отъ себя судъ и отдавать его обществу, поручилъ міру судить ихъ и казнить. Ихъ разстрѣляли; двухъ монаховъ заключили въ тюрьму, а третьяго, открывшаго заговоръ, наградили *). Послѣ, Димитрій простилъ и тѣхъ, которые сидѣли въ тюрьмѣ **).

Также удалось Димитрію разсѣять и опровергнуть распущенные слухи, будто онъ Гришка-разстрига. Димитрій показывалъ передъ всѣмъ народомъ лицо, которое называло себя Григорьемъ Отрепьевымъ. Этотъ человѣкъ разсказывалъ, что онъ дѣйствительно былъ у патріарха Іова книжникомъ, бѣжалъ изъ Москвы, спознался съ царевичемъ, когда послѣдній ходилъ въ Кіевѣ въ монашескомъ видѣ, но что онъ и царевичъ—разныя лица. Свидѣтельство, заявляемое безпрестанно въ Путивлѣ всенародно, какъ слѣдовало ожидать—удостовѣряло русскихъ въ истинности Димитрія и привлекало къ нему.

Хоть онъ еще не воцарился въ Москвѣ, но уже былъ на самомъ дѣлѣ владѣльцемъ Сѣверской земли, и въ качествѣ дѣйствительнаго князя Сѣверскаго, послалъ къ польскому королю князя Ивана Андреевича Татева, бывшаго черниговскаго воеводу, и извѣщалъ о томъ, что ему покорилась уже Сѣверская земля. Вмѣстѣ съ нимъ, для подтвержденія истины словъ претендента, отправился посолъ отъ Путивля и всѣхъ городовъ и уѣздовъ Сѣверской земли, какъ отъ духовныхъ, такъ и отъ мірскихъ людей всякаго зва-

---

*) Паэрлэ 27.

**) Grevenbruch, 18.

нія. Выбранъ былъ для этого Сулеша-Булгаковъ. Сѣверская земля извѣщала польскаго короля, что она поклонилась и принесла подданство и послушаніе Димитрію Ивановичу, жаловалась на польское рыцарство, что оно оставило ея государя, и просила короля Сигизмунда оказать ей помощь и спасеніе и не попустить на разореніе непріятелямъ государя Димитрія Ивановича *). Польскому королю Сигизмунду хотя и было, конечно, весьма пріятно слышать о такихъ успѣхахъ претендента, отъ котораго можно было ожидать выгодъ и для римско-католической церкви, и для Польши, но онъ не принялъ посольства, не допустилъ его къ себѣ до тѣхъ поръ, пока не услышалъ, что Бориса нѣтъ на свѣтѣ и Московское государство склоняется признать государемъ Димитрія **).

Немного дней спустя послѣ прибытія изъ Сѣверской земли пословъ Димитрія въ Польшу, умеръ Замойскій къ большой радости іезуитовъ, поборникъ свободы совѣсти и мысли, мужъ закона, ревнитель просвѣщенія и народности, врагъ всякаго пронырства и иноземныхъ козней. Замойскій долго стоялъ костью въ горлѣ отцамъ іезуитамъ. Антоній Поссевинъ, извѣщая тосканскаго герцога о его кончинѣ, писалъ: «теперь исчезнутъ препятствія, которыя онъ ставилъ, противодѣйствуя нѣмцамъ, покровительствуя Трансильваніи и мятежнымъ униатамъ, подавая помощь (какъ я много разъ удостовѣрился) еретическимъ союзамъ противъ польскаго короля, не говоря уже о задержкахъ и препятствіяхъ къ распространенію римско-католической вѣры въ Московіи и Ливоніи ***).»

Когда Димитрію донесли о смерти Бориса, о волненіи въ войскѣ, онъ выпроводилъ Запорскаго, а самъ дожидал-

*) Bibl. Krasin. № 13. 1. 3. 383.
**) Рукоп. И. П. Библ. Polygr. f. № 3, также Hist. Polon. f. № 33.
***) Esame critico. 53.

ся со дня на день появленія къ нему пословъ. 14 мая стараго стиля, къ нему явился Иванъ Голицынъ; товарищами ему были выборные отъ всѣхъ полковъ, собранныхъ для этой посылки во имя разныхъ земель и уѣздовъ русскихъ. Иванъ Голицынъ, кланяясь низко, говорилъ:

«Государь, царь и великій князь Димитрій Ивановичъ! Прислало насъ войско изъ-подъ Кромъ, бьетъ тебѣ челомъ и обѣщается тебѣ служить; молятъ твоего, государь, милосердія и прощенія за вину къ нему, что мы по невѣдѣнію стояли противъ тебя, прироженаго своего государя. Насъ Борисъ ослѣпилъ и обманулъ: мы прежде его признали царемъ, и по смерти хотѣли присягать его дѣтямъ, стоять противъ Гришки Отрепьева; но теперь намъ дали другой образецъ присяги, гдѣ не поминалось о Гришкѣ, а чтобъ мы стояли противъ тебя, прироженаго нашего государя, царя Димитрія Ивановича, и не признавали тебя за государя своего; такъ мы уразумѣли, уберeглись и *одноличнo* всѣ положили, чтобъ ты, нашъ государь прироженый, шелъ и воцарился на столицѣ блаженной памяти отцовъ твоихъ. Нынѣ, вмѣсто присяги Борисовымъ дѣтямъ, мы учиняемъ присягу тебѣ, а бояръ, что держатся Бориса, перевязали; а въ Москву послали мы знатныхъ людей объявить, что мы всѣ признали тебя наслѣднымъ и законнымъ своимъ государемъ, чтобъ и въ Москвѣ подобно намъ принесли тебѣ присягу на послушаніе *)».

Димитрій принялъ ихъ чрезвычайно любезно, обнадеживалъ милостію, вполнѣ извинялъ ихъ за то, что они до сихъ поръ были его врагами, и вообще обворожилъ ласковымъ обращеніемъ.

Ивана Годунова, какъ родственника Борисова, посадили въ тюрьму въ Путивлѣ.

---

*) Dz. pan. Zyg. 11. 333, прилож.

Вслѣдъ за этими депутатами, пріѣхалъ въ Путивль Басмановъ. Выѣхавъ изъ обоза, этотъ главнокомандующій встрѣтился съ Запорскимъ и отъ него узналъ, что грамота о прибытіи польскаго войска была фальшивая и написана самимъ Запорскимъ. Басманову стало стыдно своего легковѣрія, хотя онъ не раскаявался болѣе, что передался новому царю. Когда онъ явился къ Димитрію и принесъ повинную, Димитрій принялъ его дружелюбно; оба сразу узнали, поняли другъ друга. Димитрій сталъ дорожить имъ, потому что видѣлъ въ немъ человѣка способнѣе и умнѣе другихъ. Привязался къ Димитрію и Басмановъ, когда увидѣлъ, что Димитрій умѣетъ цѣнить преданность, дружбу и умъ. Басмановъ, важнѣйшій до сихъ поръ врагъ Димитрію на пути къ московской коронѣ, теперь сдѣлался его первымъ совѣтникомъ. Димитрій отправилъ Басманова снова къ войску приводить его къ присягѣ. Вслѣдъ за нимъ и самъ онъ отправился изъ Путивля, 24 мая *). По дорогѣ спѣшили явиться ему на встрѣчу бояре Шереметевъ, Василій Голицынъ, Михайло Салтыковъ и другіе; съ ними приходило нѣсколько сотъ человѣкъ бить челомъ новому государю. «Все войско—говорили они—и вся земля Россійская покоряется тебѣ». Не доѣзжая до Кромъ, Димитрій остановился, не поѣхалъ въ обозъ, а послалъ приказаніе, чтобъ всѣ тѣ, у которыхъ есть помѣстья около Москвы, ѣхали домой на время до указу; другимъ не приказано идти къ столицѣ, а велѣно находиться въ сборѣ до тѣхъ поръ, пока Москва не покорится, дабы въ случаѣ, когда придется подчинять ее силою, пресѣчь подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ столицу; третьей части велѣно было идти къ Орлу и тамъ дожидаться самого царя. Онъ задержался нѣсколько дней близъ Кромъ, пока войско разошлось. Поляки

---

*) Diar. Wisłoucha.

предостерегали его не слишкомъ ввѣряться и не отдаваться въ руки огромнаго войска, которое еще такъ недавно шло противъ него. За войскомъ и онъ двинулся къ Орлу, и когда подъѣзжалъ къ этому городу, воевода Θедоръ Ивановичъ Шереметевъ, духовенство, народъ и часть войска, тысячъ до восьми или болѣе того, встрѣчали его съ хлѣбомъ-солью, съ крестами, образами, съ колокольнымъ звономъ и съ торжественными восклицаніями: «буди, буди здравъ, царь Димитрій Ивановичъ!» Поляки и здѣсь нашоптывали ему—не довѣряться вполнѣ, и постоянно держали около него почетную стражу человѣкъ во сто. Эта мѣра была уже не кстати, могла только раздражать русскихъ, а въ самомъ дѣлѣ поляки не въ силахъ были защитить претендента, еслибъ русскіе не захотѣли его имѣть царемъ.

Димитрій пробылъ въ Орлѣ нѣсколько дней и назначалъ надъ войскомъ команду по полкамъ *). Изъ Орла Димитрій отправился въ Тулу въ сопровожденіи русскаго войска и польскаго отряда. Въ каждомъ людскомъ поселеніи встрѣчали его съ хлѣбомъ-солью, съ колокольнымъ звономъ; выходили священники съ хоругвями и образами; изъ окрестныхъ городовъ и селъ спѣшили на большую дорогу встрѣчать царя, посмотрѣть на него, полюбоваться имъ; все ликовало. И были то для Димитрія минуты, самыя счастливыя, какія не могли повториться болѣе въ жизни, при всѣхъ возможныхъ успѣхахъ. На Окѣ явились къ нему выборные отъ всей Рязанской земли, били челомъ и увѣряли въ готовности отдать жизнь и достояніе за государя **).

---

*) Въ большомъ—Василья Васильевича Голицына и князя Бориса Лыкова; въ правой рукѣ—князя Ивана Семеновича Куракина и князя Луку Осиповича Щербатова; въ передовомъ—Петра Θедоровича Басманова и князя Алексѣя Долгорукаго. О лѣвой рукѣ и сторожевомъ нѣтъ извѣстій: вѣрно оставались прежніе.

**) Petricii, 83.

Такъ онъ достигъ Тулы, а впередъ себя послалъ въ Москву Гаврила Пушкина и Наума Плещеева, съ возбудительной грамотою къ москвичамъ.

VI.

Возстаніе Москвы за Димитрія.—Гибель Годуновыхъ.

Въ Москвѣ, со времени отправленія Басманова, народъ съ каждымъ днемъ становился смѣлѣе и смѣлѣе, съ каждымъ днемъ власть Годуновыхъ колебалась. Народъ единогласно требовалъ возвращенія сосланныхъ Борисомъ и, главное, матери Димитрія. Требованіе было сильно справедливое, и конечно, Годуновы были бы спасены, еслибъ царица Мароа объявила всенародно, что она знаетъ — что сына ея нѣтъ на свѣтѣ. Но царица Марья Григорьевна хорошо знала, что Мароа ни за что такъ не скажетъ, и нельзя было освободить ее. Возвратить всѣхъ опальныхъ также значило бы умножить число сильныхъ враговъ: сдѣлали уступку народу и воротили изъ ссылки князя Ивана Михайловича Воротынскаго. По возвращеніи изъ похода Мстиславскаго и Шуйскаго, чернь возмутилась, лѣзла уже въ Кремль. Тогда вышелъ Василій Ивановичъ Шуйскій и говорилъ народу рѣчь: «Сами видите ежедневно, какую кару посылаетъ карающая десница Господня за наши грѣхи. А вы все коснѣете во злѣ и замышляете измѣну на раззореніе землѣ нашей, поруганіе святой нашей вѣры и оскверненіе святыни московской. Я вамъ цѣлую крестъ на томъ, что Димитрія царевича нѣтъ на свѣтѣ, я самъ своими руками положилъ его тѣло во гробъ въ Угличѣ; и тотъ, кто называется этимъ именемъ, — разстрига, бѣглый монахъ, наученный сатаною, осужденный на казнь за свои мерзкія дѣла. Собирайтесь вы лучше Богу молить-

ся, чтобъ отвратилъ отъ насъ гнѣвъ свой, и стойте твердо на истинѣ,—такъ и все поправится». Толпа расходилась, повѣся головы, потому что Шуйскаго многіе уважали. Но ропотъ не переставалъ. Снова раздавались требованія, чтобъ въ Москву привезли мать Димитрія: пусть она порѣшитъ дѣло.

Около половины мая, стали появляться въ Москвѣ бѣжавшіе изъ-подъ Кромъ ратные люди. Большая часть изъ нихъ не могла ничего сказать, потому что ничего не знала. Когда ихъ спрашивали знатные люди, они грубо отвѣчали: «поѣзжайте сами и узнайте». Наконецъ, прибыли Телятевскій и Катыревъ-Ростовскій, и все разъяснилось.

Вѣсть о переходѣ Басманова, бояръ и всего войска на сторону Димитрія была роковою для Годуновыхъ: оставалось имъ либо бѣжать, либо отречься отъ престола и признать добровольно Димитрія предъ всѣми, либо же попытаться собрать послѣднія силы, идти противъ врага и погибать съ честію. Годуновы не сдѣлали ничего подобнаго: они сидѣли въ кремлевскихъ царскихъ палатахъ и противодѣйствовали общему смятенію только тѣмъ, что, по извѣтамъ доносчиковъ, которыхъ подкупали деньгами, приказывали ловить и мучить распространителей Димитріевыхъ грамотъ, да тѣхъ, которые черезчуръ смѣлымъ сочувствіемъ къ Димитрію навлекали ихъ гнѣвъ. Это значило—не сходить ни на шагъ съ дороги Борисовой политики. Оказалось, что сынъ не могъ идти далѣе отца. Говорятъ, что Димитрій посылалъ къ Ѳедору письмо съ убѣжденіемъ мирно оставить престолъ, какъ и прежде къ отцу, но молодой Годуновъ приказалъ замучить посланника и не отвѣчалъ на предложеніе *).

Когда въ народѣ стало извѣстно, что войско передалось

---

*) Smith, 33.

Димитрію, въ Москвѣ сдѣлалась тишина. Иностранцы, видѣвшіе ясно, какъ передъ тѣмъ съ каждымъ днемъ возрастало народное волненіе, удивлялись этому и боялись. Дѣйствительно, это была та самая тишина, какъ въ природѣ бываетъ передъ сильною грозою. Тридцатаго мая сдѣлалась было тревога; какіе-то два молодца увидали за Серпуховскими воротами большую пыль и закричали, что идетъ множество возовъ и конницы. Вѣсть разнеслась съ быстротою по столицѣ; всѣ подумали, что это идетъ Димитрій; началась бѣготня, толкотня. Москвичи повыбѣгали изъ домовъ; все спѣшило—не запасаться оружіемъ, чтобъ отражать непріятеля, а покупать хлѣбъ-соль, чтобъ встрѣчать законнаго государя. Царица и Ѳедоръ пришли въ ужасъ; бояре вышли изъ Кремля спрашивать, что́ это значитъ; народъ не отвѣчалъ, и ясно было, чего ждутъ, и какъ готовится Москва встрѣчать врага, еслибъ онъ пришелъ. Но никто не приходилъ. Обманъ открылся; народъ сталъ расходиться. Многіе толпою еще стояли въ молчаніи на площади. Бояринъ сталъ возвѣщать имъ нравоученіе, хвалилъ царя Ѳедора Борисовича и приказывалъ впередъ хватать виновниковъ народнаго волненія. Два молодца, надѣлавшіе кутерьмы, казнены. Народъ молчалъ.

На другой день, 31 мая, по приказанію правительства, стали взводить на стѣны пушки; но замѣтно было, что ратные люди работали неохотно, а толпа глядѣла на это съ кривляньями и насмѣшками. Стѣны эти укрѣпляли за тѣмъ, что услышали, будто атаманъ Корела идетъ къ Москвѣ и находится отъ нея уже верстъ за сорокъ. Тогда благоразумные люди спѣшили упрятывать свои драгоцѣнности и деньги по монастырямъ: боялись, что у черни что-то недоброе затѣвается; хочетъ она поживиться на счетъ богатыхъ. Возмущеніе московской черни казалось пострашнѣе Димитрія.

1 іюня привезли въ Москву Димитріеву грамоту посланные имъ дворяне. Они не осмѣлились прямо въѣхать въ столицу и остановились въ слободѣ, въ Красномъ селѣ. Тамъ ударили въ колоколъ. Сбѣжалась толпа. Стали читать Димитріеву грамоту. Раздались восклицанія въ честь Димитрія. «Въ городъ, въ городъ!» закричали голоса. Плещеева и Пушкина подхватили и повезли въ Москву прямо на Красную площадь. Ударили въ колокола. Поставили посланцевъ на Лобномъ мѣстѣ. Народъ бѣжалъ на Красную площадь со всѣхъ сторонъ. Все пространство около Лобнаго мѣста, называемое Пожаромъ, было занято народомъ; около Троицы-на-рву (Василія Блаженнаго), вдоль Кремлевской стѣны отъ Фроловскихъ до Никольскихъ воротъ, на площади, въ рядахъ по лавкамъ—вездѣ была такая давка, что невозможно было протѣсниться; вышедшіе изъ Кремля бояре, думные дьяки, стрѣльцы ничего не могли сдѣлать. Они громко говорили: «что это за сборище, за бунтъ! развѣ нельзя было подать челобитную такому доброму, ласковому, мягкосердому государю? самовольно собираться не слѣдуетъ! Берите воровскихъ посланцевъ и ведите ихъ въ Кремль! Тамъ пусть они покажутъ то, съ чѣмъ пріѣхали *)!» Народъ отвѣчалъ неистовыми криками, не давалъ посланцевъ и приказывалъ имъ читать громко грамоту. Посланецъ съ Лобнаго мѣста прочиталъ грамоту отъ имени Димитрія. Грамота обращена была къ знатнѣйшимъ боярамъ: Мстиславскому, Шуйскимъ, Василію и Димитрію, и ко всѣмъ боярамъ, окольничимъ, стольникамъ, стряпчимъ, жильцамъ, приказнымъ, дьякамъ, дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, гостямъ, торговымъ людямъ, къ лучшимъ и середнимъ, и ко всякимъ чернымъ людямъ. Въ ней говорилось:

*) Smith, 34.

«Вы цѣловали крестъ блаженной памяти отцу нашему царю и великому князю Ивану Васильевичу и намъ, его дѣтямъ, на томъ, чтобъ вамъ не хотѣть иного государя на Московское государство кромѣ нашего рода. И когда судомъ божіимъ не стало нашего родителя, и сталъ царемъ братъ нашъ Ѳедоръ Ивановичъ, тогда измѣнники послали насъ въ Угличъ и дѣлали намъ такія утѣсненія, какихъ и подданнымъ дѣлать негодно, и присылали много разъ воровъ, чтобъ насъ испортить и убить; но милосердый Богъ укрылъ насъ отъ злодѣйскихъ умысловъ и сохранилъ въ судьбахъ своихъ до возрастныхъ лѣтъ. А вамъ всѣмъ измѣнники говорили, будто насъ въ государствѣ не стало, и будто насъ похоронили въ Угличѣ въ соборной церкви всемилостиваго Спаса. Когда судомъ Божіемъ не стало брата нашего царя Ѳедора Ивановича, вы, не зная про насъ, прироженаго государя своего, цѣловали крестъ измѣннику нашему Борису Годунову, не вѣдая его злокозненнаго права и боясь его, потому что онъ уже при братѣ нашемъ Ѳедорѣ Ивановичѣ владѣлъ всѣмъ государствомъ нашимъ, и жаловалъ и казнилъ какъ хотѣлъ. Вы думали, что мы убиты измѣнниками, и когда разошелся слухъ по всему государству Россійскому, что съ божіей милости мы, великій государь, идемъ на православный престолъ родителей нашихъ, великихъ государей царей Россійскихъ, мы хотѣли доступать нашего государства безъ крови; но вы, бояре, воеводы и всякіе служилые люди, по невѣдѣнію, стояли противъ насъ, великаго государя, не смѣли даже говорить. Я государь христіанскій, по своему государскому милосердому обычаю, не держу на васъ за то гнѣва, ибо вы такъ учинили по невѣдѣнію и отъ страха смерти себѣ».

Далѣе, грамота извѣщала, что Димитрій идетъ съ большимъ войскомъ, что города Россійскаго государства ему

добили челомъ, и въ томъ числѣ отдаленные поволжскіе города ему покорились, что изъ Астрахани ведутъ воеводъ и уже они на дорогѣ въ Воронежѣ, а князья Ногайскіе изъявляютъ готовность помогать ему; но онъ не принялъ ихъ помощи и велѣлъ имъ кочевать близъ Царева города, а не идти въ Русь, потому что онъ не хочетъ кровопролитія и междоусобія. Чтобъ раздражить народъ противъ Годуновыхъ, Димитрій припоминалъ ихъ несправедливости и жестокости:

«Наши измѣнники, Марья Борисова жена Годунова и сынъ ея Ѳедоръ, не жалѣютъ о нашей землѣ, и жалѣть имъ нечего, потому что они чужимъ владѣли; оттого они раззорили отчину нашу Сѣверскую землю и православныхъ христіанъ побили безъ вины: мы, однако, не ставимъ и этого въ вину нашимъ боярамъ и служилымъ людямъ, потому что они такъ поступали по невѣдѣнію и боясь отъ измѣнниковъ смертной казни. Припомните, какое утѣсненіе отъ измѣнника нашего Бориса Годунова было вамъ, боярамъ и воеводамъ и всѣмъ родовитымъ людямъ, какое поношеніе, какое безчестье,—и отъ инороднаго терпѣть было того невозможно! А вамъ, дворяне и дѣти боярскіе, какія были раззоренія, ссылки и нетерпимыя муки, какихъ и плѣннымъ дѣлать негодно! А вамъ, гостямъ и торговымъ людямъ, не было вольностей въ торговлѣ вашей и въ пошлинахъ: треть имущества вашего отбиралась, а иногда чуть не все... и тѣмъ еще вы не могли укротить злокозненнаго нрава его! А вы еще до сихъ поръ не опомнитесь и не хотите знать насъ, своего прироженаго государя, и праведнаго суда божія не помните, и хотите проливать кровь неповинныхъ православныхъ христіанъ. Этого вамъ дѣлать не годится; вотъ, даже иноземцы скорбятъ и соболѣзнуютъ о вашемъ раззореніи, и узнавши насъ, христіанскаго, кроткаго, милосердаго государя, служатъ намъ

и не щадятъ крови своей за насъ. Мы христіанскій государь, жалѣя васъ, пишемъ вамъ, чтобъ вы, памятуя свое крестное цѣлованье царю Ивану Васильевичу и дѣтямъ его, добили намъ челомъ и прислали бы къ нашему царскому величеству митрополита и архіепископовъ, и бояръ, и окольничихъ, дворянъ большихъ, и дьяковъ думныхъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и лучшихъ людей; а мы васъ пожалуемъ: боярамъ учинимъ честь и повышеніе и пожалуемъ прежними ихъ отчинами, да еще сдѣлаемъ прибавку и будемъ держать въ чести; дворянъ и приказныхъ людей станемъ держать въ нашей царской милости; гостямъ и торговымъ людямъ дадимъ льготы и облегченіе въ пошлинахъ и податяхъ; и все православное христіанство учинимъ въ покоѣ, тишинѣ и благоденственномъ житіи. А не добьете челомъ нашему царскому величеству и не пошлете просить милости, то дадите отвѣтъ въ день праведнаго суда, и не избыть вамъ отъ Божія суда и отъ нашей царской руки *)».

По прочтеніи этой грамоты поднялось смятеніе и споры, такъ что ничего нельзя было со стороны разобрать. Бояре, возвышая голосъ, старались успокоить толпу. Ихъ гóлоса не слушали. Одни кричали: «буди здравъ, царь Димитрій Ивановичъ!» Другіе упорно стояли за Годуновыхъ, еще не довѣряли: точно ли тотъ Димитрій, кто идетъ къ нимъ подъ этимъ именемъ. Наконецъ изъ толпы закричали голоса: «Шуйскаго! Шуйскаго! Онъ разыскивалъ, когда царевича не стало; пусть скажетъ теперь по правдѣ, точно ли царевича похоронили въ Угличѣ!» Шуйскаго взвели на Лобное мѣсто; громада замолчала и съ напряженнымъ вниманіемъ ждала, чѣмъ разрѣшитъ ея недоумѣніе этотъ бояринъ. Шуйскій, давній врагъ Годуновыхъ, сказалъ:

*) А. Э. I, 91.

«Борисъ послалъ убить Димитрія царевича, но царевича спасли, а вмѣсто его погребенъ поповъ сынъ *).» Послѣ русскіе толковали правдоподобно, что Шуйскій разсчиталъ, что его увѣренія въ пользу Годунова не удержатъ народа, и оттого сказалъ народу такое слово; все равно, народъ въ неистовствѣ сведетъ Годуновыхъ, пошлетъ за матерью: она признаетъ претендента сыномъ, и ей конечно повѣрятъ болѣе, чѣмъ ему. Можетъ быть, при томъ, Шуйскій и для своихъ видовъ воспользовался случаемъ погубить Годуновыхъ, чтобы потомъ проложить себѣ дорогу къ престолу. Сказаннаго Шуйскимъ было довольно. «Теперь—кричала громада—нечего долго думать: все узнали; значитъ, настоящій Димитрій живъ и теперь въ Тулѣ! Принесемъ ему повинную, чтобъ онъ простилъ насъ, по нашему невѣдѣнію».

— «Долой Годуновыхъ! — заревѣла неистово народная громада, — долой ихъ, б . . . ъ дѣтей! Всѣхъ ихъ друзей и сторонниковъ искоренить! Бейте, рубите ихъ! Не станемъ жалѣть ихъ, когда Борисъ не жалѣлъ законнаго наслѣдника и хотѣлъ его извести въ дѣтскихъ лѣтахъ. Господь намъ теперь свѣтъ показалъ; мы доселева во тьмѣ сидѣли. Засвѣтила намъ теперь звѣзда ясная утренняя — нашъ Димитрій Ивановичъ. Буди здравъ, Димитрій Ивановичъ!»

Говорятъ, что нѣкоторые совѣтовали Өедору выйти на площадь и обличить неправду писемъ Димитрія; но онъ не рѣшился **). Толпа хлынула безъ удержу въ Кремль во дворецъ. Уже некому было защищать семью Бориса. Караулъ держали стрѣльцы; они увидали, что не совладать имъ съ народомъ, и отступились. Өедоръ бросился въ тронную (вѣроятно, въ Грановитую палату) и сѣлъ на пре-

*) Petreji. 173.—Tragoed. Mosc. II.—The Russ. Impost 71.
**) Smith, 39.

столѣ. Онъ думалъ, что толпа не посмѣетъ наложить на него рукъ, какъ увидитъ его въ царственномъ величіи. Мать и дочь стояли съ образами въ рукахъ, словно со щитами противъ народной ярости *). Но для народа Ѳедоръ Борисовичъ былъ уже измѣнникъ Ѳедька, а не царь. Его стащили съ престола. Мать-царица, потерявши все царское величіе, начала метаться передъ народомъ, сорвала дорогое жемчужное ожерелье съ шеи, бросила въ толпу **), плакала, униженно просила не предавать смерти дѣтей ея. Народъ и не хотѣлъ убивать ихъ. Вдову-царицу, молодаго Ѳедора и Ксенію перевезли на водовозныхъ клячахъ въ прежній Борисовъ домъ, гдѣ жилъ Борисъ, когда еще не былъ царемъ. Къ дому приставили стражу. Весь царскій дворецъ опустошили, все въ немъ ломали, грабили; говорили, что Борисъ осквернилъ его. Другія толпы напали на домы свойственниковъ и клевретовъ покойнаго тирана. Досталось всѣмъ носящимъ прозвище Годуновыхъ; постигла одинакая участь Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ: дворы опустошили, ихъ имущество разнесли, ихъ домы разломали, челядь разогнали, иныхъ въ добавокъ поколотили, и, наконецъ, заковали и отдали за-приставы. Тогда раздражило громаду сильно то, что въ дворцѣ отыскали двоихъ послацовъ отъ Димитрія: они были изсѣчены, испечены: никто не зналъ прежде, что ихъ мучили тайно. «Вотъ — кричалъ народъ — и всѣмъ тоже было бы! вотъ что дѣлаютъ Годуновы! вотъ какое ихъ царство ***)!» Былъ тогда съ народомъ Богданъ Бѣльскій: его только что освободилъ изъ ссылки Ѳедоръ Борисовичъ. Этотъ бояринъ получилъ тогда въ народѣ большую честь и силу, первое за то, что его Борисъ гналъ, а второе за то, что былъ пѣстуномъ Ди-

*) Lub. 32.
**) Smith, 37.—Milton. 56.
***) Smith, 36.

митрія по назначенію царя Ивана Васильевича. Народъ кричалъ, чтобъ онъ управлялъ царскимъ дворцомъ и Кремлемъ, пока прибудетъ царь. Между тѣмъ, покончивши съ Годуновыми, толпа хотѣла разгромить царскіе погреба и на радостяхъ накатиться. Богданъ Бѣльскій остановилъ ихъ и говорилъ: «такъ дѣлать не годится, — теперь мы все разопьемъ, а пріѣдетъ царь Димитрій Ивановичъ, тогда къ столу ничего не будетъ; чѣмъ же царя угощать будемъ? А вы ступайте въ погреба нѣмецкихъ докторовъ, Борисовыхъ любимыхъ иноземцевъ: они богаты и нажились при Борисѣ, были у него совѣтниками и наушниками на зло православному народу. Выпейте ихъ напитки и все добро ихъ себѣ возьмите». Народъ бросился на домы нѣмецкихъ докторовъ; у нихъ въ погребахъ стояли бочки многолѣтнихъ медовъ и винъ: все въ минуту было выпито. Разнесли ихъ имущества; бѣдные нѣмцы такъ много лѣтъ разживались въ чужой сторонѣ, — теперь въ мигъ лишились всего и стали нищими. Бѣльскій не любилъ нѣмцевъ, мстилъ докторамъ особенно за то, что одинъ докторъ, котораго уже тогда не было въ живыхъ, по приказанію Бориса когда-то выщипалъ ему бороду. Дали тогда трепку всѣмъ, кого только могли обвинить въ прежней приверженности къ Годуновымъ. Толпы бросались на ихъ домы, взламывали замки, забирали платье, деньги, утварь, выводили лошадей и скотъ, а когда доходило до погребовъ — тутъ было раздолье: поставятъ бочку дномъ вверхъ, разобьютъ дно и черпаютъ сапогами, котами, шапками и пьютъ, пока безъ чувствъ не попадаютъ; и такъ въ этотъ день до ста человѣкъ лишились жизни *).

Душъ не губили, за то сильно грабили безъ всякой пощады, снимали съ осужденныхъ народною ненавистью да-

---

*) Smith, 36. — Хроногр. Арх. Ком.

же рубахи, и многіе видѣли тогда—говоритъ очевидецъ—людей, адамовыхъ способомъ прикрывавшихъ свою наготу листьями. Чернь, долго и много терпѣвшая, долго униженная, радовалась этому дню, чтобъ потѣшиться надъ знатными и богатыми, отплатить имъ за прежнее униженіе. Потерпѣли тогда и такіе, что вовсе не были сторонниками Годуновыхъ, за то единственно, что были богаты; и всеобщій грабежъ и пьянство продолжались до ночи, когда все заснуло мертвецки [1]).

Гаврила Пушкинъ и Плещеевъ, смотрѣвшіе надъ этимъ надо всѣмъ, отправили съ извѣстіемъ къ Димитрію въ Тулу сеунча. Поѣхали къ Димитрію выборные отъ Москвы князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій и Андрей Андреевичъ Телятевскій; они повезли ото всей Москвы повинную грамоту [2]), гдѣ москвичи просили прощенія, приглашали новаго царя на престолъ, признавали себя вѣрными подданными его и извѣщали, что Годуновыхъ дѣтей болѣе нѣтъ на престолѣ: и они, и всѣ ихъ свойственники и друзья отданы за-приставы и дожидаются воли царской надъ собою. Грамота была написана отъ лица патріарха Іова, митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и всего освященнаго собора, бояръ, окольничьихъ, дворянъ, стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ, приказныхъ людей, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей и торговыхъ всякихъ людей всего Россійскаго государства [3]). Невозможно теперь рѣшить, до какой степени въ самомъ дѣлѣ участвовали всѣ сословія, поименованныя въ призваніи новаго царя, и равнымъ образомъ патріархъ Іовъ [4]).

---

[1]) Smith, 37.—Is. Mass.

[2]) Лѣт. о мят. 91.—Ник. лѣт. 68.

[3]) Собр. гос. грам. II, 200.

[4]) Тѣ, которыхъ званіе становило наравнѣ со многими другими одинаковаго званія, могли противъ собственной воли попасться въ

Патріархъ оставался на своемъ престолѣ нѣсколько дней по сверженіи Годуновыхъ; если бы онъ не хотѣлъ признавать Димитрія царемъ, то самъ бы удалился по сверженіи царя. Но этого не было. Онъ священнодѣйствовалъ и не оставилъ своего сана; не видно также, чтобъ онъ заявилъ тогда что нибудь противъ Димитрія. Это обстоятельство невольно заставляетъ подозрѣвать, не поклонился ли новому царю, наравнѣ съ другими, этотъ архипастырь, всегда уважавшій силу и успѣхъ, думая: авось ли не удастся подъ сѣнію его оставаться въ покойномъ и благоденственномъ житіи, какъ и при Борисѣ.

Находясь въ Тулѣ, Димитрій занимался государственными дѣлами какъ русскій царь; приказалъ разсылать грамоты во всѣ города и земли Россійской земли о своемъ пришествіи, послалъ форму присяги и сносился съ иноземными державами. Онъ узналъ, что изъ Москвы уѣхалъ англійскій посолъ Смитъ съ письмами Бориса. Онъ приказалъ догнать и отправить его съ письмами отъ своего имени, гдѣ извѣщалъ, что теперь въ Московскомъ государствѣ новый царь, и желаетъ пребывать съ Англіей въ дружелюбныхъ отношеніяхъ, и какъ только вступитъ въ свою прародительскую столицу, тотчасъ пошлетъ въ Лондонъ пословъ, а англійской компаніи дастъ такія выгоды и привилегіи, какими она не пользовалась еще до сихъ поръ *). Онъ просилъ агента остаться въ Москвѣ до его пріѣзда **). Среди этихъ занятій пріѣхали присланные въ званіи выборныхъ отъ Москвы съ повинною. За ними прибыли добровольно

число, безъ означенія своего имени, и считаться признавшими новый порядокъ, потому что сословіе ихъ въ большинствѣ членовъ признало его; но трудно, кажется, чтобъ написали имя патріарха, лица единственнаго во всей Россіи, если онъ этого не желалъ.

*) Карамз. примѣч. 353.

**) Smith, 42.

нѣкоторые бояре — ударить челомъ новому государю. Въ числѣ бояръ были всѣ три брата Шуйскіе, Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, главные представители тогдашняго боярства.

Въ то же самое время, когда бояре кланялись и приносили повинную Димитрію, явилась къ нему толпа донскихъ казаковъ: ее велъ атаманъ Смага Чертенскій съ товарищами. Димитрій любилъ донскихъ казаковъ; недавно его поразила вѣрность и храбрость Корелы въ Кромахъ. Онъ принялъ ихъ съ явными знаками предпочтенія боярамъ и допустилъ ихъ къ рукѣ прежде, чѣмъ бояръ. Такимъ образомъ, онъ задѣвалъ родовую гордость и высокомѣріе послѣднихъ. Если съ одной стороны отъ этой смѣлости и могла зашевелиться въ сердцахъ бояръ гордость, то съ другой это убѣждало многихъ въ томъ, что новый царь есть истинный Димитрій; плутъ и обманщикъ не рѣшился бы такъ поступать; до этой смѣлости могъ дойти только тотъ, кто сильно увѣренъ въ своихъ правахъ и до того надѣется на свою правду, что ему нѣтъ нужды искать расположенія сильныхъ: онъ считаетъ себя сильнѣе всѣхъ по праву и надѣется, что это право охраняетъ Всемогущій Богъ. Димитрій обошелся на первый разъ съ боярами сурово и укорялъ, что они такъ поздно признали законнаго наслѣдника престола, когда казаки и простой народъ предупредили ихъ въ этомъ и заранѣе отторглись отъ крамольниковъ.

Люди московской знати ѣхали изъ столицы одни за другими, били челомъ царю и произносили присягу въ соборной церкви. Къ присягѣ приводилъ ихъ рязанскій архіепископъ Игнатій. Родомъ онъ былъ грекъ; былъ онъ въ отечествѣ архіепископомъ на островѣ Кипрѣ, пріѣхалъ въ Россію при Ѳедорѣ; Борисъ покровительствовалъ изгнанныхъ восточныхъ духовныхъ; онъ взялъ подъ свою опеку Игнатія, и вскорѣ Игнатій назначенъ въ Рязань архіепископомъ.

Теперь, когда, по выходѣ Димитрія изъ Орла, ему присягнула вся Рязанская земля, этотъ архипастырь первый изъ своихъ собратій архіереевъ явился къ новому царю, чтобъ заслужить его вниманіе и расположеніе; Димитрій полюбилъ его. Іова нельзя было держать на патріаршествѣ, хотя бы онъ, уступая обстоятельствамъ, и покорился; нельзя было довѣряться старому Борисову приверженцу и пособнику, который зналъ о злодѣяніяхъ Бориса, покрывалъ убійство Димитрія, и недавно еще увѣрялъ православный народъ, что идущій на него не настоящій Димитрій, а самозванецъ. Димитрій рѣшилъ замѣнить его Игнатіемъ; этотъ архипастырь во многомъ сходился съ царемъ: былъ онъ нрава веселаго, любитель прекраснаго пола, снисходителенъ къ себѣ и другимъ, не суровый, не понурый аскетъ, и притомъ раздѣлялъ съ Димитріемъ его вѣротерпимость и расположеніе къ Западу.

Димитрія безпокоило, что Годуновы находились въ Москвѣ. Ѳедоръ былъ уже нареченъ царемъ, Ѳедору дана была присяга; нельзя было поручиться, что нѣтъ болѣе сторонниковъ Годуновыхъ, или способныхъ назваться ихъ сторонниками для своихъ видовъ; при всякомъ неудовольствіи на новаго царя могло явиться покушеніе поднять ихъ знамя. Прежде чѣмъ Димитрій рѣшился идти въ Москву, онъ послалъ впередъ князя Василья Васильевича Голицына, князя Василья Рубца-Мосальскаго бывшаго воеводою въ Путивлѣ, дьяка Сутупова; онъ приказалъ устранить его опасныхъ враговъ. Патріарха Іова слѣдовало свести, свойственниковъ Годуновыхъ развести по городамъ въ ссылку, а царственныхъ особъ—вдову Бориса и сына—убить. Такъ разсказываютъ современники *). Нѣкоторые говорятъ прямо, что Димитрій положительно приказалъ убить мать и

---

*) Лѣт. о мятеж. 92.—Врем. XVI, 29.—Petr. 173.—Buss. 34.

сына. Но вѣроятнѣе въ этомъ случаѣ извѣстіе хроники Буссова, по которой Димитрій далъ свое приказаніе въ неопредѣленныхъ словахъ: «я не могу пріѣхать въ столицу прежде, чѣмъ мои враги не будутъ оттуда удалены. Вы уже большую часть ихъ выпроводили — нужно, чтобъ Ѳеодора и матери его тоже не было; тогда я пріѣду и буду вашимъ милосерднымъ государемъ [1].»

Неясныхъ выраженій было достаточно. Пріѣхали посланные въ Москву и прежде всего объявили патріарху, что онъ лишается своего сана. Московское государство давно уже привыкло видѣть, какъ свѣтская власть самовольно распоряжалась саномъ первопрестольника русской церкви. Патріархъ пошелъ въ церковь, облачился въ архіерейскія одежды въ присутствіи толпы народа, снялъ съ себя панагію, положилъ предъ образомъ Богородицы Владимірской и сказалъ: «о всемилостивѣйшая пречистая Богородица! Эта панагія и святительскій санъ взложены на меня недостойнаго въ твоемъ храмѣ, у честнаго твоего чудотворнаго образа. Я исправлялъ слово Сына твоего Христа Бога нашего 19 лѣтъ; православная христіанская вѣра нерушима была, а нынѣ грѣхъ ради нашихъ видимъ, что на православную вѣру находитъ вѣра еретича... Мы, грѣшные, молимъ, умоли, Пречистая, Сына твоего Христа Бога, утверди сію православную христіанскую вѣру непоколебимо!» Онъ положилъ панагію у образа; его разоблачили, одѣли въ черное платье. Уже стояла у церкви телѣжка. На эту телѣжку посадили и повезли патріарха какъ простаго монаха въ Старицкій Богородицкій монастырь, по его обѣщанію [2]. Былъ благовидный предлогъ съ нимъ такъ поступить: еще въ послѣдніе дни царствованія Бориса, Іовъ написалъ прощальную грамоту, гдѣ со смиреніемъ,

1) Buss. 34.—Ник. лѣт. 64.
2) Ник. 9.

будто бы обремененный недугами, отрекался отъ власти и блеска патріаршескаго сана и изъявлялъ желаніе пребывать въ уединеніи и смиреніи [1]).

Почти всѣхъ свойственниковъ — Годуповыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ, развезли изъ Москвы въ Понизовые и Сибирскіе города въ заточеніе: ихъ везли по Москвѣ на тележкахъ со всенароднымъ униженіемъ; они были въ однѣхъ рубашкахъ, всѣ закованы, не дали имъ даже полстей, хотѣли, чтобъ всѣ видѣли ихъ нищету и паденіе въ противоположность прежнему величію и богатствамъ [2]) Было такимъ образомъ отправлено тогда въ разныя стороны семьдесятъ четыре семейства [3]). Все это были люди, служившіе тиранству Бориса, и потому ненавистные народу. Вмѣсто ихъ должно было воротить гораздо болѣе томившихся въ тюрьмахъ и пустыняхъ по ихъ доносамъ. Хуже всѣхъ досталось Семену Годунову; его отправили въ Переяславль и посадили въ подземную тюрьму, откуда вывели одного невиннаго страдальца, который протомился тамъ болѣе шести лѣтъ. Годуновъ умеръ голодною смертію: ему подали камень, когда онъ просилъ ѣсть [4]).

Наконецъ, раздѣлавшись съ клевретеми Бориса, 10 іюня Василій Голицынъ и Рубецъ-Мосальскій поручили дворянину Михайлѣ Молчанову и Шефединову раздѣлаться съ семействомъ Бориса, которое сидѣло подъ стражею въ собственномъ домѣ. Молчановъ и Шефединовъ взяли съ собою троихъ дюжихъ стрѣльцовъ и вошли въ домъ. Семья Борисова десять дней находилась въ страхѣ, не зная, что̀ съ ней станется. Мать думала и такъ, и иначе: то воображала она, что новый царь не оставитъ ихъ живыми, будетъ

[1]) Собр. гос. гр. II, I.
[2]) Хроногр. 174.
[3]) Bar. Bar. 16.—Grevenbr. 27.
[4]) Is. Mass. 75.

бояться, чтобъ именемъ Өедора Борисовича не сдѣлалось противъ него мятежа; то казалось ей, что онъ покажетъ надъ ними русскому народу свое великодушіе. Мученія неизвѣстности и сомнѣнія разрѣшились для нея въ десятый день утромъ. Вошли посланные, взяли царицу и отвели въ одну комнату, а Өедора въ другую; Ксенію оставили. Царицѣ закинули на шею веревку, затянули и удавили безъ труда. Потомъ пошли къ Өедору. Молодой Годуновъ догадался, что̀ съ нимъ будутъ дѣлать, и хоть былъ безоруженъ, но сталъ защищаться руками; онъ былъ очень силенъ отъ природы, далъ въ зубы одному, другому, такъ что тѣ повалились. Тогда одинъ изъ нихъ схватилъ Өедора за дѣтородныя части и началъ давить. Өедоръ лишился силы и отъ невыносимой боли кричалъ: «Бога ради докончите меня скорѣе!» Тогда другой товарищъ взялъ дубину и хватилъ его съ размаха по плечамъ и груди, а потомъ накинули ему на шею петлю и удавили. Сестру бывшаго царя, дѣвицу Ксенію, не убили. Отъ ужаса она лишилась чувствъ, и насилу молодая жизнь перемогла въ ней потрясеніе. Она осталась въ живыхъ, на безотрадное злополучіе...

Голицынъ съ Мосальскимъ объявили народу, что Борисова вдова и сынъ отравили себя ядомъ. Тѣла ихъ выставлены были народу на показъ. Ненавистны они были московскимъ людямъ, особенно царица: москвичи знали, что эта была злая женщина, поджигавшая своего мужа на всякія злодѣйства. Но нѣкоторые тогда же замѣтили на нихъ явные признаки удавленія *). Тѣмъ не менѣе, о смерти ихъ у современниковъ осталось двоякое мнѣніе: одни говорили, что они умерщвлены**), другіе считали Годуновыхъ самоубійцами; именно говорили, что вдова Борисова томилась

*) Petr. 175.

**) Врем. XVI, 29. — Ник. лѣт. 69.—Лѣт. о мятеж. — Petr. 179.— Buss. 39.

отъ стыда и униженія, боялась чего-то ужаснаго и не снесла пытки каждоминутнаго ожиданія: находясь въ своемъ домѣ подъ стражею, она приготовила отраву, выпила сама и дала дѣтямъ. Ксенія не успѣла еще выпить, какъ увидала, что матери и брату дурно: они упали, и Ксенія не стала пить [1]). Это распустили русскіе, передавали и иностранцамъ и даже разсказывали, будто Ѳедоръ писалъ Димитрію передъ смертью письмо. «Пусть лучше—будто-бы сказано было въ его письмѣ — погибнетъ одинъ невинный, чѣмъ много невинныхъ на войнѣ; когда не станетъ насъ, твоихъ соперниковъ, у тебя друзей будетъ больше, и ты больше будешь любимъ. Будь увѣренъ, что мы, наша дорогая мать и милая сестра, для тебя пьемъ чашу смерти; будь царемъ, съ твоимъ потомствомъ; ты имѣешь право; будь правосуденъ ко врагамъ, любимъ подданными, милосердъ къ бѣднымъ, будь всегда счастливъ». Димитрій, получивъ это письмо, разливался слезами [2]).

Дѣйствительно, передъ людьми Димитрій плакалъ о судьбѣ погибшихъ враговъ, но наградилъ и приблизилъ къ себѣ тѣхъ, которые поняли недосказанное порученіе и распространили сказку о самоубійствѣ. Самъ Димитрій повторялъ туже сказку въ письмѣ, которое послалъ къ Мнишку по своемъ прибытіи въ Москву [3]).

Дѣвицу, Ксенію Борисовну, по однимъ извѣстіямъ [4]), тотчасъ же постригли въ монастырѣ во Владимірѣ подъ именемъ инокини Ольги; по другимъ, она оставалась въ Москвѣ для временнаго удовольствія и забавы новому молодому царю; нѣкоторые говорятъ, что до пріѣзда царя содержа-

[1]) Grevenbruch. 20.—Паэрлэ, 33.
[2]) Smith, 40.
[3]) Библ. Крас. Рук. В. I, 3. List Dymitra do Mniszka od 8 Lipca.
[4]) Ник. лѣт. 70.

лась она въ Дѣвичьемъ монастырѣ [1]); а другіе—что въ домѣ Рубца-Мосальскаго [2]). Какая бы судьба ни постигла эту дѣвицу послѣ смерти матери и брата, безъ сомнѣнія она была ужасна. По описанію современниковъ, дочь Бориса была рѣдкой красоты, типъ великорусской красной-дѣвицы—бѣлолица, румяна, полнотѣла, росту средняго, съ черными глазами, съ густыми сходящимися вмѣстѣ черными бровями; длинные волосы лежали по плечамъ, свиваясь въ трубы; у нея былъ превосходный голосъ, пѣла она духовныя пѣсни и была изучена книжному писанію; но болѣе всего блистала она красотою, когда плакала; а ея слезы видалъ всякій, кто видалъ ее [3]).

Въ заключеніе, вынули изъ Архангельскаго собора гробъ Бориса: похититель недостоинъ былъ лежать между трупами царей. Его зарыли въ убогомъ монастырѣ Варсонофіевскомъ за Неглинною между Срѣтенкою и Рождественкой. Тамъ похоронили вмѣстѣ съ нимъ въ особыхъ гробахъ и его жену, и сына. Не было надъ ними торжественныхъ обрядовъ; похоронили ихъ какъ самоубійцъ, ибо народу показывали видъ, будто они сами наложили на себя руки [4]).

Тогда вдругъ распространился слухъ сначала по Москвѣ, а потомъ и по всему государству, будто Борисъ живъ, будто онъ велѣлъ похоронить вмѣсто себя металлическое изображеніе ангела, сдѣланное иноземными художниками, а самъ укрывается: вездѣ вѣрили этому и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ искали и ловили его; если этотъ слухъ не произвелъ радости, то, конечно, потому, что никто не пожелалъ бы тогда возвращенія бывшаго царя.

---

1) Bussov. 24.
2) Мороз. лѣт. Карамз. 348.
3) Хронографъ, хранящ. въ Арх. Ком.
4) Ник. и Petr. 137.—Smith, 40.

Такъ кончился послѣдній актъ драмы, которую разыгрывалъ Борисъ долгое время, съ самаго воцаренія Ѳедора Ивановича, съ цѣлію возвысить родъ свой и доставить своему потомству славу, могущество и власть надъ Московскимъ государствомъ: много совершилъ онъ коварствъ и злодѣяній, много и долго лицемѣрилъ, трудился, хитрилъ, многимъ жертвовалъ. Развязка совершилась 10 іюня 1605 года. И современная философія разразилась такимъ финаломъ на послѣдней страницѣ этой драмы: «Смотрите, друзья, какова бываетъ кончина творящихъ беззаконія! Какою мѣрою они другимъ мѣрили, такъ и имъ возмѣрилось; туже чашу, которую для другихъ наполняютъ, и самимъ приходится испивать. Онъ алкалъ суетныхъ богатствъ и высокихъ престоловъ и не страшился ни самовольнаго крестнаго цѣлованія, ни клятвопреступленія! И вотъ плоды дѣлъ его! Гдѣ теперь слова высокоумія его? гдѣ супруга и любимыя дѣти? гдѣ его златоверхіе чертоги? гдѣ пышныя трапезы и упитанные тельцы? Гдѣ предстоящіе предъ нимъ рабы и рабыни? Гдѣ многоцѣнныя одежды и обувь? Гдѣ царская утварь? Кто могъ жену и дѣтей его изъять изъ рукъ палача, когда онѣ обращали очи свои туда и сюда, и нигдѣ не находили себѣ защитника, чувствовали свою послѣднюю нищету, и погибли лютою смертію — удавленіемъ... *).»

---

*) Врем. XVI 29.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Прибытіе Димитрія въ Москву.—Встрѣча за городомъ и торжественный въѣздъ.—Димитрій въ Кремлѣ и народные о немъ толки.

Давъ приказаніе, чтобъ въ Москвѣ не было у него враговъ, Димитрій выѣхалъ изъ Тулы и прибылъ въ Серпуховъ. Онъ ѣхалъ медленно, отовсюду стекался къ нему народъ всякаго званія и состоянія; онъ останавливался, говорилъ съ народомъ, расправшивалъ подробно о его житьѣ-бытьѣ, обѣщалъ льготы. Онъ понималъ, что въ Московскомъ государствѣ новый царь долженъ показаться милостивымъ и дать народу надежду, что при новомъ государѣ будетъ лучше, чѣмъ при прежнемъ было. Въ Серпуховѣ, онъ снова остановился на короткое время. Привезли изъ Москвы огромный шатеръ: въ немъ можно было помѣстить нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ Московскомъ государствѣ тогда всѣ щеголяли шатрами, и, какъ наступаетъ лѣто, богатый человѣкъ выѣзжаетъ въ поле, разбиваетъ нарядный шатеръ: тамъ онъ веселится и пируетъ съ друзьями. Шатеръ, привезенный Димитрію, раздѣлялся на нѣсколько отдѣленій въ видѣ комнатъ; одна изъ нихъ, просторнѣе другихъ, была столовою; внутренность шатра обита была золототканными матеріями. Снаружи этотъ шатеръ былъ разукрашенъ пестро, въ него входили четырьмя входами въ видѣ воротъ; на верху его были возвы-

шенія въ видѣ башенъ. Разомъ съ шатромъ пріѣхала изъ Москвы царская кухня съ огромнымъ запасомъ живности, пряностей, винъ, меда; привезли столовую драгоцѣнную посуду, ѣхала многочисленная прислуга, везли царскія дорогія кареты, пригнали изъ царской конюшни до 200 лошадей. На лугу, не далеко отъ берега Оки, устроенъ былъ шатеръ. Въ немъ молодой царь давалъ парвый пиръ. День тогда былъ ясенъ и тихъ. Въ столовой шетра угощалъ Димитрій бояръ, окольничихъ, думныхъ дьяковъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы. Тутъ же были и поляки, провожавшіе Московскаго государя на свое наслѣдіе. Пріѣхавшіе били царю челомъ, желали здравія и приносили по обычаю подарки: собольи мѣха, серебряныя и золотыя вещи. Царь также ихъ отдаривалъ. Здѣсь узналъ онъ, что Өедора и Маріи нѣтъ на свѣтѣ, а ихъ родные и пріятели вывезены изъ столицы. Внутренно онъ былъ доволенъ, что Годуновыхъ извели, и приблизилъ къ себѣ убійцъ, а наружно сожалѣлъ о погибели Годуновыхъ и показывалъ видъ, что готовъ помиловать лютѣйшихъ враговъ своихъ.

Отпировавъ на славу, Димитрій двинулся изъ Серпухова къ Москвѣ торжественнымъ поѣздомъ, въ великолѣпной каретѣ, въ сопровожденіи множества знатныхъ особъ *). Онъ прибылъ въ село Коломенское и тамъ еще разъ остановился.

Опять раскинули шатеръ на пространномъ лугу, окаймляющемъ Москву-рѣку. Продолжала стоять прекрасная погода. Народъ всѣхъ сословій и состояній изъ Москвы повалилъ туда. Шли попы, монахи, гости, посадскіе люди поклониться царю своему; съ москвичами, толпою приходили и крестьяне изъ селъ. Это была, по старинному рус-

*) Borsza.—Petricii, 84.

скому обычаю, почетная встрѣча государю; она всегда отправлялась на нѣкоторомъ разстояніи отъ столицы. Такъ дѣлалось въ былыя времема выборныхъ князей: всегда, бывало, князя встрѣчаютъ жители за городомъ. Всѣхъ допускалъ къ себѣ Димитрій, со всѣми обходился равно любезно, равно царски-милостиво. Царю подносили подарки, кто одежды, кто мѣха, кто золото, серебро, жемчугъ, дорогіе камни, а иные хлѣбъ-соль Димитрій принималъ хлѣбъ-соль отъ бѣдняковъ съ особеннымъ чувствомъ и расположеніемъ. Онъ говорилъ: «я не царемъ, не великимъ княземъ у васъ буду — я хочу быть отцомъ у васъ; все прошлое забыто; что вы служили измѣнникамъ Борису и его дѣтямъ, я того во вѣки не помяну; буду любить васъ; — только и буду жить, что для пользы и счастья моихъ любезныхъ подданныхъ» *).

Тутъ онъ разсказывалъ свои похожденія: вездѣ по дорогѣ онъ такъ поступалъ; это очень нравилось народу: ему вѣрили; его разсказы казались правдоподобными, а кто зналъ что нибудь такое, что не сходилось съ разсказами царя, долженъ былъ на тотъ разъ прикусить языкъ.

Бояре кланялись ему и говорили: «иди, великій государь, на свой прародительскій престолъ въ царствующій градъ. Великій государь, спасенный Богомъ! пріими свое наслѣдіе, радуйся и веселись вмѣстѣ съ вѣрнымъ твоимъ народомъ; враги твои исчезли яко прахъ. Нѣтъ болѣе мыслящихъ тебѣ злое — всѣ готовы служить и прямить тебѣ, своему истинному государю **)».

Тутъ пришли къ нему нѣмцы, служившіе у Бориса. «Не прогнѣвайся, великій государь — говорили ихъ офицеры — мы стояли противъ тебя на войнѣ; насъ обязывалъ долгъ присяги Борису: онъ былъ тогда царемъ; теперь, когда

*) Petr. 176.
**) Petr., 176.

вся земля русская тебя признала государемъ, мы также вѣрно готовы служить тебѣ!» Опи говорили искренно, думали такъ, какъ прилично думать иноземцамъ наемникамъ; для нихъ не было сердечныхъ побужденій къ странѣ, куда ихъ забросила судьба; для нихъ все нравственное достоинство состояло въ точномъ выполненіи денежныхъ условій. Димитрій понялъ это, обошелся съ ними не только безъ сухости и безъ досады, но еще съ любезностью, и улыбаясь сказалъ: «вы служили вѣрно Борису, сражались противъ меня храбро; когда войско перешло на мою сторону подъ Кромами, вы не пошли за нимъ, а воротились къ Борису. Вы не знали нашихъ дѣлъ. Если вы, вступивши теперь ко мнѣ на службу, будете такъ же вѣрны и мнѣ, какъ были вѣрны Борису, я буду вамъ довѣрять и любить васъ. Кто держалъ знамя на Добрынской битвѣ?»

Тотъ, кого нужно было, выступилъ изъ толпы. Димитрій положилъ ему руку на голову и сказалъ: «мнѣ памятно твое знамя! Вы, нѣмцы, чуть меня не схватили, и насилу мой конь унесъ меня. Онъ былъ тогда страшно раненъ, мой бѣдный конь! онъ здѣсь со мною, и до сихъ поръ еще не выздоровѣлъ. Онъ унесъ меня тогда и спасъ. Еслибъ вы, нѣмцы, тогда меня взяли, вы бы убили меня?»

Нѣмецъ почтительно поклонился и сказалъ: «Благодареніе Богу, что ваше величество ушли тогда отъ бѣды. Да сохранитъ Богъ ваше величество отъ всякихъ опасностей *)!»

Всѣ казались довольны и веселы, и русскіе и нерусскіе, и знатные и простые. Но всеобщее торжество уже начало отравляться предзнаменованіями. Когда небо было совершенно безоблачно, надъ грудами московскихъ церквей и домовъ замѣчали какую-то мглу. Не всѣ это видѣли, но

*) Buss. 36.

были такіе, что увидали и чувствовали то, что для другихъ глазъ было недоступнымъ *).

Гонцы бѣгали взадъ и впередъ; въ городѣ происходили приготовленія къ торжественному въѣзду новаго государя.

20 іюня утромъ, Димитрію подвели коня самаго лучшаго, какой былъ въ царской конюшнѣ, и убрали его сбруею самою драгоцѣнною, какую Богданъ Бѣльскій могъ отыскать въ царской оружейной палатѣ. Димитрія окружили бояре, окольничьи и думные люди. Одинъ другаго старался перещеголять, и одеждами, и конями, и конскою сбруею.

Начался въѣздъ. Съ Серпуховской дороги онъ вступалъ въ городъ по Зарѣчью. Прежде всего народъ увидѣлъ польскія роты; ихъ оружіе и латы были вычищены съ особеннымъ стараніемъ и блистали противъ солнца. Онѣ держали свои копья остріями вверхъ; между ними ѣхали трубачи и барабанщики и играли на своихъ инструментахъ. За ними слѣдовали стрѣльцы по два въ рядъ пѣшкомъ, чинно и важно, потомъ везли царскія кареты; яркія краски блистали на покровахъ, закрывавшихъ ихъ входы; въ каждой каретѣ запряжено было по шести отличныхъ лошадей. За каретами ѣхали верхомъ дворяне, дѣти боярскіе, въ своихъ праздничныхъ кафтанахъ; ихъ воротники, вышитые золотомъ и усаженные жемчужинами, сверкали противъ солнца подвижною искристою линіею. Позади ихъ гремѣли накры и бубны, московская военная музыка. Потомъ слѣдовалъ также верхомъ длинный рядъ русскихъ служилыхъ; за ними несли церковныя хоругви, а потомъ шло духовенство въ сверкающихъ золотомъ ризахъ; каждый держалъ образъ или евангеліе; въ концѣ духовнаго ряда несли четыре образа: Спасителя, Божіей Матери и св. московскихъ чудотворцевъ, богато изукрашенные золотомъ и жемчу-

*) Ник. 70.

гомъ. За этими образами ѣхалъ новый первопрестольникъ русской церкви, вмѣсто сверженнаго Іова, еще не посвященный въ этотъ санъ, но уже назначенный царемъ. Передъ нимъ несли посохъ. Вслѣдъ за нареченнымъ патріархомъ народъ увидѣлъ давно жданнаго царя, чудесно спасеннаго Провидѣніемъ. Онъ былъ въ золотномъ платьѣ; одинъ воротникъ или ожерелье цѣнился, какъ говорятъ современники, до 15,000 злотыхъ. Онъ былъ окруженъ боярами и окольничими, какъ большое дерево малыми отпрысками, по выраженію народныхъ пѣсенъ о царѣ. За царемъ слѣдовала пестрая толпа казаковъ, волжскихъ, яицкихъ, донскихъ и запорожскихъ, пришедшихъ на дорогѣ служить новому царю *). За ними ѣхали поляки, татары; наконецъ, безчисленное множество народа бѣжало съ радостными лицами. На улицахъ, по окнамъ и по крышамъ домовъ, даже по вершинамъ церквей, пестрѣли толпы посадскихъ и пришедшихъ изъ волостей крестьянъ; приходили не только изъ сосѣднихъ,но и изъ далекихъ посадовъ и уѣздовъ на великій неслыханный праздникъ русскій: они встрѣчали своего царя законнаго, погибшаго и обрѣтеннаго; имъ тогда казалось, что, послѣ долгихъ лѣтъ обмана, невзгодъ и насилія, наступили ясные дни надеждъ и благополучія... Шумныя восклицанія раздавались, какъ только Димитрій въ своемъ поѣздѣ равнялся съ тою или другою громадою народа. «Вотъ онъ! — кричали русскіе, — нашъ батюшка кормилецъ! Богъ его чудесно спасъ и привелъ къ намъ! Сколько бѣдъ и напастей онъ перетерпѣлъ, голубчикъ! ахъ ты, праведное солнышко наше! взошло ты, ясное, надъ землею русскою, царь нашъ государь Димитрій Ивановичъ! Богъ тебя сохранилъ доселѣ, сохрани тебя Госпо-

*) Хроногр. Пог. № 1451.—Разск. іез. Савиц. въ Esame critico.—Borsza.

ди и напредки!» Такъ кричалъ русскій народъ, а Димитрій, обращаясь на обѣ стороны, восклицалъ: «Боже, сохрани мой вѣрный народъ въ добромъ здоровьѣ! молитесь Богу за меня, мое прироженье, мой народъ любезный, вѣрный!»

Поѣздъ наконецъ дошелъ до Москвы-рѣки и поѣхалъ по мосту, который былъ устроенъ изъ досокъ, положенныхъ на бочкахъ, плотно связанныхъ между собою. Когда передніе проѣхали, и царь вступилъ на мостъ, вдругъ поднялся вихрь, вздулась пыль столбомъ и всѣ принуждены были закрывать глаза и придерживать на головахъ шапки. «Господи Боже,—восклицали многіе—что̀ это! ужъ не бѣду ли какую нибудь пророчитъ! Господи помилуй, Господи помилуй!»

Димитрій проѣхалъ въ ворота, стоявшіе при концѣ моста, называвшіеся водяными. Поѣздъ очутился въ Китайгородѣ. Передъ глазами былъ Кремль. Димитрій снялъ шапку, перекрестился и громко воскликнулъ: «Господи Боже! благодарю тебя: ты сохранилъ мнѣ жизнь и сподобилъ увидѣть градъ отцовъ моихъ и мой народъ возлюбленный». По щекамъ его текли слезы. Весь народъ съ нимъ плакалъ. Оглушительно развивался колокольный звонъ. Димитрій подъѣхалъ къ лобному мѣсту. Многочисленное собраніе духовенства изо всѣхъ церквей московскихъ ожидало царя съ образами и хоругвями. Церковное пѣніе оглашало воздухъ; но въ то самое время польскіе музыканты заиграли на трубахъ, заколотили литавры и заглушили церковное пѣніе. Это явленіе показалось народу неладнымъ. Русскія уши не привыкли, чтобъ мірскіе звуки забавы прерывали пѣніе духовенства и молитву.

Димитрій сошелъ съ коня, приложился къ крестамъ и образамъ. Тутъ замѣтилъ кое-кто, особенно монахи, что онъ дѣлалъ это не совсѣмъ такъ, какъ долженъ былъ дѣлать природный московскій человѣкъ; для благочестивыхъ

москвичей въ наклоненіи головы, въ колебаніи руки, творящей крестное знаменіе, въ изгибахъ тѣла при земныхъ поклонахъ, были черты, по которымъ узнавали истаго-православнаго: иноземцу черезчуръ трудно было эти черты усвоить *). Но народное сердце на этотъ разъ извинило своего новообрѣтеннаго царя. «Онъ былъ въ чужой землѣ— говорили русскіе — его сохранили и привели къ намъ иноземцы, а иноземцы не знаютъ нашего русскаго обычая».

Димитрій въѣхалъ въ Кремль, сошелъ съ коня близъ Успенскаго собора, вошелъ въ храмъ, принялъ благословеніе отъ духовенства, приложился къ иконѣ Божіей Матери и другимъ иконамъ, къ мощамъ московскихъ святителей; отслужилъ молебенъ, а потомъ отправился въ Архангельскій соборъ къ гробамъ своихъ прародителей. Бояре окружали его; народъ толпился за нимъ. Онъ припалъ ко гробу Ивана Грознаго. «О мой родитель! — говорилъ онъ — я оставленъ тобою въ изгнаніи и гоненіи, но я уцѣлѣлъ отеческими твоими молитвами». Его слезы лились на гробъ Грознаго, и никто не могъ въ тѣ минуты допустить сомнѣнія, чтобъ это былъ не сынъ Ивановъ. Изъ Архангельскаго собора царь отправился въ Благовѣщенскую придворную царскую церковь. Тамъ, послѣ молебна, протоіерей Терентій произнесъ ему привѣтственное слово **).

Послѣ посѣщенія церквей, Димитрій вступилъ во дворецъ, и тутъ еще разъ принималъ поздравленія какъ бы съ новосельемъ. Во все продолженіе пути Димитрія и послѣ того цѣлый день до вечера, безъ умолку гремѣли всѣ московскіе колокола и такъ сильно, что, по выраженію іезуитовъ, ѣхавшихъ въ свитѣ новаго царя, можно было, казалось, оглохнуть ***). Особенно поражалъ своимъ гу-

*) Is. Mass. 76.
**) Напеч. въ Акт. Арх. Ком., т. II.
***) Ciampi, Esame critico.—Grevenbruch, 95.

стымъ звукомъ огромный колоколъ въ пятьдесятъ пять футъ шириною и въ пятнадцать футъ вышиною, приводившій въ изумленіе иноземцевъ. Строгимъ ревнителямъ православнаго благочестія не понравилось, что въ церковь съ Димитріемъ входили иноземцы, поляки, нѣмцы, угры. Стало инымъ казаться, что тутъ оскверненіе святыни. Но были и такіе либералы, что смотрѣли на это безъ волненія, не находили тутъ ничего дурнаго. Въ самомъ дѣлѣ это была не новость, какъ иные тогда толковали. Царь Иванъ Грозный самъ предлагалъ Антонію Поссевину посмотрѣть русское богослуженіе въ Успенскомъ соборѣ, а во время свадьбы короля Магнуса съ племянницею царя, римско-католическій священникъ, сопровождавшій короля, находился въ церкви, гдѣ происходило вѣнчаніе. Конечно, наибольшее число было такихъ, что не обратили вниманія на этотъ фактъ, очень естественный въ томъ положеніи, въ какомъ находился Димитрій. Иноземцы отнюдь не знали, что въ христіанской землѣ непозволительно входить въ храмъ христіанамъ, какими они себя сами признавали.

Послѣ всего вышелъ на Красную площадь Богданъ Бѣльскій и взошелъ на Лобное мѣсто; его окружало нѣсколько знатныхъ особъ. Безчисленное множество народа тѣснилось въ страшной давкѣ, чтобъ услышать, что́ теперь скажетъ этотъ человѣкъ, который былъ съ дѣтства такъ близокъ къ Димитрію. «Православные!—сказалъ Бѣльскій—благодарите всемогущаго Бога за спасеніе нашего солнышка, истиннаго государя царя Димитрія Ивановича. Какъ бы васъ лихіе люди ни смущали, ничему не вѣрьте. Это истинный сынъ царя Ивана Васильевича. Во увѣреніе я цѣлую передъ вами животворящій крестъ и святого Николу чудотворца». Онъ снялъ съ шеи образъ, гдѣ было распятіе, и сверхъ того изображеніе Николая чудотворца (вѣроятно складни), поцѣловалъ и продолжалъ: «святой Никола

чудотворецъ помогалъ ему до сихъ поръ во всѣхъ его бѣдахъ и къ намъ привелъ его. Берегите жъ его, любите его, почитайте и служите ему прямо безъ хитрости, ни на что не прельщаясь!» Народъ разразился восклицаніями: «Боже, сохрани нашего царя Димитрія Ивановича! Дай ему, Господи, здоровья и долгоденственнаго житія, и покори подъ ноги его всѣхъ враговъ и сопостатовъ, которые не вѣрятъ ему и не желаютъ ему добра *)»

Тогда въ народѣ объясняли спасеніе Димитрія такимъ образомъ (какъ это записалъ одинъ англичанинъ, который не могъ почерпнуть своихъ свѣдѣній ни откуда, кромѣ народной молвы или отъ тогдашнихъ москвичей): когда Богданъ Бѣльскій былъ удаленъ отъ двора при царѣ Ѳедорѣ, ему сообщали обо всемъ, что дѣлается въ Москвѣ, его друзья **); и, по этимъ извѣстіямъ, онъ, сообразивъ, что Борисъ замышляетъ истребить Димитрія, вошелъ въ сношеніе съ матерью его; мальчика подмѣнили: на его мѣсто подставили сына какого-то священника, который былъ однихъ лѣтъ съ царевичемъ и очень похожъ на него. Этотъ поповъ сынъ и воспитывался подъ именемъ царевича, и однажды, когда онъ игралъ съ дѣтьми, ему перерѣзали горло (по извѣстію англичанина, кажется смѣшавшему то, что онъ слышалъ, судя по тому, что въ лѣтописяхъ въ этомъ событіи играетъ роль ожерелье) какъ будто случайно, желая разрѣзать шейное ожерелье. Тѣло царевича въ продолженіе трехъ дней стояло всенародно; всѣ думали, что это Димитрій, а настоящій царевичъ между тѣмъ проживалъ въ неизвѣстности. Дальнѣйшія коловратности его судьбы не дошли до ушей иноземца ***). Такимъ образомъ, видно, что въ Московскомъ государствѣ изъясня-

*) Petr. 176.
**) Дьякъ Андрей Щелкаловъ и Андрей Clyskenine (Квашнинъ?).
***) Smith, 45—46.

лось спасеніе царевича гораздо сходнѣе съ извѣстными народу обстоятельствами углицкаго убійства, чѣмъ разсказывалъ въ Польшѣ объ этомъ спасеніи тотъ, кто назвался Димитріемъ.

II.

Первые дни царствованія Димитрія въ Москвѣ.—Заговоръ Шуйскаго.—Пріѣздъ матери.—Царское вѣнчаніе.

Въ первые дни послѣ своего воцаренія, Димитрій занялся дѣлами и тотчасъ показалъ склонность къ реформамъ, какъ обѣщалъ въ Путивлѣ. Онъ началъ со внѣшности. Видно было, что онъ нахватался пріемовъ иноземной образованности и счелъ ее выше московской, но не успѣлъ взвѣсить условій ея съ разныхъ сторонъ. Явилось подражаніе польскому строю. Боярская дума была переименована въ сенатъ; членовъ думы новый царь окрестилъ названіями польскихъ чиновъ. Сенатъ раздѣлилъ онъ на двѣ половины: духовныхъ особъ и думныхъ людей. Явились званія великаго дворецкаго, подскарбія, мечника, крайчаго, подчашаго, печатника *). Видно, однако, что онъ подходилъ къ этимъ нововведеніямъ не быстро и хотѣлъ соблюдать постепенность. Такимъ образомъ, сразу введено только немногое, похожее на польское. Тогда возвысились тѣ, что были въ опалѣ при Годуновыхъ, и тѣ, что приставали къ Димитрію сначала и сдавали ему города, и изгнанники, воротившіеся съ нимъ изъ Польши, и тѣ, наконецъ, въ комъ онъ замѣчалъ расположеніе ко введенію иноземныхъ обычаевъ. Въ думѣ засѣли, между прочимъ, прежніе воеводы сѣверскихъ городовъ, Рубецъ Мосальскій, кн. Та-

*) Собр. гос. гр. II, 210.

тевъ, кн. Кашинъ, кн. Долгорукій-Рощa, а дьякъ Сутуповъ, сдавшійся въ Путивлѣ, получилъ званіе печатника. Бѣльскій возведенъ въ санъ великаго оружничаго. Гаврило Пушкинъ, такъ отважно вступившій въ Москву съ грамотою, сдѣланъ думнымъ дворяниномъ. Дьякъ Власьевъ, дипломатъ прежняго времени, упорно стоялъ за Бориса, и явился къ Димитрію только въ Тулѣ, но Димитрій полюбилъ его особенно за то, что онъ былъ образованный человѣкъ. Во многіе города назначены новые воеводы; надобно было поддержать воротившихся изъ ссылки и своихъ наградить, и тѣмъ самымъ царь удерживалъ въ повиновеніи край. Онъ перемѣнилъ придворную прислугу, отставилъ долго служившихъ Годуновымъ и назначалъ тѣхъ, которымъ могъ болѣе довѣрять; притомъ ввелъ въ число придворной челяди уроженцевъ изъ польскихъ владѣній, которые съ нимъ пріѣхали. Они были и живѣе и смышленѣе московскихъ людей и умѣли читать и писать.

Онъ отправилъ за матерью князя Михаила Скопина-Шуйскаго, юношу двадцати лѣтъ, котораго наименовалъ мечникомъ. Его сопровождали дворяне. Они должны были привезти инокиню Марѳу, находившуюся въ ссылкѣ въ пустынѣ на Выксѣ за Череповцемъ.

24 іюля, былъ посвященъ патріархомъ Игнатій. Освященный соборъ уже привыкъ повиноваться: въ такихъ случаяхъ воля царская и прежде была исполняема.

Димитрій отлагалъ царское вѣнчаніе до пріѣзда матери. Поляки совѣтовали ему поспѣшить, полагали, что послѣ вѣнчанія онъ получитъ въ глазахъ народа значеніе неприкосновеннаго помазанника божія, и, слѣдовательно, будетъ тверже на престолѣ. Но царь зналъ народные обычаи: уваженіе къ родителямъ, особенно къ матери, русскіе считали первою добродѣтелью: этимъ вниманіемъ онъ надѣялся понравиться народу.

Между тѣмъ, пока еще не пріѣхала мать, пока еще не успѣли съѣхаться изъ ссылки гонимые Борисомъ, которые должны были увеличить число царскихъ приверженцевъ, Василій Шуйскій сталъ уже устроивать ему гибель. Онъ призналъ его истиннымъ сыномъ Грознаго тогда, когда еще живы были Годуновы; ему представился удобный случай ихъ низвергнуть и уничтожить; теперь—ихъ не стало, и Шуйскому къ достиженію престола препятствіемъ оставался одинъ Димитрій; одного его нужно было устранить. Погибни Димитрій: вѣнецъ будетъ на головѣ Василія. Князь Мстиславскій не захочетъ быть царемъ; Василій былъ ближайшимъ преемникомъ московскихъ царей. Его двое братьевъ не могли быть ему соперниками: они были моложе его. Но еще невозможно было явно предъ всею землею стать противникомъ признаннаго имъ самимъ царя. Шуйскій разсчелъ, что сперва нужно отравить пылкія минуты народнаго восторга, бросить въ народѣ сомнѣніе о царственномъ происхожденіи Димитрія и указать на такія стороны въ его поведеніи, которыя возбуждали бы тайное неудовольствіе въ московскихъ людяхъ. Его замысламъ должны были помогать поступки поляковъ, сопровождавшихъ Димитрія: въ первые же дни, какъ только размѣстились въ Москвѣ, они стали дѣлать хозяевамъ насилія и безчинства, особенно обращались нагло съ женщинами *). И вотъ, какъ только новый царь устроился во дворцѣ московскихъ государей, Василій Шуйскій, при пособіи брата Димитрія, принимаетъ въ домъ свой знакомыхъ торговыхъ людей; на челѣ ихъ былъ нѣкто по имени Ѳеодоръ Коневъ. Шуйскій даетъ имъ наставленіе, что говорить и какъ говорить, поручаетъ разсѣять въ народѣ мысль, что вступившій на престолъ отнюдь не истинный

*) Petricii, 81.—Grevenbr., 33.

сынъ царя Ивана, а Гришка Отрепьевъ, какъ прежде говорили о немъ Борисъ и патріархъ Іовъ: «онъ достигъ престола обманомъ и будетъ царствовать на бѣду Московскому государству; онъ уже и теперь приблизилъ къ себѣ иноземцовъ, тотчасъ по своемъ пріѣздѣ позволилъ некрещеннымъ входить въ церковь, разставилъ Литву въ Москвѣ, самъ во всемъ держится иноземнаго обычая, онъ уже измѣнилъ православію; онъ подосланъ Сигизмундомъ и польскими панами; у него съ ними поставленъ уговоръ—искоренить святую православную вѣру, раззорить церкви, построить вмѣсто ихъ костелы и ропаты; и хочетъ онъ истребить старые боярскіе роды, чтобъ не было ему помѣхи въ злыхъ его умыслахъ». Однимъ словомъ, нужно было воскресить все то, что было писано Борисомъ и патріархомъ Іовомъ противъ Димитрія, да еще и своего прибавить. Прежде, всему дурному про Димитрія приказывали вѣрить, и народъ не вѣрилъ; теперь приказываютъ этому не вѣрить, —Шуйскій хочетъ, чтобъ народъ этому началъ вѣрить. Разъ уже обнаружилось недовѣріе къ тому, что говорила власть; казалось, легко народу войти во вкусъ къ такому недовѣрію, хотя бы та же власть была въ иныхъ рукахъ, какъ скоро есть поводъ недовѣрять. Гришку прокляла церковь; при малѣйшемъ сомнѣніи, что сидящій на престолѣ можетъ быть Гришка, проклятый соборомъ, страхъ долженъ былъ овладѣть народомъ. Если Московское государство управляется проклятымъ человѣкомъ, то проклятіе, его поразившее, падетъ на всю землю. Такимъ путемъ должно было идти нерасположеніе къ Димитрію. Шуйскій, понимавшій характеръ людей, приглянувшись къ Димитрію, конечно понялъ, что въ остальномъ самъ Димитрій поможетъ его планамъ. То былъ только начатокъ интриги; Шуйскій надѣялся быстро вести ее далѣе. По свидѣтельству современника

голландца *), оказалось, по суду надъ Василіемъ Шуйскимъ, что онъ назначалъ днемъ низверженія царя 25 августа, слѣдовательно полагалъ два мѣсяца на подготовку заговора. Но Ѳедоръ Коневъ и товарищи разболтали объ этомъ тамъ, гдѣ не нужно, сказали не столько, сколько нужно, и попались; ихъ привели къ Басманову, стали допрашивать и пытать; они прямо показали на Шуйскихъ. Тотчасъ и Шуйскихъ взяли за-приставы. Это было 23 іюня. Димитрій по дѣлу, касавшемуся его чести и престола, отстранилъ себя отъ суда и приказалъ разбирать дѣло и судить Шуйскихъ собранію изо всѣхъ сословій. Это явленіе было необычно въ Московскомъ государствѣ. Здѣсь царь казался какъ бы самъ подсудимымъ, принялъ на себя долгъ оправдываться противъ тѣхъ обвиненій, которыми хотѣлъ Шуйскій очернить его въ народѣ. Потеря дѣлъ этого суда — незамѣнимая потеря для исторіи; тогда бы многое открылось изъ того, что теперь остается темнымъ. Неизвѣстно, какъ поставилъ себя тогда Шуйскій: отрицалъ ли онъ только свое соучастіе съ Коневымъ и его товарищами въ распространеніи дурныхъ слуховъ о царѣ, или же ему приходилось обличать царя въ самозванствѣ. Русскія лѣтописи говорятъ послѣднее: будто бы, явившись въ это собраніе, Шуйскій смѣло сказалъ всѣмъ въ глаза: «я знаю, что ты не царскій сынъ, а законопреступникъ и растрига Гришка Отрепьевъ **)!» Нѣкоторые иностранцы говорятъ, что Димитрій долженъ былъ предъ этимъ собраніемъ отстаивать себя, и убѣдилъ всѣхъ своими доводами и краснорѣчіемъ ***). Какъ бы то ни было, все собраніе было на сторонѣ царя, и никто, ни изъ бояръ, ни изъ простыхъ, не склонился тогда на сторону Шуйскихъ, а всѣ кричали про-

*) Is. Mass. 78.
**) Врем. XVI, 30.
***) Esam. crit., 189.—De Thou, IV, 460.

тивъ нихъ *). Дѣло становится понятнымъ, если сообразить извѣстія современниковъ, что Димитрій привезъ съ собой въ Москву и показывалъ народу бывшаго чудовскаго монаха Гришку Отрепьева, о которомъ впослѣдствіи говорятъ, что это былъ не настоящій Гришка, а другой подъ его именемъ. Димитрію стоило показать всему судному собранію этого Гришку, и такимъ образомъ уничтожалось подозрѣніе, и Василій Шуйскій явно оказывался преступникомъ. Судъ былъ коротокъ надъ нимъ. 25 іюня, судное собраніе осудило Василія на смерть, а братьевъ его въ ссылку. Казнь должна была совершиться на Красной площади въ тотъ же или на другой день. Стеченіе народа было огромное. Многимъ было жаль Шуйскаго: у его знатнаго рода были свои пріятели. Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ и Петръ Өедоровичъ Басмановъ находились у него приставами. Обвиненнаго вывели на площадь; тамъ стояла плаха, въ плаху былъ воткнутъ топоръ; подлѣ плахи былъ палачъ. Стрѣльцы стали плотнымъ кругомъ. Басмановъ приказалъ читать приговоръ. Въ немъ отъ имени царя говорилось народу: «сей великій бояринъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій измѣняетъ мнѣ великому государю царю и великому князю Димитрію Ивановичу всеа Русіи, разсѣваетъ про меня недобрыя рѣчи, остужаетъ меня со всѣми вами, съ бояры и князи и дворяны и дѣти боярскіе и гостьми и со всѣми людьми великаго Россійскаго государства, называя меня не Димитріемъ, а Гришкою Отрепьевымъ; и за то онъ, князь Василій, довелся смертной казни». Русскія лѣтописи говорятъ, что Василій поступилъ здѣсь безстрашно, приблизился къ плахѣ, перекрестился, и, обратившись къ народу, сказалъ: «умираю за вѣру и за правду!» Честолюбивому Шуйскому, ожидавшему смерти,

*) Ник. 71.

ничего болѣе не оставалось въ утѣшеніе, какъ умереть со славою мученика за правду.

Онъ подступилъ къ плахѣ; палачъ снялъ съ него кафтанъ, хотѣлъ снимать даже и рубашку, прельстившись ея блестящимъ воротомъ, унизаннымъ жемчужинами. Шуйскій не давалъ ему, говорилъ, что хочетъ въ ней Богу душу отдать. Вдругъ изъ Кремля скачетъ вѣстовой, даетъ знакъ, чтобъ остановились. Онъ прискакалъ на мѣсто и объявилъ, что царь, по своему милосердію, не желаетъ проливать крови даже важныхъ преступниковъ, даруетъ Шуйскому жизнь и замѣняетъ смертную казнь ссылкою въ Вятку *). Тогда Басмановъ воскликнулъ къ народу: «вотъ какого милосердаго государя даровалъ намъ Господь Богъ! что своего измѣнника, который на животъ его посягалъ — и того милуетъ!» Народъ отвѣчалъ громкимъ желаніемъ здравія и многолѣтія милосердому царю. «Возможно ли послѣ этого — говорили тогда между собою московскіе люди — чтобъ онъ былъ не истинный царевичъ? Кто же можетъ такъ дѣлать, кромѣ истиннаго царскаго сына?» Василія, Димитрія и Ивана Шуйскихъ съ ихъ семьями повезли въ ссылку, а дома и вотчины ихъ взяли въ казну, по издавна заведенному въ московской землѣ обычаю **). Русскіе лѣтописцы (Аврамій Палицынъ, Никоновская лѣтопись) говорятъ, что, прежде чѣмъ Шуйскій сталъ возмущать народъ, были казнены за непризнаніе Димитрія царевичемъ дворянинъ Петръ Тургеневъ и Ѳедоръ Калачникъ. Когда ихъ вели на смерть, послѣдній кричалъ, что

*) Is. Mass. 79.

**) Petr. 187.—Buss., 40.—Врем. XVI, 30.—Сказан. еже содѣяся. Чтен. 1847, 9.—Маржер. Сказ. о сам. III, 28.—De Thou, XIV, 460 462.—Esame critico, 189.—Petricii, 85.—Лѣт. о мят., 96.—Никон. лѣт., 71.—Grevenbr. 27.

русскіе приняли антихристова слугу; народъ не сочувствовалъ обоимъ и кричалъ: «по дѣломъ васъ осудили, умирайте!» Такъ какъ между воцареніемъ Димитрія и арестомъ Шуйскихъ прошло всего три или четыре дня, а помилованіе Шуйскаго объявлено съ заявленіемъ, что царь не хочетъ проливать крови, то, вѣроятно, казнь этихъ двухъ лицъ случилась до пришествія Димитрія, и осудили ихъ бояре, можетъ быть, и съ одобреніемъ Димитрія, но тайнымъ; иначе выдумали бы иной поводъ для царскаго милосердія Шуйскому. Не могъ бы рѣшиться объявлять народу новый царь, что онъ не хочетъ проливать крови, когда кровь была уже имъ пролита; да вѣроятно, объ этихъ казняхъ упомянули бы иностранцы.

Необыкновенно милостиво поступилъ Димитрій съ однимъ архіереемъ, не хотѣвшимъ признать его царемъ наравнѣ съ другими. То былъ астраханскій владыка Ѳеодосій. Получивъ патріаршую грамоту, онъ усердно проклиналъ Гришку Отрепьева, а между тѣмъ въ народѣ астраханскомъ, какъ и повсюду, увеличивалось расположеніе къ Димитрію. Наконецъ, не стало Годунова; передалось Димитрію войско; пришли вѣсти въ Астрахань, что все Московское государство признаетъ обрѣтеннаго законнаго наслѣдника; тогда народъ взбунтовался, разграбилъ владычній дворъ, сбросилъ съ раската кое-какихъ владычнихъ людей; самого владыку изругали непотребными словами и повезли въ Москву вмѣстѣ съ воеводою, Михайломъ Богдановичемъ Сабуровымъ, упорнымъ годуновцемъ. Владыку привели къ царю на глаза. «Астраханскій владыка! — сказалъ ему царь — за что ты меня, прироженаго царя, называешь Гришкою Отрепьевымъ?» Владыка отвѣчалъ ему съ достоинствомъ: «Намъ вѣдомо теперь только то, что ты царствуешь; Богъ тебя знаетъ, кто ты таковъ и какъ тебя зовутъ; но прироженый Димитрій царевичъ убитъ въ Угли-

чѣ». Царь не велѣлъ ему дѣлать никакихъ обидъ и отпустилъ съ миромъ *).

18 іюля, прибыла давно жданная царица инокиня Марѳа. Дано знать о ея приближеніи Димитрію. Онъ выслалъ ей лошадей къ Троицѣ. Оттуда она ѣхала въ Москву. Димитрій выѣхалъ встрѣчать ее въ Тайнинскомъ. Вся Москва повалила за царемъ. Зрѣлище было очень любопытное: всѣмъ хотѣлось посмотрѣть, какъ будетъ встрѣчать мать сына, котораго не видала съ младенчества и должна была столько времени притворно увѣрять всѣхъ, что его нѣтъ на свѣтѣ,—какъ будетъ привѣтствовать сынъ мать, которой не видѣлъ съ дѣтства и не смѣлъ заочно назвать матерью. Царицу везли въ каретѣ. Димитрій подъѣхалъ къ ней верхомъ; карета остановилась. Царь быстро соскочилъ съ лошади, бросился къ каретѣ. Марѳа отворила полу занавѣса, закрывавшаго бокъ кареты; сынъ бросился ей въ объятія; оба зарыдали и повисли другъ у друга на шеѣ. Такъ пробыли они четверть часа предъ множествомъ народа. Потомъ карета двинулась; но царь не сѣлъ на своего аргамака, шелъ пѣшкомъ подлѣ кареты нѣсколько верстъ, а потомъ уже подъ самой Москвой сѣлъ на коня и уѣхалъ впередъ, чтобы снова встрѣтить мать при ея въѣздѣ въ Кремль. Колокола звонили по всей Москвѣ, когда въѣзжала царица; ликовалъ народъ въ праздничныхъ нарядахъ, съ веселыми лицами; тысяча голосовъ поздравляли царицу съ возвратомъ изъ долгаго и грустнаго заточенія. «Боже нашъ, Боже нашъ!—восклицали москвичи,—какъ дивно и неизреченно Господь Богъ устрояетъ судьбу человѣческую!» Рѣдкій въ ту минуту не плакалъ отъ умиленія. Никто въ народѣ не сомнѣвался, что на московскомъ престолѣ настоящій сынъ царя Ивана; всѣмъ казалось, что только на-

*) Житіе Ѳеод. Астрах., рук. И. П. Библіот.

стоящаго Димитрія могла такъ встрѣтить родная мать, увидѣвши въ первый разъ послѣ разлуки съ дѣтства.

Еще больше увѣрился народъ въ этомъ, когда услышалъ, какъ Димитрій послѣ того обходится съ матерью. Ее помѣстили въ Вознесенскомъ монастырѣ; покой для нея убрали съ большимъ удобствомъ тогдашней жизни. Димитрій каждый день посѣщалъ ее, и сидѣлъ съ нею по нѣскольку часовъ. При людяхъ онъ оказывалъ ей величайшее уваженіе и заботливость. При началѣ каждаго важнаго дѣла онъ испрашивалъ ея родительскаго благословенія. Ея имя поминалось въ церквахъ прежде царскаго, и самая присяга на вѣрность была произносима ей и сыну *).

Одинъ за другимъ возвращались изъ заточенія сосланные Борисомъ, и всякое такое возвращеніе было праздникомъ народу и славою царю. Пріѣхали дяди Димитрія, Нагіе. Возвращены Романовы. Димитрій показалъ большое сочувствіе къ этой семьѣ: не только живые Романовы были возвращены и осыпаны почестями, даже кости погибшихъ въ заточеніи трехъ братьевъ онъ приказалъ перевезти въ Москву **). Такой чести не было еще ни для кого въ Московскомъ государствѣ. Страдалица Ксенія Ивановна, жена Θедора, была вывезена изъ Толвуйскаго заточенія, а сынъ Михаилъ изъ Бѣлаозерá; мать соединили съ сыномъ; возвратили имъ вотчины; и они уѣхали въ Ипатьевскій монастырь подлѣ Костромы, основанный однимъ изъ предковъ ихъ гонителя, царя Бориса. Филаретъ Никитичъ пріѣхалъ изъ Сійскаго заточенія къ почестямъ и славѣ. Онъ уже чуялъ близость своего освобожденія за нѣсколько мѣсяцевъ, какъ только разнесся слухъ, что появился Дими-

---

*) Никон. 71.—Petricii, 88.—Grevenbr, 90.—Petrei, 177.—Bussov. 37.—Врем. XVI, 31.—Рук. Арх. И. Дѣлъ Польск. 26.—Паэрле. 34.—The Russ. Imp. 84.—De Thou, XIV, 463.

**) Хроногр. Археогр. Ком.—Голик. Доп. I, 226.

трій Ивановичъ въ предѣлахъ Московскаго государства. Тогда Воейковъ, его суровый приставъ, доносилъ Борису, что «старецъ Филаретъ невѣдомо чего смѣется, пересталъ заниматься монашескими дѣлами, говоритъ все о мірскихъ дѣлахъ, о птичьей охотѣ да о собакахъ, грозитъ старцамъ, что скоро съ ними справится». Когда не стало Годуновыхъ и Димитрій воцарился—тогда стало понятно, о чемъ смѣялся старецъ Филаретъ и почему грозилъ старцамъ *). Тотчасъ по возвращеніи, по желанію Димитрія, его посвятили въ санъ митрополита Ростовскаго. Иванъ Никитичъ Романовъ посаженъ въ сенатъ съ боярскимъ званіемъ.

Іюля 30, совершено царское вѣнчаніе въ Успенскомъ соборѣ по обычному чину, какой наблюдался въ прежнія царствованія въ подобныя торжественныя минуты. Отъ дворца до Успенскаго собора устлали путь красною матеріею; сверху ея постлали золототканный персидскій алтабасъ. Этотъ путь былъ священный: никто не смѣлъ перейти его; вельможи должны были смотрѣть за этимъ. Этою дорогою долженъ былъ шествовать царь въ золототканной одеждѣ, усаженной съ верху до низу жемчугами и дорогими каменьями. Благовѣщенскій протопопъ Терентій шелъ впереди его и кропилъ ему путь крестообразно. Въ соборѣ, предъ обѣдней, патріархъ съ обычными церемоніями возлагалъ на царя бармы, вѣнецъ и давалъ ему въ руки скипетръ и государственное яблоко. Вѣнецъ Димитрію былъ нарочно для этого случая изготовленъ; онъ отличался богатствомъ больше тѣхъ вѣнцовъ, которыми вѣнчались на царство прежніе цари. Патріархъ сажалъ царя на возвышенномъ мѣстѣ посреди церкви, съ двѣнадцатью ступенями. Клиръ пѣлъ многолѣтіе царю. Всѣ поздравляли царя. Потомъ совершилась литургія. Въ концѣ литургіи царь

*) А. И. II, 38.

причащался святыхъ таинъ, а потомъ патріархъ совершилъ надъ нимъ помазаніе великимъ муромъ. По окончаніи обряда, Димитрій, окруженный окольничьими (получившими отъ того и названіе свое на Руси, что въ церемоніяхъ шли *около* царя), по устланному пути ходилъ въ Архангельскій соборъ, тамъ поклонялся гробамъ отцовъ и праотцовъ, оттуда въ Благовѣщенскій, и на выходѣ изъ послѣдняго шелъ по средней главной лѣстницѣ дворца. Окольничьи съ золотой мисы осыпали царя золотыми монетами, нарочно для этого случая вычеканенными, и бросали ихъ въ народъ. Іезуитъ Черниковскій восхвалилъ это торжество произнесеніемъ латинской рѣчи, непонятной для русскихъ. Пиръ, данный царемъ, по отеческому обычаю, завершилъ праздникъ. Бархатные и златоглавные ковры, которыми устилались пути, куда долженъ былъ ходить царь, были изорваны въ куски народомъ: каждый хотѣлъ пріобрѣсть себѣ кусочекъ на память великаго событія *) Изъ царскихъ вѣнчаній, до сихъ поръ бывшихъ на Руси, ни одно еще не казалось народу до такой степени достойнымъ долгой памяти, по странной судьбѣ вѣнчавшагося царя.

III.

Черты царствованія Димитрія. — Его распоряженія. — Его частная жизнь.— Любовь къ иностранцамъ.— Религіозный либерализмъ. — Завоевательные планы.

Для русской земли это царствованіе какъ будто обѣщало хорошій поворотъ жизни. Во многомъ оно казалось продолженіемъ лучшихъ дней начала Борисова царствованія; во многомъ этотъ царь и велъ себя, и думалъ нетакъ, какъ

---

*) Маржер. Сказ. о Дим. Сам. III, 87.—Wassenb. 19.—De Thou, XIV, 463—464.

прежніе цари, и хотѣлъ не того, чего другіе. Онъ былъ очень дѣятеленъ. Каждый день онъ присутствовалъ въ сенатѣ, имъ самимъ устроенномъ, самъ разбиралъ дѣла, часто самыя мелочныя, и удивлялъ думныхъ людей бѣглостію своихъ способностей. Случалось, какой нибудь вопросъ озадачивалъ думныхъ людей, и они никакъ не могли рѣшить его умомъ своимъ; вдругъ царь съ легкой ироніей говорилъ: «что тутъ вы нашли труднаго?» и въ нѣсколько минутъ обсуждалъ и разрѣшалъ недоразумѣнія. Намъ, къ сожалѣнію, очень мало осталось отъ внутреннихъ распоряженій его времени; послѣдующія бурныя времена вообще истребили тогдашнее дѣлопроизводство. Важными памятниками его царствованія остаются распоряженія, относительно холопства. При Борисѣ было въ обычаѣ записывать въ кабалы, что продающій себя отдавался не только одному хозяину, но и дѣтямъ его; такимъ образомъ, все потомство по волѣ предка осуждалось на рабство. Димитрій воспретилъ такого рода кабалы. Холопъ могъ поэтому быть холопомъ только тому, кому отдавался, и тѣмъ самымъ подходилъ къ наемнику, служившему господину по взаимному соглашенію. Сверхъ того постановлено было, что помѣщики, которые не кормили крестьянъ во время голода, теряли право на удержаніе ихъ на своихъ земляхъ; и вообще подтверждено прежнее правило, что на бѣглыхъ крестьянъ не давать суда далѣе пяти лѣтъ, послѣ этого срока уже законно расторгается сама собою обязанность бѣглаго къ помѣщику [1]). Вообще въ управленіи Димитрія видно было желаніе дать народу сколько возможно болѣе льготы. Установлено было, чтобъ вездѣ судопроизводство было безплатное, и вообще правящимъ лицамъ строго запрещалось брать посулы, а поэтому имъ удвоено содержаніе;

1) А. И. II. 77, 78. — А. Э. II, 96.

объявлено, что царь принимаетъ отъ людей всѣхъ званій и сословій безразлично челобитныя: всѣмъ доставлялась возможность объясняться съ царемъ по своимъ дѣламъ лично, и для этого назначены два дни въ недѣлю, въ среду и субботу. Для того, чтобы при сборѣ податей не было прижимокъ и злоупотребленій, Димитрій установилъ (неизвѣстно — вездѣ, или въ нѣкоторыхъ мѣстахъ), чтобы общины сами приносили то, чѣмъ были обложены; такъ остякамъ велѣно было самимъ доставлять свой ясакъ, вмѣсто того, чтобъ къ нимъ ѣздилъ чиновникъ [1]). Но подобныя льготы дарованы были вогуламъ при Борисѣ.

Чтобы разлить благосостояніе въ народѣ, торговля была объявлена свободною какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ. Всѣмъ позволено свободно заниматься промыслами и ремеслами. Уничтожены всякія стѣсненія къ выѣзду изъ Россіи, ко въѣзду въ государство и къ переѣздамъ внутри государства. «Я не хочу никого стѣснять — говорилъ онъ — мои владѣнія для всѣхъ во всемъ должны быть свободны». Англичане того времени находятъ, что онъ былъ первый государь въ Европѣ, который сдѣлалъ свое государство до такой степени свободнымъ [2]). Многимъ казалось это раззорительнымъ. Димитрій на это говорилъ: «напротивъ, я обогащу свободною торговлею свое государство, и вездѣ разнесется добрая слава о моемъ имени и моемъ государствѣ [3]).» Одинъ современникъ италіанецъ говоритъ, что мать Димитрія ходатайствовала о свободной торговлѣ между Московскимъ царствомъ и Польшею въ благодарность полякамъ, что они помогли ея сыну овладѣть престоломъ [4]). Вѣроятно, Димитрій изъ политики покрывалъ благовиднымъ

---

1) А. И. II, ibidem.
2) Smith., 41.
3) Ibid.
4) Nero Giraldi.—Ciampi, Esam. crit. 58.

предлогомъ свои поступки, какъ будто дѣлалъ изъ угожденія матери. Царь покровительствовалъ народному труду собственнымъ примѣромъ. Вопреки обычаямъ прежнихъ царей, которые послѣ сытныхъ обѣдовъ укладывались спать, Димитрій, пообѣдавши, выходилъ одинъ пѣшкомъ въ городъ, заходилъ въ разныя мастерскія, толковалъ съ мастерами, осматривалъ ихъ работы, говорилъ ласково со встрѣчными. Такого рода неслыханная прежде доступность царя въ обращеніи съ подданными соблазняла тѣхъ, у которыхъ укоренилось понятіе, что чѣмъ лицо важнѣе, тѣмъ оно должно быть неповоротливѣе, тѣмъ оно больше требовало, чтобъ другіе за него дѣлали, ему служили, для него жили. Никто лучше Димитрія не ѣздилъ верхомъ. Люди, съ дѣтскихъ лѣтъ привыкшіе къ верховой ѣздѣ, удивлялись его ловкости и искусству. Не то, что прежніе цари: тѣхъ, бывало, вели подъ руки, ради ихъ величія, а когда они садились на лошадь, то имъ скамьи подставляли; а къ Димитрію подведутъ ретиваго, необъѣзженнаго жеребца: онъ быстро бросится къ нему, схватитъ одной рукою за поводъ, другою за сѣдло, вмигъ вскочитъ на него, и неукротимое животное ходитъ подъ нимъ послушно. Любилъ онъ охоту, держалъ рѣдкихъ собакъ и соколовъ. Ловили медвѣдей и содержали въ подгородныхъ селахъ для царской потѣхи. Тоже дѣлалось и при прежнихъ царяхъ: Иванъ Васильевичъ любилъ медвѣжьи травли; но тогда царь стоялъ вдали и любовался, какъ подданные потѣшаютъ его съ опасностію собственной жизни. Димитрій, напротивъ, самъ потѣшалъ подданныхъ своею ловкостію и первый бросался на лютаго звѣря. Русскіе невольно любовались такою удалью, хотя и признавали, что удаль и подвижность не сходились съ признаками божественной неприступности царственнаго сана.

Любилъ онъ толковать о томъ, чтобы дать народу обра-

зованіе, которое понималъ во внѣшнихъ признакахъ, видѣнныхъ имъ въ Польшѣ. Сходясь со своими вельможами, онъ часто замѣчалъ, что они ничего не знаютъ, ничего не видали, ничему не учились, и объявлялъ, что позволяетъ всѣмъ путешествовать по Европѣ; совѣтовалъ имъ посылать туда дѣтей присмотрѣться къ жизни образованныхъ обществъ, заохочивалъ ихъ къ чтенію и познаніямъ, такъ какъ и самъ любилъ читать и говорить о томъ, чтó вычиталъ. Онъ готовился основать въ Москвѣ университетъ [1].

Димитрій былъ нрава чрезвычайно вспыльчиваго, легко приходилъ въ неистовство, и не одна палка въ рукахъ его ходила по спинамъ дьяковъ и придворныхъ, когда тѣ не измѣняли своихъ московскихъ привычекъ обращенія, отъ которыхъ царь хотѣлъ ихъ отучить [2]. Трудно было ему сдерживаться, царствуя надъ такимъ народомъ, у котораго въ ту эпоху битье считалось необходимымъ для вразумленія, какъ воздухъ для дыханія; да и въ томъ обществѣ, гдѣ онъ нанюхался цивилизаціи, мало могъ онъ увидѣть у сильныхъ людей поучительныхъ примѣровъ подчиненія порывовъ страсти благоразумію; но посердившись немного, онъ тотчасъ же успокоивался, былъ совсѣмъ незлопамятенъ, и чрезвычайно добръ и щедръ. Щедрость его казалась даже мотовствомъ. Никто, попросивши у него милости, не уходилъ безъ удовлетворенія. Всѣмъ служилымъ было удвоено содержаніе: кто получалъ прежде десять рублей, тому дано по двадцати; кому была тысяча, тому двѣ [3]. Во всѣхъ городахъ въ государствѣ приказано было переверстать земли для помѣстнаго оклада, и всѣмъ помѣщикамъ удвоили надѣлъ земли [4]. Такимъ образомъ,

[1]) Bussov. 38.—Petr. 179.
[2]) Is. Mass. 83.
[3]) Собр. гос. гр. II, 261.
[4]) Хроногр. Арх. Ком.

до новаго года онъ истратилъ до 7 съ половиною милліон. руб. *). Сумма покажется огромною, если вспомнить, что Московское государство получало всѣхъ доходовъ, за исключеніемъ сибирскихъ мѣховъ, около полутора милл. руб. въ годъ. Но тутъ слѣдуетъ сообразить, что, увеличивая жалованье, онъ способствовалъ благосостоянію служилаго и земледѣльческаго класса, и тѣмъ самымъ возможности на будущее время содѣйствовать увеличенію государственныхъ доходовъ; притомъ эти затраты не сопровождались новыми налогами. Въ казнѣ московскихъ государей лежали громадныя сокровища, накопленныя въ разныя времена исключительными способами. Царь Иванъ Грозный всѣ свои казни сопровождалъ отнятіемъ имуществъ у опальныхъ и копилъ себѣ казну. Въ то время, какъ онъ посадилъ на престолъ Симеона, то приказалъ этому подставному царю обобрать монастырскія богатства, а потомъ, принявши вновь правленіе, оставилъ у себя награбленное, а монастырямъ выдалъ новыя жалованныя грамоты **). Сверхъ того правительство захватывало часто монополію разныхъ товаровъ, запрещая покупать ихъ и продавать, прежде чѣмъ поступитъ ихъ достаточно въ царскую казну. Въ послѣднее время казна царская обогатилась отборомъ въ казну богатствъ Годуновыхъ и ихъ свойственниковъ. Такимъ образомъ, въ распоряженіи царя было много наличныхъ суммъ, которыя онъ могъ тратить, не производя на первый разъ разстройства въ отношеніи доходовъ къ расходамъ. Въ числѣ потраченныхъ Димитріемъ суммъ были платежи долговъ, сдѣланныхъ Иваномъ, и вознагражденія за несправедливо отнятыя достоянія. Димитрій мно-

---

*) Собр. гос. гр. ibidem.
**) Gorsey. Bond. 179.

гимъ возвращалъ имѣнія, отнятыя царемъ Иваномъ. Неудивительно, что новый царь, поставивши себѣ задачею загладить по возможности отцовскія несправедливости, поневолѣ долженъ былъ въ началѣ своего царствованія сдѣлать чрезвычайныя затраты. Пользовались его щедростію поляки: они забирали жалованье впередъ, пропивали, проигрывали, а потомъ жаловались на царя, что мало имъ даетъ. По свидѣтельству одного изъ нихъ, корму имъ давали такъ много, что они продавали, и находилось много такихъ, что, получивъ свое, не хотѣли отслуживать выпрошеннаго впередъ.

Выказываясь непамятозлобивымъ, готовымъ прощать оскорбленія, Димитрій твердилъ, что не хочетъ преслѣдовать своихъ зложелателей. «У меня два способа царствовать и укрѣпиться на престолѣ — говорилъ онъ — или милосердіемъ и щедростію, или суровостію и казнями; я избралъ первый способъ; я въ сердцѣ своемъ далъ Богу обѣщаніе не проливать крови подданныхъ, и я исполню его *)». Замѣчательно, что кудрявая фраза о двухъ способахъ царствованія цѣликомъ встрѣчается въ современной рѣчи пана Гербурта, произнесенной на польскомъ языкѣ. Видно, что она была ходячею политическою сентенціею въ Польшѣ, и Димитрій часто рисовался своею цивилизаціею, повторяя то, чего онъ наслышался въ Польшѣ. Въ октябрѣ, онъ возвратилъ изъ ссылки Шуйскихъ, приблизилъ ихъ къ себѣ по прежнему, и Димитрій думалъ, что это дѣло милосердія привяжетъ къ нему этотъ родъ. Царь довольствовался тѣмъ, что Василій Шуйскій съ роднею далъ ему клятву въ вѣрности. Василій казался благодарнымъ, преданнымъ и тайно положилъ впередъ работать для своихъ цѣлей поосторожнѣе. Не только Шуйскіе, но и Годуновы и ихъ приверженцы, сосланные при началѣ царствованія,

---

*) Собр. гос. гр. II, 261.

получили прощеніе, а Иванъ Годуновъ сдѣланъ воеводою въ Сибири. Когда кто нибудь, желая подслужиться Димитрію, заговаривалъ дурно о Борисѣ, Димитрій замѣчалъ: «вы кланялись ему, когда онъ былъ живъ, а теперь, когда онъ уже мертвъ, вы хулите его; пусть бы кто другой говорилъ о немъ дурно, а не тѣ, которые его выбрали; онъ былъ похититель, но развѣ не признали его всѣ царемъ *)?» Борисъ не допускалъ Василія Шуйскаго жениться. Борисъ боялся, чтобъ Василіевы потомки или онъ самъ, ради потомства, не извели съ престола Бориса и его потомства. Съ тою же цѣлію запрещалось жениться Мстиславскому. Димитрій объявилъ, что всѣ свободно могутъ жениться, и самъ побуждалъ Шуйскаго и Мстиславскаго выбрать себѣ невѣстъ. Оба выбрали родственницъ царицы матери. Мстиславскій женился на двоюродной сестрѣ, ея, а Шуйскій обручился съ Маріею княжною Буйносовой-Ростовской. Бракъ былъ отложенъ до царскаго брака. Этотъ бракъ долженъ быть неровный по лѣтамъ: невѣстѣ Шуйскаго было менѣе двадцати, Шуйскому за пятьдесятъ лѣтъ. Свадьбу Мстиславскагопраздновали съ большимъ великолѣпіемъ. Царица-мать и царь были на свадьбѣ, веселились вмѣстѣ со всѣми цѣлыхъ два дни. Были и другія свадьбы знатныхъ особъ; новобрачные приглашали царя; царь не отказывалъ, посѣщалъ ихъ домы, пировалъ за урядъ съ подданными. Время было такое веселое, какого не помнила Москва: тамъ богатая свадьба, тамъ новоселье, тамъ просто пиръ. По городу, то и дѣло, летали пестроубранныя сани съ золотными коврами, подбитыми бобромъ, со множествомъ бубенчиковъ; всѣ одѣвались въ золото да соболи, украшали себя жемчугомъ да камнями; самый незнатный

---

*) Smith, 40.

стыдился выходить въ люди не нарядившись. Царь любилъ, чтобъ его подданные ходили нарядно и веселились.

Случалось, царь устраивалъ охоту близь самой Москвы и съ своими придворными скакалъ за выпущенными нарочно лисицами да волками, красуясь породистостью коня и статностью своей осанки, и народъ высыпалъ изъ Москвы любоваться на своего царя-молодца. И то было веселье народу.

Димитрій былъ человѣкъ нрава веселаго и хотѣлъ, чтобъ вокругъ его все веселилось; любилъ довольство и хотѣлъ, чтобъ въ народѣ его было довольство. Свобода торговли, промысловъ и обращенія въ самое короткое время произвела то, что въ Москвѣ все подешевѣло: людямъ небогатымъ становились доступны предметы житейскихъ удобствъ, тогда какъ прежде могли ими щеголять бояре и богачи. Въ добавокъ, прошедшій годъ былъ урожаенъ, хлѣбъ дешевъ. Москва стала измѣнять свой суровый характеръ. Въ государствахъ такого строя, какъ московское, нравы и склонности государей часто передаются громадѣ подвластныхъ. Всѣ тогда знали, что Димитрій любитъ веселиться, что у него послѣ заботъ и трудовъ идетъ обѣдъ съ музыкой, послѣ обѣда пляска. Тоже стало входить и въ жизнь народа. Теперь уже не преслѣдовались забавы, какъ бывало въ старые годы; веселые скоморохи съ волынками, домрами и накрами могли какъ угодно тѣшить народъ и представлять свои «дѣйства»; не чинили тогда наказанія ни за зернь (карты), ни за тавлеи (шашки). Въ корчмахъ наряжались въ хари, гулящія женки плясали и пѣли веселыя пѣсни. Разсказываютъ, что веселый царь былъ охотникъ до женскаго естества, и Михайло Молчановъ, убійца Ѳедора Борисовича, доставлялъ ему за деньги особъ прекраснаго пола въ баню. Петръ Басмановъ участвовалъ также въ этихъ удовольствіяхъ. Послѣ царя пользовались тѣ-

ми же женщинами его любимцы. Даже хорошенькихъ монахинь соблазняли на грѣхъ, и, послѣ смерти Димитрія, осталось до 30 женщинъ, которыя сдѣлались беременны послѣ посѣщенія царской бани *). Но московскіе люди охотнѣе извиняли тайный развратъ, какъ извиняли его въ Иванѣ Васильевичѣ, чѣмъ явное нарушеніе наружныхъ условій благонравія. Все, что прежде дѣлалось тайкомъ, съ оглядкой, теперь совершалось явно, къ соблазну благочестивыхъ хранителей прадѣдовскаго приличія.

Ему была душна суровая, чопорная, постная, московская Русь. Ему тяжело было жить во дворцѣ царей; онъ выстроилъ себѣ два деревянные дворца ближе къ Москвѣрѣкѣ у самаго ската, недалеко отъ житнаго двора. Эти дворцы примыкали другъ къ другу: одинъ былъ для царя, другой для его будущей царицы. Внутри дверные замки и гвоздики были позолочены, потолки превосходной рѣзной работы раскрашены, печки зеленыя изразцовыя съ серебряными рѣшетками, стѣны покрыты блестящими тканями; передняя комната, большая, была обита голубою персидскою матеріею, а на окнахъ и дверяхъ висѣли золототканыя занавѣси; сѣдалища обиты были черною тканью съ золотыми узорами; столы были покрыты златоткаными скатертями. За нею были три комнаты, обитыя золотными тканями съ разными узорами въ каждой комнатѣ для разнообразія. Большія сѣни предъ переднею комнатою уставлены были всевозможнѣйшею затѣйливою серебряною посудою съ разными изображеніями звѣрей, птицъ, баснословныхъ боговъ, и прочее. Кто-то изъ иноземцевъ удружилъ ему: сдѣлалъ мѣдное изваяніе цербера съ тремя головами и устроилъ такъ, что челюсти могли то раскрываться, то закрываться, а во время движенія издавали

*) Is. Mass. 82.

звукъ. Это изображеніе поставлено было у самаго входа. Царь думалъ, что оно будетъ забавлять его подданныхъ, но оно стало соблазнять ихъ: нѣкоторымъ представлялось, что изъ него исходитъ дымъ и пламень *).

Не нравилось это все боярамъ, а особенно не по сердцу имъ было предпочтеніе полякамъ, съ которыми царь былъ знакомъ болѣе, чѣмъ съ другими европейцами. У ревнителей отечественной старины была ненависть противъ всего иностраннаго, неправославнаго и не московскаго. Всѣ предшествовавшіе цари за расположеніе въ меньшей степени къ иноземцамъ подвергались нареканіямъ. Ивану Васильевичу охотнѣе прощались безчеловѣчія и варварства, чѣмъ дружба съ Англіей. Когда Борисъ затѣялъ отдать дочь свою за датскаго королевича, его близкіе родственники негодовали, и даже, когда этотъ царь поѣхалъ навѣстить умиравшаго зятя, многіе кричали: «это недостойно царскаго величества; православный царь не долженъ навѣщать нехристя нѣмца». Димитрій поступалъ такъ, какъ никто до него не поступалъ, и на каждомъ шагу оказывалъ уваженіе къ иноземцамъ. Онъ самъ любилъ ходить въ польскомъ платьѣ лучше, чѣмъ въ русскомъ; за обѣдомъ, по обычаю польскихъ пановъ, у него была музыка, чего не дѣлалось при прежнихъ царяхъ, исключая однажды при Борисѣ. Онъ любилъ пышность, но польскую, а не московскую, и безъ нужды не соблюдалъ завѣтныхъ обрядовъ, сопровождавшихъ царскую жизнь. Говоря по-русски, онъ нерѣдко ввертывалъ польскіе обороты и поговорки. Съ перваго раза видно было, что онъ сильно пропитался польскимъ образомъ обращенія. Онъ ни передъ кѣмъ не стѣснялся, но въ тоже время показывалъ видъ, что зазнаваться полякамъ въ Москвѣ не дастъ. Отрядъ, проводившій Димитрія въ Москву, остался у него на

*) Hist. Russ. Monum. II, 164. — Хроногр. Арх. Ком.

службѣ. Сами бояре, подлаживаясь къ сочувствію царя, просили объ этомъ. Служилыхъ поляковъ помѣстили въ посольскомъ дворѣ. Воины они были хорошіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ народъ буйный и своевольный; въ ихъ отечествѣ радовались, что избавились отъ нихъ, когда они не слишкомъ умѣли обуздывать свои страсти. Случилось однажды, они повздорили съ московскими людьми: какой-то полякъ Липскій оскорбилъ московскаго человѣка; тогда его схватили и повели по улицамъ, подгоняя кнутомъ, по московскому обычаю. Этого рода обращеніе не понравилось польскимъ шляхтичамъ; они оскорбились и всѣ вышли изъ посольскаго двора съ обнаженными саблями и напали на русскихъ; сдѣлалась драка; нѣсколькихъ убили, нѣсколькихъ ранили. Москвичи жаловались, что гости, живучи у нихъ, осмѣливаются нападать на нихъ съ оружіемъ. Димитрій послалъ къ полякамъ съ такими словами: «выдайте виновныхъ, которые нападали на моихъ подданныхъ съ оружіемъ; иначе я прикажу подвести пушки и истребить васъ всѣхъ отъ мала до велика съ дворомъ, гдѣ вы живете». Поляки дали такой отвѣтъ: «неужели это награда намъ за кровавыя услуги наши царю? Насъ этимъ не устрашите; пусть мы станемъ мучениками; но пусть помнитъ царь, что у насъ есть король: узнаетъ онъ о нашей судьбѣ, узнаютъ и братья наши въ Польшѣ; мы, какъ прилично рыцарямъ, готовы защищаться, пока всѣ не погибнемъ!» Димитрій отозвался съ похвалою о ихъ мужествѣ, но повторилъ требованіе и уже ласковѣе, обѣщалъ оставить въ живыхъ виновныхъ, но не хотѣлъ, чтобъ ихъ поступки прошли безъ наказанія: того требовала справедливость; нужно было проучить поляковъ и успокоить своихъ русскихъ подданныхъ. Рыцарство выдало троихъ забіякъ. Димитрій выдумалъ имъ наказаніе необычное: заперъ ихъ въ одну изъ кремлевскихъ башенъ, гдѣ натыканы были

остроконечные колья и положены вверхъ остріемъ косы, вверху надъ ними были по стѣнамъ придѣланы узкія лавки; на эти лавки посадили виноватыхъ поляковъ. Они тамъ пробыли сутки, сидя на корточкахъ; нельзя было имъ ни лечь, ни задремать: каждую минуту грозила имъ опасность свалиться. Такія мѣры не обуздали жолнѣрскаго своевольства; жалобы и столкновенія были безпрестанныя. По сказанію самихъ поляковъ современниковъ *), соотечественники ихъ, живучи въ Москвѣ, оскорбляли жителей и дѣломъ, и языкомъ, притѣсняли хозяевъ тѣхъ домовъ, гдѣ помѣщались, брали у нихъ безплатно припасы, вымучивали деньги, пьянствовали, развратничали, безчинствовали, бѣгали по улицамъ съ угрозами и похвалками на москвичей, задѣвали и били встрѣчнаго поперечнаго, чтобъ показать, что никого не боятся.

Димитрій былъ также благосклоненъ и къ другимъ иноземцамъ, жившимъ въ Россіи. Онъ былъ милостивъ къ нѣмцамъ, которыхъ такъ оцѣнилъ за вѣрность Борису. Онъ приглашалъ въ Россію нѣмцевъ, ремесленниковъ, торговыхъ и служилыхъ, и благоволилъ къ Густаву, сыну Эрика XIV, жившему въ Московскомъ государствѣ, изгнанному шведскому королевичу; не смотря на вражду къ этому принцу Сигизмунда польскаго короля, онъ держалъ его въ чести и не лишалъ того, что было дано ему Борисомъ. Долго Московское государство было для Европы заповѣдною землею; если торговецъ пріѣзжалъ туда, то не иначе, какъ принятый на царское имя, и ѣхалъ за приставами. Столѣтія проходили, говоритъ полякъ современникъ, и трудно было даже птицамъ летать въ Московское государство, а въ это время не только купцы — мелкіе шинкари стали ѣздить туда **).

*) Petricii, 85.

**) Lubienicki, Poloneut. 157.

Димитрій не казался очень прилежнымъ къ благочестію. Онъ зналъ хорошо священное писаніе, любилъ приводить изъ него примѣры и тексты, опирался на него въ своихъ сужденіяхъ о текущихъ дѣлахъ. Но ему не приходилась по нраву та строгая исключительность, которая, по понятіямъ тогдашняго благочестія, требовалась отъ настоящаго православнаго, особенно отъ царя православнаго. Димитрій говорилъ безъ околичностей съ духовными и мірскими: «у васъ въ церкви только обряды, а смыслъ ихъ укрытъ; только въ томъ поставляете благочестіе, что посты сохраняете, иконы чествуете, мощамъ поклоняетесь, а никакого понятія не имѣете о существѣ вѣры, не знаете догматовъ: ваши попы и архіереи невѣжды и не учатъ народъ; вы лицемѣрно славитесь своимъ благочестіемъ и считаете себя самымъ праведнымъ народомъ въ мірѣ, называете себя новымъ Израилемъ, а живете не похристіански, недостойны высокаго о себѣ мнѣнія; вы развратны, злобны, мало любите ближняго, мало расположены дѣлать добро». Онъ укорялъ ихъ за религіозный фанатизмъ и доказывалъ, что недостойно христіанъ и безразсудно презирать иновѣрцевъ. «Чтожъ такое латинская и лютеранская вѣра? — говорилъ онъ — такая же христіанская, какъ и греческая: и они во Христа вѣруютъ *)!» Когда ему говорили о семи соборахъ и неизмѣняемости соборныхъ опредѣленій, онъ замѣчалъ: «если семь было соборовъ, то почемуже не можетъ быть и восьмаго, и десятаго, и болѣе **)? Пусть всякій вѣритъ по своей совѣсти. Я хочу, чтобы въ моемъ государствѣ всѣ иновѣрцы отправляли богослуженіе по своему обряду». Онъ хотѣлъ построить церковь католическую въ Москвѣ для солдатъ иноземцевъ и вообще для пріѣзжающихъ въ Москву изъ католическихъ странъ. Вельможи стали возра-

*) Хроногр. И. П. Б., 485.

**) Хроногр., хран. въ Арх. Комм.

жать. Димитрій говорилъ имъ: «они христіане и вполнѣ заслуживаютъ этого вниманія; почему же протестантамъ дозволено было прежде построить свою церковь? И для нѣмцевъ-тѣлохранителей я позволю пастору говорить проповѣди въ Кремлѣ, чтобъ не ходить имъ далеко въ нѣмецкую слободу». И не смотря на ропотъ, онъ дозволилъ пріѣхавшимъ съ нимъ іезуитамъ Черниковскому и Савицкому отправлять въ Кремлѣ римско-католическое богослуженіе. Съ ними онъ совѣтовался о распространеніи просвѣщенія въ Московскомъ государствѣ; по его порученію одинъ изъ нихъ писалъ къ Антонію Поссевину и просилъ доставить печатную славянскую Библію и другія религіозныя печатныя книги. Царь хотѣлъ распространить чтеніе св. писанія. Поссевинъ нашелъ только служебникъ, новый завѣтъ и маленькій катехизисъ, печатанные для далматовъ, и обратился къ тогдашнему тосканскому герцогу, который занимался печатаніемъ книгъ на разныхъ языкахъ; онъ просилъ его обратить вниманіе на изданіе славянскихъ книгъ для Московскаго государства. Разумѣется, главная цѣль у кардинала была — введеніе римскаго католичества и подчиненіе папѣ русской церкви *).

Димитрій не любилъ монаховъ, обвинялъ ихъ въ тунеядствѣ, смѣло грозилъ посягнуть на ихъ достояніе, велѣлъ сдѣлать опись монастырскихъ имѣній, говорилъ, что хочетъ оставить имъ только необходимое для содержанія, а все прочее отберетъ въ казну По этому поводу онъ замѣтилъ: «лучше пусть пойдутъ ихъ богатства на защиту святой вѣры и христіанскаго жительства отъ невѣрныхъ!

Присматриваясь къ обстоятельствамъ, Димитрій долженъ былъ приходить къ убѣжденію, что дѣло европейскаго образованія въ Московскомъ государствѣ слѣдовало начинать съ

*) Esame critic. 190.

покоренія Крыма. До тѣхъ поръ, пока у Московскаго государства будетъ подъ бокомъ это хищническое гнѣздо, изъ котораго почти каждый годъ дѣлались набѣги, доходившіе иногда вплоть до Москвы, для обитателей Московскаго государства не было безопасности, и слѣдовательно нельзя было думать о внутреннихъ преобразованіяхъ. Московская Русь находилась въ бѣдственномъ положеніи отъ безпрестанныхъ набѣговъ татаръ; лучшія земли оставались незаселенными, украинное поселеніе загонялось въ плѣнъ, а потомъ приходилось выкупать дорого плѣнныхъ; невѣрные обогащались, а русскій народъ оставался въ бѣдности; лучше разомъ рѣшиться на смѣлое дѣло, покорить варваровъ и сдѣлать ихъ безвредными, чѣмъ томиться и страдать отъ безпрестанныхъ раззореній. Ему представлялась возможность освободить отъ турецкаго ига восточныхъ христіанъ и пріобрѣсти въ исторіи безсмертную славу себѣ и своему народу. Въ тѣ времена, папы указывали на это блестящее призваніе Московскому государству; Димитрій неизбѣжно долженъ былъ захватить въ Польшѣ мысль о такомъ призваніи Московскаго государства, и теперь, сдѣлавшись царемъ этой страны, восхищался надеждою, что ему суждено исполнить это указаніе судебъ. Въ этихъ видахъ онъ дѣлалъ приготовленія къ войнѣ съ турками и замышлялъ склонить къ содѣйствію западныя страны.

Съ самаго прибытія въ Москву, война съ турками и татарами не сходила у него съ языка. Дѣятельно работали на пушечномъ дворѣ, дѣлали новыя пушки, мортиры, ружья *). Тамъ подвизались пріѣзжіе иностранцы. Самъ царь часто туда ѣздилъ, самъ пробовалъ новое оружіе. Онъ устраивалъ военные маневры, которые вмѣстѣ были и потѣхою, и упражненіемъ. Въ этихъ играхъ онъ сбрасывалъ

*) Bussov. 39.

съ себя царственное достоинство, работалъ за урядъ съ прочими, не сердился, когда его въ давкѣ толкали и сбивали съ ногъ, даже, когда онъ получалъ удары. Такихъ примѣрныхъ сраженій онъ устраивалъ нѣсколько. Зимою на льду Москвы-рѣки онъ построилъ крѣпость; польская рота должна была брать ее. На окнахъ сдѣланы были изображенія чудовищъ, знаменовавшихъ татарскую силу, которую царь намѣревался побѣждать. Московскіе люди испугались этихъ чудовищъ: они имъ напоминали чертей. Лѣтомъ и осенью строилъ онъ земляныя укрѣпленія и приказывалъ однимъ брать, другимъ защищать, чтобъ такимъ образомъ познакомить своихъ служилыхъ съ искусствомъ овладѣвать укрѣпленіями*). Близъ села Вяземы онъ устроилъ зимою изъ снѣгу крѣпость; но сдѣлалъ ту ошибку, что раздѣлилъ стороны по народностямъ: русскіе должны были защищать, а поляки и нѣмцы брать. Вмѣсто оружія слѣдовало употреблять снѣжные комки. Димитрій съ иноземцами взялъ крѣпость, полонилъ воеводу, и съ похвальбою сказалъ: «вотъ такъ я завоюю Азовъ и возьму въ плѣнъ татарскаго царя!» Послѣ этой игры слѣдовало угощеніе. Димитрій велѣлъ играть музыкантамъ; раздались пѣсни, полились напитки; но тутъ одинъ бояринъ сказалъ ему тихонько: «царь, у нѣмцовъ снѣгъ въ комкахъ былъ очень твердъ; нашимъ фонари подъ глазами поставили; князья и бояре разсердились; у нихъ у каждаго по острому ножу за поясомъ: какъ бы кровавой пирушки не вышло изъ этого!» Димитрій долженъ былъ осторожнѣе обращаться съ такими потѣхами. Русскіе оскорблялись, когда иноземцы, будучи въ ихъ землѣ, слишкомъ явно гордились преимуществами своего воспитанія и гласно честили русскихъ невѣждами и варварами. Димитрій хотѣлъ, чтобъ между ними было со-

---

*) Is. Mass. 81.

гласіе, чтобъ иноземцы были снисходительны къ русскимъ, а русскіе сознавали бы преимущества иноземцевъ. Это было невозможно *).

Предполагаемая война съ мусульманскимъ міромъ была главнымъ поводомъ его внѣшнихъ политическихъ сношеній. Самъ онъ безъ союзниковъ не могъ отважиться на такую борьбу. Прежде всего ему нужно было содѣйствіе Польско-Литовской Рѣчи Посполитой. Онъ могъ надѣяться на нѣмецкаго императора, владѣтеля венгерскихъ земель, не разъ испытавшихъ на себѣ наплывъ грозной и многолюдной турецкой силы; въ послѣднее время, всѣ приглашенія къ союзу противъ Турціи отъ него исходили; и Димитрій, казалось, былъ ему давно желаннымъ союзникомъ. Богатая Венеція должна была пособлять этому союзу деньгами и своимъ флотомъ, въ надеждѣ утвердить свое надломленное господство въ Архипелагѣ. Но Димитрій съ особеннымъ сочувствіемъ думалъ о союзѣ съ Генрихомъ IV французскимъ **). Этого государя онъ уважалъ болѣе всѣхъ, слушалъ съ участіемъ разсказы объ немъ отъ француза Маржерета, хотѣлъ завязать съ нимъ дружескія сношенія и намѣревался отправить къ нему посольство послѣ своей свадьбы. Было много такого, что̀ привлекало его къ Генриху; казалась подобною судьба французскаго государя его собственной судьбѣ: также точно онъ добылъ оружіемъ престолъ, также былъ великодушенъ ко врагамъ, какимъ хотѣлъ казаться московскій государь; Димитрій сочувствовалъ желанію Генриха даровать какъ можно болѣе удобствъ жизни и благосостоянія своимъ подданнымъ. Какъ Генрихъ, бывши въ душѣ протестантомъ, долженъ былъ уживаться съ римско-католическими подданными и увертываться отъ

*) Bussov. 41.—Petr. 181.

**) Marger. 96.

римско-католическаго фанатизма, такъ и Димитрій, съ своимъ широкимъ и свободнымъ взглядомъ на религію, долженъ былъ сживаться съ исключительностію древнихъ народно-религіозныхъ понятій въ своемъ царствѣ, да въ добавокъ избавляться отъ покушеній іезуитовъ набросить на него свои сѣти.

Но отложивши сношенія съ отдаленною Франціею, онъ вступилъ въ сношеніе по вопросу о войнѣ противъ Турціи съ Польшею и съ папою, главою римско-католическаго міра. Казалось, общіе интересы должны были расположить Польшу къ союзу: Польша должна была получать одинаковыя выгоды съ Московскимъ государствомъ въ предполагаемой войнѣ. Польскія владѣнія равномѣрно опустошались татарами, какъ и московскія; обѣ страны находились въ состояніи безпрерывной войны съ Крымомъ и должны были въ равной степени истощать свои жизненныя силы и свою дѣятельность на постоянную защиту своихъ южныхъ границъ; на окраинахъ обѣихъ странъ были казаки, которые столько же могли быть полезны для государства, если ихъ правильно употребить на войну съ турками, веденную ими и безъ того набѣгами, сколько и гибельны, если, допустивъ существованіе казаковъ, стѣснять ихъ стремленіе извнѣ, и тѣмъ самымъ дать поводъ обратиться внутрь. Опытъ предыдущей исторіи уже показалъ, что Рѣчь Посполитая и Московское государство, предоставленныя собственнымъ одиночнымъ силамъ, не могли обезопасить своихъ предѣловъ отъ невѣрныхъ, тѣмъ болѣе, что одна страна не только не помогала другой противъ татаръ, но въ пагубномъ заблужденіи каждая думала обратить въ свою пользу бѣдствія другой; пора была опомниться и понять, что всякій разъ, когда одна изъ этихъ странъ возбуждала татаръ противъ соперницы, въ тоже время она дѣлала вредъ самой себѣ или приготовляла

его на будущее время. Только при взаимномъ содѣйствіи можно было и той и другой избавиться отъ неизбѣжнаго зла. Папы издавна, по старому преданію, хотѣли подвинуть христіанство противъ мусульманскаго востока и всегда были рады такому союзу. Со времени завоеванія Константинополя турками, крестовый походъ сдѣлался стереотипною фразою у римскаго двора. Но, къ сожалѣнію, и папа, и Сигизмундъ прежде всего надѣялись осуществить иного рода виды на Димитрія: папа разсчитывалъ посредствомъ его покорить Россію своей духовной власти, а Сигизмундъ надѣялся, что московскій государь, возведенный на престолъ при помощи поляковъ и расположенный въ добавокъ жениться на полькѣ, будетъ покорнымъ вассаломъ польскаго короля. И съ тѣмъ и съ другимъ Димитрій долженъ былъ увертываться. Зоркіе взоры святаго отца, римскихъ кардиналовъ, папскаго нунція въ Польшѣ, римско-католическихъ епископовъ и іезуитовъ не переставали слѣдить за ходомъ дѣлъ въ Московіи и за ея новымъ государемъ. Какъ только Димитрій усѣлся въ Москвѣ, папа Павелъ V прислалъ къ новому царю поздравительную грамоту, писанную въ іюлѣ, напоминая, что онъ уже принялъ римско-католическую вѣру, побуждалъ сохранять ее, поучалъ, что онъ станетъ сильнѣе молитвами, чѣмъ оружіемъ, а совѣты благочестивыхъ мужей будутъ ему полезнѣе совѣтовъ крѣпкихъ въ браняхъ вождей. Въ тоже время святой отецъ хвалилъ Сигизмунда за оказанное расположеніе къ Димитрію и просилъ впередъ не забывать дѣлъ церкви, когда будетъ вести дѣла съ Московскимъ государствомъ. Въ письмахъ къ краковскому епископу Мацѣіовскому, родственнику Мнишка, святой отецъ просилъ этого прелата содѣйствовать съ своей стороны воеводѣ во вліяніи, какое тотъ имѣетъ на Димитрія. Въ Римѣ вѣрили, что для обращенія въ римское католичество Рос-

сіи достаточно, если царь этой страны принялъ эту вѣру. «Мы узнали—было сказано въ этомъ письмѣ—что Димитрій не только съ дѣтства напитанъ римско-католической религіей, но и возгорѣлся истинною любовью къ Богу и преданъ римской церкви. Съ твоимъ благоразуміемъ, ты поймешь, какъ это полезно для римско-католической церкви. Мы несомнѣваемся, что если Димитрій, какъ надѣемся, пребудетъ твердъ, то и всѣ московиты будутъ приведены къ лону святой римской церкви. Этотъ народъ, какъ мы узнали, безконечно преданъ своимъ государямъ» *). Папа писалъ къ Мнишку въ выраженіяхъ самыхъ льстивыхъ, наиболѣе способныхъ плѣнить его высомѣріе, приписывалъ обращеніе Димитрія заботамъ воеводы, прославлялъ его благоразуміе и способности. «Самъ знаешь—было сказано въ письмѣ его — что наше давнее желаніе — привести народъ московскій, издавна отпадшій отъ римско-католической религіи и блуждающій во тьмѣ, въ лоно святой церкви. Обрати всѣ помышленія твои, все разумѣніе твое на великое дѣло славы божіей, на спасеніе ближнихъ, чтобы московиты присоединились къ римской церкви. Употреби все стараніе, и все прилежаніе, чтобъ ревность къ вѣрѣ Димитрія не только утвердилась, но умножилась и исполнилась, и будетъ тебѣ слава предъ людьми и вѣчное спасеніе у Бога на небеси **).» Папа писалъ къ королю, похвалялъ его за расположеніе къ Димитрію во время его пребыванія въ польскихъ владѣніяхъ. Святой отецъ выражался такъ: «Такъ какъ Димитрій, будучи изгнанникомъ въ Польшѣ, принялъ католическую вѣру и, сколько мы думаемъ, хранитъ ее, то этимъ путемъ, надѣемся, введется она въ Московское государство. Уже и теперь не мало

*) Hist. Russ. Mon. 62.

**) Ibib. 63.

принесено пользы отъ твоего покровительства. Это мы тебѣ замѣчаемъ для того, чтобъ ты и на будущее время помогалъ нашему дѣлу.» Король въ отвѣтъ писалъ ему утѣшительное извѣстіе, что Димитрій не измѣняетъ своему обѣщанію и покровительствуетъ католикамъ въ своемъ государствѣ *).

Въ августѣ, папа, не зная образа мыслей Димитрія, отправилъ въ Польшу племянника нунція Рангони, Александра Рангони, съ тѣмъ, чтобъ онъ ѣхалъ въ Московію лично поздравить Димитрія и переговорить съ нимъ о дѣлѣ вѣры. Онъ повезъ довѣрительныя письма отъ святаго отца къ Димитрію, гдѣ папа извѣщалъ московскаго царя, что поручаетъ послу говорить съ Московскимъ государемъ откровенно **). Въ Польшѣ лучше знали ненависть московскихъ людей къ римскому католичеству, чѣмъ въ Италіи, и не совѣтовали ѣхать въ Московское государство папскому послу. Самъ Сигизмундъ былъ противъ этого. Когда въ Римѣ узнали, что король не хочетъ отправки посла, то также запретили нунцію посылать его ***). Сообразили, что лучше узнать мысли Димитрія отъ его посла, когда онъ пришлетъ его въ Польшу. Но папскій нунцій, не дождавшись запрещенія изъ Рима, послалъ племянника въ Москву. Молодой Рангони пріѣхалъ въ столицу и былъ принятъ отлично: его встрѣтили за нѣсколько верстъ съ пушечными выстрѣлами, съ колокольнымъ звономъ, съ трубами, литаврами, съ большимъ стеченіемъ нарядно одѣтыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, какъ вообще встрѣчали знатныхъ пословъ. Димитрій сдѣлалъ ему пышный пріемъ, сидя на тронѣ, окруженный духовными и свѣтскими сановниками, изумилъ итальянца и его свиту блестящимъ богатствомъ

*) Рукоп. Имп. П. Библ. Hist. Polon. IV. N. 119.

**) Hist. Russ. Monum., II. 64.

***) Ibid. 79—80.

золотыхъ сосудовъ и одеждъ, обиліемъ медовъ и винъ. Онъ поговорилъ съ нимъ наединѣ. Чтò онъ говорилъ, осталось тайною, но невидно, чтобы Рангони вывезъ что нибудь утѣшительное; напротивъ, его выпроводили какъ можно скорѣе, подъ предлогомъ, что москвитяне не привыкли къ такимъ посѣщеніямъ и уже толкуютъ пріѣздъ Рангони въ дурную сторону *).

Въ сентябрѣ, святой отецъ написалъ письмо къ Димитрію, гдѣ доказывалъ, что одна только есть истинная вѣра, ведущая къ спасенію—римская, по благословенію Христа, давшаго власть апостолу Петру, основанная на камнѣ, которую не одолѣютъ врата адовы, и только на ней, какъ на твердомъ камнѣ, могутъ незыблемо стоять земныя царства **).

Въ ноябрѣ, Димитрій писалъ къ нунцію письмо, не упоминалъ вовсе объ этомъ сентябрскомъ письмѣ св. отца, ссылался только на письмо папы къ нунцію въ Польшѣ. Нунцій прислалъ къ нему латинскую библію новаго изданія и напоминалъ съ своей стороны, чтобъ онъ торопился соединить греческую церковь съ римской ***). Но и эти уловки не привели Димитрія къ тому, чтобъ рѣшительно высказаться такъ, какъ бы хотѣлось папѣ. Въ концѣ 1605 года, Димитрій отправилъ къ папѣ своего домашняго іезуита Андрея Савицкаго. Въ грамотѣ, которую онъ повезъ, не было и намека похожаго на обѣщаніе вводить католичество въ русской землѣ, не говорилось и о собственномъ принятіи римской вѣры, не было даже увѣреній въ особенномъ расположеніи царя къ римскому католичеству. Вмѣсто чего нибудь подобнаго, царь говоритъ: «возложа

---

*) Ibid. 53—54.
**) Hist. Russ. Mon. II, 68
***) Собр. гос. гр. I, 219.

надежду на божію помощь и покровительство, мы намѣрены проводить жизнь не въ праздности и не въ бездѣйствіи; стараться о святой церкви и христіанствѣ, и обратить оружіе наше вмѣстѣ съ силами императора римскаго на враговъ святаго креста; а такъ какъ для всего христіанства—естественныя причины къ этой войнѣ, то мы, приступая къ ней, съ полнотою души уповаемъ, что Богъ дастъ намѣренію нашему свое благословеніе, ибо оно будетъ полезно всѣмъ прочимъ христіанамъ; поэтому мы надѣемся, что ваше святѣйшество одобрите его, и просимъ убѣдительно ваше святѣйшество, по вашему значенію у императора римскаго, убѣдить его величество—не заключать съ турками мира, но войти въ общій съ нами совѣтъ о продолженіи войны противъ нихъ *).» Послѣ отъѣзда Савицкаго, папа не оставлялъ Димитрія и письмами, и нарочными, и 5 марта Димитрій написалъ снова письмо, кажется, уже послѣднее въ своей жизни къ папѣ, гдѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ только благодарилъ за вниманіе, оказанное къ нему во время его борьбы съ измѣнниками, потомъ за поздравленія по поводу обрученія съ Мариною и наиболѣе за выраженное расположеніе и добрые совѣты, клонящіеся къ славѣ божіей, благосостоянію христіанскаго общества и процвѣтанію Московской имперіи. Въ заключеніе, онъ извѣщалъ, что графъ Александръ Рангони вѣроятно сообщалъ ему о пріемѣ его, и разсыпался въ похвалахъ высокимъ качествамъ этого господина. Категорически высказанной готовности сдѣлать то, чего добивались папы, не было и въ этомъ письмѣ, какъ въ предъидущемъ *).

Эти посланія доказываютъ, что Димитрій вовсе не имѣлъ намѣренія исполнять то, что обѣщалъ когда-то въ Краковѣ—вводить римско-католическую вѣру, даже и не

*) Собр. гос. гр. II, 243.

**) Письмо Димитрія, сообщенное г. Минцлофомъ.

считалъ себя принявшимъ ее лично. Отвѣтъ святаго отца на письмо царя отъ 5 марта, уже не заставшій Димитрія въ живыхъ, показываетъ тоже: папа, хотя и говоритъ ему о великомъ полѣ для жатвы, но замѣчаетъ, что іезуитъ сообщалъ ему не такія утѣшительныя вещи, какихъ онъ ожидалъ, и совѣтовалъ отдалить отъ себя еретиковъ и слушаться благочестивыхъ мужей. Въ тоже время, какъ ни побуждалъ его въ своихъ безпрестанныхъ письмахъ нунцій изъ Польши, Димитрій не отвѣчалъ ему ни малѣйшими намеками на согласіе вводить католичество въ своей землѣ, хотя въ наказѣ, данномъ Савицкому, хлопоталъ предъ лицомъ папы о дарованіи кардинальской шапки нунцію Рангони, котораго называлъ своимъ пріятелемъ. Однимъ словомъ, папа и нунцій писали ему о распространеніи римскаго католичества, а онъ имъ о войнѣ съ турками, показывая какъ будто, что прежде нужно сдѣлать что нибудь для этого вопроса, а потомъ уже говорить о другомъ.

Сигизмундъ, вскорѣ послѣ вѣнчанія Димитрія, прислалъ посланника своего Александра Корвина-Гонсѣвскаго съ поздравительною грамотою, очень короткою, гдѣ поручалось вѣрить посланнику и словамъ его наказа. Какъ только разнесся слухъ, что ѣдетъ польскій посланникъ въ Москву, дворяне изъ Ржевы Володимеровой и Зубцова пріѣхали къ нему на дорогу и говорили: «мы выѣхали нарочно бить челомъ и воздать хвалу его величеству королю, вашему государю, и всей Польшѣ за то, что нашъ приroженый государь Димитрій Ивановичъ укрывался отъ бѣды въ земляхъ королевскихъ, никакого насильства не потерпѣлъ у васъ, въ добромъ здоровьѣ пріѣхалъ въ Москву и сѣлъ на престолъ предковъ своихъ». Когда онъ пріѣхалъ въ Москву, и тамъ ему заявляли такую же благодарность, какъ будто вся земля русская согласилась говорить одно и тоже: «Дай Богъ много лѣтъ здравствовать королю Сигизмунду! —говорили

русскіе — дай Богъ, чтобъ и впередъ было между нами и вами братское согласіе *)! »

Гонсѣвскій, прежде всего—какъ говорится: не въ бровь, а въ глазъ,—припомнилъ Димитрію, что король въ его несчастіи и униженіи оказывалъ ему любовь, пособлялъ и помогалъ въ отысканіи отеческаго наслѣдія, сколько было возможно, и теперь готовъ оказывать прямую любовь, если отъ Димитрія будетъ видѣть взаимность. Затѣмъ онъ сообщилъ Димитрію отъ имени короля по секрету, что распространяется слухъ, будто Борисъ живъ: проявился въ Украинѣ и Литвѣ, во владѣніяхъ королевскихъ, какой-то Алешка; родился онъ отъ иноземца, крещенъ въ дѣтствѣ Борисомъ въ греческую вѣру, служилъ въ крестовыхъ дьякахъ, потомъ въ приказахъ стрѣлецкомъ и казенномъ; и вотъ что разсказываетъ этотъ Алешка: когда Димитрій былъ еще въ Путивлѣ, волшебники, которыхъ Борисъ держалъ при себѣ и довѣрялъ имъ, сказали ему, что пока Борисъ будетъ сидѣть въ Москвѣ, то не оборонится отъ Димитрія, но еслибъ онъ на время выѣхалъ изъ московской земли въ чужую, а сынъ его Ѳедоръ сдѣлался бы царемъ, то онъ бы могъ удержать за собою царство и оборониться отъ враговъ; тогда Борисъ опоилъ какого-то человѣка похожаго на себя, велѣлъ положить въ гробъ и распустилъ молву, будто Борисъ умеръ: не зналъ этого даже и сынъ его,—и тотъ думалъ, что отецъ умеръ; знали тайну только Борисова жена да Семенъ Годуновъ; самъ Борисъ, набравши золота, серебра и разныхъ драгоцѣнностей, подъ видомъ торговаго человѣка, уѣхалъ въ Англію и тамъ теперь находится. Король, какъ услышалъ объ этомъ, велѣлъ узнать, дѣйствительно ли такъ, какъ говорилъ Алеша. А между тѣмъ ему извѣстно, что многіе люди не преданы Димитрію

*) Supplem 437.

въ Московскомъ государствѣ, и поэтому онъ велѣлъ своимъ украинымъ воеводамъ быть на всякій случай наготовѣ для обороны московскаго государя: имъ будетъ приказано выступить, куда окажется нужно, по грамотѣ Димитрія.

Ясно было, что король хотѣлъ увѣрить московскаго государя, что его дѣло шатко и зависитъ отъ милости и покровительства польскаго короля. Обрисовавши такимъ образомъ положеніе Димитрія, посланникъ Сигизмунда домогался, чтобъ Димитрій помогалъ королю, за его расположеніе, противъ шведскаго короля Карла, отнявшаго престолъ у Сигизмунда. Отъ московскаго государя требовалось: когда придутъ послы отъ шведскаго короля, то ихъ задержать и отослать къ польскому королю; да еще хотѣлъ Сигизмундъ, чтобы проживающій въ Россіи шведскій королевичъ Густавъ, сынъ Эрика, не пользовался пріютомъ и честію; чтобъ польскимъ служилымъ людямъ выплачено было жалованье; чтобъ торговымъ людямъ изъ Польши и Литвы предоставлена была свободная торговля, и, наконецъ, чтобы дозволено было возвратиться семейству Хрипуновыхъ, которое убѣжало въ Литву, спасаясь отъ Бориса.

Димитрій положительно согласился на свободную торговлю купцовъ литовскихъ и на возвращеніе Хрипуновыхъ, потому что первое предоставлялось не только литовскимъ, но и всѣмъ вообще иноземнымъ купцамъ въ его государствѣ, а второе вѣроятно потому, что всѣмъ измѣнникамъ во времена Борисовы можно было смѣло возвращаться въ отечество, когда въ немъ царствуетъ государь, низвергшій Бориса. Относительно прочаго, Димитрій сразу показалъ, что не хочетъ играть подначальной роли у Сигизмунда, и что его нельзя принудить какимъ-нибудь страхомъ. «Мы увѣрены—отвѣчалъ онъ—что Бориса нѣтъ въ живыхъ,

и намъ не угрожаетъ ни откуда опасность; но мы вообще благодаримъ за предостереженіе и за готовность помогать въ случаѣ, еслибъ явилось что нибудь враждебное; о шведскихъ послахъ тогда станемъ совѣщаться и думать съ королемъ Сигизмундомъ, когда эти послы пріѣдутъ. Густава же я держу у себя не такъ какъ шведскаго королевича, а такъ такъ смышленаго человѣка. Что же касается до шведскаго Карла, то я готовъ послать ему суровый отзывъ». Гонсѣвскій, по порученію короля, напомнилъ ему объ исполненіи условій, которыя лежали въ шкатулкѣ у Боболи. Димитрій заявилъ, что не король Сигизмундъ посадилъ его на московскій престолъ, а Московскаго государства народъ самъ призналъ его, увидавши законнаго наслѣдника своихъ государей, слѣдовательно и нельзя требовать отъ него жертвъ въ видѣ вознагражденія. Онъ давалъ согласіе стараться всѣми силами, чтобъ устроилось вѣчное соединеніе Московскаго государства съ Польскимъ для чести и благополучія обоихъ народовъ, но отказывалъ строить костелы и вводить римско-католическое духовенство, особенно іезуитовъ, во вредъ отеческой вѣрѣ. Довольно было терпимости, которая оказывалась всѣмъ вообще иновѣрцамъ въ государствѣ: всякое явное покушеніе на введеніе католичества или подчиненіе русской церкви римскому первосвященнику возбудило бы противъ царя подданныхъ, погубило бы его самого преждевременно и никакой пользы не принесло бы католичеству. Онъ объявилъ, что исполняетъ свое обѣщаніе жениться въ Польшѣ и хочетъ сочетаться бракомъ съ дочерью Сендомирскаго воеводы. Обѣщаніе дѣйствительно исполнилось буквально, конечно къ тайному неудовольствію короля Сигизмунда, который разсчитывалъ отдать свою сестру за московскаго государя. Что касается до одтачи Смоленска и Сѣверской земли, Димитрій объявилъ тогда, что это совершенно невозможно: Москва не

дозволить этого никогда. Но такъ какъ въ Польшѣ находилась невѣста царя, то онъ разсудилъ, что не слѣдуетъ раздражать Сигизмунда то тѣхъ поръ, пока ее не отпустятъ къ нему; онъ объявилъ, что, вмѣсто этихъ земель, изъ любви и расположенія къ польскому королю, впослѣдствіи поможетъ ему при нуждѣ денежною суммою, но не опредѣлилъ, въ какомъ размѣрѣ. Конечно, это говорилось безъ твердаго намѣренія сдѣлать, или съ надеждою повернуть со временемъ вопросъ иначе, чтобъ, повидимому, исполнить обѣщаніе, но такъ, что исполненіе будетъ выгоднѣе для Московскаго государства, чѣмъ для Польши *). «Прежде, сказалъ Димитрій, мнѣ нужно удостовѣриться, въ какой любви и въ какомъ союзѣ будемъ мы находиться съ польскимъ королемъ. А теперь пока мы видимъ, что король убавляетъ нашъ титулъ и именованіе **)».

Димитрій потребовалъ, чтобъ въ грамотахъ, писанныхъ на его имя, его именовали бы не только великокняжескимъ, но царскимъ титуломъ, который онъ по справедливости имѣетъ отъ предковъ; онъ переводилъ *царскій* титулъ на латинскій языкъ и потребовалъ, чтобъ его писали *цесаремъ*; да еще прилагалъ къ своему титулу эпитетъ: *непобѣдимый*, по образцу польскому. Это было заявлено потому, что польскіи король начиналъ обращаться съ нимъ какъ съ вассаломъ, и Димитрій хотѣлъ на первыхъ парахъ не дозволить ему дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ родѣ: требованіемъ высокаго титула онъ хотѣлъ прекратить притязанія Сигизмунда, ибо императорскіи титулъ ставилъ его по значенію выше польскаго короля; вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ это онъ хотѣлъ не дозволить польскому королю и полякамъ смотрѣть свысока на политическое значеніе Московскаго государства и строить на его счетъ честолюбивые

*) Русск. Библ. Красин. В. 3.
**) Собр. гос. грам. II, 216.

планы. Но чтобъ до поры до времени не раздражать польскаго короля, онъ, чрезъ племянника папскаго нунція Александра Рангони, сообщалъ, что хотя и требуетъ цесарскаго титула и не перестанетъ его требовать, однако не намѣренъ вступать изъ-за него въ войну: онъ принужденъ такъ поступать ради своихъ подданныхъ, ибо распространился слухъ, будто бы онъ хотѣлъ отдать королеву Польскому часть земель своихъ; надобно же противными поступками разсѣять эти слухи *).

IV.

Посольство въ Польшу дьяка Аѳанасья Власьева. — Обрученіе съ Мариною Мнишекъ

Осенью Димитрій выслалъ въ Польшу посломъ Аѳанасія Власьева. Посолъ этотъ повезъ королю грамоту и подарки; ему было поручено совершить по католическому обряду обрученіе съ панной Мариною и препроводить ее съ отцомъ въ Москву. Съ нимъ поѣхало до двухсотъ подводъ, на которыхъ повезли подарки несмѣтной цѣны; ихъ провожало до сорока дворянъ, кромѣ прислуги. Посольство это прибыло въ Краковъ 29 октября и остановилось въ домѣ воеводы. Черезъ два дни явились къ нему королевскіе паны съ поздравленіемъ о прибытіи. Значеніе его было особенно важно: кромѣ того, что онъ былъ посолъ и представлялъ лицо государя своего въ политическомъ отношеніи, какъ всякій посолъ, онъ долженъ былъ представлять его лицо, какъ жениха. Посолъ явился къ сендомирскому воеводѣ, объявилъ ему подарки отъ нареченнаго зятя — коня въ яблокахъ (что считалось достоин-

*) Щерб. VII, 18, 48. Рук. Библ. Красин. ibid.

ствомъ), верховой приборъ съ золотою цѣпью вмѣсто поводьевъ, оправленную дорогими камнями булаву, мѣха расшитые золотомъ, персидскіе ковры и разныя дорогія вещицы, да живаго соболя, живую куницу, трехъ кречетовъ. 4 ноября пригласили посла къ королю Сигизмунду. На этомъ первомъ представленіи посолъ представилъ царскую довѣрительную грамоту, потомъ долженъ былъ, по своему наказу, излагать предложеніе о войнѣ съ турками. Власьевъ сказалъ:

«Божіею милостію, великій государь царь и великій князь Димитрій Ивановичъ, всея Русія самодержецъ, вамъ великому государю, пріятелю и сосѣду своему королю Сигизмунду, велѣлъ говорити: За грѣхи всего христіанства, по несогласію государей христіанскихъ, непріятель святого креста султанъ турецкій овладѣлъ многими христіанскими странами, и наипаче Греціею, гдѣ есть корень и глава всякаго благочестія, благословеннымъ Виѳлеемомъ, гдѣ изволилъ родиться Господъ нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій и Слово, священнымъ Назаретомъ и Галилеею и Поморскою страною и Іерусалимомъ, самымъ святымъ градомъ, гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, сотворивши многія чудеса, принялъ вольную страсть и смерть за спасеніе наше и въ третій день воскресъ: всѣ эти священныя мѣста видимъ нынѣ въ суровыхъ рукахъ измаильтянъ; наша святая православная христіанская вѣра повсюду попираема и унижена; христіане какъ стадо безъ пастыря; злобная власть невѣрныхъ повсюду простирается и распространяется, покоряетъ многія христіанскія государства и ничѣмъ ненасытима пребываетъ. Нынѣ доходитъ до нашего царскаго величества вѣсть, что непріятель всего христіанства и креста святого турецкій султанъ у Рудольфа императора римскаго въ Венгерской землѣ покорилъ области и замки и во многихъ другихъ мѣстахъ правовѣрнымъ христіанамъ

чинится утѣсненіе. О семъ мы, великій государь Димитрій Ивановичъ, искренно сожалѣемъ и усердно Бога просимъ и о томъ намѣрены промышлять, чтобъ намъ, всѣмъ государямъ христіанскимъ, быть между собою въ дружбѣ, любви и соидинеии, дабы нашимъ, великихъ государей, стараніемъ христіанство освободилось отъ бусурманства и рукою нашею было возвышено, а невѣріе бы упадало. А вамъ, великому государю королю Жигимонту, напоминаемъ и съ любовію объ этомъ извѣщаемъ и желаемъ отъ васъ узнать: какова будетъ ваша мысль о такихъ важныхъ дѣлахъ, дабы вамъ, великому государю, пріятелю и сосѣду нашему, помыслить объ этомъ, и намъ, великому государю, объявить мысль свою чрезъ нашего подскарбія и намѣстника Муромскаго думнаго дьяка и отписать объ этомъ: какъ ваше помышленіе о томъ, чтобъ нашимъ государскимъ стараніемъ христіанство было освобождено отъ ихъ рукъ невѣрныхъ *).

Исправивши посольство, Власьевъ представилъ королю подарки собственно отъ себя: соболей, три коня съ приборомъ, бриліантовый перстень и лукъ съ колчаномъ и стрѣлами съ золотой оправою.

О сватовствѣ не говорилось на этомъ первомъ представленіи; дѣло частное отложено было до другаго раза.

На другой день, король пригласилъ русскихъ на балъ. Самъ посолъ не присутствовалъ на немъ, отговорившись нездоровьемъ.

8 ноября было второе представленіе. Московскій посолъ объявилъ о желаніи своего государя отъ его имени такими словами:

« Мы, великій государь цесарь и великій князь всея Руси самодержецъ, били челомъ и просили благословенія у матери нашей великой государыни, чтобъ она дозволила намъ,

*) Рукоп. Имп Публ. Библ. Hist. Polon. IV. № 119.

великому государю, соединиться законнымъ бракомъ, ради потомства нашего цесарскаго рода, и пожелали взять себѣ супругою великою государынею въ нашихъ праславныхъ государствахъ дочь сендомирскаго воеводы Юрія Мнишка, потому что, когда мы находились въ вашихъ государствахъ, панъ воевода сендомирскій нашему цесарскому величеству оказалъ великія услуги и усердіе и намъ служилъ, и ты бы, государь, братъ нашъ король Сигизмундъ, позволилъ сендомирскому воеводѣ и его дочери ѣхать къ нашему цесарскому величеству, и для братской любви самъ бы ты, великій государь, былъ у нашего цесарскаго величества въ Московскомъ государствѣ.»

9 ноября пріѣхала невѣста съ матерью изъ Самбора, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ.

12 числа былъ день обрученія. Оно совершалось въ каменномъ домѣ ксендза Фирлея. Въ приготовленную залу прибылъ король Сигизмундъ съ сыномъ Владиславомъ и сестрою, носившею титулъ шведской королевны. Кардиналъ Бернардъ Мацѣіовскій съ двумя прелатами стоялъ въ драгоцѣнномъ церковномъ облаченіи и готивился священнодѣйствовать. За нимъ стояла толпа церковниковъ, одѣтая въ блестящихъ стихаряхъ. Двое пановъ, воевода сѣрадзскій Александръ Конецпольскій и каштелянъ гнѣзненскій Пржіемскій, ввели посла. За нимъ двое служителей московитянъ несли шолковый коверъ, на которомъ должны стоять обручаемые. Посолъ поклонился Сигизмунду, а Сигизмундъ не привсталъ и даже не приподнялъ шапки, которая, по тогдашнему обыкновенію, была у него на головѣ. Этимъ, какъ многими другими выходками, король польскій хотѣлъ постоянно показывать, что считаетъ себя выше и важнѣе московскаго государя. Королевичъ Владиславъ, напротивъ, снялъ шапку. Откланявшись всей королевской семьѣ, посолъ сталъ на своемъ мѣстѣ.

Тогда двое пановъ, воевода ленчицкій Липскій и каштелянъ малогоскій Олесницкій, привели невѣсту. Марина одѣта была въ бѣлое алтабасовое платье, унизанное жемчугомъ и драгоцѣнными каміями; на головѣ у нея была безцѣнная корона, съ которой по распущеннымъ чернымъ волосамъ скатывались внизъ нитки жемчугу, перемѣшаннаго съ каменьями. Королевна стояла близъ Марины и была ad actum, какъ называлось. Король стоялъ рядомъ съ кардиналомъ. Двое особъ стояло близъ пословъ, двое близъ Марины, и составляли ассистенцію. Посолъ началъ рѣчью; она не была длинна: въ ней онъ только изложилъ, что царь послалъ просить ему въ супруги дочь воеводы сендомирскаго. Онъ окончилъ рѣчь свою обращеніемъ къ Мнишку, и просилъ его благословенія. Потомъ говорилъ краснословленную рѣчь канцлеръ Левъ Сапѣга, который тогда въ Рѣчи Посполитой славился искусствомъ ладно и складно говорить. На рѣчь его далъ отвѣтъ Липскій, воевода ленчицкій, и расхваливалъ качества московскаго царя такими словами: «невозможно достойно прославить признательность и благоразуміе царя; онъ, разъ принявши намѣреніе, въ воспоминаніе радушія, оказаннаго ему воеводою сендомирскимъ, и почтительнаго пріема при дворѣ его величества, теперь вступаетъ въ супружество съ дочерью пана воеводы.» Послѣ этихъ рѣчей говорилъ рѣчь кардиналъ: онъ вспомнилъ несчастное состояніе Москвы, когда московитяне хотѣли даже за моремъ и у сосѣдей отыскивать себѣ государя; наконецъ, Богъ далъ имъ царя настоящаго, природнаго. Кардиналъ сказалъ: «признательный за благодѣянія, оказанныя ему въ Польшѣ королемъ и націею, царь Димитрій обратился къ его милости королю со своими честными желаніями и намѣреніями, и чрезъ тебя, посла своего, проситъ руки вольной шляхтянки, дочери сенатора знатнаго происхожденія; царь желаетъ показать

этимъ благодарность и расположеніе къ польской націи. Въ нашемъ королевствѣ люди вольные; не новость панамъ, князьямъ, королямъ, монархамъ, а равно и королямъ польскимъ искать женъ себѣ въ домахъ вольныхъ шляхетскихъ; теперь такое благословеніе осѣнило Димитрія, великаго князя всей Русіи и васъ, подданныхъ его царскаго величества, ибо онъ заключаетъ союзъ съ королемъ государемъ нашимъ и дружбу съ королевствомъ нашимъ и вольными чинами.»

Въ рѣчи кардинала проглядывало тоже, какъ и у Сигизмунда, желаніе дать замѣтить, что Димитрій, облагодѣтельствованный Польшею, обязанъ помнить благодѣянія и считать себя ниже польскаго короля, а свою націю ниже польской.

По окончаніи этой привѣтственной рѣчи запѣли: *Veni Creator*. Всѣ стали на колѣни, кромѣ посла и шведской королевны. Кардиналъ, обратившись къ Маринѣ, произнесъ текстъ псалма. «Слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое и забуди домъ отца твоего.» Этимъ онъ намекалъ на то, что она уходитъ въ чуждую землю; онъ сравнивалъ посла со слугою Авраама, который посылалъ въ чужую землю своего раба за невѣстою своему сыну Исааку. Кардиналъ, по обряду обрученія, спросилъ посла: «не обѣщалъ ли царь прежде кому либо?»—«А почему я знаю! онъ мнѣ этого не говорилъ»,—сказалъ посолъ. Этотъ отвѣтъ развеселилъ всѣхъ. Паны ассистенты объяснили ему, что кардиналъ спрашиваетъ объ этомъ потому, что такъ слѣдуетъ по обряду. Власьевъ на это замѣчаніе удивилъ поляковъ своимъ простодушнымъ отвѣтомъ: «коли бъ кому обѣщалъ, такъ бы меня сюда не слалъ!» Кардиналъ по римско-католическому обряду сказалъ: «говори за мною, посолъ!» — и началъ говорить полатыни; Власьевъ сталъ было говорить за нимъ и удивилъ поляковъ, когда произ-

носилъ правильно и показалъ, что латинскій языкъ ему знакомъ, но потомъ не хотѣлъ продолжать и сказалъ: «паннѣ Маринѣ говорить имѣю я, а не ваша милость.» Онъ проговорилъ Маринѣ обѣщаніе отъ имени царя, а Марина—царю отъ своего имени. Когда пришло до перемѣны перстней, посолъ бережно вынулъ изъ маленькой коробочки перстень съ алмазомъ, величиною въ большую вишню, и далъ кардиналу; кардиналъ надѣлъ его на палецъ невѣстѣ, и, взявши отъ нея другой перстень, хотѣлъ надѣть на палецъ послу; но Власьевъ не осмѣлился не токмо что надѣть его себѣ на палецъ, даже дотронуться до него голыми руками, а взялъ его черезъ платокъ и спряталъ въ коробочку. Далѣе кардиналъ хотѣлъ связывать имъ руки: Власьевъ не считалъ себя достойнымъ прикоснуться голой рукой до руки царской невѣсты и потому обернулъ себѣ руку платкомъ, который приказалъ нарочно подать для этого. Насилу ассистенты принудили его дать Маринѣ руку, доказавши ему, что онъ здѣсь не своимъ лицомъ дѣйствуетъ, а изображаетъ своего государя. Какъ обрядъ окончился, капелланы кардинала приняли коверъ, на которомъ стояли обрученные, а посолъ выкупилъ его за сто червонныхъ. Это означало вознагражденіе за обрядъ.

Послѣ обрученія, всѣ пошли въ столовую къ обѣду. Посолъ шелъ за королемъ, а за нимъ сорокъ московскихъ дворянъ несли подарки невѣстѣ. Вмѣсто мачихи невѣсты, которая была тогда нездорова и не явилась къ обрученію, отбирала ихъ бабка Марины, пани Тарлова. Прежде всего отданъ былъ подарокъ отъ будущей свекрови, царицы Маоы Ѳедоровны: образъ святой Троицы, оправленный богато золотомъ съ камнями. Потомъ слѣдовало двадцать девять нумеровъ подарковъ отъ царя. Подарки эти были очень драгоцѣнны и затѣйливы. Кромѣ разныхъ сортовъ матерій, венеціанскихъ бархатовъ, турецкихъ атласовъ и ста двад-

цати пяти слитковъ фунтовъ жемчугу, бросались въ глаза кое-какія искусно обдѣланныя вещи: такъ, поляки засмотрѣлись на золотые часы, на которыхъ сверху стояло изображеніе слона съ башнею; эти часы были тѣмъ замѣчательны, что выдѣлывали разныя «штуки московскаго обычая»: били въ бубны, играли на флейтахъ и на двѣнадцати трубахъ такъ громко, что оглушили присутствовавшихъ, а въ концѣ всего ударили два часа, какъ тогда было это время дня. Обращало на себя вниманіе изображеніе корабля, сдѣланное съ чрезвычайнымъ искусствомъ и прелестію изъ золота съ каменьями и жемчугами. Затѣмъ разсматривали съ любопытствомъ золотаго вола: фигура эта раскрывалась, и въ срединѣ ея укладывался домашній приборъ. Нравился полякамъ и серебряный позолоченный человѣкъ, сидящій на оленѣ съ коралловыми ногами, стоявшемъ на верху большаго сосуда, сдѣланнаго изъ цѣльнаго дорогаго камня въ видѣ птицы съ крыльями. Любовались они и серебрянымъ пеликаномъ, пронзающимъ клювомъ собственное сердце, чтобъ кровью накормить дѣтей, и золотою павою съ красиво распущеннымъ хвостомъ: у ней перья дрожали, какъ у живой птицы. Кромѣ того, очень красивою показалась имъ запона съ жемчужиною, величиной съ грушу; далѣе, перстень, чарки: золотая, коралловая, гіацинтовая, крестики, золотое перо съ лаллами. «Вотъ истинно царскіе подарки!» — всѣ говорили въ одинъ голосъ.

Самъ посолъ отъ себя прибавилъ подарки, персидскій коверъ съ вытканными съ обѣихъ сторонъ золотыми фигурами. Потомъ онъ явилъ подарки отъ царя воеводѣ; изъ нихъ дороже и наглянѣе былъ опять конь съ приборомъ: объ этомъ послѣднемъ, разумѣется, посолъ только заявилъ здѣсь словесно.

Послѣ пріема подарковъ, начался обѣдъ. Стоялъ столъ, который заворачивался двумя краями. Посрединѣ сѣлъ ко-

роль; близъ него, на правомъ углу, помѣстилась нареченная царица московская; на лѣвомъ, королева и королевичъ Владиславъ; напротивъ сидѣли кардиналъ и папскій нунцій. Посла посадили подлѣ царской невѣсты; но надобно было поломаться, чтобъ посадить его: москвичъ упирался и говорилъ, что недостоинъ обѣдать за однимъ столомъ съ царственными особами; онъ боялся, чтобъ ему не было за это чего нибудь отъ царя; въ Москвѣ этого не предвидѣли и въ наказѣ не написали. Когда, наконецъ, его таки-убѣдили сѣсть, онъ остерегался, чтобъ своею одеждою не коснуться одежды своей будущей государыни. Въ продолженіе обѣда онъ не ѣлъ. Король чрезъ пана Войну спросилъ его: что значитъ, что онъ ничего не ѣстъ? Посолъ отвѣчалъ: «негодится холопу ѣсть съ государями.» Послѣ такого отвѣта, ему воевода сендомирскій замѣтилъ, что онъ теперь поситъ на себѣ лицо своего государя. Посолъ отвѣчалъ: «благодарю его величество короля, что меня угощаетъ во имя моего государя, но мнѣ не пристало ѣсть за столомъ такого великаго государя, короля польскаго, и ея милости королевны шведской; я и тѣмъ доволенъ, что смотрю на обѣдъ такихъ высокихъ особъ!» Полякамъ казался такой способъ уваженія къ царственнымъ особамъ дикимъ и черезчуръ раболѣпнымъ. Но и Марина ничего не ѣла за обѣдомъ. Когда по польскому обычаю предъ обѣдомъ носили тазы съ умывальникомъ и подавали умывать руки, посолъ не сталъ мыть рукъ, ибо не намѣревался ѣсть за столомъ; но онъ не отказался пить, когда пили за здоровье: отречься ему отъ такого питья значило бы отрекаться отъ желанія здоровья и благополучія. По польскому обычаю, пили за столомъ круговую, обращаясь съ чаркою другъ къ другу. Король послалъ своего подчашаго къ Маринѣ; тотъ говорилъ поздравленіе, а король, привставши со стула, пилъ; потомъ царица послала своего подчашаго къ королю: онъ

проговорилъ поздравленіе, а Марина въ это время, вставши, пила. Потомъ королевна пила, обращаясь къ царицѣ, царица къ королевичу, королевичъ къ послу, а посолъ, когда ему приходилось пить, обратившись къ кардиналу, всталъ со стула, сталъ за стуломъ и выпилъ изъ другой чарки. Потомъ царица пила за здоровье царя, обращаясь къ послу, а посолъ, когда ему пришлась очередь пить, снова сталъ за своимъ стуломъ и пилъ, обращаясь къ королевичу. Въ той же залѣ были еще столы гораздо подлиннѣе: направо обѣдали духовные и свѣтскіе сенаторы, а налѣво разные старосты, королевскіе дворяне и съ ними двадцать человѣкъ московскихъ дворянъ, пріѣхавшихъ съ посломъ. Поляки съ омерзѣніемъ глядѣли, какъ московскіе люди брали руками изъ мисъ кушанье и посылали горстями въ ротъ.

Пиръ продолжался до ночи. Въ другихъ покояхъ обѣдали дамы и придворные обоего пола. Когда подавали сласти (wety), воевода подарилъ королю, королевичу и королевнѣ сосуды, а московскій посолъ подарилъ отъ себя Маринѣ вышитый золотомъ коверъ и сорокъ соболей. Послѣ обѣда заиграла превосходная музыка, коронный и литовскій маршалки двора «учинили пляцъ»: начались танцы. Король протанцовалъ съ Мариною; четыре знатныхъ пана служили имъ; потомъ король далъ знакъ послу, чтобъ онъ пригласилъ на танецъ царицу, но посолъ не смѣлъ прикоснуться къ своей государынѣ, — говоря, что онъ недостоинъ; царица танцовала съ королевичемъ и съ королевной. Марина была дивно мила и прелестна въ тотъ вечеръ, въ коронѣ изъ драгоцѣнныхъ камней въ видѣ цвѣтовъ; московскіе люди и поляки равно любовались ея *) стройнымъ станомъ, быстрыми изящными, движеніями и роскошными черными волосами, развѣвавшимися по бѣлому серебристому

*) Cilli, 65.

платью. Послѣ танцевъ, когда всѣ сѣли по мѣстамъ, воевода сендомирскій, взявъ за руки дочь, сказалъ ей: «Марина, иди сюда, пади къ ногамъ его величества короля, государя нашего милостиваго, твоего благодѣтеля, и благодари его за великія его благодѣянія!» Король, сидѣвшій до этого времени, всталъ; воевода съ дочерью упали къ его ногамъ; король, наклонившись, поднялъ Марину, снялъ съ себя шапку, потомъ надѣлъ ее снова на голову и говорилъ: «поздравляю тебя, Марина, съ этимъ достоинствомъ, даннымъ тебѣ отъ Бога для того, чтобы ты своего супруга, чудесно тебѣ отъ Бога дарованнаго, приводила къ сосѣдской любви и постоянной дружбѣ съ нами для блага нашего королевства; ибо если тамошніе люди прежде сохраняли согласіе и сосѣдственное дружество съ коронными землями, то тѣмъ болѣе теперь долженъ укрѣпиться союзъ пріязни и добраго сосѣдства. Не забывай, что ты воспитана въ королевствѣ польскомъ; здѣсь получила ты отъ Бога свое настоящее достоинство; здѣсь твои милые родители, твои кровные и друзья; сохраняй же миръ между обоими государствами и веди своего супруга къ тому, чтобъ онъ дружелюбіемъ и взаимнымъ доброжелательствомъ вознаградилъ отечеству твоего родителя то расположеніе, какое испыталъ здѣсь. Слушайся приказаній и наставленій своихъ родителей, уважай ихъ, помни о Богѣ, живи въ страхѣ божіемъ, и будетъ божіе благословеніе надъ тобою и надъ твоимъ потомствомъ, если Богъ тебѣ даруетъ его, чего мы тебѣ желаемъ. Люби польскіе обычаи и старайся о сохраненіи дружелюбія и пріязни съ народомъ польскимъ.» Сигизмундъ снова снялъ шапку, перекрестилъ Марину; она снова упала къ ногамъ короля и заплакала; и отецъ ея кланялся въ ноги королю своему. Потомъ также прощались они съ королевичемъ и съ королевной шведской. По окончаніи прощальной церемоніи, Олесницкій и Вановскій отвели

Марину къ ея мачихѣ; туда ее проводила королевна и еще разъ прощалась съ ней дружелюбно. Король уѣхалъ въ замокъ, воевода провожалъ съ почтеніемъ посла царскаго, представлявшаго лицо государя, до самой кареты; а потомъ секретарь Мнишка и нѣсколько близкихъ друзей сендомирскаго воеводы проводили его до самаго дома въ королевской каретѣ. Немедленно посланъ былъ нѣкто Липницкій въ Москву съ извѣстіемъ о совершившемся обрученіи.

На другой день посла пригласили слушать отвѣтъ. Рѣчь прочиталъ ему отъ имени короля канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга. Онъ объявилъ, что о дѣлахъ, относящихся до взаимной войны противъ турокъ для защиты всего христіанства, надобно подумать и посовѣтоваться съ сеймомъ, такъ какъ это предпріятіе очень важное; а относительно брака московскаго государя съ дочерью сендомирскаго воеводы, король очень радуется и поздравляетъ московскаго государя. Посолъ высказалъ неудовольствіе, во-первыхъ, за то, что въ отпускной грамотѣ московскій государь назывался просто великимъ княземъ господаремъ, а во-вторыхъ—оскорбительно показалось для русскаго то, что Марина, будущая царица московская, падала къ ногамъ польскаго короля. На послѣднее отвѣчалъ Сапѣга, что она до тѣхъ поръ подданная его величества, пока находится въ его королевствѣ, и притомъ она чувствуетъ благодѣянія, оказанныя ей королемъ. Послу московскому ничего болѣе не оставалось, какъ только пока довольствоваться этимъ объясненіемъ *).

На слѣдующій день посолъ подносилъ подарки брату царской невѣсты и бабкѣ ея; а 23 ноября царица выѣхала въ Промникъ; тутъ, при ея выѣздѣ изъ города, собра-

---

*) См. Relacya o poselstwie W. Kn. Dim. do króla. I. M. r. 1605. Рук. Имп. Публ. Библ. Польск. Ист. IV, № 119.

лось огромное множество любопытнаго народа, желавшаго посмотрѣть на польку, которая будетъ московскою царицей. Посолъ и Мнишекъ проводили ее до Промника, воротились оба въ Краковъ, и въ тотъ же вечеръ король давалъ великолѣпный балъ, куда приглашенъ былъ и посолъ. Но какъ его ни ласкали—онъ все-таки жаловался, что король убавляетъ достоинство московскаго царя, не хочетъ давать ему императорскаго титула, который есть одно и тоже, что царскій; а поляки хотѣли увѣрить его, что московскій государь издавна назывался только великимъ княземъ.

V

Недоразумѣнія, связанныя съ бракомъ Димитрія. — Посольство Безобразова въ Польшу. — Недовольство противъ Димитрія въ Польшѣ.

Посолъ выѣхалъ изъ Кракова, 8 декабря, въ Слонимъ, и тамъ рѣшился дожидаться пріѣзда воеводы, чтобъ провожать его до Москвы. Межъ тѣмъ все должно было указывать Димитрію, что тамъ, гдѣ онъ искалъ любви, не было ничего, кромѣ корыстныхъ видовъ, и на него смотрѣли, какъ на средство къ достиженію извѣстныхъ цѣлей: Мнишки — богатства и значенія, Сигизмундъ — униженія Московіи передъ Польшей, а духовные и вообще католики—введенія католичества въ Московскомъ государствѣ. Когда посолъ еще былъ въ Краковѣ, высланъ былъ въ Польшу новый посланникъ, полякъ реформатской вѣры Янъ Бучинскій, одинъ изъ двухъ братьевъ, приближенныхъ Димитрію особъ. Онъ, вмѣстѣ съ дворяниномъ Михайломъ Толченовымъ, везъ двѣсти тысячъ злотыхъ, обѣщанныхъ воеводѣ по его требованію, пятьдесятъ тысячъ его сыну, старостѣ саноцкому, да царской невѣстѣ разные подарки, въ томъ числѣ золотыя посудины, жемчужныя

четки, золотую цѣпь со ста-тридцатью брилліантами, и брилліантовый гербъ. Но тотъ же Бучинскій везъ воеводѣ предложенія, которыя мало соглашались съ римско-католическими видами. Димитрій требовалъ заранѣе, чтобъ его будущая супруга получила разрѣшеніе отъ папскаго легата причаститься отъ русскаго патріарха, чтобъ она ходила въ греческую церковь, постилась бы въ среду и ѣла въ субботу мясо, не открывала бы волосъ, ибо замужней женщинѣ ходить съ открытыми волосами казалось для русскихъ предосудительнымъ и противнымъ вѣрѣ. За этимъ онъ предоставлялъ Маринѣ содержать свое благочестіе, какъ ей будетъ угодно. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бучинскій долженъ былъ сообщить требованіе, чтобы послѣ обрученія, Марина, во всѣхъ пріемахъ, пользовалась уваженіемъ, какъ царственная особа. Послѣднее требованіе заявлено было противъ новыхъ высокомѣрныхъ выходокъ короля Сигизмунда и польскихъ пановъ, которымъ чрезвычайно хотѣлось, чтобы Димитрій смотрѣлъ на себя, какъ на получившаго корону по милости Польши и, слѣдовательно, какъ на обязаннаго признавать надъ собою ея первенство *). Когда Липницкій извѣстилъ царя, что обрученіе совершилось, Димитрій отправилъ съ Бережецкимъ еще часть суммы сто тысячъ злотыхъ, которую воевода задолжалъ королю; остальное Димитрій обѣщалъ заплатить скоро. Кромѣ того, Мнишекъ, не стѣсняясь, у посла Аѳонасія бралъ деньги, и, по его роспискѣ, набиралъ товаровъ у московскихъ купцовъ въ Люблинѣ на царскій счетъ: сверхъ того, онъ взялъ у московскаго купца деньгами четырнадцать тысячъ, потомъ набралъ суконъ на четыре тысячи восемьсотъ злотыхъ, да еще мѣховъ у купца Ильи на 2,600, а у купца Ѳедора на 3,000 злотыхъ **).

---

*) Собр. гос. гр. II, 228.

**) Ibid. 242.

Димитрій, любя Марину пламенно, очень мало видѣлъ отъ нея взаимности. По удаленіи своемъ изъ Польши, онъ безпрестанно писалъ къ ней; она ему не отвѣчала; онъ все извинялъ ей, надѣялся, что когда онъ станетъ царемъ, тогда будетъ счастливѣе и въ любви; писалъ онъ къ ней страстныя письма и изъ Москвы, ставши царемъ, но отвѣта ему не было; наконецъ, даже когда она стала его обрученною невѣстою, и тогда не прислала ему Марина письма съ Липницкимъ, который отъ посла привезъ извѣстіе объ обрученіи! Воевода писалъ только къ царю отъ 15 декабря съ тономъ огорченія за медленность Бучинскаго, когда тотъ не успѣлъ привезти ему денегъ: «Я живу здѣсь въ Краковѣ—говорилъ онъ—съ большими издержками; расходится дурная молва о моихъ недостаткахъ; люди про меня поговариваютъ и то и другое; время идетъ, а я живу въ огорченіи и съ ущербомъ моего здоровья. Для того, чтобы обрядъ обрученія былъ совершенъ съ пышностію, я принужденъ былъ набирать у купцовъ въ долгъ, надѣясь заплатить изъ суммы, которую мнѣ привезетъ Бучинскій; а онъ до сихъ поръ не привозитъ.» Мнишекъ здѣсь говоритъ неправду; онъ получалъ у посланника деньги и у купцовъ товары, слѣдовательно не могъ терпѣть отъ медленности Бучинскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мнишекъ коснулся въ письмѣ и вотъ чего: «Есть (писалъ онъ) у вашей царской милости непріятели, которые распространяютъ о поведеніи вашемъ молву; хотя у болѣе разсудительныхъ эти слухи не имѣютъ мѣста, но я, отдавши вашему величеству сердце и любя васъ какъ сына, дарованнаго мнѣ отъ Бога, прошу ваше величество остерегаться всякихъ поводовъ, и такъ какъ дѣвица дочь Бориса живетъ вблизи васъ, то, по моему и благоразумныхъ людей совѣту, постарайтесь ее удалить и отослать подалѣе *).» Такимъ образомъ, причи-

*) Собр. гос. гр. II, 243.

ною холодности Марины могла быть въ послѣднее время, если не ревность любви, которой она не имѣла къ Димитрію, то досада самолюбія, оскорбленнаго слухами, что тотъ, который совершенно палъ къ ея ногамъ, увлекается, хотя временно, иною женщиною. Отношенія Димитрія къ Ксеніи остаются тайною. Русскіе и нѣкоторые иноземные источники говорятъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ съ нею связь *). Изъ письма Мнишка мы можемъ заключать несомнѣнно то, что тогда ходили слухи о близкихъ отношеніяхъ Димитрія къ Ксеніи. Извѣстно только одно, что бѣдную сироту постригли подъ именемъ Ольги и отвезли во Владимиръ.

Бучинскій привезъ воеводѣ желанныя деньги 3 января 1605 г. Мнишекъ, такимъ образомъ, кромѣ того, что перебралъ у посланника и у купцовъ, получилъ чистыми деньгами 200,000 злотыхъ, а сыну его, старостѣ саноцкому, Бучинскій привезъ въ подарокъ 50,000 злотыхъ **); еще сверхъ того везъ на уплату долговъ Юрія Мнишка сто тысячъ Безобразовъ. Димитрій хотѣлъ, чтобъ тесть ѣхалъ скорѣе; посылалъ письмо за письмомъ, приказывалъ послу торопить воеводу. Ему хотѣлось жениться въ мясоѣдъ, и онъ домогался, чтобъ невѣста была въ Москвѣ по крайней мѣрѣ за недѣлю до масляницы. Но воевода ломался; не

*) У Bussov. 35: Die Tochter wurd ins Jungfrauen Kloster verstossen und dem Demetrius hernach zur Concubin zugefahrt.

У Петрея, 177: Boris Phedor. Tochter Axinia, die er zu sich holen liess nnd seine Unzucht mit ihr etliche Tage übete und da er ihr gnug übte, liess er ihr die Haaren abschnitten und ins Kloster stossen, etc.

Изъ «Иного сказ. о Самозв.»: «а дщерь повелѣ въ живыхъ оставити, дабы ему лѣпоты ея насладитися; еже и бысть».

Въ Никонов., напротивъ (70), не упоминается объ этомъ, но говорится, что Ксенію прямо услали въ монастырь во Владимиръ.

Lubienski: «Filiam ipsius (principis Hoduni) invitam et scelus detestantem privatae libidini seposuerat.»

**) Дневн. Мар.

смотря на то, что уже получилъ отъ короля обезпеченіе отъ всякихъ тяжбъ и позвовъ, которые могли бы остановить его и замедлить поѣздку, онъ уѣхалъ въ свой Самборъ вмѣсто того, чтобъ ѣхать скорѣе въ Москву. Аѳанасій Власьевъ, живучи въ Слонимѣ, 13 декабря *) писалъ къ Мнишку: «Великому государю, его цесарскому величеству, въ томъ великая кручина, и чаю надо мною за то велитъ опалу свою и казнь учинити, что вы долго замѣшкались.» Онъ жаловался, что «люди и лошади, стоя на границѣ, проѣдаются,» и говорилъ,« чтобы воеводѣ одноличнo ѣхать на спѣхъ, чтобы можно было доѣхать до Москвы за недѣлю до масляницы, и тѣмъ бы показать свою службу къ великому государю, и себя и лошадей не пожалѣть.»

Надѣясь, что Марина будетъ наконецъ отвѣчать его сердечнымъ желаніямъ, Димитрій выправилъ въ январѣ знатныхъ бояръ, Михайла Нагого, Василья Васильевича Мосальскаго, Андрея Воейкова для встрѣчи невѣсты **). Власьевъ подождалъ недѣлю и еще разъ послалъ къ воеводѣ письмо, гдѣ умолялъ ѣхать скорѣе, хотя бы съ невеликими людьми въ Москву, оставя другія дѣла свои ***). Но Мнишекъ не отвѣчалъ послу, не писалъ и къ царю; не писала къ нему ни строчки и невѣста. День уходилъ за днемъ. Димитрій выходилъ изъ себя отъ досады, и когда получилъ отъ Афанасія Власьева присланный обручальный перстень, то считалъ себя до нѣкоторой степени вправѣ уже не просить, а требовать отъ Марины вниманія, и говорилъ, что теперь она должна бы была къ нему писать.

Требованія, сообщенныя Бучинскимъ относительно будущаго поведенія Московской царицы, подали поводъ къ недоразумѣніямъ. Римское католичество, начиная отъ свя-

---

*) Собр гос. гр. II, 253.

**) Ibid. II, 254.

***) Ibid. 256.

таго отца и кончая ксендзами іезуитами, думало видѣть въ бракѣ Московскаго царя съ польской панной орудіе для разрѣшенія вѣковаго дѣла—присоединенія Руси къ западной церкви. Папа, поздравляя ее съ обрученіемъ и, по обычаю, желая ей дожить весело до спокойной и счастливой старости и увидѣть сыновъ сыновей своихъ даже до четвертаго поколѣнія, писалъ къ ней: «мы отъ твоего супружества ожидаемъ великой пользы для католической церкви; ты дочь благороднаго отца, родилась, выросла и воспиталась въ благочестіи и въ похвальномъ наученіи; нынѣ, когда тебѣ даровалъ Богъ соединиться бракомъ съ такимъ государемъ, то достоитъ намъ ожидать отъ твоего величества всего, чего можно ждать отъ благородной женщины, согрѣтой ревностію къ Богу и помнящей божія къ себѣ благодѣянія вмѣстѣ съ возлюбленнымъ сыномъ нашимъ супругомъ твоимъ Димитріемъ, великимъ и могущественнымъ государемъ. Ты должна стараться всѣми силами, чтобы богослуженіе католической религіи и наука святой апостольской римской церкви были приняты вашими подданными въ вашемъ государствѣ и водворены прочно и незыблемо. Это твое первое и главнѣйшее дѣло *).» Послѣ того какъ римская пропаганда ожидала себѣ такого блестящаго преуспѣянія отъ брака Димитріева, непріятно должно было отозваться римско-католическому духовенству требованіе Димитрія, чтобъ его супруга причащалась въ русской церкви и соблюдала ея уставы; — иными словами: онъ требовалъ: чтобъ она приняла восточное православіе. Что касается до позволенія ей соблюдать какое угодно благочестіе, то это не показывало въ немъ особой любви къ папизму: это была только свобода совѣсти, которую онъ проповѣдывалъ своимъ подданнымъ и предо-

*) Hist. Russ. monum. II, 71.

ставлялъ въ своемъ государствѣ не однимъ католикамъ, но вообще всѣмъ разновѣрцамъ. Нунцій Рангони отъ 3 февраля писалъ Димитрію: «какъ я ни стараюсь услужить вашему величеству, но къ сожалѣнію представляются мнѣ затрудненія, при которыхъ я не могу сдѣлать вамъ угоднаго относительно вашей августѣйшей невѣсты: это дѣло требуетъ власти больше той, какую я имѣю, и болѣе зрѣлаго обсужденія; я не сомнѣваюсь въ томъ, что ваше величество, при вашемъ мудромъ смыслѣ и неизмѣнномъ благочестіи, разсудите объ этомъ дѣлѣ внимательнѣе и силою своей самодержавной власти, которой никто не долженъ противиться, отстраните всѣ затрудненія, не допустите превратнаго толкованія законовъ и насилій въ важномъ дѣлѣ, отъ которыхъ могутъ произойти большія недоразумѣнія *).»

При римскомъ дворѣ, получивши требованія Димитрія, догадались, что Московскій государь обращается совсѣмъ не туда, куда ожидали вести его честные отцы; тамъ не находили дозволительнымъ, чтобъ Марина содержала обряды греческой церкви. Кардиналъ Боргезе писалъ къ нунцію въ февралѣ 1606 года: «пусть Марина остается непремѣнно при обрядахъ латинской церкви, иначе самъ Димитрій будетъ находить новыя оправданія своего упорства **)». Въ самомъ дѣлѣ, московскій государь не только уклонялся отъ обѣщаній сдѣлать римско-католическую религію господствующею въ своемъ государствѣ, но еще ободрялъ и поощрялъ ревность къ православной восточной вѣрѣ въ польскихъ владѣніяхъ, и послалъ грамоту львовскому собору съ соболями на триста рублей: это внимапіе, какъ сама грамота гласила, было оказано потому,

*) Собр. государ. гр. II, 267.

**) Hist. Russ. mon. II, 85.

что онъ видѣлъ духовенство и прихожанъ этой церкви несомнѣнно непоколебимыми въ истинной правой христіанской вѣрѣ греческаго закона *). Это дѣлалось во время самаго сильнаго разгара римско-католической пропаганды и было явнымъ доказательствомъ, что царь московскій не отстаетъ отъ своихъ предшественниковъ и готовъ ободрять ревность православныхъ подданныхъ короля Сигизмунда и Рѣчи Посполитой, для противодѣйствія тому, что Сигизмунду такъ хотѣлось навязать его собственнымъ подданнымъ.

Римско-католическая церковь имѣла уже важныя причины къ недовольству тѣмъ, на кого надѣялась: напрасно, какъ оказывалось, она возсылала объ успѣхахъ его молитвы, также какъ и онъ напрасно на нее полагалъ надежды въ дѣлѣ войны съ невѣрными. Правда, святой отецъ поощрялъ Сигизмунда въ союзѣ съ Московскимъ государемъ дѣйствовать противъ татаръ и пользоваться его тогдашнимъ рвеніемъ къ турецкой войнѣ. Но на всеобщую войну противъ турокъ начинали уже смотрѣть, какъ на дѣло почти невозможное: это была запоздалая пѣсня Европы, которую всѣ заводили на разные голоса, и никто не былъ въ состояніи кончить; развѣ только въ Московскомъ государствѣ Димитрій могъ искренно вѣрить въ возможность склонить и соединить къ такому предпріятію государей. Римско-католическая пропаганда надѣялась въ то время дѣйствовать въ Турціи инымъ путемъ. Посолъ короля французскаго Солиньякъ писалъ, что открывается надежда на позволеніе со стороны падишаха допустить іезуитовъ въ турецкую имперію *). Іезуиты слишкомъ въ себя вѣрили, и на нихъ въ Европѣ много полагалось надежды. Тогдашніе ихъ успѣ-

**) Собр. гос. гр. II, 280.

**) Es. Crit. 53.

хи въ Китаѣ и Японіи, представляемые въ Европѣ въ преувеличенномъ и далекомъ отъ правды видѣ, побуждали принимать за чистую монету ихъ увѣренія, что стоитъ только имъ войти въ Турцію,—мугамеданство падетъ безъ войны, а вмѣстѣ съ нимъ искоренится и ненавистная восточная схизма. Такимъ образомъ, въ видахъ римско-католической церкви было не поднимать войны противъ турецкаго правительства, напротивъ, поддѣлаться къ нему въ дружбу. Поэтому Сигизмундъ и польскіе чины также холодно принимали этотъ проектъ войны противъ невѣрныхъ, даромъ, что въ то время казаки, своими морскими походами на Турцію и счастливымъ взятіемъ Варны въ 1605 г., раздражали мусульманскій міръ, а татары въ отместку опустошали южные предѣлы Рѣчи Посполитой, и, казалось, очень кстати было Польшѣ искать союзника противъ Турціи. Сигизмунда и польскихъ пановъ раздражало то, что Димитрій вовсе не хочетъ быть вассаломъ Польши, покорнымъ слугою польскаго короля. Наперекоръ желанію короля и пановъ заставить Московское государство служить Польшѣ, онъ не только не хотѣлъ исполнять данныя въ Краковѣ унизительныя условія, но требовалъ себѣ цесарскаго титула, и тѣмъ показывалъ, что считаетъ себя выше полькаго короля по достоинству, а свою страну могущественнѣе и сильнѣе Рѣчи Посполитой; не показывалъ охоты дѣйствовать по внушенію польской политики, а напротивъ, самъ призывалъ Польшу содѣйствовать ему, какъ будто находилъ, что лучше будетъ, если Польша станетъ соображать свои выгоды съ видами и пользою Московскаго государства.

За Власьевымъ, который дожидался своенравнаго сендомирскаго воеводы, прибыли въ Польшу гонецъ Иванъ Безобразовъ съ извѣстіемъ, что царь пошлетъ въ Польшу большихъ пословъ о важныхъ дѣлахъ; въ граматѣ своей,

царь опять титуловалъ себя цесаремъ и нарочно, какъ бы для того, чтобъ дразнить высокомѣріе Сигизмунда и пановъ, придавалъ къ своему титулу эпитетъ «непобѣдимый». Но Димитрій не зналъ, что за лицо онъ посылаетъ въ Польшу. Безобразова представилъ Димитрію Василій Шуйскій. Чтобъ скрыть тайну, которая была уже у него съ Шуйскимъ, Безобразовъ просилъ не посылать его; а Шуйскій, въ присутствіи царя, обошелся съ Безобразовымъ грубо и выбранилъ его по принятымъ обычаямъ, показывая царю видъ, будто вовсе не расположенъ къ этому человѣку; а потомъ внушалъ Димитрію, что Безобразовъ человѣкъ способный къ этому дѣлу, не слѣдуетъ ему давать поблажки, а должно принудить его ѣхать. Безобразовъ поѣхалъ въ Польшу, какъ будто нехотя, поневолѣ. Онъ пріѣхалъ въ Краковъ, отдалъ по обычаю грамоту, потомъ сказалъ Сапѣгѣ литовскому канцлеру, что у него есть тайное дѣло и сообщить его онъ можетъ только ему наединѣ. Сапѣга остался съ нимъ съ глазу на глазъ. Безобразовъ объявилъ, что его послали тайно бояре московскіе, Шуйскіе, Голицыны и другіе. «Они слезно жалуются на его величество короля—говорилъ Безобразовъ —намъ онъ далъ въ цари-государи человѣка *подлаго* происхожденія, вѣтреннаго; мы не можемъ долѣе терпѣть его тиранства, распутства и своевольства; онъ ни въ какомъ случаѣ недостоинъ своего сана; они думаютъ, какъ бы его свергнуть, и желали бы, если бъ въ Московскомъ государствѣ сдѣлался государемъ сынъ Сигизмунда королевичъ Владиславъ. Вотъ что мнѣ довѣрили бояре тайно передать его величеству королю Сигизмунду!» — Такъ говорилъ Безобразовъ.

Канцлеръ сообщилъ объ этомъ Сигизмунду, а потомъ, при другомъ тайномъ свиданіи съ Безобразовымъ, далъ ему такой отвѣтъ: «Его величество очень жалѣетъ, что

этотъ человѣкъ, котораго король считалъ истиннымъ Димитріемъ, сѣлъ на престолъ и обходится съ вами тирански и непристойно; его величество отнюдь не хочетъ загораживать вамъ дороги: вы можете промышлять о себѣ. Что́ же касается до королевича Владислава, то король не такой человѣкъ, чтобъ его увлекала жажда властолюбія; желаетъ онъ, чтобъ и сынъ его сохранилъ ту же умѣренность, предаваясь во всемъ волѣ божіей *)».

Въ то самое время является изъ Москвы въ Польшу шведъ и также съ тайнымъ порученіемъ. Онъ сказалъ вотъ что:

«Царица московская, инокиня Марѳа Ѳедоровна, мать покойнаго Димитрія, черезъ свою воспитанницу нѣмку Розновну сообщила мнѣ, для передачи его величеству королю, что на престолѣ московскомъ царствуетъ теперь вовсе не ея сынъ, а обманщикъ; она, изъ своихъ видовъ, хотя и признала его за сына, а теперь сообщаетъ, что этотъ обманщикъ разстрига хотѣлъ было выбросить изъ углицкой церкви гробъ настоящаго ея сына, какъ ложнаго Димитрія; ей, какъ матери, стало очень жалко; кое-какъ хитростію она помѣшала этому, и ея сына кости остались нетронутыми **)».

По всѣмъ вѣроятіямъ, этотъ шведъ говорилъ также, какъ и Безобразовъ, по наущенію бояръ, которые втайнѣ уже ткали тогда заговоръ на жизнь своего Димитрія.

Неизвѣстно, знала ли инокиня Марѳа то, что говорилось отъ ея имени.

Пановъ огорчала настойчивость Димитрія и неподатливость ихъ патріотическимъ видамъ; и они обнаруживали явное недовѣріе къ его подлинности. Въ особенности кричалъ

---

*) Рук. Жолк. 15—16. Д. польск. арх. И. Д. № 30.
**) Рукоп. Жолк. 17—18.

противъ московскаго государя познанскій воевода Гостойскій; онъ говорилъ такъ, а многіе ему вторили:

«За великое королевское благодѣяніе онъ воздаетъ теперь зломъ; еслибъ король ему не помогалъ, то много бы получилъ отъ Бориса; а отъ него нечего ожидать. Въ одной грамотѣ своей пишетъ, что желаетъ совокупиться съ нами противъ турецкаго султана, а въ другой грозитъ его величеству королю; хочетъ, чтобъ его именовали цесаремъ, да еще непобѣдимымъ. Ни одинъ христіанскій государь этого не дѣлаетъ. Еслибъ кто другой его писалъ непобѣдимымъ, такъ это было бы не диво, а то самъ себя такимъ считаетъ; это слово одному Богу подобаетъ. Такъ поганцы дѣлаютъ некрещеные, которые не знаютъ всемогущества божія; и онъ видно его не знаетъ: передъ Господомъ Богомъ несется; за то его Богъ свергнетъ съ престола; и надобно всему свѣту указать, что это за человѣкъ, и самой москвѣ, его подданнымъ; да не такіе они простаки, чтобъ не видѣли, что̀ онъ съ ними можетъ сдѣлать, когда не чувствуетъ благодѣяній его величества короля».

Эти слова переданы были Димитрію письменно Яномъ Бучинскимъ, секретаремъ его, который тогда находился въ Польшѣ. Дурные слухи о Димитріѣ распускали тѣ жолнѣры, что у него служили и воротились въ Польшу: «Этотъ человѣкъ—говорили они—наобѣщалъ намъ много-много, а заплатилъ намъ скудно, и нашихъ братьевъ насильно не отпускаетъ отъ себя въ отечество». Бучинскій въ защиту московскаго государя уличалъ этихъ жолнѣровъ во лжи и доказывалъ, что они получили слишкомъ много, болѣе, чѣмъ сколько выслужили, но все пропили и проиграли въ карты; а что нѣкоторые не выпущены изъ Москвы, такъ это случилось оттого, что царь не знаетъ, съ чѣмъ будетъ отпущенъ посолъ его. Но меньше вѣрили тогда Бучинскому, чѣмъ клеветникамъ, прешедшимъ изъ московской службы,

и кричали: «Вотъ! хочетъ воевать съ турками и татарами, а служилыхъ рыцарскихъ людей не жалуетъ!» Нѣкоторые русскіе, какъ, напримѣръ, уволенный въ отечество Хрипуновъ и еще не успѣвшій уѣхать, говорили полякамъ: «уже на Москвѣ узнали, что царствуетъ не настоящій Димитрій, а обманщикъ». Хрипуновъ между прочимъ сообщалъ это Боршѣ, который, воротившись въ Польшу на время, поддался увѣщаніямъ Бучинскаго—ѣхать въ Москву снова,—на погибель, какъ оказалось *).

Такое мнѣніе составлялось о московскомъ царѣ въ Польшѣ, когда онъ торопилъ Мнишка ѣхать въ Москву. Принимая съ удовольствіемъ желаніе бояръ промѣнять своего царя на сына польскаго короля, Сигизмундъ сохранялъ наружную дружбу съ Димитріемъ и готовилъ къ нему посольство. Для этого выбранъ былъ родственникъ Мнишка Николай Олесницкій и, уже бывшій посланникомъ у Димитрія, Гонсѣвскій.

VI.

Козни и заговоры противъ Димитрія въ Москвѣ.—Его легкомысліе.—Интриги въ его пользу въ Польшѣ противъ Сигизмунда.

Димитрій продолжалъ дѣятельно готовиться къ важнымъ предпріятіямъ; по всѣмъ областямъ Московскаго государства собирали и везли хлѣбные и боевые запасы къ Ельцу для весенняго похода; велѣно было дѣтямъ боярскимъ быть наготовѣ съ оружіемъ и выступить въ походъ тотчасъ по просухѣ. Царь сдѣлалъ вызовъ къ хану крымскому: онъ послалъ къ нему въ подарокъ остриженный тулупъ, приказавши объяснить, что съ наступленіемъ весны онъ точно

*) Собр. гос. гр. II, 261. 263.

такимъ образомъ острижетъ крымскую орду *). Въ тоже время, онъ не страшился задирать Швецію, и, сообразно слову, данному польскому королю, послалъ къ правившему Швеціею подъ именемъ короля Карла IX, герцогу зюдерманландскому, похитившему шведскій престолъ у племянника своего Сигизмунда, совѣтъ — добровольно уступить Сигизмунду неправедно присвоенную корону, объявлялъ, что вступилъ въ дружескій союзъ съ польскимъ королемъ, и грозилъ, въ случаѣ отказа, соединить свои силы съ силами своего союзника для возвращенія ему шведскаго престола. «Передъ твоими глазами—писалъ онъ къ Карлу IX—свѣжій и печальный примѣръ надъ похитителемъ престола нашего Борисомъ Годуновымъ. Богъ не оставляетъ безъ наказанія измѣнниковъ нашихъ **).» Онъ даже думалъ-было напасть на Нарву и отнять ее у шведовъ; но бояре ему отсовѣтовали начинать преждевременно ссоры разомъ со многими сосѣдями. Съ вѣрою, что онъ посланъ судьбою для совершенія великихъ дѣлъ, Димитрій мечталъ о распространеніи Московскаго государства на всѣ стороны: показывая себя передъ шведскимъ королемъ союзникомъ Сигизмунда III, онъ думалъ, на будущее время, завоевавши Крымъ при помощи Польши, овладѣть самою Польшею и присоединить ея русскія земли къ русской московской державѣ ***). Эти воинственные планы и мечты были не по сердцу тогдашнимъ думнымъ людямъ, которые скорѣе боялись неудачъ и раззореній Московскому государству отъ этихъ войнъ, чѣмъ восхищались надеждами пріобрѣтеній; и чѣмъ горячѣе Димитрій говорилъ о славѣ и усиленіи Московскаго государства, тѣмъ больше вооружалъ противъ

*) Is. Mass. 85.

**) Рук. Имп. Публ. Библ. Польск. истор. IV, № 119.

***) Is. Mass. 99. — Bibl. Kras. ręk. B. I. 4.

себя. Не дремалъ его заклятый врагъ Василій Шуйскій. Научила его бѣда; воротившись изъ ссылки въ концѣ октября, онъ теперь велъ заговоръ осторожно. Однимъ слухомъ, что царь не настоящій Димитрій, а обманщикъ, невозможно было произвести переворота. У народа всегда былъ готовъ отвѣтъ: а зачѣмъ родная мать и всѣ бояре его признали? Надобно было напирать на поступки Димитрія и представлять ихъ опасными вѣрѣ, обычаямъ и благосостоянію Московскаго государства. Изъ первыхъ, кромѣ его родни, сошлись съ нимъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, князь Куракинъ, Михайло Игнатьевичъ Татищевъ. Вѣроятно къ соумышленникамъ, также въ числѣ первыхъ, пристали кое-кто изъ важныхъ духовныхъ сановниковъ: это видно изъ того, что, впослѣдствіи, Шуйскій нашелъ себѣ сильную поддержку въ освященномъ соборѣ. Царя ненавидѣли тогда особенно казанскій митрополитъ Гермогенъ и коломенскій епископъ Іосифъ, строгіе противники общенія православныхъ съ иновѣрцами: они порицали царя за легкость въ дѣлахъ религіи и не одобряли его женитьбы; они утверждали, что Марину, какъ еретичку, по правиламъ церкви, слѣдуетъ крестить. Этимъ, вѣроятно, воспользовался Василій и сошелся съ ними. Въ то время Димитрій стягалъ къ Москвѣ войска съ сѣвера; готовясь воевать съ Турціею и Крымомъ, онъ уже отправилъ нарядъ въ Елецъ, чтобъ спустить его по Дону, а самъ только дожидался невѣсты, чтобъ послѣ свадьбы тотчасъ выступить съ войскомъ въ походъ. Шуйскій надѣялся заранѣе склонить на свою сторону кое-кого изъ головъ, сотниковъ и пятидесятниковъ. Самъ Шуйскій допускалъ къ себѣ въ домъ для совѣщаній только немногихъ, самыхъ близкихъ и надежныхъ, и говорилъ имъ такія рѣчи:

«Мы признали разстригу царевичемъ только ради того, чтобъ избавиться отъ Бориса; мы думали: онъ молодецъ;

будетъ, по крайней мѣрѣ, хранить нашу вѣру и обычаи земли нашей. Мы обманулись. Что это за царь? Какое въ немъ достоинство, когда онъ съ шутами да съ музыкантами забавляется, непристойно пляшетъ да хари надѣваетъ! Это скоморохъ! Онъ любитъ больше иноземцевъ, чѣмъ русскихъ, совсѣмъ не прилеженъ къ церкви, позволяетъ иновѣрцамъ некрещенымъ съ собаками входить въ православную церковь и осквернять святыню храма Господня, не наблюдаетъ постовъ, ходитъ въ иноземномъ платьѣ, обижаетъ духовенство, хочетъ у монастырей отобрать достояніе. Вотъ, арбатскихъ пановъ выгналъ изъ домовъ и помѣстилъ тамъ нѣмцевъ; водится съ латынами и лютерами, ѣстъ-пьетъ съ ними, нечистыми, да еще теперь женится на полькѣ! Этимъ дѣлается безчестье нашимъ московскимъ дѣвицамъ! Развѣ у насъ не нашлось бы ему изъ честнаго боярскаго дома невѣсты и породистѣе, и красивѣе этой еретички! А что будетъ, какъ онъ женится на полькѣ? Польскій король станетъ нами помыкать; мы будемъ въ неволѣ у поляковъ. Вотъ онъ теперь хочетъ, въ угоду польскому королю, воевать со шведами, и послалъ уже въ Новгородъ мосты мостить; да еще хочетъ воевать съ турками. Онъ раззоритъ насъ; кровь будетъ литься, а ему народа не жаль, и казны ему не жаль: сыплетъ нашею казною нѣмцамъ да полякамъ. Вотъ, уже сколько теперь онъ растратилъ; что же дальше будетъ! Если мы останемся съ нимъ, то дойдемъ до конечнаго раззоренія и станемъ притчею во языцѣхъ! Но паче всего, онъ намѣревается вѣру святую искоренить и ввести проклятую латинскую вѣру» *).

Шуйскій зналъ, однако, что всего, чѣмъ можно возстановить народъ противъ Димитрія, еще недостаточно. Мос-

---

*) Petric. 184.—Bussov. 44.

ковскій народъ привязанъ къ нему. Шуйскій отложилъ исполненіе умысла до того времени, когда съѣдутся свадебные гости. Это было сдѣлано вѣрно, разсчетливо и благоразумно: Шуйскій понялъ, что если съѣдутся шляхтичи, то не утерпятъ, чтобъ не оскорбить народности и вѣры; тогда можно скорѣе возбудить народъ. Кромѣ того, Шуйскій разсчитывалъ, что царь много истратилъ казны и бросилъ полякамъ; когда пріѣдутъ Мнишки и его свита, можно будетъ ограбить поляковъ и воротить потраченное съ лихвою. Шуйскій былъ очень скупъ и потому съ его точки зрѣнія стоило соображать время возстанія съ возможностію возвратить въ казну то, что оттуда улетѣло.

Сообщники Шуйскаго разными путями набирали людей для заговора; ропотъ противъ Димитрія распространялся между дворянами, гостьми и стрѣльцами. Въ январѣ 1606, составился умыселъ убить царя. По извѣстію современника *), убійцею царя Димитрія готовился быть за подкупъ Андрей Шерефединовъ, тотъ самый, который вмѣстѣ съ Молчановымъ извелъ царя Ѳедора Борисовича съ матерью. Заговорщики, 8 января, проникли-было ночью во дворецъ; но сдѣлался шумъ, они бѣжали. Было открыто, что Шерефединовъ замышлялъ убійство. Онъ пропалъ безъ вѣсти. Одинъ стрѣлецъ донесъ Басманову, что его товарищи кричали, что царь попираетъ вѣру и обычаи земли русской, что онъ не Димитрій, а обманщикъ. Произвели розыскъ. Нашли семерыхъ виновными.

Тогда царь приказалъ собраться стрѣльцамъ на задній дворъ безъ оружія. Онъ вышелъ въ сопровожденіи Мстиславскаго, Нагихъ, Басманова, нѣсколькихъ поляковъ, находившихся на царской службѣ, окруженный аллебардщиками; всѣ, увидѣвши государя, по московскому обычаю,

---

*) Ів. Масс. 84.

разомъ сотворили земной поклонъ съ открытыми головами; царь не могъ удержаться отъ смѣха и сказалъ: «Умны!» Потомъ, онъ сѣлъ на высшей ступени дворцовой лѣстницы и говорилъ:

«Мнѣ очень жаль, что вы грубы, и нѣтъ любви въ васъ. Покуда вы будете заводить смуты и дѣлать бѣдствіе землѣ? Она и такъ страдаетъ: что же, вы ее хотите развѣ довести до конечнаго распаденія? Вспомните измѣнниковъ Годуновыхъ; какъ они истребили знатные роды въ землѣ нашей и овладѣли неправедно царскимъ престоломъ. Какую кару земля понесла! Меня одного сохранилъ Богъ и избавилъ отъ смертоносныхъ козней, а вы ищете меня погубить и ухищряетесь всякими способами произвести измѣну. Въ чемъ вы можете обвинить меня, спрашиваю я васъ? Вы говорите, что я не истинный Димитрій; обличите меня, и тогда вольны меня лишить жизни. Моя мать и эти бояре мнѣ свидѣтели. Какъ могло быть, чтобы кто нибудь, не будучи истиннымъ, овладѣлъ такимъ могущественнымъ государствомъ безъ воли народа? Богъ не допустилъ бы до этого. Я жизнь свою ставилъ въ опасность не ради своей высоты, а затѣмъ, чтобъ избавить народъ, упавшій въ крайнюю нищету и неволю, подъ управою и гнетомъ гнусныхъ измѣнниковъ. Меня къ этому призвалъ божій перстъ. Могучая рука помогла мнѣ овладѣть тѣмъ, что мнѣ принадлежитъ по праву. Я васъ спрашиваю: зачѣмъ вы зло умышляете на меня? Говорите прямо; говорите свободно передо мною: за что вы меня не любите?»

Толпа залилась слезами; всѣ попадали на землю и говорили:

«Царь государь, смилуйся! Мы ничего не знаемъ; покажи намъ тѣхъ, что насъ передъ тобой оговариваютъ.»

Царь приказалъ Басманову, и тотъ вывелъ семерыхъ. Царь сказалъ: «Смотрите; вотъ, они повинились и по-

казываютъ, что вы всѣ зло мыслите на вашего государя!»

Онъ вошелъ во дворецъ. Стрѣльцы бросились на семерыхъ и руками, безъ оружія, безъ палокъ, растерзали ихъ на клочки. Ярость ихъ была такъ велика, что они кусали виновныхъ зубами: одинъ въ неистовствѣ откусилъ ухо и жевалъ его. По окончаніи такой казни, царь снова вышелъ на крыльцо и расточалъ убѣжденія въ томъ, что онъ истинный Димитрій.

Толпа опять поклонилась въ землю и кричала: «помилуй насъ, государь!»

Этимъ окончилась сцена. Стрѣльцы разошлись, а изъ Кремля на страхъ народу повезли полную телѣгу кусковъ человѣческихъ тѣлъ *).

Съ тѣхъ поръ страшно было заикнуться, что царь—не истинный Димитрій. Народъ готовъ былъ строже всякой верховной власти наказывать враговъ государя; особенно ревностно преслѣдовали за оскорбленіе царскаго имени казаки. Не даромъ ихъ храбрый атаманъ Корела расхаживалъ по Москвѣ и чудилъ, говоря, что онъ презираетъ блага міра сего; онъ шатался, ничего не дѣлая, между тѣмъ многое имѣлъ возможность услышать и узнать, а его молодцы по-свойски расправлялись съ недоброжелателями Димитрія **). Тогда—говоритъ современникъ—отъ злыхъ враговъ казаковъ и холопей всѣ умные только плакали, не смѣя слова сказать; только назови кто царя разстригою, тотъ и пропалъ. Такъ погибали монахи и міряне. Нѣкоторыхъ утопили. Самъ царь никого не казнилъ, казался милостивымъ и кроткимъ государемъ, готовымъ все простить, все забыть, а между тѣмъ судъ народной тол-

*) Is. Mass. 84—85.

**) Is. Mass. 78.

пы уничтожалъ его враговъ. Но къ его несчастію, пропадали только самые менѣе опасные; тотъ врагъ, отъ котораго все исходило, находился близъ него, пользовался его расположеніемъ и велъ заговоръ такъ искусно, что никто изъ попавшихся въ руки народу не могъ указать на главнаго заводчика *).

Но Димитрій, надѣясь на любовь народа, побаивался однако тайнаго убійства, и въ январѣ 1606 г., именно послѣ того, какъ открытъ былъ заговоръ между стрѣльцами, составилъ около себя изъ нѣмцевъ стражу подъ названіемъ алебардщиковъ, потому что они были вооружены алебардами. Ихъ было три дружины; одна подъ начальствомъ француза Якова Маржерета: эта дружина вооружена была алебардами съ позолоченнымъ изображеніемъ русскаго орла, съ древками, обтянутыми бархатомъ и увитыми по бархату серебряною проволокою съ висящими золотыми и серебряными кисточками. Это была самая богатая дружина. У ней нарядное платье былъ бархатный плащъ съ золотымъ позументомъ, а будничнее суконное. Другою дружиною начальствовалъ ливонецъ Кнутсонъ: у ней были алебарды съ царскимъ гербомъ, на обѣихъ сторонахъ лезвія; платье носила она суконное темнофіолетоваго цвѣта съ красными камковыми рукавами и такого же цвѣта штаны, а кафтанъ былъ обшитъ бархатными снурками. Третья — подъ начальствомъ Альберта Вандемана, котораго прозвали паномъ Скотницкимъ; это былъ нѣмецъ, обжившійся въ Польшѣ; у его дружины кафтаны и штаны были обшиты зеленымъ бархатомъ и зеленые рукава. Каждая дружина состояла изо ста человѣкъ, и должна была по очереди содержать караулъ у дворца **).

---

*) Авр. Палиц. 27.

**) Bussov, Chronic. 40.

Между тѣмъ царь съ каждымъ днемъ легкомысленнѣе дѣлалъ выходки, нарушавшія обычаи. Московскіе люди, по предразсудку, не ѣли телятины; Димитрій не только любилъ ее и приказалъ подавать, но русскій лѣтописецъ говоритъ, что онъ даже велѣлъ подавать ее на столъ въ великій постъ; кажется, справедливѣе принять указаніе Маржерета, который это событіе относитъ къ 20 апрѣля *), когда уже постъ миновалъ, тѣмъ болѣе, что Димитрій не рѣшался еще нарушать отетескихъ постовъ, какъ это видно изъ описаній обѣдовъ, даваемыхъ иноземцамъ по постнымъ днямъ. Какъ бы то ни было, только Шуйскій за столомъ началъ доказывать Димитрію, что ѣсть телятины не слѣдуетъ. Царь никогда не препятствовалъ возражать себѣ, напротивъ—охотно вступалъ въ споры и состязанія. Въ разговоръ вмѣшался Татищевъ, тутъ же обѣдавшій, и въ жару спора сказалъ царю что-то дерзкое. Димитрій вспылилъ и приказалъ отправить Татищева въ ссылку въ Вятку; однако потомъ опомнился и оставилъ его при всѣхъ его почестяхъ. Но Татищевъ былъ мстителенъ, и этотъ поступокъ утвердилъ его еще болѣе въ рѣшимости такъ или иначе погубить Димитрія. Около этого времени поссорился Димитрій съ Симеономъ Бекбулатовичемъ, котораго самъ возвратилъ изъ печальной ссылки. Слѣпой новокрещенецъ предался весь молитвѣ и сдѣлался очень набоженъ; услышавъ, что Димитрій не слишкомъ церемонно обращается съ религіозными обрядами и обычаями народной святыни, онъ началъ вопіять, что погибаетъ православіе, что царь хочетъ обратить всѣхъ въ латинство, и что православные должны заранѣе промышлять и стоять за вѣру. Димитрій узналъ объ этомъ и сослалъ его въ Бѣлозерскій монастырь, гдѣ его постригли **).

*) Марж. 20.
**) Ник. 73.—Акт. Эксп. I, 96.

Воеводѣ сендомирскому извѣстно было многое, что̀ касалось до него нареченнаго зятя, и можетъ быть оттого-то онъ и медлилъ поѣздкою, что раздумье его брало: ему сообщили и то, что прiѣзжалъ шведъ извѣщать отъ имени старой царицы, что въ Москвѣ царствуетъ не родной сынъ ея, а самозванецъ. Конечно, Мнишка собственно мало безпокоило то, кѣмъ на самомъ дѣлѣ былъ его зять: съ него довольно было, что онъ царствовалъ и былъ признаваемъ за царя; но его безпокоила мысль о непрочности такого царствованiя, и эта мысль должна была входить ему въ голову безпрестанно. Недѣли проходили; царь, казалось, сидѣлъ на престолѣ твердо и посылалъ къ нему письмо за письмомъ. «Мы посылали къ вамъ — писалъ Димитрiй отъ 29 января—Слонскаго, Геремыку, Свирскаго, Липцинскаго, Горскаго, Склинскаго съ нашими письмами, и по настоящее время не получили отъ васъ никакого извѣстiя, къ великому нашему удивленiю и недоразумѣнiю» *). Не было и на это письмо отвѣта. Потерявши терпѣнiе, Власьевъ самъ наконецъ прiѣхалъ въ Самборъ. Наступила и пришла масляница; насталъ великiй постъ. Димитрiй все еще имѣлъ терпѣнiе, послалъ остальной долгъ воеводы королю и писалъ ему, чтобъ, по крайней мѣрѣ, если воевода съ невѣстой прiѣдутъ въ Московское государство въ постъ, то пусть прiостановятся у Можайска **). Вѣроятно, царь боялся, чтобъ поляки, въѣхавъ въ Москву въ постъ и не соблюдая поста, не приводили въ соблазнъ москвичей. Но Мнишекъ сообщалъ послу, что онъ можетъ прiѣхать развѣ спустя нѣсколько недѣль послѣ пасхи. Ясно было, что воевода увертывается, что у него что-то на умѣ. Дѣйствительно Мнишекъ разсчитывалъ, что если пройдетъ долгое время

---

*) Собр. гос. гр. II, 266.

**) Ibid. II, 277.

и царь московскій останется цѣлъ и невредимъ, то, значитъ, слухи о намѣреніяхъ его свергнуть ложны и можно будетъ къ нему ѣхать. Димитрій выходилъ изъ терпѣнія. Выставленные для встрѣчи бояре съ толпою слугъ ждали уже долго и напрасно. Димитрію было досадно, если они возвратятся безъ дѣла. Онъ писалъ Мнишку такъ: «Ваша милость приведете насъ наконецъ къ такимъ намѣреніямъ, которыя были бы для васъ непріятны; насъ еще удерживаетъ достоинство наше и любовь къ вашей дочери, найяснѣйшей паннѣ невѣстѣ нашей. Ваша милость должны были бы принимать во вниманіе, что, пропустивши зимній путь, вы не можете иначе къ намъ пріѣхать, какъ послѣ зеленыхъ святокъ, по причинѣ друдныхъ переѣздовъ и половодья, которое не скоро спадаетъ, и если бы такъ случилось, то сомнительно, чтобъ вы насъ застали въ столицѣ, потому что послѣ пасхи мы намѣрены двинуться къ обозу и тамъ провести цѣлое лѣто [1]). Но, спустя нѣсколько дней, царь получилъ извѣстіе, что Мнишекъ выѣхалъ изъ Самбора 2 марта. Вспыльчивый Димитрій легко успокоился; любовь взяла свое; 13 марта писалъ онъ снова дружеское письмо къ Мнишку и извинялся: «Хотя мы писали къ вамъ черезъ Денбицкаго и Склинскаго съ досадою, но Богъ видитъ, что это происходило не отъ злого сердца, а, напротивъ, отъ скуки по вашей дочери и изъ любви къ ней и ко всему дому вашей милости [2])».

Въ знакъ возврата расположенія, царь послалъ воеводѣ для уплаты его нѣкоторыхъ долговъ 13,324 талера и 5,204 рубля [3]). Мнишекъ получилъ эти деньги, благодарилъ за нихъ, но жаловался на посла Аѳанасія Власьева, что онъ

¹) Ibid. II, 281.
²) Ibid. II, 283.
³) Ibid. II, 224.

его торопитъ, а ѣхать такъ быстро трудно, потому что онъ ѣдетъ съ дамами и притомъ самъ страдаетъ болѣзнію.

Наружно казалось, что гонецъ за гонцомъ ѣздятъ отъ Димитрія въ Польшу только по дѣламъ любви, но тутъ дѣлалось также инаго рода дѣло. Король Сигизмундъ надѣялся устроить изъ московскаго государя орудіе для видовъ польской политики. Димитрій, въ противность ему, рылъ яму подъ нимъ самимъ въ Польшѣ. Король Сигизмундъ неоднократнымъ нарушеніемъ правъ свободнаго народа и самовластными поступками собиралъ противъ себя въ Польшѣ недовольную партію: тогда она уже значительно возросла и была, такъ сказать, наканунѣ того времени, когда ей пришлось разразиться бурнымъ «рокошемъ». Димитрій зналъ это, соображалъ и завелъ тайныя сношенія съ недовольными. Между врагами Сигизмунда начала бродить мысль низвергнуть Сигизмунда и возвести на польскій престолъ Димитрія. Его вѣротерпимость и либерализмъ располагали къ нему польскихъ разновѣрцевъ, недовольныхъ іезуитскимъ направленіемъ короля Сигизмунда. Письма отъ разныхъ лицъ посылались въ Москву съ изъявленіемъ желенія, чтобъ Димитрій сдѣлался польскимъ королемъ. Впослѣдствіи открылось, что одинъ изъ родственниковъ Мнишковъ, Станиславъ Стадницкій, который въ слѣдующемъ году оказался ярымъ врагомъ Сигизмунда, сносился съ Димитріемъ. Онъ былъ первый, который въ 1606 году гласно отрекался отъ повиновенія Сигизмунду, объявлялъ его лишеннымъ престола и требовалъ сейма для новой элекціи: тогда у него и у нѣкоторыхъ другихъ было намѣреніе предложить преемникомъ Сигизмунду Димитрія. Между недовольными образомъ дѣйствія Сигизмунда распространилось подозрѣніе, будто Сигизмундъ, вообще показывавшій расположеніе къ нѣмцамъ, женившись, противъ воли поляковъ, на австрійской принцессѣ, сестрѣ умершей своей

прежней жены, хочетъ отдать Рѣчь Посполитую австрійскому дому. Непріязнь къ этому дому, которая у поляковъ соединялась всегда съ непріязнею славянъ къ нѣмцамъ, располагала противниковъ Сигизмунда, въ предупрежденіе опасности, грозившей имъ отъ соединенія съ Австріею, искать соединенія съ Московскимъ государствомъ. И прежде не разъ мысль объ этомъ соединеніи являлась на политическомъ горизонтѣ Рѣчи Посполитой: теперь, это казалось болѣе чѣмъ когда нибудь умѣстнымъ, когда на московскомъ престолѣ царствовалъ государь, который провелъ юность въ Польшѣ, знакомъ съ польскими обычаями и притомъ женится на полькѣ. Очень жаль, что намъ неизвѣстны подробности переговоровъ съ Димитріемъ, оставшихся безплодными по причинѣ его, неожиданной для польскихъ друзей, кончины. Несомнѣнно, что, весною 1606 года, въ польскомъ сенатѣ, сторонники Сигизмунда провѣдали уже о замыслахъ замѣнить шведскаго принца московскимъ. Левъ Сапѣга въ собраніи сенаторовъ говорилъ такъ: «Находятся у насъ такіе люди, которые входятъ въ тайныя соглашенія съ московскимъ государемъ; я укажу на одного изъ краковской академіи: онъ писалъ къ московскому государю, что теперь наступаетъ время пріобрѣсть польскую корону. Если такія посланія будутъ летать къ нему изъ польскаго королевства, то едвали можно ожидать чего нибудь хорошаго отъ дружбы съ нимъ. Онъ обѣщаетъ намъ союзъ; но нѣтъ никакой надежды, никакого ручательства въ его искренности. Онъ говоритъ, что собираетъ войско на невѣрныхъ, но какъ скоро между нами есть такія особы, что съ нимъ злоумышляютъ, какъ тутъ ему вѣрить! Притомъ и то еще слѣдуетъ замѣтить, что онъ присылалъ къ намъ такихъ пословъ, которыхъ бы въ его собственномъ государствѣ посадили на колъ, если бы они тамъ говорили

тó, что здѣсь. Димитрій требуетъ цесарскаго титула и говоритъ, будто его предку, кіевскому князу Владиміру Мономаху, данъ былъ такой титулъ отъ греческихъ императоровъ. Если такъ, то скорѣе польскому королю принадлежитъ этотъ титулъ, чѣмъ ему, потому что польскій король владѣетъ Кіевомъ. Понятно, что Димитрій умышленно для того и добивается цесарскаго титула, чтобъ потомъ лучше домогаться кіевскаго княженія.» Другіе свѣтскіе и духовные сенаторы также изъявляли недовѣріе и опасенія. «Я не порицаю кумовства съ московскимъ государемъ — говорилъ Барановскій, плоцкій епископъ — только надобно быть съ нимъ очень осторожнымъ; а то какъ бы изъ этого не вышло вреда и непріятностей для Рѣчи Посполитой.» Луцкій епископъ сказалъ: «онъ обѣщаетъ помогать намъ противъ Швеціи; пусть же дозволитъ провести наши войска въ Швецію черезъ свое государство и дастъ имъ продовольствіе, а не то опасно; наши войска пойдутъ въ Швецію, а онъ съ своею силою нападетъ на владѣнія короля!» Видно было, что уже тогда ему не вѣрили и боялись его *). Впослѣдствіи, по минованіи рокоша противъ Сигизмунда, стало несомнѣнно, что Гришка Отрепьевъ, какъ тогда называли Димитрія поляки со словъ московскихъ людей, будучи царемъ, такъ далеко простиралъ свои планы, что затѣвалъ низвергнуть Сигизмунда и сѣсть на его престолъ, и многіе изъ поляковъ были съ нимъ въ соумышленіи. Тогда подозрѣвали и самого сендомирскаго воеводу, и не безъ основанія. Честолюбивый воевода, конечно, былъ бы радъ возвышенію своего зятя и своей дочери и, безъ сомнѣнія, не стѣснился бы преданностью королю; не уступилъ же онъ Сигизмунду за свою дочь его сестрѣ чести быть московской государыней.

---

*) Bibl. Kras. ręk. B. I, 4.

VII.

Пріѣздъ Мнишка.—Увеселенія.

Марина съ отцомъ переѣхала границу не прежде 8 апрѣля, близъ Баева. Русскіе вельможи встрѣтили ихъ. Съ Мнишками ѣхало нѣсколько семей, большею частію родственники Мнишка: были съ нимъ Адамъ и Константинъ Вишневецкіе, Стадницкіе, Тарлы и другіе; съ каждымъ по нѣскольку десятковъ человѣкъ, а съ болѣе важными, какъ напримѣръ, съ Вишневецкимъ, со старостою саноцкимъ сыномъ Мнишка, со старостою красноставскимъ братомъ Мнишка — нѣсколько сотъ прислуги; всего было свиты въ обозѣ 1969 человѣкъ, и, сверхъ того, болѣе трехсотъ человѣкъ служителей. Все это ѣхало болѣе, чѣмъ па двухъ тысячахъ лошадей. Вездѣ, при дурной погодѣ, тысячи московскаго народа строили имъ мосты и гати. Вездѣ въ московской землѣ встрѣчали ихъ священники и народъ съ хлѣбомъ и солью, а въ городѣ Красномъ встрѣтили ихъ тѣ, что давно уже были высланы на встрѣчу и дожидались пхъ около трехъ мѣсяцевъ съ княземъ Васильемъ Михайловичемъ Мосальскимъ и дядею царя Михайломъ Александровичемъ Нагимъ. Въ Смоленскѣ, десятки тысячъ народа толпами шли па встрѣчу; дворяне Смоленской земли подносили хлѣбъ-соль, дарили соболей. Здѣсь Марина пробыла три дни. Путешественники, однако, иногда во время дороги лишены были всѣхъ удобствъ, при своей многочисленности: паны должны были помѣщаться въ бѣдныхъ хижинахъ, а другіе, за неимѣніемъ помѣщенія, останавливались въ разбитыхъ палаткахъ, не смотря на холодное время. 19 Апрѣля, въ день пасхи по русскому календарю, путешественники достигли Вязьмы. Отсюда воевода отдѣлился отъ дочери, поѣхалъ скорѣе, и 24 апрѣля прибылъ въ столицу. Дочь его еще оставалась въ дорогѣ.

Царь приказалъ устроить великолѣпную встрѣчу и роскошный пріемъ своему тестю; онъ желалъ теперь изъявить ему признательность за гостепріимство, которое испыталъ у него въ Самборѣ. Устроили нарочно мостъ на канатахъ безъ свай; на концѣ его поставили тріумфальныя ворота, такъ чтобъ воевода, какъ только переѣдетъ рѣку, чувствовалъ свое величіе. Версты за двѣ отъ города выѣхалъ ему на встрѣчу Басмановъ; съ нимъ поѣхало тысячи полторы дворянъ и дѣтей боярскихъ. Самъ Басмановъ, другъ и собесѣдникъ Димитрія, одѣлся на этотъ разъ не въ русское, а въ гусарское платье, вышитое золотомъ. Съ нимъ повели четырехъ отличнѣйшихъ лошадей, осѣдланныхъ въ богатѣйшія сѣдла, оправленныя золотомъ; одна служила для пана воеводы, другая для его брата, а двѣ остальныя для его родственниковъ. Отъ тріумфальныхъ воротъ до помѣщенія, назначеннаго Мнишку въ бывшемъ домѣ Борисовомъ въ Кремлѣ, уставлены были въ два ряда дворяне и дѣти боярскіе въ нарядныхъ платьяхъ. Говорятъ, что царь находился между ними инкогнито. Тутъ же увидалъ Мнишекъ и земляковъ—польскую роту, служившую у царя съ своимъ начальникомъ Домарацкимъ. Въ такомъ торжественномъ величіи, привѣтствуемый народомъ, при громѣ веселой музыки, въѣзжалъ воевода сендомирскій въ столицу Московскаго государства. Въ своемъ отечествѣ онъ былъ одинъ изъ многихъ; здѣсь онъ долженъ былъ почувствовать себя первымъ; только царь и дочь его были выше его; равнаго ему не было между невѣнчанными особами. За нимъ ѣхала его свита, состоявшая изъ четырехсотъ слишкомъ человѣкъ.

Какъ только вошелъ Мнишекъ со своими приближенными въ приготовленныя палаты, тотчасъ явились стряпчіе съ блюдами; одни несли кушанье, другіе напитки. Такъ слѣдовало по русскому хлѣбосольству: гость пріѣхалъ; надобно было тотчасъ его угостить; принесли, между про-

чимъ, много разнообразныхъ сортовъ пироговъ, но поляки не нашли ихъ вкусными, потому что, по великорусскому обычаю, они готовились безъ соли. По придворному этикету, важный гость не представлялся въ тотъ же день: предполагалось, что ему надобно отдохнуть съ дороги. Поэтому Мнишекъ не увидѣлся съ царемъ въ день своего пріѣзда; только являлся къ нему князь Иванъ Ѳедоровичъ Хворостининъ поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ. Поляки видѣли въ этотъ день царя только мимоходомъ, когда онъ проѣхалъ верхомъ въ бѣлой одеждѣ къ своей матери, въ Вознесенскій монастырь; за нимъ шли его нѣмецкіе алебардщики и ѣхали верховые; его провожалъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Хворостининъ.

На другой день, 25 апрѣля, отъ бывшаго Борисова дома, гдѣ помѣщался воевода, до царскаго дворца стояли въ два ряда стрѣльцы въ полномъ нарядѣ съ оружіемъ. Воеводѣ подвели, для пріѣзда къ царю, татарскаго бахмата съ богатою позолоченною сбруею, которую цѣнили до десяти тысячъ злотыхъ. Мнишекъ пріѣхалъ съ своею роднею; его провожалъ отрядъ дворянъ. Въ сѣняхъ, пановъ встрѣтили бояре и ввели въ золотую палату, гдѣ полъ былъ устланъ персидскими коврами. Царь сидѣлъ на тронѣ; этотъ тронъ былъ большое серебряное кресло подъ балдахиномъ, составленнымъ изъ четырехъ щитовъ, положенныхъ крестообразно; сверху на щитахъ былъ шаръ, а на немъ драгоцѣнное изображеніе орла; надъ спинкой самаго кресла была икона Богородицы въ золотомъ окладѣ съ дорогими камнями. Балдахинъ, въ три локтя вышиною, утверждался на колоннахъ, по которымъ отъ щитовъ сверху внизъ спадали и вились нитки крупнаго жемчугу съ камнями; вниманіе поляковъ привлекъ между ними одинъ большой камень, величиною въ грецкій орѣхъ. Близъ колоннъ два, а по другимъ извѣстіямъ, четыре, лежащіе, серебряные, до половины

вызолоченные льва держали золоченые на серебряныхъ ножкахъ подсвѣчники, на которыхъ стояли два грифа: одинъ держалъ кубокъ, другой — мечъ: они касались колоннъ; тронъ былъ поставленъ на возвышеніи съ тремя ступенями, покрытыми золотымъ ковромъ. По сторонамъ его стояло четверо рындъ въ мѣховыхъ шапкахъ, въ бѣлыхъ одеждахъ и бѣлыхъ сапогахъ, съ желѣзными бердышами въ рукахъ; ихъ груди обвивали крестообразно положенныя черезъ плеча золотыя цѣпи. По лѣвую сторону сидящаго царя, стоялъ князь Шуйскій (названный Димитріемъ, но, вѣроятно, это былъ Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, произведенный въ санъ великаго мечника), въ бархатномъ кафтанѣ темнокаштановаго цвѣта съ золотыми цвѣтами, подбитомъ соболями; онъ держалъ обѣими руками обнаженный мечъ съ богатою рукоятью, на которой былъ золотой крестъ. Близъ него стоялъ стряпчій, сынъ Аѳанасія Власьева, съ царскимъ платкомъ. Самъ царь былъ одѣтъ въ одеждѣ, сверху донизу унизанной жемчугами; на шеѣ отложное ожерелье было усажено алмазами и рубинами; на груди у него висѣлъ большой яхонтовый крестъ; на головѣ — царскій вѣнецъ; въ правой рукѣ царь держалъ скипетръ. По правую сторону отъ царя, сидѣли духовные, составлявшіе освященный соборъ, которыхъ Димитрій сдѣлалъ тогда членами созданнаго имъ сената: патріархъ Игнатій сидѣлъ ближе всѣхъ къ царю на чернобархатномъ креслѣ въ черной бархатной рясѣ, унизанной въ ладонь шириною жемчугами и драгоцѣнными камнями, по разрѣзу и по подолу; правою рукою онъ держалъ посохъ съ золотою верхушкою; передъ нимъ стоялъ служка съ блюдомъ, на которомъ лежалъ крестъ и былъ поставленъ серебряный сосудъ со святою водою. За духовными на правой сторонѣ отъ трона, а также на лѣвой сторонѣ близко отъ трона и прямо противъ трона на скамьяхъ, покрытыхъ персидски-

ми ковровыми полавочниками, сидѣли бояре, окольничьи и думные дворяне; только по самой срединѣ, противъ трона, оставлено было мѣсто для прохода, и около него нѣсколько пустыхъ лавокъ было приготовлено для гостей, которымъ давался пріемъ. За этимъ мѣстомъ стояли толпою дворяне, стряпчіе, жильцы и предводители польской дружины, находившейся на службѣ у Димитрія. Такое зрѣлище представилось воеводѣ и его роднымъ, когда они вошли въ залу.

Мнишекъ сталъ посреди залы, поклонился, потомъ подошелъ ближе къ царю и говорилъ рѣчь: «Не знаю, удивляться ли мнѣ, или радоваться, видя ваше величество на этомъ престолѣ! Могу ли я безъ удивленія смотрѣть на того, кого столько лѣтъ считали мертвымъ, а теперь видятъ окруженнаго величіемъ?» Мнишекъ сталъ въ рѣчи своей размышлять о странной игрѣ человѣческаго счастія, о непостижимости промысла, который однихъ возвышаетъ, другихъ понижаетъ; восхвалялъ доблести Димитрія, его храбрость на войнѣ, терпѣніе, съ какимъ онъ во время похода переносилъ стужу и всякія лишенія; но самая большая добродѣтель царя московскаго, по его словамъ, была та, что онъ женится на Маринѣ. Онъ говорилъ: «Ваше величество, осыпавъ меня и золотомъ, и серебромъ, избрали супругою себѣ мою дочь; ни громкій титулъ царя, ни высокая почесть не измѣнили вашего намѣренія; вы пріобрѣли право на такія похвалы, какихъ не можетъ выразить ни поэзія, ни исторія. Я не столько самонадѣянъ и смѣлъ, чтобъ быть равнодушнымъ къ моему возвышенію; но если вспомнить, какъ воспитана дочь моя, съ какимъ стараніемъ внушены были ей съ колыбели всѣ добродѣтели, приличныя ея званію, то смѣло могу назвать васъ моимъ зятемъ. Дочь моя, продолжалъ Мнишекъ, родилась въ свободной странѣ, гдѣ отецъ ея занимаетъ почетное мѣсто въ сенатѣ, гдѣ каждый шляхтичъ можетъ достигнуть высшихъ достоинствъ. Одна

добродѣтель украшаетъ царей и сильныхъ земли, ведетъ человѣка на небеса и соединяетъ съ Богомъ. Мнѣ остается молить, чтобъ Всевышній благословилъ этотъ союзъ для счастія и благоденствія русской вашей державы *).»

Димитрій былъ растроганъ, впродолженіи рѣчи плакалъ какъ бобръ, по выраженію поляка **), безпрестано бралъ у своего стряпчаго платокъ и отиралъ себѣ глаза. Послѣ рѣчи воевода подошелъ къ рукѣ. «Цѣлую съ благоговѣніемъ руку — сказалъ онъ — руку, которую я жалъ нѣкогда съ нѣжнымъ участіемъ хозяина къ злополучному гостю!» За воеводою допущены были къ рукѣ родные Мнишка, давніе пріятели Димитрія: братъ его, староста красноставскій, сынъ его староста саноцкій, князь Константинъ Вишневецкій и староста лукомскій Павелъ Мнишекъ***).Димитрій ничего не говорилъ. Такъ слѣдовало по обычаямъ. За него отвѣчалъ Афанасій Власьевъ, великій секретарь.

По окончаніи цѣлованья руки, воевода сѣлъ противъ трона; сзади, на пустыхъ лавкахъ, помѣстились другіе поляки: всѣ подходили цѣловать руку царскую по списку одинъ за другимъ, потомъ садились. Посидѣвши немного такимъ образомъ съ гостьми, царь всталъ; за нимъ всѣ встали. Патріархъ и духовные вышли впередъ и стали въ сѣняхъ, обратившись лицомъ къ палатѣ. Царь подозвалъ воеводу къ трону и просилъ его на обѣдъ, а Басмановъ отъ имени царя приглашалъ обѣдать прочихъ пановъ и дворянъ польскихъ. Стали выходить. Двое бояръ повели царя подъ руки, передъ нимъ несли государственное яблоко (державу); шествіе направлялось въ церковь. Патріархъ съ духовенствомъ благословлялъ идущихъ; онъ давалъ цѣловать крестъ и

*) Паэрле, 43.
**) Rz. Polsk. Hist. Russ. Monum. 163.
***) Паэрле, 44.

Мнишку; за воеводою и прочіе паны подошли ко кресту; и имъ патріархъ далъ цѣловать крестъ. Ревностнымъ поборникамъ православія это не понравилось.

Всѣ вошли въ церковь — судя по описанію — въ Благовѣщенскій соборъ. Царю принесли другую корону, полегче. Воевода и поляки стояли въ переходѣ, окружающемъ церковь, и присматривались съ любопытствомъ къ московскому богослуженію. Православные паны, вѣроятно, входили въ самую церковь. По окончаніи литургіи, царь вышелъ изъ церкви и сѣлъ на паперти; подлѣ него сѣлъ воевода. Царь хотѣлъ показать, что ведетъ дружескую бесѣду съ тестемъ. Это продолжалось нѣсколько минутъ.

Вставши, царь повелъ воеводу въ свой деревянный дворецъ; паны пошли за ними. Димитрій показывалъ свое недавно оконченное жилище. Поляки хвалили вкусъ царя и убранство дома. Потомъ пошли въ столовую обѣдать въ большомъ каменномъ дворцѣ.

Предъ столовой залой, обитой персидскою голубой тканью, находились сѣни; въ нихъ поразило поляковъ множество дорогой золотой и серебряной столовой посуды: чарокъ, кубковъ, братинъ, стопъ, золотыхъ и серебряныхъ, вложенныхъ одна въ другую, и въ особенности семь или восемь серебряныхъ бочекъ съ золотыми обручами, величиною въ сельдяные бочонки. На окнахъ и дверяхъ столовой красовались золототканные занавѣсы; дорогими коврами устилался весь полъ. Великолѣпный поставецъ вокругъ столба, стоявшаго посрединѣ залы, пышно сверкалъ множествомъ посуды затѣйливой работы; львы, единороги, драконы, олени, грифы, змѣи, ящерицы, лошади, всевозможнѣйшія фигуры, бросались въ глаза полякамъ. Изъ серебрянаго съ позолотою сосуда, величиною въ человѣческій ростъ, лилась кранами вода въ три раза одинъ надъ другимъ; но, противъ обычая поляковъ, мывшихъ руки предъ обѣдомъ, мо-

сковскіе люди совсѣмъ этого не сдѣлали. Столовъ было уставлено три большихъ и одинъ маленькій; два стояло подъ угломъ съ третьимъ, а напротивъ третьяго за маленькимъ столикомъ, серебрянымъ, покрытымъ золотною скатертью, сидѣлъ царь на высокомъ сѣдалищѣ, обитомъ черною матеріею съ золотыми полосами. По правую руку отъ царя сидѣли думные люди; налѣво отъ него, за другими столами, обѣдалъ воевода и съ нимъ паны. Прямо противъ царя, за большимъ столомъ, сидѣли дворяне, и между ними посольская свита; ихъ разсадили такъ, что московскіе люди и поляки сидѣли въ перемежку одинъ съ другимъ. Поляковъ поразило то, что никому не подали тарелокъ, кромѣ четыремъ важнѣйшимъ панамъ. Царь замѣтилъ, что таковъ обычай, и даже подача тарелокъ четыремъ панамъ была уже его нарушеніемъ. Передъ гостьми не клали хлѣба, но царь самъ разрѣзывалъ бѣлые хлѣбы и посылалъ каждому подачку съ солью. Куски хлѣба, говоритъ очевидецъ, были очень велики и служили намъ тарелками. Стряпчіе начали носить кушанья въ серебряныхъ мисахъ и полумискахъ; ихъ ставили предъ гостями такъ, что одна посудина стояла отъ другой на локоть. Изъ этихъ мисокъ и полумисокъ гости должны были ѣсть жидкое ложками, а прочее руками. День былъ тогда постный, и царь угощалъ поляковъ рыбными кушаньями. Въ заключеніе, начали носить множество пирожныхъ. Стольники наливали вино, медъ, пиво въ драгоцѣнные кубки, чарки, чаши. Сначала церемонія питья совершалась такъ: стольники подносили царю, слегка кланяясь и не снимая шапокъ, въ которыхъ служили; царь выпивалъ самъ и отсылалъ всѣмъ гостямъ по чаркѣ; выпивши царскую присылку, каждый гость уже свободно принимался за питье, которое стояло въ чрезвычайномъ изобиліи. Многимъ панамъ, какъ вообще многимъ иноземцамъ, бывавшимъ въ

Москвѣ, нравились тогда ставленные ягодные меды. Но московской кухни никто не хвалилъ. Еще не кончился обѣдъ, какъ уже воеводѣ сдѣлалось дурно отъ нея; онъ вышелъ изъ-за стола, его провели въ царскіе покои; пиръ продолжался безъ него. Тогда, для потѣхи гостямъ, царь велѣлъ призвать лопарей, которые на ту пору случились въ Москвѣ, они привезли обычную годовую дань. Ихъ, числомъ двадцать человѣкъ, ввели въ залу, въ народныхъ одеждахъ изъ оленьихъ шкуръ, съ луками и стрѣлами. Царь объяснялъ полякамъ, что̀ это за народъ, какъ далеко на сѣверѣ живетъ, чему покланяется, какія у него понятія. Въ заключеніе обѣда, принесли полумисокъ сливъ, и царь раздавалъ ихъ каждому стольнику изъ своихъ собственныхъ рукъ; это означало почесть и вниманіе отъ царя за ихъ службу во время стола. Обѣдъ кончился вечеромъ. Царь ушелъ въ свой дворецъ, гдѣ былъ уже воевода. Гости разъѣхались по своимъ помѣщеніямъ, а воеводу уже поздно проводили до его дома по крытымъ переходамъ, соединявшимъ царскія зданія въ Кремлѣ.

На другой день, гости обѣдали у себя, отъ царскаго стола, а послѣ обѣда воевода и другіе паны прибыли въ царскій деревянный дворецъ. Тамъ, въ передней комнатѣ, играло сорокъ человѣкъ музыкантовъ пана Стадницкаго. Русскіе—говоритъ полякъ очевидецъ — очень любовались этою музыкою. Князь Вишневецкій и сынъ Мнишка танцовали. Стольники разносили напитки. Царь ушелъ отъ гостей и черезъ нѣсколько минутъ явился снова въ нарядномъ гусарскомъ уборѣ, въ сафьянныхъ башмакахъ, въ красныхъ шароварахъ; на немъ былъ надѣтъ золотоглавный жупанъ, а сверху накинутъ малиновый бархатный плащъ, унизанный по краямъ жемчугому. Повеселившись съ гостями, онъ ушелъ опять и явился въ московской одеждѣ, въ расшитомъ золотомъ кафтанѣ со множествомъ

жемчуга и камней, подбитомъ дорогими соболями; на головѣ у царя была большая соболья шапка. Это переодѣванье рѣзко выказывало особенность характера царя Димитрія, склонность рисоваться и казаться, которая невольно прорывалась во всѣхъ его поступкахъ. Басмановъ между тѣмъ распоряжался угощеніями, занималъ гостей и заохочивалъ ихъ веселиться. Вечеромъ воевода посѣтилъ царскую мать въ Вознесенскомъ монастырѣ, а потомъ возвратился опять во дворецъ къ ужину. Былъ приготовленъ роскошный столъ. Ужинали у царя и паны, и бояре; много пили; музыка играла; паны танцовали, а московскіе люди на нихъ поглядывали: одни любовались этими непривычными пріемами жизни, другіе скорбѣли о такомъ нечестіи, несогласномъ съ монашескою тишиною и восточною неприступностью, чего требовало отъ царскаго жилища нравственное понятіе. Шуйскіе веселились съ царемъ, и царь, простодушный и довѣрчивый, не догадывался и не подозрѣвалъ, что въ головѣ у этихъ собесѣдниковъ. Утренняя заря застала гостей среди плясовъ, пѣсенъ, смѣха и веселости, и всѣ разъѣхались уже днемъ. Музыканты пана Стадницкаго получили въ эту ночь отъ щедраго царя двѣ тысячи золотыхъ за свой трудъ.

На слѣдующій день, 27 апрѣля, проспавшись отъ ночной пирушки, царь занимался дѣлами, а вечеромъ опять съѣхались къ нему польскіе паны, и опять роскошный ужинъ, опять попойка, музыка, танцы, пѣсни, веселье. Въ одинъ изъ слѣдующихъ затѣмъ дней, 28 или 29, царь пригласилъ воеводу и пановъ на охоту за городъ, и ѣхалъ верхомъ вмѣстѣ съ воеводою и Василіемъ Шуйскимъ. Въ подгородномъ селѣ Мамоновѣ были нарочно приготовлены звѣри; былъ между ними огромный медвѣдь, привезенный изъ далекихъ лѣсовъ сѣверовостока. «Не хочетъ ли кто сразиться съ этимъ медвѣдемъ?—спросилъ царь, обратив-

шись къ гостямъ. Никто не рѣшился; можетъ быть, и находились бы храбрецы, да видѣли, что царь хочетъ самъ показать свою удаль, и для того уступили изъ вѣжливости. Выпустили медвѣдя; царь бросился на него съ рогатиною и такъ ударилъ, что топорище рогатины переломилось; медвѣдь упалъ; царь во мгновеніе отсѣкъ ему голову. Московскіе люди кричали ему похвалы и съ гордостію указывали полякамъ на неустрашимость, молодечество и силу своего царя. Послѣ такихъ забавъ, царь пригласилъ гостей своихъ обѣдать. Столъ былъ приготовленъ въ обширныхъ, богато убранныхъ шатрахъ; вечеромъ всѣ разъѣхались въ городъ съ веселыми криками.

VIII.

Въѣздъ Марины въ Москву.—Поведеніе поляковъ.—Пріемъ родственниковъ Марины и пословъ короля Сигизмунда. — Приготовленія къ свадьбѣ.

Шатры, гдѣ обѣдали гости съ царемъ послѣ подвига съ медвѣдемъ, были приготовлены для царицы и для ея поѣзда. Когда воевода съ передними панами прибылъ въ Москву, нареченная царица находилась въ Вяземѣ, гдѣ стоялъ дворецъ Бориса. Это былъ обширный дворъ, обведенный рвомъ, огороженный деревяннымъ частоколомъ, съ шестью башенками, съ заостренными верхами *); въ немъ находился царскій домъ со службами и каменная церковь, очень красивая, съ богатымъ иконостасомъ и утварью. Тутъ пробыла Марина три дня, потомъ выѣхала, и, доѣхавши за нѣсколько верстъ отъ Москвы, остановилась въ приготовленныхъ для нея шатрахъ, тѣхъ самыхъ, гдѣ угощалъ царь пановъ послѣ медвѣжьей травли. Здѣсь соб-

*) Hist. Russ. Mon. 162.

ственно для нея былъ раскинутъ особый нарядный шатеръ, а около него много другихъ обширныхъ шатровъ для помѣщенія ея свиты. Весь этотъ стапъ устроенъ былъ такъ, что снаружи купа шатровъ казалась замкомъ; она обведена была полотняною стѣною; натянутое на длинныхъ шестахъ полотно изображало башни, разставленныя по стѣнѣ. Марина съ своимъ поѣздомъ прожила въ этихъ шатрахъ цѣлыхъ два дни. Гости и купцы пріѣзжали изъ Москвы поклониться будущей государынѣ и подносили ей подарки, тѣ—дорогіе сосуды, другіе—богатыя матеріи. Въ это время въ Москвѣ приготовляли ей почетный въѣздъ, на день 3 мая. Наканунѣ того дня, воевода пріѣхалъ изъ Москвы къ дочери, чтобъ съ нею вмѣстѣ участвовать въ торжественномъ въѣздѣ.

Разомъ съ Мариной ѣхавшіе къ московскому государю послы Рѣчи Посполитой, Олесницкій и Гонсѣвскій, поѣхали впередъ и достигли Москвы прежде нареченной царицы. Они переправились черезъ Москву-рѣку по мосту, устроенному на лодкахъ; за рѣкою увидѣли приготовленные для царицы шатры. По выгону стояла и бѣгала пестрая толпа народа, и русскихъ, и поляковъ; ѣздили верхомъ, бѣгали пѣшкомъ—вездѣ суета, крики... Пословъ встрѣтили князь Григорій Константиновичъ Волконскій и дьякъ Андрей Ивановъ и объявили, что назначены приставами къ нимъ. Имъ привели царскихъ коней. Когда они ѣхали въ Москву, стрѣльцы стояли въ строю и отдавали имъ честь. Такъ, пріѣхавши въ столицу, они со всею посольскою свитой прибыли на посольскій дворъ.

Вслѣдъ за послами ѣхалъ обозъ Марины, а потомъ ѣхала и сама Марина. Поѣздъ переѣхалъ по тому же мосту на лодкахъ *) и остановился у шатровъ, раскинутыхъ на зе-

*) На Дѣвичьемъ-Полѣ.

ленѣвшемъ лугу. На мосту стояло человѣкъ сто барабанщиковъ и трубачей; гудѣли въ литавры, бубны, сурьмы. Такого рода національная музыка казалась иностранцамъ собачьимъ воемъ или кошачьимъ мяуканьемъ. Тысяча всадниковъ стояла въ строю около этихъ шатровъ. Польская нимфа, какъ называетъ ее современникъ, сѣла въ шатрѣ на богатомъ креслѣ; ее окружили ея дамы и кавалеры. Подъѣхала къ шатру великолѣпная карета; за нею верхомъ бояре и думные дворяне въ драгоцѣнныхъ нарядахъ. За каждымъ ѣхала толпа слугъ, также красиво одѣтая. Они оставили конюхамъ своихъ коней, блиставшихъ серебромъ и золотомъ своихъ сбруй при яркомъ весеннемъ солнцѣ, вошли въ шатеръ и били челомъ новой государынѣ. На челѣ ихъ Мстиславскій, какъ самый важнѣйшій членъ боярской думы или сената. Всѣ приносили ей поздравленіе съ пріѣздомъ, кланялись до земли; въ заключеніе, Мстиславскій объявилъ, что его цесарское величество, ея женихъ, прислалъ за нею карету, просилъ сѣсть и ѣхать въ свою столицу. Всѣ поздравлявшіе царицу вышли изъ шатра безъ шапокъ и стояли съ почтеніемъ, пока царица не сѣла въ карету. Въ другомъ шатрѣ поздравляли съ пріѣздомъ Мнишка и подвели ему въ подарокъ коня со сбруею: чепракъ, уѣзда, нагрудникъ, наколѣнки, стремена—все было разукрашено золотомъ; сверхъ того поднесли футляръ съ двѣнадцатью золотыми чарками и разными драгоцѣнными мелочами, цѣною, какъ говорили, на сто тысячъ злотыхъ. Царица, сопровождаемая Мстиславскимъ, сѣла въ подвезенную къ шатру карету, запряженную двѣнадцатью бѣлыми въ яблокахъ лошадьми. Отъ шатровъ, откуда вышла царица, дорога лежала прямо къ Земляному городу. До самаго города по лугу стояли рядами стрѣльцы въ красныхъ суконныхъ кафтанахъ съ бѣлыми перевязами на груди и держали

длинныя ружья съ красными ложами; далѣе стояли въ два ряда конные стрѣльцы и дѣти боярскіе; на одной сторонѣ были съ луками и стрѣлами, на другой съ ружьями, привязанными къ сѣдламъ; они также были одѣты въ красные кафтаны. Потомъ стояло двѣсти польскихъ гусаръ, подъ начальствомъ Домарацкаго, на коняхъ съ пиками, у которыхъ древка были раскрашены красною краскою, а близъ острія были привязаны бѣлые значки. Поѣздъ долженъ былъ ѣхать между рядами этихъ воиновъ. Поляки били въ литавры и играли на духовыхъ военныхъ инструментахъ. Вступивши въ Москву, поѣздъ слѣдовалъ чрезъ Земляной городъ, потомъ въѣхалъ Никитскими воротами въ Бѣлый, оттуда въ Китай-городъ, на Лобное мѣсто, и наконецъ въ Кремль. Прежде всѣхъ ѣхали тѣ дворяне и дѣти боярскіе, которые высылаемы были на границу и три мѣсяца проводили въ нуждѣ и лишеніяхъ, дожидаясь государыни. Потомъ шли пѣшіе польскіе гайдуки или стрѣлки, числомъ триста; за плечами у нихъ были ружья, а при бокѣ сабли. Они были одѣты въ голубые жупаны съ серебряными нашивками и съ бѣлыми перьями на шапкахъ-магиркахъ: народъ былъ рослый, на подборъ. Они играли на трубахъ и били въ барабаны. За ними ѣхало двѣсти польскихъ гусаръ сендомирскаго воеводы, по десяти человѣкъ въ рядъ, на статныхъ венгерскихъ коняхъ, съ крыльями за плечами, съ позолоченными щитами, на которыхъ виднѣлись изображенія драконовъ, и съ поднятыми вверхъ копьями; на однихъ изъ этихъ копій были бѣлые, на другихъ красные значки. За ними вели, по однимъ извѣстіямъ, трехъ, по другимъ, двѣнадцать лошадей, отличной породы, посланныхъ въ даръ невѣстѣ *). За ними слѣдовали паны, сопровождавшіе воеводу: здѣсь были князь

*) Маѳв. 89.

Вишневецкій, Тарлы, трое Стадницкихъ (Мартинъ, Андрей и Матьяшъ), Любомирскій, Нѣмоевскій, Лаврины и другіе, каждый со своей ассистенціей; и каждый хотѣлъ выказаться предъ многочисленною толпою своимъ нарядомъ, нарядомъ слугъ и убранствомъ лошадей. Сзади всѣхъ ихъ ѣхалъ верхомъ Мнишекъ въ малиновомъ кафтанѣ, опушенномъ соболемъ, въ шапкѣ съ богатымъ перомъ; шпоры и стремена были золотыя съ бирюзою. За Мнишкомъ слѣдовалъ арапъ, одѣтый по турецки. Потомъ, за отцомъ ѣхала дочь въ каретѣ, запряженной десятью лошадьми, всѣ бѣлой масти съ черными яблоками. На козлахъ не сидѣли, но каждую лошадь велъ за узду особый конюхъ, и всѣ десять конюховъ были одѣты одинаково. Карета снаружи была окрашена красною краскою съ серебряными накладками, колеса ея были позолочены, а внутри она была обита краснымъ бархатомъ. Въ ней, на подушкахъ, по краямъ унизанныхъ жемчугомъ, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, вся осыпанная каменьями и жемчугами, сидѣла Марина вдвоемъ со старостиной сохачевскою, которая помѣщалась противъ нея. Подлѣ самой кареты шло шесть лакеевъ въ зеленыхъ кабатахъ и штанахъ и въ красныхъ въ-накидку плащахъ, а поодаль, по обѣимъ сторонамъ кареты, шли нѣмецкіе аллебардщики московскаго царя и московскіе стрѣльцы. За каретой, въ которой сидѣла Марина, ѣхала другая карета, ея собственная, въ которой она прибыла изъ Польши; ее везли восемь лошадей бѣлой масти; карета была снаружи обита малиновымъ бархатомъ, а внутри краснымъ золотоглавомъ; въ ней устроены были четыре стула для сидѣнья съ подушками. Возницы были одѣты въ жупанахъ и ферезеяхъ краснаго атласа; вся сбруя на лошадяхъ была краснаго бархата; карета была пустая. За нею слѣдовала третья карета, запряженная восемью сѣрыми лошадьми; упряжь была бархатная съ серебряною позолоченою на-

кладкою, а возницы одѣты въ черныхъ бархатныхъ жупанахъ, на которые накинуты были красныя атласныя ферезеи. Тамъ сидѣли четыре знатныя дамы (княгиня Коширская, Тарлова, Гербуртова и Казановская). За этой каретой слѣдовали два брожка (родъ коляски, съ высокимъ верхомъ), въ которыхъ тоже сидѣли дамы: одинъ, изъ рѣзнаго дерева, позолоченый, обитъ былъ краснымъ бархатомъ: возницы въ зеленыхъ атласахъ; а другой обитъ былъ чернымъ бархатомъ: возницы были одѣты въ черныя бархатныя ферезеи; каждый везли шесть лошадей. За ними ѣхало нѣсколько каретъ, гдѣ сидѣли старушки и женская прислуга Марины. За всѣми этими каретами шла толпа московскаго народа всякаго званія, высыпавшая изъ столицы глядѣть на церемонію. Когда поѣздъ въѣхалъ на Лобное мѣсто, вся площадь пестрѣла разнообразными восточными нарядами; тутъ были и персы, и грузины, и арапы, турки и татары, которыхъ всегда можно было найти въ торговой Москвѣ; ихъ разставили нарочно для того, чтобъ они увеличивали разнообразіе. Вдоль Кремля отъ Фроловскихъ до Никольскихъ воротъ играли музыканты и пѣсельники пѣли хоромъ польскую пѣсню: W kazdym czasie, tak w szczsciu jako i nieszczęsciu [1]). Музыка сопровождалась боемъ въ литавры и бубны [2]). Такъ въѣхала карета Марины въ Кремль и остановилась у Вознесенскаго монастыря. Здѣсь ей приготовлено было помѣщеніе до брака. Тамъ жила мать Димитрія, будущая ея свекровь. Слѣдовало по обычаямъ края, чтобъ невѣстка прежде пріѣхала къ ней и поселилась у новой своей матери [3]). Инокиня Мареа встрѣтила ее, какъ хозяйка, съ радушіемъ. Другія

---

[1]) Niemcew II, 376. (Во всякое время, въ счастіи и въ несчастіи).
[2]) Grevenbr. 34.
[3]) Grevenbruch, 35.

кареты разъѣхались по тѣмъ помѣщеніямъ, которыя были имъ отведены. Царь былъ во все продолженіе торжественнаго въѣзда въ толпѣ народа и вслѣдъ за невѣстою пріѣхалъ въ Вознесенскій монастырь, гдѣ имѣлъ съ ней первое свиданіе послѣ долгой разлуки *).

Пріѣздъ Марины и съ нею огромной польской свиты отозвался не совсѣмъ радостнымъ впечатлѣніемъ на многихъ изъ москвичей. Поляковъ развели по квартирамъ въ городѣ, брали для этого домà не только у гостей и торговыхъ людей, но и у дворянъ и даже у самыхъ бояръ; такъ Нагіе должны были принять къ себѣ гостей **). Неизвѣстно, сочтено ли было это повинностью домовладѣльцевъ — службою царю, или выплачены имъ деньги, но во всякомъ случаѣ многимъ было непріятно вторженіе въ домъ людей, различныхъ по образу жизни и правамъ, въ особенности когда изъ этихъ гостей было много наглыхъ, готовыхъ на разнаго рода своевольства и безпутства. Непріятно показалось москвичамъ, когда они увидѣли, что поляки, пріѣхавшіе въ свитѣ Марины, стали вынимать изъ своихъ повозокъ ружья, пистолеты и сабли; у иного было по пяти, по шести ружей ***). Москвичи обращались къ нѣмцамъ и спрашивали: развѣ въ вашихъ заморскихъ земляхъ на свадьбу ѣздятъ съ оружіемъ? Шляхтичи смотрѣли съ высокомѣріемъ на русскихъ: подобно всѣмъ западнымъ иноземцамъ, они считали ихъ варварами, племенемъ ниже другихъ и по вѣрѣ, и по образованію; обычаи московскіе казались для нихъ отвратительными, а на себя они смотрѣли какъ на цивилизаторовъ. Другіе иноземцы, какъ, напримѣръ, нѣмцы, въ этомъ отношеніи были сдержаннѣе

*) Hist. Russ. Mon. II, 99.—Diar. Niemojewski.—Is. Mass 89.—90.—Bussov. 43.

**) Палицынъ, 26.

***) Bussov. 43.— Petric. 183.

и не всегда высказывали, что думали, но умѣли помолчать и притаиться. Поляки же, съ ихъ живымъ характеромъ, съ ихъ склонностію высказываться и ставить себя выше тѣхъ, съ кѣмъ имѣли дѣло, нарочно пользовались случаемъ заявлять о своемъ превосходствѣ. Въ особенности теперь это было неизбѣжно: они гордились тѣмъ, что царь на ихъ сторонѣ, что они нѣкоторымъ образомъ дали московской землѣ царя. Еще не доѣхавъ до Москвы, на дорогѣ они заводили ссоры съ жителями: въ Можайскѣ посольскіе люди вышли покупать пиво, хотѣли заставить шинкаря взять литовскія деньги, и за это завелась такая ссора, что между московскими людьми и поляками дошло до ножей. Съ самыми послами возникло недоразумѣніе за требованія корма, и Аѳанасій Власьевъ написалъ довольно колкое письмо къ посламъ, а тѣ отвѣчали ему такимъ же, котораго смыслъ, повидимому, выражалъ мысль: мы-де не боимся твоего государя..... Тотчасъ же по въѣздѣ въ Москву, поляки такъ были невоздержны въ рѣчахъ, такъ заносчивы и высокомѣрны, что врагамъ царя легко было бросить въ народѣ мысль, будто въ этотъ разъ польскіе послы пріѣхали для того, что царь хочетъ отдать Литвѣ часть государства по Смоленскъ. Эти толки распространились и объ нихъ донесли царю: «Не только Смоленска — сказалъ царь въ собраніи думныхъ людей своихъ, — одной пяди земли русской я не отдамъ къ Литвѣ» *).

На другой день, 3 мая, царь самъ хотѣлъ осадить высокомѣріе своихъ союзниковъ. Онъ назначилъ торжественный пріемъ пословъ короля Сигизмунда и родныхъ Марины. Мѣсто для пріема было приготовлено неизвѣстно въ какой палатѣ изъ двухъ — въ грановитой или золотой; современные источники говорятъ, только, что это происходило

*) Никон. 73.

въ обычной палатѣ *). Царь сидѣлъ на тронѣ, въ бѣлой одеждѣ съ бѣлыми разводами, усаженной жемчугами и камнями; на груди у него висѣли золотыя цѣпи; тронъ у него по прежнему былъ серебряный съ позолотою. Патріархъ съ духовенствомъ, бояре и думные люди сидѣли въ такомъ же порядкѣ, какъ во время пріема Мнишка; тѣ же рынды, тотъ же мечникъ съ обнаженнымъ мечемъ; одинъ изъ думныхъ держалъ то яблоко, то скипетръ, и попеременно подавалъ то и другое царю въ руки. Прежде ввели родственниковъ будущей царицы; на челѣ ихъ былъ Мартинъ Стадницкій, дворецкій царицы (гофмейстеръ, ochmistrz); онъ говорилъ царю отъ имени всѣхъ такую рѣчь:

« Ближніе по крови и весь дворъ ея величества обрученной невѣсты вашего царскаго величества, чрезъ меня, приносятъ низкій поклонъ вашему царскому величеству. Въ настоящія времена упадка царствъ христіанскихъ, Богъ на страхъ невѣрнымъ даровалъ христіанамъ утѣшеніе въ томъ, что, подвергнувши ваше величество искушеніямъ, которыми обычно укрѣпляетъ своихъ избранниковъ, восхотѣлъ соединить ваше царское величество родственнымъ союзомъ съ народомъ, мало различнымъ отъ вашего народа по языку, обычаямъ, и отъ вѣковъ равнымъ по силѣ, великодушію, храбрости и мужеству, и чрезъ посредство дома сенатора королевства Польскаго, о которомъ нѣтъ нужды распространяться, ибо ваше величество привелъ Богъ лично видѣть домъ и значеніе его милости пана воеводы сендомирскаго у его величества короля, испытать его умъ, совѣтливость, проницательность и способность приносить пользу другимъ и себѣ, его связи съ важнѣйшими особами, а болѣе всего—довѣріе и милость короля, которыми панъ воевода пользуется болѣе всѣхъ въ Поль-

*) Hist. Russ. Monum. II, 166.

скомъ королевствѣ. Изъ такого знатнаго дома вашему величеству угодно было избрать себѣ подругу жизни. Да не удивляется никто этому браку московскаго государя съ польскою дѣвицею: Богъ изъ давнихъ временъ являлъ такую волю надъ вашимъ государствомъ. Прадѣдъ вашего величества имѣлъ супругою дочь Витольда, а мать вашего блаженной памяти родителя развѣ не была Глинская? Были-ль какія нибудь несчастія отъ такихъ союзовъ предкамъ вашего величества? И мы, при милости божіей, уповаемъ на счастливый исходъ этого дѣла. Самъ Господь Богъ чудотворно обратилъ сердце вашего царскаго величества къ тому народу, съ которымъороднились предки ваши. Теперь угаснутъ притворство и недовѣріе между поляками и русскими, прекратятся жестокія и варварскія кровопролитія между нами, и взаимныя силы обоихъ народовъ съ благословенія божія обратятся съ успѣхомъ противъ невѣрныхъ. Этого желаемъ не только мы, но всѣ христіанскіе народы того желаютъ. Пусть же Господь Богъ, ниспославшій силу вашему величеству, даруетъ вамъ спасительные совѣты и возвыситъ могущество вашего престола, дабы ваше величество, изшедши отъ страны полуночныя, ниспровергли луну и пріобрѣли бы славу въ краяхъ полуденныхъ, а въ столицѣ предковъ вашихъ узрѣли бы въ изобиліи и чести свое потомство!»

Ему отвѣчалъ Аѳанасій Власьевъ приличною дружескою рѣчью отъ лица государя *). Потомъ пригласили на аудіенцію пословъ.

Они пріѣхали въ Кремль верхомъ и встали съ лошадей, по приглашенію приставовъ, у царскаго двора; чрезъ дворъ надобно было идти пѣшкомъ. Предъ входомъ стояли въ два ряда аллебардщики подъ предводительствомъ францу-

---

*) Hist. Russ. Mon. II, 167.

за Маржерета. Тамъ встрѣтилъ ихъ старый Мнишекъ; послы предувѣдомили его, что желаютъ повидаться съ нимъ прежде, чѣмъ будутъ допущены къ царю. Онъ сказалъ, что слышалъ, будто царь не хочетъ принимать королевской грамоты, потому что въ ней его титулуютъ великимъ княземъ, а не цесаремъ. Послы просили воеводу, чтобъ онъ ходатайствовалъ у царя и постарался, какъ родственникъ, наклонить его къ уступкамъ. Воевода сказалъ, что, судя по настроенію царя, онъ мало надѣется на успѣхъ, и отошелъ. Прежде, будучи еще въ Польшѣ, онъ самъ въ письмѣ къ Димитрію убѣждалъ его быть умѣреннѣе въ поддержкѣ своего достоинства; теперь онъ сталъ ему такъ близокъ къ царю, что интересы послѣдняго становились ему дороги. Послы вошли. Окольничій Григорій Микулинъ съ товарищемъ представлялъ пословъ царю. Этотъ окольничій провозгласилъ, что послы королевскіе Николай Олесницкій и Александръ Гонсѣвскій челомъ бьютъ великому государю Димитрію Ивановичу, цесарю, великому князю всей Русіи и всѣхъ татарскихъ царствъ и иныхъ подчиненныхъ московскому царству государствъ государю, царю и обладателю. Олесницкій извѣстилъ, что король Сигизмундъ III посылаетъ ему поздравленіе, изъявляетъ братскую любовь и желаетъ всякаго счастья *великому князю* московскому. Какъ только услышалъ Димитрій, что Олесницкій именуетъ его только великимъ княземъ и не называетъ цесаремъ, тотчасъ приподнялся съ мѣста, посмотрѣлъ вверхъ и далъ знакъ одному изъ бояръ, чтобъ тотъ снялъ съ его головы корону. Это значило, что онъ хочетъ самъ вступить въ преніе съ послами. Но онъ не помѣшалъ окончить Олесницкому рѣчи. Олесницкій, проговоривши, что нужно, подалъ Власьеву грамоту короля. Власьевъ подошелъ съ нею къ царю, показалъ надпись на оберткѣ; царь обмѣнялся съ нимъ потихоньку словами; потомъ Аѳанасій Власьевъ ото-

шелъ съ нераспечатанною грамотою отъ царя, подошелъ къ посламъ и, отдавая грамоту, сказалъ:

«Николай и Александръ, послы отъ его величества Сигизмунда короля польскаго и великаго князя литовскаго къ его величеству непобѣдимому самодержцу! Вы вручили намъ грамоту, на которой нѣтъ титула цесарскаго величества; эта грамота писана отъ его величества короля къ какому-то князю всей Руси. Его величество цесарь на своихъ государствахъ, а вы везите эту грамоту и отдайте его величеству королю своему.»

Олесницкій взялъ грамоту и отвѣчалъ:

«Я принимаю съ надлежащимъ почтеніемъ грамоту въ томъ видѣ, въ какомъ далъ ее въ руки Афанасія Ивановича, и возвращу ее королю, которымъ ваше величество пренебрегаете, когда не хотите принимать его грамоты. Это первый случай во всемъ христіанскомъ мірѣ, чтобъ монархъ не оказывалъ справедливаго уваженія къ королевскому титулу, признаваемому много столѣтій всѣми государствами свѣта, и не принималъ королевской грамоты. Ваше господарское величество не воздаете должнаго его величеству королю и Рѣчи Посполитой, сидя на томъ престолѣ, на которомъ вы посажены, при дивномъ содѣйствіи божіемъ, милостію польскаго короля и помощію польскаго народа. Ваше господарское величество слишкомъ скоро забыли эти благодѣянія и оскорбляете не только его королевское величество, всю Рѣчь Посполитую, насъ пословъ его величества, но и тѣхъ честныхъ поляковъ, которые стоятъ предъ лицомъ вашего величества, и все отечество наше. Мы не станемъ болѣе излагать цѣли нашего посольства и просимъ приказать проводить насъ къ нашему помѣщенію.»

Царь отвѣчалъ на эту колкую рѣчь такъ:

«Неприлично монархамъ, сидя на тронѣ, вступать въ разговоры съ послами; но насъ приводитъ къ тому умень-

шеніе титуловъ со стороны польскаго короля. Недавно былъ у насъ посланникъ: онъ и теперь въ новомъ посольствѣ къ намъ; мы уже толковали съ нимъ объ уменьшеніи нашего титула. Повторяю прежнее: мы не князь, не господарь, не царь, мы императоръ на своихъ пространныхъ государствахъ. Мы приняли этотъ титулъ отъ самого Бога и пользуемся имъ не на словахъ, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, а на самомъ дѣлѣ; ибо ни ассирійскіе, ни мидійскіе монархи, ни римскіе цесари не имѣли болѣе справедливаго права на свой титулъ, какъ мы. Не только мы не были княземъ или господаремъ, но, по милости божіей, имѣемъ подъ собою служащихъ намъ князей, господарей и даже царей. Нѣтъ намъ равнаго въ краяхъ полуночныхъ; здѣсь нами повелѣваетъ одинъ Богъ; и мы сами такъ себя именуемъ, и всѣ монархи и императоры писали къ намъ съ такимъ титуломъ; только его величество король уменьшаетъ нашу честь, и мы свидѣтельствуемся Богомъ, что не отъ насъ, а отъ вины польскаго короля можетъ возникнуть вражда и кровопролитіе между нами!»

Олесницкій отвѣчалъ:

«Ваше величество замѣтили, что неприлично монархамъ, сидя на тронѣ, вступать въ разговоры съ подданными. Это правда. Но и посламъ неприлично входить въ разговоры, несообразные съ данною имъ инструкціею. Я хотя на красноречіе не такъ способенъ, какъ ваше величество, но если этого требуется, то я буду защищать достоинство короля и Рѣчи Посполитой, какъ прилично поляку, человѣку изъ свободнаго народа. Если король не даетъ вашему господарскому величеству императорскаго титула, то потому, что никто изъ предковъ его величества не давалъ его предкамъ вашего величества; это доказывается коронными и литовскими метриками; да и сами бояре ваши — люди старые, знаютъ, что другаго титула не давалось кромѣ того,

какимъ мы называемъ васъ отъ имени короля. Ваше величество не посылали для того нарочныхъ пословъ, а хотя и сообщали объ этомъ предметѣ чрезъ посланника нашего, старосту велижскаго, потомъ же чрезъ посла вашего величества Аѳанасья Власьева, но ведется обычай, что если монархъ пожелаетъ чего нибудь новаго отъ другаго монарха, то посылаетъ нарочныхъ пословъ, и тогда получаетъ требуемое, если справедливаго требуетъ. Ваше величество должны бы знать это. Потомъ староста велижскій пріѣзжалъ сюда за другимъ дѣломъ, и ваше господарское величество хотя заявили ему объ этомъ, но въ его волѣ было доложить и не доложить объ этомъ королю. Аѳанасій Власьевъ посыланъ былъ также совсѣмъ за другимъ дѣломъ. Сверхъ того, такой предметъ — дѣло сайма; а съ тѣхъ поръ, какъ вы на престолѣ, король еще не собиралъ сейма. Его королевское величество хотя и управляетъ обширными государствами, но безъ дозволенія коронныхъ чиновъ не можетъ своевольно уничтожить или постановить что нибудь новое. Напрасно ваше господарское величество такъ горячитесь за этотъ титулъ и вступаете въ несогласіе съ его величествомъ королемъ; я свидѣтельствуюсь предъ Богомъ, предъ вашимъ господарскимъ величествомъ и предъ думными боярами, что ваше господарское величество, а не его величество король, нашъ государь милосердный, подадите поводъ къ кровопролитію, если ему суждено произойти за титулъ. Впрочемъ, мы теперь ничего болѣе не просимъ, кромѣ отпуска!»

Царь говорилъ:

«Я знаю, какъ назывались наши предки, и могъ бы доказать письменно, но теперь не мѣсто. Мы прикажемъ думнымъ боярамъ говорить съ вами объ этомъ, и тогда покажется, какимъ титуломъ писались предки наши. Но король уменьшеніемъ нашего титула оскорбляетъ не только насъ,

но и самого Бога и все христіанство. Ну что, если бы кто нибудь не назвалъ васъ паномъ Олесницкимъ или не хотѣлъ бы именовать васъ этимъ именемъ? Не подняли бы вы голоса? Вотъ такъ и я... Нѣтъ моего полнаго титула на письмѣ — не возьму его. Мы уже объявили польскому королю, что онъ имѣетъ въ насъ брата и такого друга, какого у Польши до сихъ поръ не было. Но теперь намъ приходится отъ польскаго короля остерегаться болѣе, чѣмъ отъ какого другаго невѣрнаго монарха. Сеймъ у васъ окончился: я это знаю; васъ съ сейма отправили ко мнѣ, да и то еще вы не скоро выѣхали. И то я знаю, что кое-какіе изъ вашихъ совѣтуютъ его величеству королю не давать мнѣ титула. Впрочемъ, мы не считаемъ удобнымъ состязаться съ вами объ этомъ»-

Олесницкій сказалъ:

«И мы не хотимъ вдаваться въ дальнѣйшіе разговоры, ибо ваше господарское величество ссылаетесь на своихъ старыхъ бояръ, которымъ поручите съ нами говорить о титулѣ; отлагаемъ это до разговоровъ съ ними; но есть у насъ еще другія порученія отъ короля его величества».

Послы, сказавши это, отходили, показывая видъ, что хотя имѣютъ еще что-то сказать, да къ сожалѣнію не могутъ, потому что московскій государь не хочетъ ихъ слушать. Но царь сказалъ Олесницкому:

«Панъ староста малогосскій! Я помню доброжелательство ваше ко мнѣ въ земляхъ его королевскаго величества вашего государя; вы оказывали ко мнѣ расположеніе; поэтому не какъ послу, а какъ нашему пріятелю, я желаю оказать честь въ моемъ государствѣ: подойдите къ рукѣ моей, не какъ посолъ».

Онъ протянулъ руку. Олесницкій отвѣчалъ:

«Я очень благодаренъ за милость вашего господарскаго величества, но вы допускаете меня къ рукѣ, не какъ посла;

я этого не могу сдѣлать, и прошу ваше господарское величество не гнѣваться. Ваше господарское величество знали меня въ Польшѣ расположеннымъ къ вамъ другомъ и слугою, а его королевское величество пусть знаетъ меня за своего вѣрнаго подданнаго и доблестнаго слугу».

— Подойдите, пане малогосскій! — повторилъ царь.

— Я не могу этого сдѣлать! — отвѣчалъ Олесницкій, и поворотился назадъ.

Тогда царь закричалъ: «Подойдите, какъ посолъ!»

— Подойду, — отвѣчалъ Олесницкій, — если ваше господарское величество возьмете грамоту его величества короля.

Царь произнесъ: «Возьму».

Тогда оба посла подошли къ рукѣ. Дьякъ Власьевъ взялъ грамоту и читалъ передъ царемъ, а потомъ далъ такой отвѣтъ посламъ:

«Хотя подобной грамоты безъ полнаго титула и не слѣдовало принимать, но теперь наступаетъ время радости для цесарскаго величества; по этой причинѣ его цесарское величество устраняетъ непріятное дѣло на счетъ того, что его титулъ неправильно написанъ, и принимаетъ какъ королевскую грамоту, такъ равно и васъ пословъ. Но возвратившись къ королю вашему государю, извольте сообщить, чтобъ онъ не писалъ такихъ грамотъ безъ царскаго титула. Его цесарское величество именно приказалъ отвѣчать вамъ, что впередъ ни отъ короля государя вашего, ни отъ кого другого онъ не приметъ грамоты безъ цесарскаго титула. Теперь же извольте сообщить порученіе, какое далъ вамъ Сигизмундъ король вашъ».

Олесницкій припомнилъ, что царь посылалъ Власьева къ королю относительно Марины, и сказалъ:

«Такъ какъ при обрученіи, которое совершено было посланникомъ вашего господарскаго величества Аѳанасіемъ Ивановичемъ съ вельможною панною Мариною Мнишковною

воеводянкою сендомирскою, присутствовалъ лично король съ сыномъ своимъ королевичемъ Владиславомъ и сестрою королевною шведскою, такъ и теперь въ ознаменованіе своего братскаго доброжелательства и расположенія изволилъ послать насъ, пословъ своихъ, на бракосочетаніе вашего господарскаго величества и приказалъ намъ быть на немъ вмѣсто своей особы.»

Олесницкій началъ, а Гонсѣвскій кончилъ рѣчь: изложилъ, что царь присылалъ Аѳанасія Васильева изъяснить королю желаніе взаимнаго содѣйствія къ освобожденію изъ рукъ невѣрныхъ христіанскихъ народовъ, а потомъ присылалъ гонца съ извѣстіемъ, что пошлетъ объ этомъ нарочныхъ пословъ въ Польшу. «Есть вещи, сказалъ Гонсѣвскій, о которыхъ слѣдуетъ условиться и сойтись предварительно. Его величество король поручилъ намъ переговорить объ отомъ съ боярами вашего господарскаго величества, которыхъ ваше господарское величество изволите назначить, чтобы потомъ ваше господарское величество посламъ своимъ, которыхъ изволите послать, могли дать достаточную инструкцію, дабы не тратитъ времени и дабы послы могли не только словами, но и дѣломъ довести это предпріятіе до конца, къ великой чести Всевышняго Бога, къ утвержденію крѣпкой дружбы между его королевскимъ величествомъ и вашимъ господарскимъ величествомъ, къ неувядаемой славѣ обоихъ народовъ, надъ которыми Господь Богъ поставилъ васъ, помазанниковъ своихъ, къ утѣшенію всего христіанства и къ упадку и вѣрной погибели невѣрныхъ бусурманскихъ ордъ.»

Послѣ изложенія предмета своего посольства, послы сѣли на указанное имъ мѣсто. Аѳанасій Власьевъ далъ отвѣтъ сначала на рѣчь Олесницкаго, что «за королевское позволеніе отпустить вельможную панну Марину къ непобѣдимому самодержцу, его цесарское величество благода-

ритъ и будетъ пословъ жаловать своею царскою милостью.» Потомъ онъ отвѣчалъ на рѣчь Гонсѣвскаго, что царь «прикажетъ боярамъ переговорить съ послами о государскихъ дѣлахъ.»

Слѣдовало, по дипломатическому обычаю, царю спросить о здоровьѣ короля. Послы сказали Аѳанасію Власьеву:

«Обычай таковъ, что московскіе государи спрашивали о здоровьѣ короля, вставши съ своего мѣста.»

Царь услышалъ это, и, не вставая съ мѣта, спросилъ:

«Въ добромъ ли здоровьѣ его величество король государь вашъ?»

Тѣ отвѣчали:

«Отъѣзжая изъ Кракова, мы оставили его величество короля нашего въ добромъ здоровьѣ и въ благополучномъ царствованіи. Но ваше господарское величество извольте спрашивать о здоровьѣ его величества короля, вставши съ мѣста.»

— Панъ малогосскій! сказалъ Димитрій, у насъ такой былъ обычай, что мы, когда услышимъ и узнаемъ о здоровьѣ его королевскаго величества, тогда только съ мѣста встаемъ для принесенія благодарности Богу.

Онъ приподнялся и сказалъ: «Радуемся доброму здоровью его королевскаго величества, нашего друга.»

Потомъ послы являли подарки по реестру, которые представлялись собственно отъ пословъ: это были золотыя цѣпи, нѣсколько рострухановъ и ковровъ и нѣсколько лошадей. Послѣ объявленія подарковъ подходили къ рукѣ по очереди посольскіе дворяне и привѣтствовали царя. Въ заключеніе, Аѳанасій Власьевъ сказалъ посламъ: «Его цесарское величество жалуетъ васъ своимъ обѣдомъ.» Пословъ провели прежнимъ порядкомъ. Они уѣхали на свой посольскій дворъ, а чрезъ нѣсколько часовъ явился къ нимъ царскій чашникъ Василій Бутурлинъ, за нимъ шла

толпа слугъ; она несла множество кушаньевъ и напитковъ въ серебряныхъ позолоченыхъ сосудахъ *).

Требованіе титула не было однимъ тщеславіемъ сидѣвшаго на московскомъ престолѣ; оно дѣлалось по политическимъ соображеніямъ. Въ тотъ вѣкъ отъ титула зависѣло и значеніе государя и его державы. Сигизмундъ и вообще польское королевство хотѣли воспользоваться исключительными обстоятельствами вступленія на престолъ тогдашняго царя. Надобно было противостоять этимъ стремленіямъ. Оставить домогательство титула, значило бы дать поводъ полякамъ дѣлать московской державѣ новыя униженія. Но неловко было царю видѣть передъ собою оскорбленное лицо гостя, который нѣкогда былъ къ нему привѣтливъ въ то время, когда царь былъ изгнанникомъ. Размолвка съ польскимъ посольствомъ поставила бы въ затруднительное положеніе и Мнишка, и всю его родню, омрачила бы свѣтлость свадебнаго праздника. Димитрію въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ былъ, нельзя было не уступить. Онъ уступилъ, не безъ достоинства: собственная его свадьба была довольно законнымъ предлогомъ, чтобы отсрочить толки о титулѣ. Нѣкоторые русскіе посмотрѣли на эту уступку неблагосклонно: являлось опасеніе, чтобъ Димитрій на дальнѣйшее время не сталъ дѣлать еще болѣе уступокъ. По своему горячему характеру, Димитрій заговорилъ съ послами такимъ языкомъ, послѣ котораго снисхожденіе казалось уже очень рѣзкимъ. Сама по себѣ эта временная уступка съ надлежащею оговоркою можетъ быть и не была бы сочтена предосудительною, если бы при этомъ не обвиняли царя въ поблажкѣ полякамъ за то, что онъ дозволилъ такой толпѣ чужеземцевъ разгоститься въ московской столицѣ.

*) Hist. Russ. Monum., 99—104.

Марина, живучи въ Вознесенскомъ монастырѣ, чувствовала себя неловко на своемъ новосельѣ. У ней не было католическаго священника; ей сказали, что не только каждый день, да и въ праздники нельзя ей слушать своей обѣдни. Ей нельзя было ѣздить даже къ отцу. Ее помѣстили въ монастырѣ на нѣсколько дней, какъ будто на затворничество, для того, чтобъ народъ думалъ, что молодая царица, пріѣхавши въ Москву, прежде всего знакомится съ православною вѣрою. Ходили толки, что она крестится въ православную вѣру. Не такъ сама Марина, какъ ея женская свита, тяготилась этимъ положеніемъ: шляхтянки, пріѣхавшія съ нею, плакали, говорили, что онѣ въ неволѣ, что съ ними, Богъ знаетъ, что станется въ дикой странѣ, и бѣгали изъ монастыря въ помѣщеніе паньи старостины сохачевской слушать римско-католическое богослуженіе, какъ единственную отраду въ своемъ злополучіи. Когда принесли Маринѣ кушать, она послала къ Димитрію сказать, что не можетъ ѣсть московскихъ яствъ. Царь тотчасъ послалъ ей польскаго повара и приказалъ отдать ему ключи отъ кладовыхъ и погребовъ. Для развлеченія царицы, царь приказалъ въ Вознесенскій монастырь входить польскимъ музыкантамъ и пѣсельникамъ; это необычное въ строѣ московской жизни нарушеніе тишины монастыря оскорбляло благочестивыхъ москвичей.

Въ воскресенье, четвертаго мая, Димитрій давалъ великолѣпный обѣдъ родственникамъ Марины въ новомъ домѣ своемъ; тамъ, по обыкновенію, послѣ обѣда были танцы и музыка.

Въ понедѣльникъ, мая пятаго, Димитрій пріѣхалъ къ Маринѣ и поднесъ ей въ подарокъ шкатулку съ разными вещами; говорятъ, что тамъ было тысячъ на пятьсотъ злотыхъ. Марина не знала, что съ этимъ дѣлать, и раздаривала своимъ соотечественницамъ. Въ тоже время, онъ по-

слалъ воеводѣ еще сто тысячъ злотыхъ и великолѣпныя сани, обитыя пестрымъ бархатомъ съ краснымъ покрываломъ; былъ при нихъ коверъ, подбитый соболями; кòзлы окованы были серебромъ; оглобли увиты бархатомъ; въ сани была запряжена бѣлая лошадь, а у хомута ея висѣло сорокъ соболей. Въ этихъ саняхъ воевода долженъ былъ ѣхать во дворецъ въ день вѣнчанія. Димитрій объявилъ своей невѣстѣ, что, прежде совершенія желаннаго брака, онъ намѣренъ короновать ее на царство, такъ чтобъ она сдѣлалась царицей московскою еще будучи дѣвицей, и слѣдовательно, независимо отъ правъ по браку. Неизвѣстно, что навело его на эту мысль—честолюбіе ли Марины и отца ея подѣйствовало на царя, или влюбленный до страсти юноша хотѣлъ всѣми способами проявлять свою любовь къ Маринѣ, и его сердце выдумало это.

Въ ночь со вторника на среду, Марину перевезли въ приготовленныя для нея царицыны палаты, убранныя золотными коврами и соединенныя переходами съ деревяннымъ дворцомъ царя *). Выбрали для этого нарочно время ночное, чтобъ менѣе было давки. Царица проѣхала сквозь два ряда царской иноземной стражи и стрѣльцовъ; передъ ея каретою и за каретою несли зажженные факелы.

IX.

Бракосочетаніе Димитрія.

Наступилъ четвергъ, 8 мая, день, когда назначено было коронованіе Марины, а потомъ брачное вѣнчаніе. Было объявлено, что всякія работы въ городѣ прекращаются на этотъ день. Съ утра стали съѣзжаться въ Кремль всякіе

*) Grevenbr. 35.

начальные люди въ щегольскихъ золотныхъ нарядахъ; у кремлевскихъ входовъ заняли караулъ съ ружьями въ рукахъ стрѣльцы, одѣтые въ малиновые кафтаны. Народъ отовсюду толпами валилъ къ Кремлю. Это былъ день, когда, по обычаямъ церковнымъ, не вѣнчали: слѣдующій день былъ пятница да еще праздникъ перенесенія мощей святаго Николая—святаго, особенно уважаемаго на Руси. Можетъ быть, патріархъ, будучи грекомъ, дозволилъ это отступленіе, потому что на востокѣ не наблюдается такъ строго, какъ на Руси, выборъ дней для брака; притомъ вѣнчаніе должно было произойти до вечерни, слѣдовательно до пятничнаго и праздничнаго богослуженія. Могло быть и то, что окружавшие царя тайные враги, и духовные и свѣтскіе, нарочно потакали его нетерпѣливости и подстрекали его пренебречь обычаемъ, чтобъ потомъ раздражать народъ противъ него. Не смотря на это нарушеніе дня, бракосочетаніе торжественно произошло съ точнымъ сохраненіемъ всѣхъ завѣтныхъ обычаевъ старинной русской свадьбы. Были назначены всѣ чины свадебные: дружки, тысяцкій, свахи. Двѣ боярыни, Мстиславская и Екатерина, жена Димитрія Шуйскаго, повели Марину; она была наряжена въ русское платье, бархатное вишневаго цвѣта съ рукавами, до того усаженное жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, что трудно было различить цвѣтъ матеріи; на ногахъ у ней были сафьянные сапоги съ высокими каблуками, унизанные жемчугомъ; голова была убрана золотою съ каменьями повязкою, переплетенною съ волосами по польскому образцу. Говорили, что эта повязка стоила семьдесятъ тысячъ рублей — большая сумма для того времени *); сверху царица была закрыта фатою. Ее ввели въ столовую избу и посадили на возвышенное мѣсто; предъ нею былъ

*) Mass. 92.

столъ съ караваемъ и сыромъ. Протопопъ со крестомъ благословилъ ее при входѣ. Когда посадили невѣсту, дали знать жениху, и Димитрій пришелъ окруженный боярами и своими свадебными чинами. Его съ обычными на свадьбѣ церемоніями посадили возлѣ невѣсты. Онъ былъ во всемъ царскомъ нарядѣ, въ царскомъ вѣнцѣ, на немъ была мантія, густо унизанная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями по малиновому бархату. За нимъ несли скипетръ и яблоко. Прежде совершился обрядъ обрученія: новобрачные обмѣнялись кольцами. Такимъ образомъ, самъ Димитрій какъ будто не призналъ достаточнымъ обрученія, совершеннаго Власьевымъ за него по обряду римско-католической церкви. Въ этой палатѣ не дозволено было находиться никому изъ поляковъ, кромѣ воеводы сендомирскаго; прочіе родственники и польскіе гости ждали въ золотой палатѣ, сидя на скамьяхъ, покрытыхъ богатыми полавочниками. По окончаніи обрученія, царя и царицу повели въ грановитую палату по пути, устланному сукномъ и бархатомъ. Самъ Мнишекъ былъ нѣсколько въ тревожномъ состояніи; дурная примѣта должна была его безпокоить: когда онъ въѣзжалъ во дворецъ въ великолѣпныхъ саняхъ, присланныхъ ему царемъ наканунѣ, вдругъ бѣлый конь, который везъ сани, упалъ. «Будетъ несчастье!» — поговаривали тогда.

Царь сѣлъ на престолъ, скипетръ и державу держали близъ него; одинъ изъ приближенныхъ, молодой князь Курлятевъ, стоялъ съ обнаженнымъ мечемъ, и четыре рынды въ своихъ бѣлыхъ парчевыхъ платьяхъ поднимали кверху бердыши. Подлѣ царя было пустое мѣсто. Царица остановилась. Къ ней подошелъ бояринъ и сказалъ:

«Найяснѣйшая и великая государыня цесарева и великая княгиня Марина Юрьевна всеа Руси! Божьимъ праведнымъ судомъ, за изволеніемъ найяснѣйшаго и непобѣдимаго само-

держца великаго государя Димитрія Ивановича, божіею милостію цесаря и великаго князя всеа Руси и многихъ государствъ государя и обладателя, его цесарское величество изволилъ васъ, найяснѣйшую великую государыню взяти себѣ въ цесареву, а намъ въ великую государыню; божіею милостію, ваше цесарское обрученіе совершилось нынѣ, и вамъ бы, найяснѣйшей и великой государынѣ нашей, по божіей милости и изволенію великаго государя нашего его цесарскаго величества, вступити на свой цесарскій маестатъ и быти съ нимъ, великимъ государемъ, на своихъ преславныхъ государствахъ.»

Бояринъ, произносившій эту рѣчь, былъ Василій Шуйскій; онъ исправлялъ въ свадебномъ чинѣ важнѣйшее званіе тысячскаго, когда втайнѣ уже вырылъ глубокую яму подъ царственной четой. Съ довѣріемъ къ тому, кто ее рылъ, эта чета, въ упоеніи величія, не подозрѣвала, чѣмъ кончится ея короткая блестящая жизнь показа и тщеславія. Протопопъ благословилъ Марину крестомъ. Марина сѣла на тронное мѣсто; ее подводили подъ руки — подъ правую отецъ, а подъ лѣвую княгиня Мстиславская. Тогда велѣлъ царь позвать литовскихъ пословъ и родственниковъ панны Марины, ожидавшихъ въ золотой палатѣ. Всѣ они усѣлись на своихъ мѣстахъ такимъ же порядкомъ, какъ бывало при аудіенціяхъ; но свадебные чины должны были стоять.

Между тѣмъ, въ Успенскомъ соборѣ, окольничій Колычевъ и думный дворянинъ Микулинъ устраивали чертожное мѣсто посрединѣ собора; на немъ должны были сидѣть новобрачные. Когда доложили царю, что все готово, онъ приказалъ принести знаки царскаго достоинства. Конюшій Михайло Нагой, братъ царицы Марѳы, принесъ ихъ; это были: престъ, корона и діадема. Царь цѣловалъ каждый знакъ по очереди, потомъ давалъ ихъ цѣловать царицѣ, и

въ заключеніе отдали ихъ протопопу, а тотъ положилъ ихъ на блюдѣ, покрылъ пеленою, поднялъ надъ головой и понесъ въ церковь. Звонили въ колокола.

Проводивши священника въ соборъ, конюшій воротился и сказалъ, что все готово. Тогда пришли въ церковь стольники, стряпчіе, ближніе родственники воеводы и послы. Потомъ царь съ царицею пошли вмѣстѣ рука объ руку; царя подъ правую руку велъ сендомирскій воевода; царицу подъ лѣвую — княгиня Мстиславская. Протопопъ кропилъ передъ ними путь св. водою для предохраненія отъ порчи. По обѣимъ сторонамъ царственной четы шло по двое рындъ въ бѣлыхъ кафтанахъ, въ высокихъ шапкахъ, съ серебряными топорами на плечахъ *). За царственными особами шли поѣзжане — свадебные чины, а за ними двое бояръ **) несли государственные знаки: скипетръ и державное яблоко. За ними слѣдовали бояре, окольничьи и вообще думные люди, всѣ одѣтые въ золототканные кафтаны, въ высокихъ шапкахъ; за ними нѣкоторые поляки. Впускали въ церковь только знатнѣйшихъ, а изъ поляковъ — только пословъ и родственниковъ Марины ***). Церковь заперли. Отъ грановитой палаты до Успенскаго собора разставлены стрѣльцы и иноземные тѣлохранители берегли путь. По тогдашнему вѣрованію, боялись дурнаго вліянія отъ того, если кто во время вѣнчанія перейдетъ путь, по которому шли новобрачные.

Новобрачныхъ встрѣтили многолѣтіемъ. Царь приложился къ иконамъ и святымъ мощамъ; за нимъ пошла прикла-

---

*) Żelanski.

**) Василій Васильевичъ Голицынъ и Петръ Θедоровичъ Басмановъ.

***) Такой порядокъ шествія означенъ въ свадебномъ чинѣ. Иностранцы говорятъ, что царь пришелъ въ церковь впередъ, а царица за нимъ особенно.

дываться царица, поддерживаемая воеводою и княгинею Мстиславскою; передъ нею шли дружки, за нею свахи; чтобъ достать до иконъ, подкладывали ей подъ ноги колодочки. Польки, не знавшія обычаевъ, соблюдаемыхъ у православныхъ, цѣловали иконы и мощи въ уста, вмѣсто того, чтобъ цѣловать въ руки. Объ этомъ пошли толки; русскіе находили тутъ оскорбленіе святыни.

По окончаніи цѣлованія образовъ и мощей, царь и царица подошли къ патріарху, который сидѣлъ на своемъ мѣстѣ; онъ благословилъ ихъ и самъ возвелъ на чертожное мѣсто, поставленное посрединѣ собора. На это мѣсто вело двѣнадцать ступеней; на вершинѣ его стоялъ царскій тронъ, весь золотой, персидской работы, осыпанный каменьями *); передъ нимъ золотною тканью обитая колодочка. По правую сторону отъ него, стояло мѣсто для патріарха, обитое чернымъ бархатомъ, а по лѣвую небольшой золотой стулъ для царицы; обитая краснымъ бархатомъ колодочка была у ней подъ ногами. Отъ всѣхъ трехъ сѣдалищъ чертожнаго мѣста протянуты были узкіе бархатные ковры, отъ государя и царицы—малиноваго цвѣта, а отъ патріарха —чернаго; по обѣимъ сторонамъ отъ этихъ трехъ ковровъ стояли скамьи, покрытыя полавочниками; на нихъ усѣлись архіереи и архимандриты. По правой сторонѣ отъ чертожнаго мѣста стали бояре и думные люди, по лѣвую боярыни. Царь говорилъ патріарху рѣчь, излагалъ, что онъ пріемлетъ супругу и желаетъ, чтобъ она была коронована царскимъ чиномъ. Патріархъ отвѣчалъ одобрительною рѣчью. Послѣ этихъ рѣчей, духовные архіерейскаго сана носили и подавали патріарху одинъ за другимъ знаки царскаго достоинства: сначала крестъ, потомъ бармы и діадему, а наконецъ корону. Патріархъ давалъ цѣловать крестъ, возло-

*) По извѣстію современника (Żelanski), въ немъ было по 600 штукъ алмазовъ, рубиновъ, сапфировъ и бирюзы.

жилъ на царицу руку, говорилъ молитвы, возлагалъ бармы и діадему, и, наконецъ, корону. Торжество коронаціи окончилось многолѣтіемъ, а потомъ духовныя власти, за ними бояре и боярыни, дворяне и всѣ, находившіеся въ храмѣ, поздравляли царицу. Патріархъ, во время многолѣтія и поздравленій, сидѣлъ рядомъ съ царемъ на чертожномъ мѣстѣ. Во время сидѣнія царя съ царицею на чертожномъ мѣстѣ, Димитрій приказалъ Шуйскому поправить себѣ ноги и положить одну ногу на другую, а потомъ тоже сдѣлать Маринѣ. Увидѣвъ это, послы польскіе говорили: «такого поруганія не дѣлаютъ у насъ государи и послѣднему дворянину! Благодареніе всемогущему Богу, что мы родились въ свободной землѣ, которую Богъ наградилъ правами *)!»

Послѣ обряда коронованія, царь и царица сошли съ чертожнаго мѣста; царь сталъ на своемъ обычномъ царскомъ мѣстѣ близъ столба, а царица въ придѣлѣ Димитрія Солунскаго со свахами и боярынями. Послѣ херувимской, царь и царица подходили къ царскимъ дверямъ. Патріархъ возложилъ на Марину Мономахову цѣпь, а потомъ въ свое время Марина была причащена святыхъ таинъ вмѣстѣ съ государемъ и помазана на царство.

Тотчасъ по окончаніи обѣдни совершилось брачное вѣнчаніе. Находившіеся въ соборѣ удалились, остались только самые знатнѣйшіе, и въ томъ числѣ паны. По окончаніи обряда, царь съ царицей выходили, и, при дверяхъ, князь Мстиславскій изъ мисы, которую держалъ казначей Головинъ, осыпалъ новобрачныхъ золотыми монетами; брали ихъ изъ мѣшка, который держалъ казенный дьякъ Меншой Булгаковъ. Это были большія португальскія монеты и малыя съ двуглавымъ орломъ, нарочно сдѣланныя для

*) Паэрле, 53.

этого случая. Двое дьяковъ, любимцы царя, Аѳанасій Власьевъ и Богданъ Сутуповъ, бросали ихъ въ народъ; москвичи чуть не дрались за нихъ между собою. Поляки, бывшіе тутъ, хотѣли также пріобрѣсть что нибудь, но имъ, по сознаніи нѣкоторыхъ изъ свиты посольской, доставалось вмѣсто монетъ нѣсколько палочныхъ ударовъ. Только простымъ казалось позволительнымъ ловить эти деньги. Увидя стоявшихъ знатныхъ пановъ, Димитрій приказалъ бросить въ нихъ горсть червонцевъ; но паны не только не стали ихъ ловить на лету, а когда къ одному изъ нихъ случайно два червонца упали на шапку, полякъ хладнокровно сбросилъ ихъ какъ соръ *).

Вышедши изъ церкви, самъ царь сказалъ посламъ: «сего дня мы не можемъ пригласить васъ на пиръ; мы очень устали отъ продолжительной церемоніи, но завтра пожалуйте къ намъ къ столу.» Въ самомъ дѣлѣ, въ церкви обрядъ продолжался нѣсколько часовъ, и когда вышли, уже былъ вечеръ. Сами послы и паны родственники, не привыкшіе къ долгому стоянію на ногахъ, потеряли было терпѣніе и требовали стульевъ; но Аѳанасій Власьевъ сказалъ имъ отъ имени царя, что въ церкви нельзя сидѣть; самъ царь сидѣлъ только по поводу коронованія. Не смотря на то, паны не вытерпѣли и садились, а другіе прислонялись спиною къ образамъ. Объ этомъ тотчасъ начались толки; русскіе тутъ увидали оскорбленіе церкви. Паны отправились домой, а вслѣдъ за ними пріѣхалъ стольникъ и привезъ имъ множество разнородныхъ кушаньевъ и напитковъ въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ.

Новобрачныхъ повели въ столовую избу, посадили на прежнемъ мѣстѣ вдвоемъ и стали подавать кушанья. Когда подали третье кушанье, къ новобрачнымъ поднесли жаре-

---

*) Hist. Russ. Mon. II, 172.

ную курицу; дружко, обернувши ее скатертью, провозгласилъ, что время вести молодыхъ. Сендомирскій воевода и тысячскій Василій Шуйскій проводили ихъ до постельной комнаты. Это было уже вечеромъ. Брачный праздникъ не остался безъ зловѣщаго предзнаменованія: у царя изъ перстня на пальцѣ выпалъ дорогой камень, и не могли отыскать его *).

X.

Пять дней послѣ свадьбы. — Пиры. — Споры съ послами.—Толки въ народѣ.—Презрѣніе царя къ доносамъ.—Привидѣніе.

Настала пятница; былъ день святителя Николая. Съ утра заиграли трубы, заколотили въ бубны и накры; зазвонили колокола по всей Москвѣ. Пушкари палили изъ наряда ради царской радости. Государь отправился въ мыльню, по русскому обычаю, но безъ жены.

Послы ожидали, что ихъ позовутъ къ обѣду, и заранѣе сказали приставамъ, что они желаютъ, чтобъ ихъ посадили за однимъ столомъ съ царемъ, за тѣмъ что они представляютъ лицо короля Сигизмунда: какъ бы самъ Сигизмундъ былъ на свадьбѣ у московскаго царя. Немного времени спустя явился къ нимъ дьякъ Грамотинъ и отъ царскаго имени приглашалъ пословъ на хлѣбъ на соль.

— Мы не сомнѣваемся, сказалъ Олесницкій, что будемъ пожалованы прилично нашему званію, какъ послы короля, брата государя вашего, мѣстомъ за собственнымъ его столомъ.

Грамотинъ отвѣчалъ:

— Никому невозможно сидѣть за однимъ столомъ съ нашимъ цесаремъ, кромѣ его самого и царицы нашей.

*) Żelanski.

— И у насъ — сказалъ Олесницкій — не сидѣли никогда послы за однимъ столомъ съ королемъ, но, по случаю обрученія, король, изъ братской дружбы, почтилъ вашего посла мѣстомъ у стола своего, вопреки прежнимъ обычаямъ, будучи увѣренъ, что и великій государь вашъ также поступитъ; и намъ строго приказано, чтобъ мы этого домогались и иначе не поступали. Донеси объ этомъ думнымъ боярамъ и намъ сюда отвѣтъ принеси черезъ часъ. Если бы намъ не было указано такое мѣсто, какимъ король почтилъ посланника вашего государя, то намъ пришлось бы назадъ уѣзжать. Лучше заранѣе узнать.

Грамотинъ сказалъ: «Сообщу государю и принесу отвѣтъ».

Черезъ часъ онъ воротился, проговорилъ цѣлый титулъ царскій, приглашалъ отъ имени царя къ столу, и сказалъ:

— Думные бояре назначили тебѣ, пане малогоскій, мѣсто близъ самаго царскаго стола, но за другимъ столомъ, противъ того, какъ и вашъ король почтилъ посланника его цесарскаго величества Аѳанасія; а тебѣ, староста велижскій, будетъ мѣсто у другого стола, по прежнимъ обычаямъ, но будетъ вамъ чести больше, чѣмъ прежнимъ посламъ.

Послы отвѣчали, что староста велижскій, какъ второй посолъ, соглашается сидѣть на обычномъ мѣстѣ, гдѣ сидѣли прежніе послы; а Олесницкій, старшій посолъ, требуетъ непремѣнно, чтобъ его посадили за однимъ столомъ съ царемъ, а не за отдѣльнымъ.

На томъ и разошлись. Грамотинъ ушелъ, не сломивши упорства пословъ. Чрезъ полчаса пріѣхалъ къ нимъ Аѳанасій Власьевъ и сказалъ: «Его цесарское величество, по братской дружбѣ къ брату своему, жалуя васъ, пословъ его, посылалъ къ вамъ думнаго дьяка Ивана Грамотина звать на свою царскую радость къ столу своему и указывалъ вамъ мѣста по достоинству вашему, какъ посламъ

брата своего; но вы тѣхъ мѣстъ не принимаете, и одинъ изъ васъ хочетъ сидѣть непремѣнно за однимъ столомъ съ цесаремъ, за тѣмъ что я сидѣлъ за однимъ столомъ съ королемъ; но это дѣло сталось потому, что у васъ и цесарскій посланникъ и папскій сидятъ за однимъ столомъ съ королемъ, такъ и меня не приходилось въ иномъ мѣстѣ посадить; а нашъ цесарь не только не меньше папы и цесаря римскаго, а еще поболѣе. У нашего преславнаго цесаря каждый попъ, какъ у васъ папа!»

Эта рѣзкая выходка должна была, повидимому, вывести изъ терпѣнія паповъ; но они удержали гнѣвъ свой, и только объяснили, что король Сигизмундъ посадилъ Аѳанасія съ собою, не по прежнимъ обычаямъ, какъ всегда обращались съ московскими послами, а по особой братской любви къ настоящему московкому государю. «Допустивши Аѳанасія до чести равной съ посланниками цесарскимъ и папскимъ, король, говорили послы, увѣренъ былъ, что за эту честь, если бы не только двоихъ, но десять пословъ прислалъ онъ изъ Польши въ Москву, то московскій государь всѣхъ бы десять посадилъ съ собою за столъ!»

Власьевъ не сталъ входить въ дальнѣйшія пренія, но сухо и рѣшительно спросилъ: «желаютъ ли послы ѣхать къ цесарю.»

— Не поѣдемъ! также рѣшительно отвѣчали послы; мы недовольны тѣми мѣстами, которыя ты намъ объявилъ отъ имени государя своего.

И они не поѣхали. Пиръ начался въ грановитой палатѣ безъ нихъ. Приглашены были всѣ родственники Марины. Въ золотой палатѣ угощали другихъ поляковъ изъ свиты Марины и офицеровъ отряда, находившагося въ Москвѣ на службѣ. Было тамъ человѣкъ полтораста. Мнишекъ, какъ увидѣлъ, что пословъ нѣтъ, и освѣдомился, что̀ за причина, скрѣпя сердце, сказалъ царю: «если посламъ его королев-

скаго величества не оказать чести, какъ они требуютъ именемъ короля, то и я не могу быть за столомъ!» Царь не поколебался и остался на своемъ. Мнишекъ вышелъ изъ залы.

Пиръ продолжался до вечера.

Для царственныхъ особъ устроено было возвышеніе; на немъ, при двухъ концахъ узкаго въ два съ половиною аршина длиною столика поставлены два сѣдалища: одно, побольше — для царя, другое, поменьше — для царицы, такъ что супруги должны были сидѣть аршина на полтора одинъ отъ другаго. Передъ этимъ столикомъ висѣли часы въ бронзовой оправѣ и стояли три подсвѣчника съ свѣчами; а на лѣвой сторонѣ отъ столика находился фонтанъ, который, однако, не такъ искусно былъ устроенъ, чтобъ выбрасывать воду на долгое время. На обѣ стороны отъ царскаго мѣста поставлены были столы; на правой — должны были сидѣть русскія госпожи, за ними далѣе бояре; на лѣвой — воевода, родственники царицы, а далѣе нѣкоторые русскіе сановники и польскіе гости. Позади этихъ столовъ было еще два ряда столовъ одинъ за другимъ, покрытыхъ полотняными скатертями; послѣдній рядъ примыкалъ къ стѣнѣ. Передъ столами стояли лавки, покрытыя суконными полавочниками. Гостей разсаживали по списку, сообразно достоинству каждаго; были приглашены къ обѣду дворяне, дьяки, гости и иноземные купцы. Царь вошелъ, одѣтый въ русское платье; съ нимъ вошла царица въ польскомъ. На головѣ у царя была огромная мѣховая шапка, которую съ него тотчасъ сняли, и онъ остался въ маленькой тафьѣ, усаженной жемчугами. На головѣ у царицы была корона. Вмѣстѣ съ царственною четою вошли въ залу двое духовныхъ съ причетникомъ, который несъ святую воду. Священникъ прочиталъ молитву и покропилъ св. водою столъ. День былъ постный. Подавали вареныхъ и жареныхъ осетровъ, бѣлугъ, бѣло-

рыбицъ, судаковъ. Рыба, по большей части соленая, варилась и жарилась въ меду, посыпалась шафраномъ, запекалась въ пироги. Послѣ рыбныхъ кушаньевъ подавались разныя сласти: медовыя печенья, сахаръ, который ставили на столъ головами, корица, которую клали длинными прутьями, варенья изъ разныхъ ягодъ и квашеные арбузы. То были обычныя лакомства московскаго обѣда, но, кромѣ того за столомъ у Димитрія подавались конфекты и мороженыя, приготовленныя польскими поварами. Пышность сочеталась съ неопрятностію. Тарелки, ложки, кубки были золотыя, но нечистыя; тарелокъ не перемѣняли въ продолженіе всего обѣда; московскіе господа ѣли руками и раскидывали по полу объѣдки. Стольники безпрестанно наливали гостямъ напитки. Прежде всего пили водку, потомъ вина, пивà и меды. Обильно разливалось любимое поляками венгерское вино, до этого времени бывшее рѣдкостію въ Москвѣ. Государь московскій щеголялъ передъ иноземцами своими ягодными медами. При концѣ стола принесли три большихъ сосуда съ отборнымъ медомъ: царь пилъ медъ, черпая хрустальною чаркою, гостямъ раздавалъ пить золотыми. Два раза во время стола гости вставали отвѣчать на заздравныя чаши государя: одинъ разъ въ половинѣ пира, другой въ концѣ, и тутъ всѣ получали по чаркѣ меда изъ царскихъ рукъ. Не всѣмъ тогда нравились и меды, а московское пиво иноземцы вообще находили отвратительнымъ. За царицею постоянно стояли двѣ госпожи: ея родственница пани Тарлова и княгиня Мстиславская. Во все продолженіе пира, играли музыканты, пріѣхавшіе съ панами Стадницкими изъ Польши, а на дворѣ безъ умолку гремѣли трубы и бубны, и разливался перезвонъ большаго колокола. Вечеромъ, собрались родные и близкіе царицы въ деревянномъ дворцѣ и тамъ до поздней ночи танцовали, пѣли пѣсни, тѣшились музыкою. Мнишекъ появился, но

только для того, чтобъ выразить соболѣзнованіе о томъ, что царь вступаетъ въ непріятную размолвку съ послами королевскими, и тотчасъ ушелъ, извиняясь нездоровьемъ.

На другой день, въ субботу, съ самаго разсвѣта загремѣли трубы, бубны, раздалась стрѣльба. Послѣ обѣдни, патріархъ, а за нимъ духовенство, потомъ бояре, думные люди, дворяне, а за ними гости и купцы, поздравляли царя и царицу и подносили подарки. Царственная чета приглашала ихъ къ обѣду. Были въ числѣ поздравлявшихъ лопари, подносили свои рысьи мѣха и оленьи шкуры, которыя полякамъ показались собачьими. Послѣ русскихъ подданныхъ приносили поздравленія польскіе офицеры и товарищи-жолнѣры. Ихъ также пригласили къ обѣду. По окончаніи поздравленій пріѣхалъ къ царю Мнишекъ. Передъ тѣмъ его посѣщали королевскіе послы и поручили ему уговорить царя, своего зятя, дать имъ мѣсто за царскимъ столомъ. Воевода разсыпалъ свое краснорѣчіе, умоляя царя не доходить, ради обрядовъ, до вражды съ королемъ и дружественною польскою націею. Царь истощалъ противные доводы. Наконецъ, оба сошлись на томъ, что надобно дать старшему послу мѣсто подлѣ самаго царскаго стола, но за особеннымъ, только такъ примкнутымъ къ первому, чтобъ они казались однимъ столомъ. «Но теперь —сказалъ царь— я не могу пригласить пословъ: уже поздно; наступаетъ время обѣда; пусть завтра.» Воевода не остался обѣдать, извиняясь нездоровьемъ. Отчасти онъ въ самомъ дѣлѣ чувсвовалъ себя нездоровымъ, отчасти затруднялся неулаженнымъ недоразумѣніемъ съ послами. Обѣдъ былъ торжественный, многолюдный и великолѣпный. Царь былъ одѣтъ въ русскомъ, царица въ польскомъ платьѣ. Послѣднее не понравилось многимъ русскимъ. Царь и царица ничего почти не ѣли. Для нихъ былъ изготовленъ домашній обѣдъ въ деревянномъ дворцѣ съ близкими особами; но на

этомъ оффиціальномъ пирѣ они должны были прикасаться къ заздравнымъ чашамъ, и царь, между прочимъ, провозгласилъ здоровье польскихъ жолнѣровъ, благодарилъ за прежнюю службу, приглашалъ вновь къ себѣ на службу, кому угодно изъ прибывшихъ поляковъ, назначалъ жалованья на годъ по сто злотыхъ на гусарскаго копя и обѣщалъ дать тотчасъ впередъ за четыре четверти, да сверхъ того дарилъ имъ по штукѣ золотной матеріи и по сорока соболей. Конечно, нашлось довольно охотниковъ на такія выгодныя условія, и, выходя изъ пиршества, поляки хвастали предъ русскими, что царь Димитрій любитъ больше поляковъ, чѣмъ своихъ; а тѣ русскіе, что слышали отъ нихъ такія рѣчи, принимали ихъ къ сердцу и негодовали какъ на поляковъ, такъ и на царя своего.

На слѣдующій день, въ воскресенье, опять въ Кремлѣ загремѣли трубы. Послы отправились представлять новобрачной четѣ подарки отъ короля и отъ себя, но съ твердою рѣшимостію не обѣдать у царя, если имъ не дадутъ мѣстъ по желанію. Ихъ пригласили въ этотъ день не въ торжественныя палаты, а во дворецъ, построенный для царицы; они прошли, черезъ двѣ-три комнаты, въ покой, обитый краснымъ бархатомъ и устланный ковромъ изъ сѣрой бобровой шерсти; тамъ нашли царя, сидящаго вмѣстѣ съ Мариною. Онъ одѣтъ былъ въ красный бархатный (кобенякъ) опашень, усаженный жемчугомъ, опушенный соболями; изъ-подъ распа[illegible]утыхъ полъ его виднѣлся бархатный край кафтана, усаженнаго жемчужинами съ изображеніями орловъ съ коронами надъ ними; на шапкѣ былъ пукъ перьевъ съ запоной; а сапоги у него были красные бархатные, подкованные. Царица одѣта была въ платье польскаго покроя изъ драгоцѣнной матеріи того времени, называвшейся телеемъ (которая цѣнилась тогда выше золотныхъ). Около нея сидѣли только дамы ея родственницы и нѣсколь-

ко русскихъ боярынь. Тутъ былъ и воевода. Послы поздравили царя и царицу и поднесли подарки и отъ короля, и отъ себя. Подарки эти отъ короля состояли изъ кубковъ, рострухановъ, раковинъ, серебряныхъ изображенiй деревьевъ и виноградныхъ вѣтвей, корабля съ серебряною пушкою; отъ себя послы поднесли ей чарку съ жемчугомъ, брилліантами и рубинами, два ожерелья изъ алмазовъ и рубиновъ, брилліантовыя серги и золотую цѣпь съ каменьями и жемчугами. Послѣ обычныхъ привѣтовъ, Аѳанасiй Власьевъ сказалъ имъ:

— Его цесарское величество зоветъ васъ, пословъ его величества короля, къ столу хлѣба-соли ѣсть.

— Мы очень рады сдѣлать угодное государю и не пренебрегаемъ хлѣбомъ-солью, дожидаемъ уже нѣсколько дней этого, и готовы были находиться при столѣ его, но государь не хотѣлъ дать одному изъ насъ мѣста съ собою, какъ его королевское величество посадилъ за своимъ столомъ посланника его Аѳанасія. Это причиною, что хотя ваше господарское величество прежде приглашали насъ на хлѣбъ на соль, а мы не были; и теперь намъ неприлично быть, если ваше господарское величество не почтите въ насъ особу его королевскаго величества и не укажете мѣста за однимъ столомъ съ собою.

Димитрiй отвѣчалъ имъ на эту рѣчь:

— Я короля польскаго на свадьбу къ себѣ не просилъ. Иначе съумѣлъ бы почтить мѣстомъ васъ въ особѣ его величества; только вы сядете за мой столъ, какъ послы.

Олесницкiй хотѣлъ было возражать, но царь обратился къ воеводѣ, отвелъ его въ сторону, поговорилъ съ нимъ; потомъ воевода подошелъ къ посламъ и тихо сталъ ихъ убѣждать, чтобъ они не спорили о мѣстахъ. Послы ссылались на свою инструкцiю. Мнишекъ сказалъ:

— Не держитесь слишкомъ строго инструкцiи на этотъ

разъ, чтобъ не привести въ затрудненіе другихъ дѣлъ его величества и Рѣчи Посполитой. Я увѣряю ваши милости, что теперь можно очень многое у него вытребовать для пользы короля и Рѣчи Посполитой.

Послѣ усильныхъ просьбъ со стороны Мнишка, Олесницкій сказалъ наконецъ:

— Сами собою мы не смѣемъ отступить отъ инструкціи; но если его господарское величество дастъ намъ письменное свидѣтельство къ королю, что мы не хотѣли отступать отъ инструкціи и дѣлаемъ это по увѣреніямъ и обѣщаніямъ съ его стороны, что отъ этого произойдетъ много пользы для Рѣчи Посполитой и его величества короля; а твоя милость, панъ воевода, заступишься за насъ предъ королемъ, чтобы не казалось, что мы хотѣли тѣмъ унизить достоинства его королевскаго величества, — тогда примемъ мѣсто, которое, какъ панъ воевода говоритъ, намъ назначено, не желая приводить въ затрудненіе дѣла его величества короля и Рѣчи Посполитой.

Пиръ въ этотъ день былъ въ грановитой или въ столовой палатѣ (кажется, въ грановитой *). Посолъ Олесницкій сѣлъ на правой сторонѣ отъ царя близъ самой особы его, но за особеннымъ столомъ; прислуживалъ ему стольникъ. За царскимъ столомъ на серебряныхъ сѣдалищахъ сидѣли Димитрій и Марина. И царь и царица были одѣты въ этотъ день въ платье польскаго покроя, съ коронами на головахъ. По правую руку отъ царицы сидѣли знатныя госпожи польскія и русскія; но столы разставлены были такъ, что русскимъ приходилось сидѣть спиной къ царю, тогда какъ иноземцы сидѣли къ нему лицомъ **). Обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ съ разнообразными церемоніями, приня-

*) Ник. лѣт. 113. — Собр, гр. II, 293.

**) Grevenbr. 47.

тыми при московскомъ дворѣ. Царь нѣсколько разъ посылалъ въ золотыхъ чаркахъ разные напитки гостямъ, а стольники, поднося ихъ, говорили: «его цесарское величество жалуетъ тебя!» Подавали тринадцать перемѣнъ мясныхъ кушаньевъ; тутъ были жареные тетерева, обложенные лимономъ, заячья голова съ мелкоискрошеннымъ мясомъ подъ нею, баранина въ борщѣ, курица съ бѣлою кислою подливкою, курица съ желтою подливкою, пироги съ бараниной, пироги съ свинымъ саломъ, пироги съ яйцами, съ творогомъ, огромные медовые пироги, начинка съ бараньею внутренностію, крошеное легкое съ крупою и съ медомъ, перцомъ да шафраномъ, кушанье, называемое по-московски «мѣхъ». Затѣмъ слѣдовали, по обычаю, сласти: разныя варенья, печеный съ медомъ хлѣбъ, также хлѣбъ кусками, политый сотовымъ медомъ, и длинные прутья корицы. Музыка гремѣла въ продолженіе всего обѣда. Мнишекъ не садился за столъ, но, снявши шапку, стоялъ предъ царемъ и царицею. Всѣ смотрѣли съ удивленіемъ на это униженіе старика, который въ прошедшіе дни то и дѣло, что жаловался на нездоровье. Мнишекъ былъ въ восторгѣ, дождавшись возвышенія своей крови, видя корону на головѣ дочери... Также знатная пани Тарлова весь обѣдъ стояла за Мариной и прислуживала ей. Димитрій, при громѣ музыки, провозгласилъ чашу за здравіе его королевскаго величества, и послы должны были сойти со своихъ мѣстъ и получить изъ царскихъ рукъ для испитія— заздравную чашу. Замѣчательно, что, послѣ этого длиннаго обѣда, когда послы ушли въ свое помѣщеніе, имъ еще принесли обильный ужинъ. Но полякамъ очень не нравились московскія безсольныя кушанья; иные находили, что ихъ нельзя въ ротъ взять. При концѣ обѣда, Димитрій приказалъ явиться въ залу посламъ, которыхъ отправлялъ въ Персію; они какъ будто приходили передъ отъѣздомъ на

прощанье ударить челомъ царю и царицѣ. Это онъ сдѣлалъ для того, чтобъ показать свое великолѣпіе и дружбу съ сосѣдними государствами. «Я — говорилъ онъ — посылалъ пословъ къ королямъ французскому и англійскому, въ Венецію и къ итальянскимъ князьямъ!» По окончаніи пира, Димитрій ушелъ въ свой деревянный дворецъ; поляки провожали его по переходамъ; онъ остановился вновь на дворѣ; тогда накрапывалъ дождикъ; надъ нимъ и надъ его супругой держали китайчатый балдахинъ; вынесли сорокъ двѣ пары кречетовъ: ими издавна щеголяли передъ иноземцами московскіе государи. Димитрій показывалъ ихъ полякамъ и замѣтилъ: «я уже триста паръ послалъ такихъ польскому королю.» — «Неправда — замѣтили между собою поляки — не посылалъ, а такъ только для магнифиценціи выдумываетъ *)!»

Въ понедѣльникъ былъ опять пиръ и уже совсѣмъ на польскій образецъ. И царь и царица были одѣты по-польски, поляки прислуживали; изъ русскихъ было только двое: князь Василій Рубецъ-Масальскій и Аѳанасій Власьевъ. Послѣ обѣда были танцы. Димитрій, въ богатомъ нарядѣ, началъ танецъ съ царицею; потомъ танцовалъ воевода. Марина танцовала чрезвычайно изящно: никто изъ дамъ не могъ сравниться съ нею по живости движеній и по благородству осанки **). Танцующіе прежде всего попарно подходили къ царской рукѣ, а потомъ шли танцовать, снявши шапки. Только послы танцовали въ шапкахъ въ знакъ своего величія, но снимали ихъ, когда случалось въ танцахъ проходить мимо царя. Всѣ кланялись, когда, танцуя, проходили мимо царя и царицы. Балъ продлился до солнечнаго заката. Царь объявилъ, что въ слѣдующее

*) Diar. Niemojewsk.
**) Cilli, 70.

воскресенье будетъ за городомъ устроенъ турниръ, и польскіе паны въ восхищеніи ожидали дня, когда они будутъ ломать рыцарскія копья въ честь новобрачныхъ.

Тогда случилось вотъ что: въ этотъ же самый день къ царскому столу подавалась телятина; нашлись изъ царскихъ поваровъ такіе, что не захотѣли себя поганить приготовленіемъ яства, по ихъ мнѣнію, запрещеннаго церковью. Они вышли на площадь, роптали предъ народомъ. Это приходилось кстати, потому что уже многое соблазняло москвичей.

Въ эти веселые дни по всей Москвѣ былъ необычный шумъ: по улицамъ московскимъ поляки скакали на лошадяхъ, стрѣляли изъ ружей на воздухъ, пѣли пѣсни, танцовали... Въ Кремлѣ между соборами устроенъ былъ срубъ; на немъ гремѣло тридцать четыре трубача и тридцать четыре человѣка били въ бубны и накры *). Крикъ, вопль, говоръ неподобный! — восклицаетъ лѣтописецъ **). Благочестивые люди крестились и отплевывались отъ этой бѣсовщины. «О, какъ огнь не сойдетъ съ неба и не попалитъ сихъ окаянныхъ!» — говоритъ одно современное описаніе. Привыкшіе жить со звономъ колоколовъ, обращаться безпрестанно между монаховъ и монахинь, видѣть нравственное достоинство жизни въ одномъ монастырѣ, — москвичи съ омерзѣніемъ смотрѣли вообще на мірское веселье. Если они сами предавались веселости и часто очень грязной, то все-таки признавали это грѣхомъ; притомъ свои пріемы были для нихъ привычны, а чужіе бросались въ глаза: ихъ соблазняло то, что люди плясали, играли и еще утверждали, что эти забавы не противны Богу. Въ понятіи московскихъ людей, обычаи страны слились въ одно съ церковными; многое, что не имѣло никакого отно-

*) Grevenbr. 38. — Petr. 187.

**) Сказан. еже сод.

шенія къ церковному строю, почиталось ими за установленія святыхъ отецъ. И вотъ, раздались такіе толки, разсѣваемые агентами Шуйскаго: «Что это за царь! по всему видно, что онъ не настоящій сынъ Ивана: обычаевъ старинныхъ не держится, ѣстъ телятину, въ церковь ходитъ не такъ прилежно, какъ прежніе цари, и передъ образами не очень низко поклоны кладетъ, въ баню не ходитъ; хоть каждый день бани топятся, а онъ со своей еретичкой-женой спитъ, да такъ, не обмывшись, и въ церковь идетъ, а за собою ведетъ поляковъ, а они собакъ вводятъ въ церковь: святыня оскверняется... Нѣтъ, онъ не можетъ быть истинный Димитрій! Нашлись и такіе, что стали вспоминать добрымъ словомъ царя Бориса. «Вотъ — говорили — царь былъ, такъ царь: родной отецъ!»

Подслушали подобныя рѣчи, схватили одного крикуна, донесли царю. Сначала Димитрій, по своей вспыльчивой натурѣ, думалъ сурово поступить съ возмутителемъ и подвергнуть его обычной пыткѣ, чтобъ развѣдать, откуда онъ получилъ внушеніе говорить такъ въ народѣ, а потомъ одумался, и когда сказали ему, что говорившій былъ пьянъ, Димитрій посовѣтовался съ боярами, можетъ быть тайными своими врагами, которые желали его усыпить, а можетъ быть и съ друзьями, вторившими его собственнымъ желаніямъ. Царь не велѣлъ трогать его. «Что за бѣда! — говорилъ онъ — пьяный болталъ! а хоть бы и трезвый, то я не хочу безпокоить себя всякою глупою болтовнею.» Поляки, напротивъ, тогда же совѣтовали ему не пренебрегать этимъ; они подозрѣвали, что кроется заговоръ, и предостерегали царя. Царь не слушался, говорилъ, что народъ его любитъ, что онъ силенъ какъ нельзя болѣе и не хочетъ думать ни о чемъ, кромѣ удовольствій и забавъ. Говорятъ, что въ эти дни Димитрію было странное предзнаменованіе. Онъ лежалъ на постели

и увидѣлъ, что къ нему подходитъ фигура старика: царь вскочилъ: привидѣніе исчезло; царь спрашивалъ у стоявшихъ на караулѣ; никто ни видалъ, чтобъ кто нибудь приходилъ къ царю. Димитрій легъ на постель и черезъ часъ опять увидѣлъ, что къ нему приближается старикъ и говоритъ: «ты государь добрый, но за несправедливости и беззаконія слугъ твоихъ, царство твое отымется отъ тебя.» Видѣніе исчезло. Димитрій позвалъ Бучинскаго, своего довѣреннаго, и разсказалъ, что̀ съ нимъ было. Бучинскій сталъ порицать безнравственность русскаго народа, приписывалъ ее невѣжеству въ дѣлѣ христіанской вѣры, и, какъ протестантъ, сталъ доказывать, что все спасеніе зависитъ отъ того, когда царь самъ приметъ и распространитъ въ государствѣ истинную вѣру, то есть реформатство. Объ этомъ событіи впослѣдствіи разсказывалъ служившій въ царской иноземной гвардіи шотландецъ Жильбертъ своимъ землякамъ на родинѣ *). Но Димитрія не столько тревожило это видѣніе, сколько успокоивало другое предсказаніе: какой-то магикъ, астрологъ или гадатель, увѣрилъ его, что ему суждено царствовать тридцать четыре года.

Веселье продолжалось между тѣмъ по прежнему во дворцѣ. Во вторникъ пиръ былъ въ покояхъ царицы. Здѣсь все было по-польски, такъ что когда послы вошли туда, то замѣтили, что посуда, мебель, одежды, прислуга и пріемы — все было такъ точно, какъ обычно бывало въ Краковѣ у польскаго короля. Музыка гремѣла. Напитки лились. Послѣ обѣда, по обычаю, танцовали. Гости были веселы и довольны.

*) Milton, 59.

XI.

Ночное совѣщаніе заговорщиковъ. — Легкомысліе поляковъ.—Новыя предостереженія царю.—Послѣдній балъ.

Когда царь въ упоеніи любви знать не хотѣлъ ни о какой опасности, въ ночь со вторника на среду въ домѣ Шуйскаго собирались званые гости. Кромѣ нѣкоторыхъ бояръ и думныхъ людей, которые съ нимъ уже были въ соумышленіи, приглашено было нѣсколько сотниковъ и пятидесятниковъ изъ войска, которое стянулось къ Москвѣ, чтобъ идти къ Ельцу; были тутъ кое-кто изъ гостей и торговыхъ людей. Василій Шуйскій излагалъ имъ общее дѣло въ такомъ смыслѣ: «Съ самаго начала я говорилъ, что царствуетъ у насъ не сынъ царя Ивана Васильевича, а Гришка разстрига Отрепьевъ; и за то я чуть было головы не потерялъ. Меня Москва тогда не поддержала! Но пусть бы онъ былъ не настоящій, да человѣкъ хорошій; а то видите сами, до чего доходитъ! Онъ женился на полькѣ и возложилъ на нее вѣнецъ; некрещенную ввелъ въ церковь и причастилъ! Раздалъ казну русскую польскимъ людямъ, и насъ всѣхъ отдастъ имъ въ неволю. И теперь они уже дѣлаютъ, что хотятъ; грабятъ насъ, ругаются надъ нами, насилуютъ насъ, святыню оскверняютъ... Собираются за городомъ съ нарядомъ и съ оружіемъ будто на потѣху, а въ самомъ дѣлѣ затѣмъ, чтобъ насъ, бояръ и думныхъ людей, извести, забрать въ свои руки столицу; а потомъ придетъ изъ Польши большое войско, и поработятъ насъ, и станутъ искоренять вѣру и разорять церкви божіи. Если мы теперь же не срубимъ дурнаго, дерева то оно скоро выростетъ подъ небеса, и все Московское государство пропадетъ до конца! и тогда наши малыя дѣтки въ колыбели станутъ вопить и плакать и жаловаться къ Богу небесному на от-

цовъ своихъ, что они во-время не отвратили неминуемой бѣды. Либо намъ погубить злодѣя съ польскими людьми, либо самимъ пропадать. Теперь, пока еще ихъ немного, а насъ много, и они помѣщены одни отъ другихъ далеко, пьянствуютъ и безчинствуютъ безпечно, теперь, можно собраться въ одну ночь и выгубить ихъ, такъ что они не спохватятся на свою защиту.»

Собранные не долго раздумывали; Шуйскій чрезъ своихъ агентовъ давно подготовилъ себѣ партію, и люди этой партіи были теперь у него. «Мы на все согласны!—сказали они — мы присягаемъ вмѣстѣ жить и умирать! будемъ тебѣ, князь Василій Ивановичъ, и вамъ, бояре, послушны; одномышленно спасемъ Москву отъ еретиковъ безбожныхъ. Назначь намъ день, когда дѣло дѣлать!»

Шуйскій сказалъ:

«Я для спасенія вѣры православной готовъ теперь принять надъ вами начальство. Ступайте и подберите людей, чтобъ были готовы. Ночью съ пятницы на субботу, чтобъ были отмѣчены домы, гдѣ стоятъ поляки..... Утромъ рано въ субботу, какъ услышите набатный звонъ, пусть всѣ бѣгутъ и кричатъ: что поляки хотятъ убить царя и думныхъ людей, а Москву взять въ свою волю; и такъ, по всѣмъ улицамъ, чтобъ кричали. Народъ услышитъ, бросится на поляковъ; а мы тѣмъ временемъ, какъ будто спасать царя, бросимся въ Кремль, и покончимъ его тамъ *). Если не удастся и мы пострадаемъ, то купимъ себѣ вѣнецъ непобѣдимый и жизнь вѣчную; а когда будемъ спасены, то вѣра христіанская будетъ спасена во вѣки **).»

Въ заключеніе, Шуйскій и бояре надавали всѣмъ множество обѣщаній; сулили дворянамъ города въ управленіе,

---

*) Petr. 186.

**) Сказан. еже сод. Чт. 1847, № 9. 23.

повышенія по службѣ, гостямъ и торговымъ людямъ льготы. Положили, чтобъ послѣ низверженія самозванца не мстить никому и не поминать стараго.

У Шуйскихъ были большія помѣстья и вотчины; изъ нихъ они вызвали нарочно своихъ людей какъ будто для того, чтобъ видѣть царскую свадьбу *), и они были имъ помощниками. Для исполненія замысла достаточно было и нѣсколькихъ сотъ человѣкъ при безпечности царя. Бывшіе съ Шуйскимъ имѣли у себя пріятелей и слугъ, которые были готовы идти за ними. Гости и торговые люди разсѣвали ненависть къ полякамъ между торговымъ людомъ; дворяне—между дворянами и дѣтьми боярскими, прибывшими въ войскѣ въ Москву. Всего войска, конечно, нельзя было возмутить: его было, говорятъ, подъ Москвою тысячъ до восемнадцати. Шуйскій разсчелъ, что нужно только, чтобъ народъ пустился бить поляковъ; а это было легко. Это отвлечетъ народъ отъ Кремля; а какъ раздѣлаются съ царемъ, тогда можно будетъ именемъ оскорбляемой вѣры, при пособіи духовенства, увѣрить народъ въ справедливости убійства.

Между тѣмъ поляки помогали врагамъ царя. Шуйскій заранѣе сдѣлалъ вѣрный разсчетъ на характеръ и нравы поляковъ, которые должны были пріѣхать въ Москву съ Мариной. Онъ не ошибся. Поляки при каждомъ удобномъ случаѣ высокомѣрно выставляли свое превосходство и съ презрѣніемъ отзывались о московскихъ обычаяхъ. Получивъ отъ царя предложеніе вступить въ службу, съ хорошимъ жалованьемъ, они хвастались этимъ и кричали: «ваша казна вся перейдетъ въ наши руки!» Другіе гордо побрякивали саблями, кричали: «мы вамъ дали царя, Москвѣ!» Эти выходки вызывали со стороны московскихъ людей раздра-

*) Piaseck 240.

женія, ссоры и драки. Въ пьяномъ разгулѣ поляки бросались на женщинъ среди улицъ, вытаскивали ихъ изъ каптановъ (экипажъ), врывались въ дома, гдѣ замѣчали красивую хозяйку или дочекъ. Особенно наглы были гайдуки и слуги пановъ, пріѣхавшіе съ ними во множествѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что они считались только поляками: это были русскіе и большею частію православные, потому что въ то время въ южныхъ провинціяхъ Польши не только простые люди, но даже многіе паны не успѣли еще потерять предковской вѣры. Но московскіе люди съ трудомъ могли признать въ нихъ единовѣрцевъ, по разности обычаевъ и обыденныхъ пріемомъ жизни, входившихъ, по московскимъ понятіямъ, въ область предписываемаго религіею. Когда вспомнимъ, что польское правительство то и дѣло, что издавало распоряженія о прекращеніи своевольствъ въ южныхъ областяхъ, то не трудно понять, почему прибывшіе съ панами отличались въ Москвѣ такимъ буйствомъ. Когда еще тогдашній царь былъ претендентомъ и находился въ Польшѣ, когда между панами было разномысліе: помогать ли ему или нѣтъ — многіе склонялись къ желанію не мѣшать Димитрію набирать полки въ Польшѣ именно въ надеждѣ сбыть въ Московское государство безпокойныхъ удальцовъ и забіякъ изъ польскихъ провинцій. Неудивительно, если эти гультаи успѣли раздражить противъ себя туземцевъ даже самыхъ преданныхъ и вѣрныхъ царю Димитрію *).

Утромъ въ среду, послѣ совѣщанія, каждый изъ заговорщиковъ сходился съ пріятелями, знакомыми, и вербовалъ ихъ въ число соучастниковъ. Они сновали по городу и по рынку, толкались въ народныхъ сходкахъ и возбуж-

*) Хроногр. Арх. Ком.—Petrei. 186, 187.—Bussov. 46.—Сказ. еже сод. Чтен. 1847. № 9. — Степ. Кн. рук. Арх. Ком. — Diar. Niemojewsk,—Hist. Russ. Mon. II, 172.—Grevenbr 39.—Mass. 94.

дали народъ противъ поляковъ. Въ это время изъ Кремля повезли большія пушки; только огромную царь-пушку тогда не двинули съ мѣста *) Пушки везли за Срѣтенскія ворота. Тамъ уже множество рабочихъ рукъ насыпали валъ и строили струбъ: надобно было сдѣлать примѣрную крѣпость, для потѣхи; царь прикажетъ однимъ брать, а другимъ защищать. Подобныя забавы были уже не въ первый разъ, но никогда еще не затѣвались онѣ въ такомъ большомъ размѣрѣ, какъ теперь. Димитрій хотѣлъ удивить всѣхъ на этотъ разъ. Въ то же время велѣно было приготовлять на полѣ обѣдъ и попойку для народа: царь хотѣлъ, чтобъ всѣ веселились. Поляки толковали и хлопотали о рыцарскомъ турнирѣ въ честь новобрачной царственной четы. Это было кстати заговорщикамъ. «Смотрите, говорили они народу, что это затѣваютъ нехристи! это они собираются извести всѣхъ бояръ и московскихъ людей, которые сойдутся на ихъ проклятое игрище; однихъ перебьютъ, а другихъ перевяжутъ; и дворянъ и дьяковъ, и гостей и всѣхъ лучшихъ людей возьмутъ и отвезутъ королю въ Польшу; а потомъ придетъ сюда большое королевское войско и покоритъ насъ, и станутъ искоренять истинную православную вѣру и вводить еретичество — скверную и проклятую вѣру латинскую и лютерскую, на погибель душъ христіанскихъ. Запасайтесь, братцы, оружіемъ, чтобъ не даться въ руки невѣрныхъ.» Нѣкоторымъ не говорили о царѣ ничего, другимъ же хулили царя. «Развѣ не видно, что онъ еретикъ: повѣнчался съ еретичкой-полькой и некрещеную причащалъ; съ поляками бражничаетъ, пляшетъ и обычаю нашего не держится, въ платьѣ польскомъ ходитъ. Онъ съ ними заодно; его поляки сюда прислали, чтобъ вѣру нашу истинную искоренить и насъ въ польскую неволю отдать!»

*) Сказ. еже сод. Чт. 1847, № 9, стр. 23.

Большая часть слушавшихъ такія рѣчи не имѣла еще вражды къ царю и готова была служить ему; но поляковъ за ихъ наглости побить — была не прочь.

Между тѣмъ во дворцѣ занялись дѣлами. Пословъ пригласили на совѣщаніе съ боярами о дѣлѣ, касавшемся войны съ невѣрными. Но у бояръ было на умѣ другое: они знали, что изъ совѣщаній съ поляками ничего не выйдетъ; пышно фразистая рѣчь Олесницкаго не привела ихъ въ восторгъ. Послы не предлагали ничего, а, изливши свои чувства, ждали предложенія отъ бояръ. По этому поводу, зложелатель поляковъ, Татищевъ, сказалъ: «быть можетъ, король хочетъ насъ только вывѣдать, а потомъ ничего не дѣлать; такъ это ложь и обманъ будетъ.» Послы не вдались въ объясненія по поводу этихъ словъ, но поспѣшили затереть ее фразами и разошлись.

Послѣ этого совѣщанія послы отправились къ Тарлу обѣдать. Царица въ тотъ день давала пиръ московскимъ боярамъ и боярынямъ. Она была одѣта по-русски и старались привлечь къ себѣ гостей своею любезностію. Въ ея наружности, въ ея обращеніи, чрезвычайной внимательности къ собесѣдникамъ, простотѣ, соединенной съ сознаніемъ величія, было столько обаятельнаго, что самые враги, дышавшіе противъ нея злобою, проникались къ ней уваженіемъ *).

Къ вечеру въ этотъ день, показались признаки страшной тучи, находившей на беззаботную веселость царственной четы и гостей ея. Паны, пировавшіе у Тарла, окончивши обѣдъ, принялись танцовать. Вдругъ прибѣжалъ къ нимъ кто-то и сказалъ, что москвичи собираются толпою на князя Вишневецкаго. Какой-то гайдукъ этого князя, пьяный, повздорилъ съ москвичемъ и ударилъ его; тотъ закричалъ, сбѣжались москвичи и поляки. Послѣдніе, разумѣется,

---

*) Cilli 71.

уступили и ушли, а москвичи, разжигаемые заговорщиками, горячились; собралась толпа и кричала: «бить Литву!» Послы, находившіеся на обѣдѣ, сейчасъ уѣхали на посольскій дворъ, а прочіе паны остались и продолжали веселиться. Вечеромъ, дѣйствительно, толпа народа сошлась близъ квартиры Вишневецкаго, и поляки боялись нападенія, но обошлось безъ драки. Послы отправили къ царю извѣстить о своей опасности, а царь прислалъ къ нимъ Бучинскаго и сказалъ чрезъ него: «Я такъ укрѣпилъ свое государство, что ничего не можетъ случиться противъ моей воли». Чрезъ нѣсколько часовъ снова царь послалъ къ нимъ сказать тоже и успокоить ихъ. Старый Мнишекъ и сынъ его перепугались еще болѣе и собрали въ свой дворъ всю пѣхоту, съ которой пріѣхали. Послы поставили стражу на посольскомъ дворѣ; вся ихъ челядь собралась и держала караулъ.

На другой день, въ четвергъ, все стало спокойно. У католиковъ былъ праздникъ «божьяго тѣла»; поляки, забывши вчерашній страхъ, начали праздновать. Тогда царю подали челобитную на какого-то поляка, который будто бы обезчестилъ на улицѣ русскую знатную дѣвушку. Царь приказалъ сдѣлать строгій розыскъ. Обвиняемаго поляка стали пытать, онъ ни въ чемъ не признался; по слѣдованію оказалось, что на этотъ разъ доносъ былъ несправедливъ. Между тѣмъ въ городѣ узнали объ этомъ дѣлѣ, заговорщики кричали: «поляки безчинствуютъ, и нельзя найдти ни суда, ни управы на нихъ: царь ихъ покрываетъ!» Поляки весь день стрѣляли на воздухъ холостыми зарядами, одни для потѣхи, а другіе думали этимъ дать знать москвичамъ, что они умѣютъ обороняться. Эти выстрѣлы пугали народъ, а заговорщики указывали народу на безчинство и на угрозы польскихъ людей*). Волненіе распростра-

*) The bloody Massacre.

пялось болѣе и болѣе, смѣлѣе становились уличные крики, подозрительнѣе выглядывали лица изподлобья на каждаго проходившаго поляка. «Берегитесь, говорили тогда полякамъ нѣмцы, москвичи недоброе затѣваютъ на васъ, хотятъ васъ побить». Нашлись и русскіе, которые пришли съ доносомъ на своихъ къ Басманову. Басмановъ доложилъ царю. «Я этого слушать не хочу! не терплю доносчиковъ! сказалъ царь, и буду наказывать ихъ самихъ!»

При дворѣ между тѣмъ шли приготовленія къ воскресному празднику: Марина затѣяла маскарадъ, и царскій домъ обставляли лѣсами для какихъ-то потѣхъ, вѣроятно для иллюминаціи.

Ночью, съ четверга на пятницу, караульные въ Кремлѣ схватили шестерыхъ человѣкъ подозрительнаго свойства: они пробирались тайкомъ въ царскій дворъ; трехъ караульные положили на мѣстѣ, а трехъ поймали; ихъ подвергли пыткѣ, но ничего не могли отъ нихъ добиться, и замучили. Въ эту ночь сдѣлался морозъ, вредный для овощей.

Наступила пятница. Люди толковали о морозѣ, который былъ въ прошедшую ночь. «Это не къ добру!» — говорили въ Москвѣ; а друзья царя, предчувствуя бѣду, видѣли въ этомъ явленіи дурное предзнаменованіе для него. Москва съ каждымъ часомъ высказывалась. Нѣмецкіе капитаны ясно видѣли, что въ ней созрѣло что-то грозное, и не смотря на прежнія царскія запрещенія являться съ доносами, рѣшились подать Димитрію письменный извѣтъ, гдѣ изложили, что замѣчаютъ въ столицѣ измѣну, и надобно, какъ можно скорѣе, принять мѣры. Царь не сталъ читать и сказалъ: «Это все вздоръ!» Его сильно успокоивало предсказаніе о тридцатичетырехлѣтнемъ царствованіи.

Пріѣхалъ къ царю тесть и говорилъ:

— Опасность очевидна! Жолнѣры пришли ко мнѣ се-

годня и говорятъ, что вся Москва поднимается на поляковъ. Заговоръ несомнѣнно существуетъ.

Царь отвѣчалъ:

— Удивляюсь, какъ это ваша милость дозволяете приносить себѣ такія сплетни.

— Осторожность не заставитъ пожалѣть о себѣ никогда, а ваша милость будьте осторожны! сказалъ Мнишекъ.

Царь на это сказалъ:

— Ради Бога, панъ-отецъ, не говорите мнѣ объ этомъ больше. Иначе—мнѣ это будетъ очень непріятно. Мы знаемъ, какъ управлять государствомъ; нѣтъ никого, кто бы могъ что нибудь противъ насъ сказать. Да если бъ мы увидали что нибудь дурное — въ нашей волѣ такого жизни лишить. Ну, да для вашего успокоенія, я прикажу стрѣльцамъ ходить съ оружіемъ по тѣмъ улицамъ, гдѣ поляки стоятъ.

Еще разъ Басмановъ далъ совѣтъ не пренебрегать опасностію и сейчасъ же принять мѣры. Царь не вѣрилъ и его предостереженіямъ; но схваченные въ Кремлѣ ночью и замученные пытками люди заставили его однако нѣсколько призадуматься. Димитрій сказалъ: «хорошо, я сдѣлаю розыскъ; дознаемся, кто противъ меня мыслитъ зло». Но онъ отложилъ до субботы послѣ обѣда *). Въ этотъ же самый день онъ разгнѣвался на казанскаго митрополита Гермогена, который раздражилъ его хуленіемъ за то, что онъ допустилъ Маринѣ вѣнчаться въ церкви, не принявши напередъ православной вѣры. Шуйскій распоряжался, безъ вѣдома царя, по-своему, войскомъ; головы и сотники были съ нимъ въ соумышленіи; вмѣсто того, чтобъ идти къ Ельцу, какъ хотѣлъ царь, Шуйскій въ продолженіе предыдущихъ дней задерживалъ войско въ нѣсколькихъ верстахъ

*) Żelanski.

отъ Москвы, а отряду въ числѣ трехъ тысячъ приказалъ подойти къ самой Москвѣ, какъ показываетъ современникъ [1]). Вечеромъ въ пятницу этотъ отрядъ долженъ былъ занять всѣ ворота Бѣлаго города, чтобъ во время замышляемаго переворота никто не могъ убѣжать изъ тѣхъ, кому слѣдовало быть убитымъ или задержаннымъ. Поляки, до сего дня безпечные, въ пятницу уже стали безпокоиться и бросались покупать порохъ на случай нападенія. Но въ лавкахъ имъ не продавали пороха [2]). Москвичи, напуганные заговорщиками, толковавшими, что потѣха въ воскресенье за Срѣтенскими воротами замышляется съ дурною цѣлію, убѣждались въ справедливости этихъ разсказовъ, когда увидали, что поляки хотятъ запасаться порохомъ.

Царь, ничѣмъ не тревожась, отгоняя всякое подозрѣніе, созвалъ вечеромъ гостей въ новый дворецъ. Сорокъ человѣкъ музыкантовъ грянули на своихъ инструментахъ; начались танцы; молодые пахолята Марины въ польскомъ платьѣ прислуживали. У входа дворца стояло по обыкновенію сто очередныхъ нѣмецкихъ аллебардщиковъ на караулѣ, а по другимъ извѣстіямъ сто стрѣльцовъ и часть царской гвардіи [3]). Василій Шуйскій именемъ царя приказалъ имъ разойтись по домамъ и оставить только тридцать, а по другимъ—двадцать четыре [4]) человѣка. Не смѣя ослушаться князя, который такъ близокъ къ царю, аллебардщики ушли; близъ дворца осталось только около тридцати человѣкъ. Царь ничего не зналъ объ этомъ, и былъ особенно въ хорошемъ расположеніи духа въ тотъ вечеръ. Веселились до ночи. Толковали, какъ бы роскошнѣе и затѣйливѣе устроить на воскресенье праздникъ съ турниромъ и

---

[1]) Is. Mass. 92.
[2]) Grevenbr. 38.
[3]) Grevenbr. 38.
[4]) Żelanski.

маскарадомъ. Наконецъ, гости разошлись. Въ сѣняхъ дворцовыхъ легли пахолята и съ ними нѣсколько музыкантовъ; прочіе ушли въ свои помѣщенія. Царь отправился спать къ женѣ, въ ея новопостроенный и еще не оконченный дворецъ, соединенный съ царскимъ новымъ дворцомъ переходомъ *).

XII.

17-ое мая. — Убійство Димитрія.

Заговорщики не спали. Шуйскій еще до свѣта разослалъ нѣкоторыхъ, назначивъ, кому гдѣ быть: одни должны быть готовы на Красной площади, чтобъ идти на дворецъ, другіе — по улицамъ въ назначенное время волновать народъ. Дождались солнечнаго восхода. Это было самое удобное время: москвичи были тогда по обыкновенію всѣ на ногахъ, а гости, утомленные обычными ночными забавами, должны были спать по своимъ квартирамъ. Дома, на которые надобно было нападать, отмѣтили.

Развѣло. Шуйскій приказалъ отворить тюрьмы и выпустить заключенныхъ. Имъ роздали топоры и мечи **). Съ солнечнымъ восходомъ ударили въ набатъ въ церкви святаго Иліи на Новгородскомъ дворѣ на Ильинкѣ. Потомъ зазвонили также въ сосѣднихъ церквахъ, а потомъ ударили въ большой *полошной* колоколъ, въ который всегда били на тревогу. Звонъ распространялся отъ одной церкви до другой, и въ короткое время по всѣмъ московскимъ церквамъ раздался зловѣщій набатъ. Въ иныхъ мѣстахъ звонили, не зная, въ чемъ дѣло, звонили потому, что другіе звонятъ. Народъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ въ Китай-городъ.

*) Petric. 113.

**) Petric. 112.

Главные руководители, Шуйскій, Татищевъ, Голицыны, были на коняхъ; съ ними толпилось на Красной площади до двухсотъ человѣкъ заговорщиковъ. «Что за тревога?» — спрашивали толпы. Заговорщики кричали народу: «литва собирается убить государя и перебить бояръ: идите бить литву!» Быстро разнеслась по Москвѣ неясная вѣсть: одни узнали, что литва кого-то хочетъ убить; тѣмъ послышалось имя царя, а этимъ имя бояръ; другіе слышали, что царя кто-то хочетъ убить, — и спрашивали: «кто убиваетъ царя?» — «Литва!» — кричали въ отвѣтъ заговорщики. — «Идите на литву, бейте литву, берите животы себѣ!» Народъ бросался въ разныя стороны на поляковъ: многіе съ мыслію, что въ самомъ дѣлѣ они защищаютъ царя, другіе —изъ ненависти къ полякамъ за ихъ своевольства и съ желаніемъ свергнуть чужеземное иго; а иные, какъ то случается въ самомъ справедливомъ дѣлѣ, просто изъ одной страсти къ грабежу. Шуйскій, освободившись отъ народной толпы, поѣхалъ въ Кремль: въ одной рукѣ у него былъ крестъ, а въ другой мечъ. За нимъ ѣхали и бѣжали заговорщики съ ружьями, обнаженными саблями, съ копьями, топорами и рогатинами.

Набатный звонъ разбудилъ царя, лежавшаго близь молодой жены. Онъ поспѣшно вскочилъ, накинулъ кафтанъ, не сталъ тревожить царицы и побѣжалъ по коридору въ свой дворецъ. Вошедши въ сѣни, увидѣлъ онъ Димитрія Шуйскаго, — этотъ, вѣроятно, забѣжалъ впередъ, чтобъ обмануть царя и не дать ему уйти впору. «Чтó это за звонъ?» спросилъ Димитрій. — «Пожаръ въ городѣ!» — сказалъ Шуйскій. Было въ обычаѣ, что царь самъ ѣздилъ на пожаръ. Димитрій направился опять въ покои жены, вѣроятно на короткое время, чтобъ успокоить жену, потомъ ѣхать на пожаръ. Набатный звонъ раздавался уже въ Кремлѣ у него надъ ухомъ. Онъ слышалъ крики на дворѣ, воротился

во дворецъ и столкнулся съ Басмановымъ.« Поди узнай, что̀ то такое »,— сказалъ царь. Басмановъ отворилъ окно, увидалъ предъ собою разъяренную вооруженную толпу; она бѣгомъ спѣшила во дворъ и уже наполняла дворъ. Басмановъ спрашивалъ изъ окна; « что̀ вамъ надобно? что̀ это за тревога. »

Толпа закричала: « отдай намъ своего царя вора. Тогда поговоришь съ нами! »

Басмановъ бросился къ Димитрію и закричалъ: « Ахти мнѣ, государь! Самъ виноватъ! Не вѣрилъ своимъ вѣрнымъ слугамъ! Бояре и народъ идутъ на тебя? »

Тутъ проскочилъ мимо аллебардшиковъ, стоявшихъ на лѣстницѣ, казенный дьякъ Тимоѳей Осиповъ и явился передъ царемъ. Вѣроятно его пропустили, потому что онъ былъ безъ оружія. Онъ сказалъ:

« Ну, безвременный цесарь, проспался ты? Выходи давать отвѣтъ людямъ. Велишь себя именовать непобѣдимымъ цесаремъ, что Богу противно и грубно. А ты не цесарь; ты воръ, разстрига Гришка Отрепьевъ, чернокнижникъ, еретикъ, обругатель православной вѣры. »

Онъ сталъ было поражать царя словами св. Писанія, но Басмановъ разсѣкъ его саблею. Этотъ дьякъ былъ извѣстенъ по своей набожности и постничанью; онъ хмѣльного въ ротъ не бралъ. Онъ соблазнился особенно тѣмъ, что Димитрій вѣнчался съ Мариною, и православнымъ людямъ приходилось давать крестное цѣлованіе еретичкѣ латинской вѣры. Осиповъ хотѣлъ принять мученическій вѣнецъ за правду, исповѣдался, причастился св. Таинъ и пошелъ на обличеніе разстриги *).

Тѣло дьяка выбросили за окно.

Толпа подходила къ крыльцу.

---

*) Хронографы. — Is. Mass. 95.

— Запирайте двери, мои вѣрные аллебардщики, не пускайте! кричалъ Димитрій.

Но онъ, какъ видно, не зналъ, что аллебардщиковъ только тридцать человѣкъ, и они не могли удержать толпы. Кромѣ ихъ было во дворцѣ человѣкъ двадцать съ небольшимъ слугъ да музыкантовъ — народъ все невоинственный. Шуйскій слѣзъ съ коня, поцѣловалъ двери Успенскаго собора, а потомъ указалъ толпѣ заговорщиковъ на дворецъ и сказалъ:

«Кончайте скорѣе съ воромъ Гришкою Отрепьевымъ! Если вы не убьете его, — онъ намъ всѣмъ головы сниметъ.»

Аллебардщики стали было у входа; но по нимъ дали нѣсколько выстрѣловъ. Они увидали, что не въ силахъ защищаться. Половина побросала оружіе и разбѣжалась; пятнадцать поднялись по лѣстницѣ въ сѣни и пропустили за собою толпу, которая бросилась на лѣстницу.

«Государь спасайся! — сказалъ Басмановъ — а я умру за тебя!» Но царь безстрашно выступилъ впередъ въ сѣни и закричалъ! «Подайте мнѣ мой мечъ!»

Но тотъ, кто носилъ званіе великаго мечника и хранилъ его мечъ, не явился съ этимъ мечемъ къ своему царю.

Аллебардщики стояли въ сѣняхъ съ своимъ оружіемъ. Царь выхватилъ у одного изъ нихъ, Вильгельма Шварцгофа, аллебарду, подступилъ къ наружнымъ дверямъ и закричалъ толпѣ:

— Я вамъ не Борисъ!

Изъ толпы выстрѣлили. Димитрія не зацѣпила пуля. Басмановъ выступилъ впередъ, заслонилъ царя собою, сошелъ нѣсколько ступеней внизъ по лѣстницѣ и говорилъ къ боярамъ: «Братья, бояре и думные люди! побойтесь Бога, не дѣлайте зла царю вашему, усмирите народъ, не безславьте себя!»

На него кинулся Михайло Татищевъ, сказалъ ему крѣпкое слово [1]), а потомъ ударилъ Басманова длиннымъ ножемъ прямо въ сердце. Басмановъ покатился съ лѣстницы. Другіе выбросили трупъ Басманова на показъ народу.

Димитрій, притворивши дверь, высунулся изъ нея, началъ махать аллебардою на обѣ стороны и кое-кого зацѣпилъ. Но заговорщики стали стрѣлять. Димитрій отступилъ. Двери заперли. Сильнымъ натискомъ и ударами топоровъ заговорщики выломали ихъ. Царь съ аллебардщиками ушелъ въ переднюю комнату и тамъ заперся. Заговорщики стали ломать слѣдующую дверь. Царь бросилъ аллебарду, схватилъ себя за волосы, побѣжалъ по переходу къ жениным покоямъ, но съ той стороны пробраться было невозможно: сѣни и входъ съ другой стороны царицыныхъ покоевъ были заняты толпою. Царь не вошелъ къ женѣ, а только черезъ окно закричалъ къ ней: «мое сердце, здрада (измѣна)!» и бѣжалъ, по однимъ извѣстіямъ, въ каменный дворецъ, по другимъ, назадъ въ деревянный и заперся въ угольной комнатѣ, гдѣ онъ обыкновенно купался [2]). Выхода не было. Онъ глянулъ въ растворенное окно, увидалъ вдали стрѣльцовъ на караулѣ. Тутъ ему пришла мысль выскочить въ окно, спуститься по лѣсамъ, приставленнымъ къ стѣнамъ ради предполагаемой иллюминаціи, и отдаться подъ защиту народа. «Еслибъ ему удалось — говоритъ иностранецъ [3]) — благополучно соскочить и уйти — онъ бы избавился отъ бѣды: народъ перебилъ бы господъ заговорщиковъ; народъ не зналъ о заговорѣ, слышалъ, что поляки хотятъ убить царя, и бросился поэтому бить поляковъ; даже многіе изъ тѣхъ, что бросились тогда въ Кремль, думали, что они идутъ спасать царя отъ поляковъ».

---

1) Oscula matrem tuam in vulvam et principem tuum in penem.
2) Grevenbr. 40.
3) Is. Mass. 96.

Димитрій прыгнулъ изъ окна, но споткнулся на лѣсахъ и оборвался на землю [1]). Отъ окна до земли было очень высоко: тридцать футовъ. Царь разбилъ себѣ грудь, вывихнулъ ногу, зашибъ голову [2]) и лишился на время чувства.

Заговорщики сломали другую дверь, пробѣжали по комнатамъ дворца и никого не нашли. Они отняли у аллебардщиковъ ихъ брошенное оружіе и приставили къ нимъ стражу. Толпа бросилась въ каменный дворецъ, хватала все, что ни попадалось подъ руки — золото, серебро, жемчугъ, платья; обдирали обои, ломали мебель; другіе старались спрятать себѣ въ карманъ что нибудь изъ общей добычи. Искали царя — и не находили его.

Между тѣмъ Марина пробудилась отъ набатнаго звона и крика, вскочила, не нашла близъ себя мужа, поняла, что происходитъ что-то странное, надѣла юбку и съ растрепанными волосами бросилась изъ своихъ комнатъ. Догадавшись, въ чемъ дѣло, она бѣжала въ безпамятствѣ въ нижніе покои каменнаго дворца подъ своды и сначала безсознательно хотѣла укрыться въ какомъ-то темномъ закоулкѣ. Но ей одинокой стало страшно въ этомъ убѣжищѣ. До нея долеталъ трескъ выстрѣловъ, набатный звонъ, грозные крики толпы [3]). Постоявши немного въ этомъ мѣстѣ, Марина выскочила оттуда, поднялась вверхъ и наткнулась на толпу москвичей, бѣгавшихъ по дворцу и по переходамъ. Ее не узнали, столкнули съ лѣстницы и не обратили на это вниманія. Когда толпа пробѣжала, она скоро ушла назадъ въ свой дворецъ къ придворнымъ дамамъ [4]). Всѣ онѣ сто-

---

1) Zelanski.
2) Grevenbr. 41.
3) Petr. 114.
4) Буссовъ (стр. 49) и за нимъ Петрей (стр. 90) говорятъ, будто Марина спряталась подъ платье своей полнотѣлой охмистрины (гофмейстерины).

яли вмѣстѣ въ странномъ ожиданіи. Изъ мужчинъ былъ одинъ только юноша, пажъ Марины, Осмольскій. Двери заперли. Осмольскій сталъ у дверей съ саблею и говорилъ, что только по его трупу злодѣи доберутся до царицы. Заговорщики разломали двери. Осмольскаго положили ружейными выстрѣлами и изрубили въ куски. Придворныя дамы Марины сбились въ кучку. Одна изъ дамъ, старуха пани Хмѣлевская, пораженная нечаянно пулею, направленною въ Осмольскаго, лежала, истекая кровью.

Московитяне, говоритъ иностранный современникъ *) тотчасъ, какъ увидѣли женщинъ, такъ и показали, что они народъ безстыдный, не имѣющій понятія о чести, стыдѣ и приличіи.

— Говорите, польскія.... гдѣ царь? гдѣ полька его царица?

Гофмейстерина сказала въ отвѣтъ:

— Вамъ лучше это знать, гдѣ вы его дѣли; мы за нимъ не караулимъ.

— А!—закричали москвичи—вотъ мы васъ всѣхъ!... И они стали дѣлать разныя непристойности **). Такія сцены были, конечно, въ порядкѣ вещей, послѣ того какъ Шуйскій такъ былъ не разборчивъ въ выборѣ сообщниковъ, что, для умноженія ихъ числа, выпустилъ изъ тюрьмъ преступниковъ. Но тутъ прибѣжали старшіе бояре и стали разгонять толпу;—не то, чтобъ у нихъ дѣйствовало человѣколюбіе и состраданіе, говоритъ полякъ современникъ ***), а они боялись истреблять знатныхъ поляковъ и женщинъ, чтобъ потомъ не навлечь войны и мщенія отъ Польши. Шуйскій разсчитывалъ, что если половину поляковъ и побьютъ москвичи, за то бояре оберегутъ нѣ-

*) Petrei, 190.
**) Nudabunt equina pudenda sua.
***) Petricii, 115.

которыхъ и потомъ будутъ представлять это къ своему оправданію.

Бояре приказали всѣмъ идти за ними, отвели ихъ въ особый покой и приставили къ нимъ стражу.

Въ то время раздались крики:

«Нашли, нашли еретика!»

Царь, упавши, лежалъ нѣсколько времени безъ чувствъ, его поднялъ одинъ аллебардщикъ, Вильгельмъ Фирстенбергъ, и потомъ подбѣжали къ нему стрѣльцы, отлили водою и отнесли на каменный фундаментъ сломаннаго, по приказанію Димитрія, Борисова деревяннаго дома. Такимъ образомъ, ему приходилось, окровавленному, бороться со смертію и молить себѣ защиты и спасенія на томъ мѣстѣ, гдѣ, безъ малаго за годъ, не вымолили себѣ жизни Борисова жена и ея сынъ. Царь долго не могъ придти въ себя, только жалобно стоналъ отъ боли. Наконецъ, собралъ силы, и, увидя, что его окружаютъ стрѣльцы, говорилъ имъ:

«Оборони̂те меня отъ злодѣевъ Шуйскихъ, Христа ради! мои милые, православные! Ведите меня къ міру на площадь передъ Кремль. Я васъ вознесу выше всѣхъ... и боярскихъ женъ и дѣтей отдамъ вамъ въ неволю, и все ихъ имущество ваше будетъ!»

Стрѣльцы обѣщали. Вдругъ заговорщики, отыскавши слѣдъ пропавшей было для нихъ жертвы, бросились туда съ ружьями, рогатинами и топорами. Они яростно кричали. Стрѣльцы закрыли своего царя, стали въ строй и дали залпъ. Нѣсколькихъ дворянъ положили. Это до того отбило у другихъ охоту лѣзть на Димитрія, что заговорщики отступили и готовы были разбѣжаться. Тутъ много было народа, вовсе неспособнаго жертвовать собою. Но Василій Шуйскій остановилъ ихъ.

«Развѣ вы думаете, что спасетесь?—говорилъ онъ—это не таковскій человѣкъ, чтобъ забылъ обиду! Дайте ему

волю, такъ онъ запоетъ иную пѣсню: онъ передъ своими глазами всѣхъ васъ замучитъ. Это не простой воръ,—это змій свирѣпый! Задушите его, пока онъ еще въ ямѣ, а какъ выползетъ, то намъ горе, и женамъ нашимъ, и дѣтямъ.»

Заговорщики послушались совѣта и опять было приступили. Стрѣльцы приложились къ ружьямъ. Тогда кто-то закричалъ:

«Когда такъ, идемъ же въ стрѣлецкую слободу, побьемъ ихъ стрѣльчихъ и стрѣльчатъ, если они, б.....ы дѣти, не хотятъ выдать вора, обманщика, злодѣя!»

— Дѣло! идемъ!—закричали другіе.

И заговорщики поспѣшно повернулись, показывая видъ, что спѣшатъ въ стрѣлецкую слободу. Любовь къ женамъ и дѣтямъ, говоритъ современникъ *), пересилила всѣ приманки, которыми надѣялся склонить ихъ царь. Они, поговоря между собою, разступились и оставили Димитрія одного.

Бояре и заговорщики подошли къ нему, подняли и понесли въ деревянный дворецъ какъ бы для допроса. Недавно еще нарядный и опрятный дворецъ теперь былъ страшно окровавленъ и загрязненъ. Въ сѣняхъ лежали трупы убитыхъ музыкантовъ и пахолятъ. Аллебардщики стояли безоружные подъ стражею и не смѣли поворотить языка. Имъ сказали московскіе люди: если пикните—то и пропали. Димитрій посмотрѣлъ на нихъ жалобно, вздохнулъ и прослезился. Его унесли въ другую комнату. Когда толпа всходила на лѣстницу, Вильгельмъ Фирстенбергъ не утерпѣлъ, вошелъ за думными людьми и пробрался въ ту комнату, куда внесли царя. Онъ хотѣлъ дать ему понюхать какого-то спирту, чтобъ поддержать въ немъ сознаніе **).

---

*) Паэрле 82.

**) Grevenbr 41.

Но кто-то изъ толпы ударилъ его аллебардою и повалилъ мертваго къ ногамъ Димитрія.

«Эти собаки-иноземцы — говорили тогда — и теперь не оставляютъ своего воровскаго государя! Надобно ихъ всѣхъ побить!» Но знатные бояре не попустили перебить иноземцевъ.

Принялись за Димитрія. «Еретикъ ты окаянный! кричали заговорщики: что?! удалось тебѣ судить насъ въ субботу?» «Онъ Сѣверщину хотѣлъ отдать Польшѣ», кричали одни. «Латинскихъ поповъ привелъ!» говорили другіе. «Зачѣмъ взялъ нечестивую польку въ жену и некрещеную въ церковь пустилъ!» кричали третьи. «Казну нашу московскую въ Польшу вывозилъ!» замѣчали четвертые *). Сорвали съ Димитрія кафтанъ и надѣли на него дырявую гуньку. «Смотрите! говорили москвичи, каковъ царь-государь, всея Руси самодержецъ! Вотъ такъ царь!» — «О, у меня такіе цари на конюшнѣ есть!» сказалъ какой-то бояринъ. Тотъ тыкалъ ему пальцемъ въ глаза, другой щелкалъ его по носу, третій дергалъ за ухо...

Одинъ ударилъ его въ щеку и сказалъ: «Говори, б.....ъ сынъ, кто ты таковъ? кто твой отецъ? какъ тебя зовутъ? откуда ты?»

Димитрій говорилъ: «Вы знаете, я царь вашъ и великій князь Димитрій, сынъ царя Ивана Васильевича. Вы меня признали и вѣнчали на царство. Если теперь еще не вѣрите, спросите у моей матери—она въ монастырѣ; спросите ее, правду ли я говорю; или вынесите меня на лобное мѣсто и дайте говорить.»

Тогда князь Иванъ Голицынъ крикнулъ во всеуслышаніе: «Сейчасъ я былъ у царицы Мароы; она говоритъ, что это не ея сынъ: она признала его поневолѣ, страшась смерт-

*) Żelanski.

наго убійства, а теперь отрекается отъ него!» Эти слова были тотчасъ же переданы изъ окна стоявшей толпѣ. Шуйскій между тѣмъ ѣздилъ верхомъ на дворѣ и тутъ же подтверждалъ, что единственный сынъ царицы Мароы убитъ въ Угличѣ, а другаго сына у ней не было. Онъ торопилъ поскорѣе убить вора. Ему нужно было, покончивъ съ Димитріемъ, остановить народное буйство противъ поляковъ.

— Винится ли злодѣй?—кричала толпа.

— Винится!—отвѣчали изъ дома.

— Бей, руби его!—раздавалось въ толпѣ.

— Чтò долго толковать съ еретикомъ!—сказалъ дворянинъ Григорій Валуевъ — вотъ я благословлю этого польскаго свистуна!

Онъ выстрѣлилъ въ Димитрія изъ короткаго ружья, которое у него было подъ армякомъ. Пуля убила его сразу. Тогда москвичи бросились на трупъ и били его палками, камнями, топтали ногами, кололи ножами... А потомъ обвязали ему веревкою ноги, зацѣпили еще иначе срамнымъ образомъ *) и стащили съ лѣстницы; трупъ былъ до того обезображенъ, что не только нельзя было распознать въ немъ знакомыхъ чертъ, но даже замѣтить человѣческаго образа. Его потащили изъ Кремля черезъ Фроловскія (нынѣ Спасскія) ворота. У Вознесенскаго монастыря толпа остановилась и вызвала царицу Мароу.

«Говори, царица Мароа, твой ли это сынъ?» спрашивали ее. Свирѣпые взоры и дикіе голóса показывали царицѣ, какого отвѣта отъ нея хотѣли **).

По одному извѣстію ***), Мароа отвѣчала: «Не мой!»

---

*) Grevenbr. 41: transmisso per pudende fune.

**) Petricii: 116.

***) Diar. Niemojewski.

По другому *), она сказала загодочно:

«Былобъ меня спрашивать, когда онъ былъ живъ; а теперь, какъ вы его убили, уже онъ не мой!»

Какъ бы то ни было, убійцы признали, что мать отреклась отъ него, и успокоивали совѣсть свою. Тѣло положили на Красной площади на маленькомъ столикѣ длиною въ аршинъ. За нимъ притащили за ноги трупъ Басманова и положили внизу, такъ что ноги Димитрія свѣшены были на грудь Басманова. «Ты любилъ его живого, пилъ и гулялъ съ нимъ вмѣстѣ: не разставайся съ нимъ и послѣ смерти,» — сказали московскіе люди. Тогда прискакалъ изъ Кремля одинъ дворянинъ и показывалъ народу маску; ее нашли во дворцѣ: Марина, какъ сказано было, приготовляла маскарадъ. «Вотъ смотрите!—кричалъ дворянинъ—это у него такой богъ, а святые образа лежали подъ лавкою!» Маску положили трупу на грудь. Кто-то досталъ дудку, вѣроятно, взявши у убитаго музыканта, и всадилъ въ ротъ мертвому царю. «Подуди-ка! Тю любилъ музыку; мы тебя тѣшили—теперь ты насъ потѣшь!» Другой кто-то вынулъ копѣйку и положилъ на трупъ. «Это ему плата, какъ скоморохамъ даютъ,» — говорилъ москвичъ. Толпа потѣшалась около трупа. Приходили и такіе, что не были при убійствѣ, и задавали удары мертвецу; они хотѣли приложить руку къ умерщвленію еретика, какимъ считали его по внушенію Шуйскаго и его соумышленниковъ. Пришедшій на другой день къ этому тѣлу иноземецъ насчиталъ на немъ двадцать одну рану **).

---

*) Hist. Russ. Monum. II, 113. Вѣрнѣе извѣстіе Нѣмоевскаго, бывшаго однимъ изъ польскихъ гостей въ Москвѣ. Вѣроятно, еслибъ Мареа дала такой двусмысленный отвѣтъ, онъ бы дошелъ и до него, тѣмъ болѣе, что, сообщавши прямой отрицательный отвѣтъ, онъ замѣчаетъ, что царица или испугалась, или, какъ говорили, была уже прежде въ соумышленіи съ заговорщиками: видно по всему, что это событіе не мало интересовало Нѣмоевскаго.

**) Is. Mass. 100.

XIII.

Продолженіе 17-го мая.—Расправа съ поляками и уловка іезуитовъ.—Объясненіе съ послами. — Рѣзня на Никитской улицѣ.

Въ то время какъ разыгрывалась такая трагедія съ трупомъ Димитрія, московскій народъ билъ поляковъ. Когда заговорщики приступали ко дворцу, вооруженная толпа окружила дворъ, гдѣ помѣщался Мнишекъ съ сыномъ, чтобъ не дозволить воеводѣ подать помощь зятю; онъ вѣдь, какъ было сказано, заранѣе предчувствуя бѣду, собралъ къ себѣ во дворъ свою команду. Дворъ этотъ, построенный Борисомъ, находился недалеко отъ дворца; задняя часть двора была огорожена деревянною оградою, а другая, обращенная ко дворцу, каменною стѣною; у стѣнъ навалены были кучи камня, извести и песку.

Воевода и бывшіе съ нимъ поляки услыхали набатный звонъ и неистовые крики, схватились за оружіе, но увидѣли, что москвичи уже ворвались въ примыкавшій къ этому дому другой корпусъ. Тамъ жили музыканты и пѣсенники. Москвичи ненавидѣли музыку, считали ее дьявольскимъ наважденіемъ и безъ сожалѣнія истребляли этихъ людей, которые пріѣхали соблазнять благочестивое жительство древней Москвы. Потомъ принялись доставать Мнишка. На кучи камней взмостили три пушки, а внизу поставили двѣ маленькія пушечки, чтобъ разбивать стѣну; но не стрѣляли еще изъ нихъ, оставляя такую стрѣльбу на дальнѣйшее время, а пока стали пускать во дворъ черезъ стѣны и заборъ каменья и стрѣлы. Одна стрѣла чуть не попала въ воеводу. Удальцы становились подъ заборомъ, а другіе взлѣзали имъ на плечи, чтобъ такимъ образомъ перелѣзть во дворъ. Поляки не рѣшались, что имъ дѣлать: одни совѣтовали защищаться и стрѣлять по москвичамъ.

«Что же, говорили они — развѣ намъ отдаваться на зарѣзъ, какъ стаду?» Другіе представляли, что всякая непріязненная выходка только раздражитъ москвичей, и совѣтовали уйти въ глубокій подвалъ, откуда трудно будетъ ихъ доставать. Но посреди этой суматохи подъѣзжаютъ къ воротамъ бояре и кричатъ: «Панъ воевода! вышли къ намъ на разговоръ своего лучшаго человѣка.» Воевода не посмѣлъ отворить воротъ, думалъ, что, быть можетъ, ихъ нарочно выманиваютъ, и приказалъ одному изъ своихъ служителей, Гоголинскому, перелѣзть черезъ стѣну; его подсадили и спустили къ москвичамъ. Москвичи повели его къ думнымъ людямъ. Это было уже послѣ окончанія дѣла съ царемъ. Михайло Татищевъ сказалъ ему: «Кончилось господство обманщика, хищника не-царской крови, котораго привелъ къ намъ твой панъ; жена его жива и будетъ отдана отцу со всею челядью; твой панъ по справедливости стóитъ такой же участи, потому что отъ него пошли намъ бѣды и кровопролитія, но Богъ сохранилъ его до сего часа отъ народной злобы; благодарите Бога! Теперь опасность миновала, и если хотите быть цѣлы, сидите тихо, не беритесь за оружіе, не дразните народа, а то бѣда вамъ будетъ!» Гоголинскій принесъ печальную вѣсть воеводѣ, что зятя его нѣтъ въ живыхъ. Вслѣдъ за тѣмъ приставили караулъ къ помѣщенію Мнишка и отогнали толпу, хотѣвшую овладѣть дворомъ и грабить.

Еслибъ поляки не предвидѣли на себя нападенія, то ихъ всѣхъ легко было бы истребить. Но важные паны собрали свою свиту во дворы, и съ ними москвичамъ приходилось повозиться.

Толпа удальцовъ напала на дворъ, гдѣ помѣщался хорунжій перемышльскій Станиславъ Тарло, въ Китай-городѣ. Туда къ женѣ его набѣжало много женщинъ съ дѣтьми и дѣвушекъ. Прислуги у него было болѣе двадцати чело-

вѣкъ; сверхъ того къ нему прибѣжалъ панъ Любомирскій съ двѣнадцатью человѣкъ прислуги. Ворота были заперты. Москвичи потребовали, чтобъ имъ отворили и отдали оружіе; зато они обѣщали не дѣлать надъ поляками ничего худаго. Смѣльчаки хотѣли было отвергнуть это предложеніе и защищаться, но женщины и дѣти начали жалобно кричать; тогда разсудили, что отстаиваться въ чужой землѣ отъ туземцевъ невозможно, и согласились. Потребовали, чтобъ москвичи поклялись, что не будутъ никого убивать и оскорблять. Москвичи присягнули именемъ святой Троицы. Ихъ впустили и отдали оружіе. Тогда чернь, разсуждая, что не грѣхъ нарушить присягу, данную божіимъ именемъ тѣмъ, которые въ Бога не такъ вѣруютъ, какъ слѣдуетъ, начала всѣхъ ихъ обирать и бить: убили двадцать трехъ человѣкъ служителей; другихъ переранили; добрались до самихъ господъ. Пани Тарлова бросилась къ мужу и стала закрывать его собою. Ее отколотили, окровавили ей обѣ руки, но москвичей тронула ихъ супружеская вѣрность: они не стали убивать ни ее, ни мужа, а надѣлили ударами, обобрали и раздѣли до нага. Съ ней была вдова пани Гербуртова: и ее тоже отколотили до крови и обнажили. Быть можетъ, этимъ бы не кончилось, и въ концы концовъ перебили бы всѣхъ, но тутъ прискочили бояре и разогнали толпу, а самихъ господъ съ оставшеюся прислугою, большею частію женскаго пола, увели. Они шли нагишомъ по улицамъ, привели ихъ въ такомъ видѣ въ Кремль и тамъ одѣли въ такой уборъ, въ какомъ, по выраженію очевидцевъ, и наиподлѣйшій человѣкъ въ Польшѣ не ходитъ *). Впослѣдствіи іезуиты разсказывали, что ихъ спасеніе совершилось чудодѣйственно, помощью Божіей Матери, потому что пани пообѣщалась, если жива

*) Hist. Russ. Mon II, 120.

останется, сходить на богомолье въ Ченстохову *). Вмѣстѣ съ Тарломъ взятъ былъ и Любомирскій, который, какъ сказано, соединился съ нимъ заранѣе въ одномъ домѣ **).

Оттуда часть этой толпы бросилась къ Стадницкимъ. Они помѣщались на Варваркѣ, противъ дома Романовыхъ. Стадницкіе заперлись. Москвичи покусились сломать ворота, но не могли одолѣть ихъ, потому что поляки съ забора поражали ихъ выстрѣлами. Тогда москвичи бросились къ церкви (Максима Исповѣдника), звонили напропалую и созывали толпу. Народъ сбѣгался. Взмостили двѣ пушки на домъ Романовыхъ и оттуда хотѣли стрѣлять изъ нихъ во дворъ, гдѣ были Стадницкіе. Но тутъ прибѣжали посланные отъ бояръ и разогнали толпу ***).

Между тѣмъ другая толпа, неистовствовавшая надъ Тарломъ, напала на домъ, гдѣ помѣщался ксендзъ Францискъ Помасскій, самборскій пробощъ, пріѣхавшій съ Мнишками. Онъ носилъ титулъ королевскаго духовника; не былъ онъ іезуитъ, но другъ іезуитскаго ордена. У него былъ походный алтарь. Когда москвичи ворвались къ нему, онъ служилъ обѣдню; толпа мужчинъ и женщинъ слушала ее. Ворота были заперты. Москвичи, не докричавшись, чтобъ имъ отворили, разломали ихъ силою. Часть слушавшихъ обѣдню, въ тревогѣ, пустилась бѣжать; москвичи гонялись за ними: иныхъ сразу положили мертвыми, иныхъ переколотили и изранили. Другіе остались со священникомъ и хотѣли защищаться. Но священникъ сказалъ имъ: «отоприте двери и впустите ихъ; положимъ нашу надежду на Бога, и если насъ перебьютъ, то умремъ съ достоинствомъ!» Москвичи вбѣжали въ домовую церковь, начали бить вправо и влѣво всѣхъ, потомъ добрались до алтаря, сорвали съ свя-

*) Annuæ Soc. Jesu. 1607, 726.
**) Petric. 122.
***) Petric, 124.

щенника служебныя одежды и отколотили его такъ, что онъ лишился чувствъ; на третій день послѣ того онъ умеръ отъ побоевъ. Родной братъ его былъ убитъ тутъ же. Чернь ободрала одежды съ алтаря, взяла сосуды, образа изуродовала и поругалась надъ ними *).

Счастливѣе обошлось отцамъ іезуитамъ. Ихъ было тогда въ Москвѣ четверо; изъ нихъ двое священниковъ, а двое братій. Одинъ священникъ съ братьями скрылся у сосѣдей между польскими купцами: изъ нихъ одинъ былъ католикъ, а другіе православные. Католикъ укрылъ ихъ. Другой іезуитъ-священникъ былъ позванъ въ далекую часть города къ польскимъ жолнѣрамъ служить обѣдню. Когда по Москвѣ раздался зловѣщій звонъ, въ тотъ домъ, гдѣ служилъ священникъ обѣдню, набѣжало до двухсотъ человѣкъ поляковъ; изъ нихъ много было православныхъ и еретиковъ, т. е. реформатовъ и аріанъ. Когда москвичи разломали ворота, то, наученные отцомъ іезуитомъ, они взяли со стѣнъ дома образа, и, приложивъ къ груди, выступили противъ москвичей; тѣ, какъ увидали образа своей вѣры, такъ и руки опустили и закричали: «Это наши! это истинные христіане!» Они стали подходить къ нимъ и прикладываться къ образамъ. Такъ спасли себя эти поляки, благодаря хитрости отца іезуита **). Москвичи были особенно злы на брата Марины, старосту саноцкаго, Станислава, за то, что люди его безчинствовали въ Москвѣ. Но онъ собралъ заранѣе людей съ оружіемъ въ свою квартиру, находившуюся въ домѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Степану Годунову и послѣ ссылки его отданномъ Голицыну. Черезъ улицу былъ посольскій дворъ. Поставлены были стрѣльцы для охраненія. Приставы, находившіеся при польскихъ послахъ, объявили народу, что пословъ ни-

*) Petric, 128.

**) Annuae Societ. Jesu. 1608, 1626.

какъ нельзя трогать, и москвичи не рѣшались напасть на старосту сапоцкаго.

На другой сторонѣ посольскаго двора помѣщались Казановскіе. Къ нимъ прибѣжало много поляковъ, какъ только заслышали бѣду, въ томъ числѣ панъ Домарацкій, бывшій начальникомъ польскаго отряда у Димитрія. Они умоляли пословъ взять ихъ въ свой дворъ, но послы не рѣшились на это явно: они боялись, чтобъ народная толпа, узнавши, что послы укрываютъ не принадлежащихъ къ посольству, не бросилась бы и на ихъ дворъ; но въ угожденіе соотечественникамъ сдѣлали отверстіе въ заборѣ, чтобъ изъ дома, гдѣ жили Казановскіе, поляки могли перелѣзать въ посольскій дворъ. Толпа, ограбивши и побивши въ сосѣднихъ дворахъ поляковъ, напала на домъ Казановскихъ. Примѣтили, что оттуда люди съ пожитками убѣгаютъ чрезъ отверстіе въ заборѣ въ посольскій дворъ. Бросились не допускать ихъ. Но посольскіе слуги стали на кровлѣ конюшни и прицѣлились въ толпу, чтобъ заставить ее отступить и дать время пробраться своимъ. Москвичи только издали метали въ стоящихъ на конюшнѣ каменьями. Никого не ранили. Казановскіе со всѣми, которые у нихъ были, успѣли пробѣжать въ отверстіе; только одного слугу пана Доморацкаго догналъ москвичъ предъ самою дирою и застрѣлилъ, а потомъ прикончилъ умирающаго рогатиною. Но за это ему съ конюшни тотчасъ же послали пулю въ лобъ. Какъ увидѣли москвичи своего мертвымъ, разъярились и собрались напасть на посольскій дворъ, не разсуждая болѣе, что посольскихъ людей трогать не велѣно. Но тутъ прискакалъ бояринъ Борисъ Нащокинъ и приказалъ именемъ боярской думы разойтись. Толпа повиновалась; ограбили, однако, все имущество Казановскихъ и убили двадцать двухъ человѣкъ, не успѣвшихъ за прочими убѣжать черезъ отверстіе въ посольскій дворъ.

Нащокинъ съ товарищемъ, подъѣхавши къ посольскому двору, закричалъ, что хочетъ говорить съ послами. Къ нему вышелъ Гонсѣвскій и сталъ на воротахъ. Оба думные сидѣли на лошадяхъ; за плечами у нихъ были колчаны со стрѣлами и луки, при бокахъ сабли. Нащокинъ сдѣлалъ привѣтствіе и сказалъ:

« Князь Өедоръ Ивановичъ Мстиславскій, князья Василій и Димитрій Ивановичи Шуйскіе и другіе бояре, и мы, товарищи ихъ, вамъ, посламъ отъ Сигизмунда короля польскаго и великаго князя литовскаго, велѣли сказать: въ государствѣ вашего государя извѣстно было, что, по смерти Ивана Васильевича, царя и государя нашего, малолѣтняго сына Димитрія, по причинѣ злыхъ людей, не стало на свѣтѣ. Не скоро послѣ того монахъ Григорій, Богдановъ сынъ, будучи дьякономъ, впалъ въ чернокнижіе и убѣжалъ отъ наказанія въ Литву, государство вашего государя, и тамъ назвался царевичемъ Димитріемъ Ивановичемъ, обманулъ и васъ, и насъ, а люди ваши вошли съ нимъ въ московскіе предѣлы; тогда міръ нашъ взбунтовался, и, какъ царя Бориса Өедоровича не стало, принялъ къ себѣ царемъ; и онъ, будучи на государствѣ, воровалъ, безчинствовалъ, хотѣлъ вѣру нашу христіанскую искоренять и ввести еретическую вѣру. А царица, которую онъ называлъ своею матерью, объявила боярамъ, и всѣ, узнавши его, не хотѣли болѣе того терпѣть, и убили его. Воръ уже не живъ. Но вы, какъ прибыли отъ государя и ото всей земли своей послами, то не бойтесь никакой бѣды: бояре приказали строго васъ охранять, а васъ велѣли остеречь, чтобъ вы къ старостѣ саноцкому и людямъ его и къ другимъ не вмѣшивались, потому что они не съ вами, а вы не съ ними пришли. Они съ воеводою сендомирскимъ сюда пріѣхали, хотѣли Москву заѣсть, и всякія обиды чинили русскимъ людямъ ».

На эту рѣчь отвѣчалъ Гонсѣвскій такими словами:

«Правда, было у насъ извѣстіе, что, послѣ великаго государя вашего Ивана Васильевича, остался сынъ Димитрій, и слышали мы, что Борисъ приказалъ его тайно убить. Но когда явился этотъ человѣкъ въ нашихъ государствахъ, то доказывалъ, что онъ истинный Димитрій Ивановичъ, и что Богъ его чудесно избавилъ отъ смерти. Люди наши, какъ прежде жалѣли, слыша о смерти Димитрія, такъ потомъ радовались, увидя его живого; а ваши люди и думные бояре посадили его на государствѣ. Теперь, какъ ты говоришь, узнали вы, что онъ не истинный Димитрій, и убили его. Намъ до этого дѣла нѣтъ: пусть вамъ Богъ помогаетъ по правдѣ вашей! Мы, послы, увѣрены въ своей безопасности, ибо не только въ христіанскихъ, но и въ бусурманскихъ государствахъ охраняютъ безопасность пословъ. Впрочемъ, благодаримъ бояръ за расположеніе. Что же касается до старосты санoцкаго и другихъ людей, подданныхъ его королевскаго величества, которые пріѣхали съ воеводою сендомирскимъ, то они сюда прибыли не на войну, не съ тѣмъ, чтобъ овладѣть Москвою, а на свадьбу, будучи приглашены тѣмъ, кто у васъ былъ государемъ, и вами самими чрезъ посла вашего; они не имѣли ни малѣйшей догадки о томъ, чтобъ это былъ не истинный Димитрій, не дѣлали никакихъ безчинствъ. Если же кто нибудь изъ низшаго званія людей сдѣлалъ что нибудь дурное — никто за виновныхъ не стоитъ; но нельзя же всѣмъ терпѣть за одного. Поблагодарите же бояръ за ихъ расположеніе и передайте отъ имени нашего желаніе, чтобъ они постарались остановить пролитіе крови людей его величества короля нашего, ни въ чемъ невинныхъ и обезпеченныхъ миромъ. Сохрани Богъ, если станутъ ихъ мучить передъ нашими глазами; тогда мы не только не можемъ удержать нашей челяди, но и сами не станемъ смотрѣть на пролитіе крови нашихъ братьевъ, а должны будемъ съ ними

всѣ умирать; а что изъ этого впередъ можетъ выйти, думные бояре могутъ сами легко разсудить».

Когда Нащокинъ принесъ эти слова боярамъ, Мстиславскій, Шуйскіе и другіе съ большимъ рвеніемъ побѣжали по улицамъ останавливать кропопролитіе. Шуйскій побѣжалъ въ Бѣлый-городокъ, гдѣ, какъ услышалъ, москвичи бились съ Вишневецкимъ.

Князь Константинъ Вишневецкій помѣщался въ Бѣломъ-городѣ во дворѣ Стефана господарича молдавскаго, пе далеко отъ стѣны, близъ одной изъ воротпыхъ башенъ. Услышавъ тревогу, онъ собралъ свою дружину, которая состояла у него изъ четырехсотъ человѣкъ слишкомъ, и хотѣлъ проникнуть въ Кремль на помощь царю и воеводѣ, соображая, что они въ опасности. Но ему пришлось скоро повернуть назадъ: за многолюдствомъ нельзя было пробиться туда. Притомъ по улицамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были сдѣланы рогатки и навалены бревна *). Городскія ворота, сосѣднія съ его домомъ, были заперты; князь догадался, что москвичи хотятъ не выпустить поляковъ изъ города. Онъ выстроилъ свою конную дружину частію па улицѣ передъ дворомъ, а частію въ самомъ дворѣ и объявилъ, что надобно защищаться до послѣдней капли крови, если москвичи нападутъ на нихъ. Москвичи напали. Вишневцы храбро отбивались. Но прибывали свѣжія толпы москвичей. Скоро Вишневецкій увидѣлъ, что невозможно держаться съ лошадьми въ тѣсномъ мѣстѣ; и завелъ всю свою дружину во дворъ. Москвичи ворвались во дворъ, овладѣли службами—но въ главномъ домѣ заперлась дружина Вишневецкаго и стрѣляла по нимъ безпрестанно, то появляясь въ окнахъ и дверяхъ, то быстро исчезая. Вишневцы какъ будто насмѣхались надъ москвичами: вышвырнутъ какую

*) Is. Mass. 94.

нибудь золотую вещицу или одежду изъ окна; чернь бросится на нее, а изъ оконъ по ней дадутъ залпъ и положатъ многихъ. Раза три они появлялись на переходахъ и показывали видъ, какъ будто сдаются. Москвичи бросаются на крыльцо; тогда вишневцы пустятъ по толпѣ сорокъ или пятьдесятъ зарядовъ и кладутъ москвичей десятками. Москвичи достали пушку, но пушкарь у нихъ былъ такъ неискусенъ, что навелъ очень низко, и какъ выпалилъ, то повалилъ своихъ. Однако, толпа все болѣе и болѣе прибывала; заняли вблизи башню и оттуда начали пускать стрѣлы и пули. Поляки увидѣли, что какъ они ни храбрятся, а все-таки до нихъ доберутся. На выручку имъ прибѣжалъ Василій Шуйскій и съ нимъ Иванъ Никитичъ Романовъ; они разогнали народъ. Шуйскій закричалъ, что если поляки сдадутся, то имъ не будетъ ничего дурнаго и въ увѣреніе поцѣловалъ крестъ, снявши съ груди. Тогда Вишневецкій, полагаясь на крестное цѣлованіе, приказалъ своей дружинѣ положить оружіе. Шуйскій вошелъ въ домъ и заплакалъ, какъ оглянулъ кругомъ мѣсто битвы и увидѣлъ убитыхъ москвичей, которые напрасно рвались овладѣть воинственнымъ княземъ. Вишневецкаго со всею храброю его челядью отвели въ домъ Татищева. Лучшихъ лошадей, лучшія вещи они успѣли захватить съ собою; остальное было ограблено *). Самъ Шуйскій провожалъ ихъ и охранялъ отъ народной ярости и мщенія за множество русскихъ, убитыхъ въ свалкѣ.

Поляки говорятъ, что ихъ самихъ погибло очень мало, а москвичей очень много. Одни полагаютъ (преувеличенно) число убитыхъ русскихъ до трехсотъ, другіе—до четырехсотъ, а тѣ, которые не знали мѣры желанію прихвастнуть этимъ дѣломъ храбрости,—даже до тысячи **). Вишневец-

---

*) Ibid.

**) Hist. Russ. Mon. II, 174.—Petricii, 126.

кій потерялъ по однимъ—девятнадцать *), по другимъ—семнадцать человѣкъ **).

Но самая отчаянная рѣзня происходила на Никитской улицѣ въ Бѣломъ-городѣ. Здѣсь по преимуществу помѣщались какъ пріѣхавшіе съ царицею, такъ и состоявшіе на службѣ у Димитрія; тамъ было ихъ нѣсколько сотъ въ одной улицѣ; да и въ сосѣднихъ улицахъ помѣщались поляки. Многіе, не вѣря грозящимъ предзнаменованіямъ, спокойно спали. На нихъ напали по одиночкѣ, не давши имъ сойтись вмѣстѣ. «Великій государь—кричали имъ—приказываетъ у васъ взять оружіе.» За это обѣщали полякамъ пощаду. Поляки отдавали имъ оружіе. Тогда чернь разсѣкала ихъ пополамъ, распарывала имъ животы, отсѣкала руки и ноги, выкалывала глаза, обрѣзывала уши и ноздри, замучивала ихъ до смерти, а потомъ ругалась надъ ихъ трупами: привязывали къ столбамъ, къ столамъ, ставили и клали для своей забавы въ смѣшныя положенія. Другіе поляки, увидавши, что москвичи не милуютъ тѣхъ, которые имъ сдаются добровольно, стали защищаться и доставались на убой не иначе, какъ положивши нѣсколько человѣкъ. Въ числѣ десяти офицеровъ Димитріева польскаго войска погибъ и Борша, оставившій дневникъ Димитріева похода въ Москву: онъ палъ съ оружіемъ, застрѣленный въ сѣняхъ чужаго дома, куда убѣжалъ изъ своего ***). Старуха Тарлова, старостина сохачевская, спряталась на чердакъ въ своей квартирѣ со слугами, а сынъ ея вмѣстѣ съ Самуиломъ Баллемъ сталъ было обороняться. Москвичи требовали выдачи оружія. Тѣ было послушались, но только что Балль отдалъ свое оружіе, какъ толпа бросилась на него и изрубила въ куски. Молодой Тарло, видя что сдача не

*) Petric, 126.
**) Hist. Russ. Mon. II 174.
***) Petricii, 127.—Hist. Russ. Mon. II, 177.

поможетъ, сталъ обороняться и остался живъ, потому что додержался до тѣхъ поръ, пока бояре не разогнали народъ.

Охмѣленная кровью, толпа москвичей всякаго возраста, возбуждаемая набатнымъ звономъ, бѣгала по улицамъ и неистово кричала: «бей, рѣжь, бей, рѣжь литву. Перенимай, не допускай до Кремля. Они хотѣли царя и бояръ извести!» Впереди были отчаянные сорвиголовы, прежніе разбойники, убійцы, воры, получившіе теперь свободу и право вдоволь дѣлать то, къ чему располагала ихъ натура, опачканные кровью, съ обнаженными ножами, дубьемъ, рогатинами; они однимъ видомъ своимъ наводили страхъ и омерзѣніе *).

Разсказываютъ, что одинъ полякъ, человѣкъ зажиточный, пробужденный тревогой, вскочилъ съ постели, убѣжалъ въ погребъ и зарылся въ песокъ. У него въ рукахъ былъ кошелекъ съ сотнею золотыхъ монетъ. Москвичи напали на домъ его, изрубили прислугу, искали хозяина, забрались въ погребъ и увидали голову поляка изъ кучи песку. Тотъ бросилъ имъ кошелекъ съ деньгами, божился, что не сдѣлалъ ничего ни противъ царя, ни противъ земли русской, и просилъ не убивать его, а отвести въ Кремль: тамъ онъ оправдается, если въ чемъ нибудь его подозрѣваютъ. Полякъ не зналъ, въ чемъ дѣло, слышалъ, что москвичи обвиняютъ поляковъ въ злоумышленіи на царя, и думалъ найти защиту въ царѣ, не воображая, что царя нѣтъ уже на свѣтѣ. Ему обѣщали, вывели и повели въ Кремль, вѣроятно также, какъ и полякъ, не зная, что сдѣлалось съ царемъ. На бѣду его встрѣчается другая толпа москвичей; увидали они поляка и закричали: «бей его, б......сына!» Полякъ былъ не изъ храбраго десятка — упалъ къ ногамъ ихъ и вопилъ: «помилуйте, не убивайте ради Христа, ради

*) The bloody massacre, 151.

пресвятой дѣвы Маріи, ради святого Николая чудотворца!» Но въ отвѣтъ на эти вопли одинъ москвичъ ударилъ его саблею. Полякъ, истекая кровью, вырвался и опять упалъ на землю и кричалъ: «москвичи! вы называетесь христіане, въ Бога вѣрите, — окажите христіанское милосердіе надъ невиннымъ! у меня жена, дѣти въ Польшѣ, пощадите меня!» Москвичи было остановились, но тутъ на бѣду его пробѣгала другая толпа, и, завидя плачевную сцену, съ ожесточеніемъ напала на него и изрубила *)....

Шуйскій и его соумышленники до самаго полудня бѣгали по городу, разгоняли народъ и спасали поляковъ. На Покровкѣ, случилось имъ напасть на одинъ, осажденный чернымъ народомъ домъ; они разогнали толпу, цѣловали крестъ во увѣреніе, что поляковъ не будутъ истреблять, когда они положатъ оружіе. Шуйскій въ знакъ примиренія обнялъ и поцѣловался съ полякомъ, котораго выслали его земляки изъ своей осады **). Въ видахъ Шуйскаго вовсе не было истреблять гостей: онъ направилъ народъ на нихъ только для того, чтобъ помѣшать народу подать помощь царю въ Кремлѣ, и убійствомъ поляковъ, любимыхъ Димитріемъ, сдѣлать москвичей вообще соучастниками убійства Димитрія, дать видъ дѣлу, что низверженіе и смерть царя есть дѣло общее, земское, всенародное. Но когда Димитрія не было уже на свѣтѣ, онъ искренно спасалъ поляковъ, чтобы послѣ имѣть передъ польскимъ правительствомъ оправданіе и отклонить мщеніе Рѣчи Посполитой.

Вмѣстѣ съ пріѣхавшими поляками и ихъ слугами пострадали иностранные купцы, заѣхавшіе въ Москву съ цѣлію нажиться посредствомъ торговли, по случаю свадебнаго

---

*) Petrei, 123. — Bussow.

**) Is. Mass. 97.

торжества. Пріѣхавшіе итальянцы и нѣмцы были ограблены и потеряли свое имущество, кромѣ того, что еще прежде набрали у нихъ ко двору на большія суммы и послѣ не заплатили, потому что не хотѣли отвѣчать за вора *).

Обезображенныя тѣла не убирались цѣлый день. Лужи крови стояли на улицахъ. Люди гуляли и веселились, дрались за добычу, продавали ее. Этотъ день для многихъ былъ днемъ великаго благополучія. Иные до того времени были совсѣмъ нищіе, а теперь набрали денегъ, мѣховъ, золотыхъ вещей, жемчугу, богатыхъ одеждъ. Пьяные хвастались и кричали: «Нѣтъ на свѣтѣ сильнѣе и грознѣе московскаго народа! Цѣлый свѣтъ насъ не одолѣетъ! нашему народу счета нѣтъ! теперь пусть всѣ передъ нами молчатъ, кланяются намъ, въ ногахъ у насъ валяются!» — «Да, говорили потихоньку слышавшіе эти похвалки нѣмцы, вы храбры и мужественны, когда васъ сотня идетъ на пять человѣкъ; тогда вы совершаете великія дѣла и получаете большую честь, особенно когда ваши непріятели лежатъ на постелѣ въ теплой комнатѣ **)!» Ночью настала такая тишина, что, казалось, живой души въ городѣ не было ***). Москва опомнилась. Убійцы, пропивши часть имущества, награбленнаго у замученныхъ поляковъ, лежали мертвецки пьяные. Но не всѣ жители были съ одинаковыми чувствами: иные приложили руки къ душегубству надъ поляками потому что думали, что идутъ защищать царя и бояръ, какъ вдругъ узнали, что царя убили не поляки, а бояре, и теперь остолбенѣли отъ ужаса и недоразумѣнія. Другіе не участвовали въ убійствѣ, были даже такіе, что спасали поляковъ отъ злобы своихъ соотечественниковъ. Одинъ изъ Мнишковъ, Янъ Мнишекъ, братъ Юрія, староста красно-

*) The bloody massacre, 14.
**) Petr. 196.—Buss. 53.
***) The bloody massacre, 15.

ставскій, обязанъ жизнію своему хозяину, который спряталъ его.

На другой день стали отвозить тѣла за городъ: тамъ хоронили ихъ безъ гробовъ, безъ христіанскихъ обрядовъ, однихъ сваливали въ глубокія могилы, другихъ бросали въ болото и заваливали навозомъ; тѣхъ, которые лежали неподалеку отъ Москвы рѣки, стаскивали въ воду.

Число погибшихъ поляковъ одни считаютъ болѣе четырехъ сотъ (388 по именному списку, и сверхъ того были слуги, которые не вошли въ списокъ) *). И москвичей погибло столько же, а можетъ быть и болѣе.

Тогда велѣно было собирать оставшихся поляковъ и приводить на земскій дворъ. Имъ составляли реестръ, въ которомъ записывали ихъ имена и должности. Слугъ, у которыхъ господа уцѣлѣли, отдавали имъ, а тѣхъ, у которыхъ господа были побиты, размѣстили по квартирамъ, дали имъ содержаніе и одежды, потому что они всѣ почти были ограблены до ниточки. Изъ нихъ сто пятьдесятъ человѣкъ шляхетскаго достоинства, служившіе царю и царицѣ, отправлены были на посольскій дворъ и отданы посламъ. «Надобно честь отдать москвитянамъ, говорили послы; всякому, кто называлъ себя посольскимъ, давали пощаду и приводили на посольскій дворъ, только облупливали ихъ до ниточки.» Всѣмъ полякамъ, служившимъ у бывшаго государя, объявили, что они будутъ отправлены въ отечество, но знатнѣйшіе паны будутъ оставлены до тѣхъ поръ, пока бояре не объяснятся съ польскимъ правительствомъ и не узнаютъ расположенія короля Сигизмунда. Назначенныхъ къ отправленію было до 600 человѣкъ, но вѣроятно, кромѣ слугъ. Имъ однако не возвращали лошадей, а погнали пѣшкомъ и на скудномъ содержаніи.

*) Hist. Russ. Mon. II, 177.—Bibl. Krasin. B. 3.

Бояре, чтобъ показать, что они не потакаютъ народному грабежу и насиліямъ, приказывали доставлять въ казну ограбленное у поляковъ; но это приказаніе худо исполнялось. Нѣсколько лошадей и каретъ дѣйствительно было доставлено, потому что ихъ украсть было трудно; ручныя вещи никто не думалъ отдавать, а отыскать ихъ для отдачи по принадлежности было невозможно: удалые молодцы тотчасъ же спустили ихъ, а потомъ онѣ переходили въ третьи и четвертыя руки.

XIV.

Поруганіе надъ трупомъ Димитрія. — Слухи въ народѣ и сожженіе трупа.

Обезображенныя и обнаженныя тѣла убитаго царя и Басманова лежали субботу и воскресенье. Москвичи ругались надъ ними и приговаривали: «ахъ ты, разстрига, б...... сынъ! сколько ты зла натворилъ въ нашей землѣ! всю царскую казну промоталъ, вѣру нашу хотѣлъ искоренить!» Его измазали дегтемъ и всякою дрянью. Московскія женщины ругались надъ нимъ самымъ безстыднѣйшимъ образомъ. Наконецъ, велѣно было прибрать оба трупа. Басманова выпросили родственники и похоронили у Николы Мокраго. Тѣла Димитріева не кому было выпросить, и не дали бы его. Его считали чернокнижникомъ, отступникомъ. Говорили, когда онъ лежалъ на площади, что въ полночь слышны были около него бой бубновъ, играніе на сопѣляхъ, пѣніе пѣсенъ. «Это—говоритъ нашъ хронографъ—бѣсы приносили честь любящему ихъ разстригѣ и радовались о пришествіи своего угодника!» Другіе говорили, что около тѣла его ночью показывались изъ-подъ земли огоньки; когда караульные подходили, огонекъ ис-

чезаетъ, а потомъ, какъ отойдутъ, огонекъ опять появляется. Въ понедѣльникъ его свезли въ убогій домъ. Но только что его вывезли, какъ поднялась ужасная буря, сорвала кровлю съ башни на Кулишкахъ и разломала деревянную стѣну у Калужскихъ воротъ на Замоскворѣчьи. Похожее явленіе бури случилось при въѣздѣ его въ Москву; въ воображеніи народномъ эти событія совпадали между собою какъ-то странно. Толпа любопытныхъ шла за нимъ. Его бросили въ яму, куда складывали нищихъ, замерзшихъ и опившихся. Но вдругъ по Москвѣ разнесся слухъ, что тѣло его невидимою силою вышло изъ той ямы и очутилось на просторномъ мѣстѣ; надъ нимъ видали двухъ голубковъ: только что подойдутъ къ нему, голубки исчезаютъ; только что отойдутъ—опять появляются и сидятъ на тѣлѣ. Велѣли зарыть поглубже въ землю. Прошло семь дней, и вдругъ тѣло убитаго царя очутилось невредимо на кладбищѣ, въ четверти версты отъ убогаго дома. Это извѣстіе потрясло всю Москву. «Ну, видно (говорили москвичи), онъ не простой былъ человѣкъ, когда земля его тѣла не принимаетъ! Онъ колдунъ, учился у лопарей колдовать; а они такое средство знаютъ, что сами себя велятъ убить, а потомъ оживутъ *).» — «Онъ, говорили иные, въ Польшѣ продалъ бѣсамъ душу и написалъ рукописаніе: бѣсы обѣщали его сдѣлать царемъ, а онъ обѣщалъ тогда отъ Бога отступиться **).» — «Да не самъ ли онъ бѣсъ?—говорили нѣкоторые: онъ явился въ человѣческомъ видѣ, чтобъ смущать христіанъ и творить себѣ смѣхъ и игрушку съ тѣхъ, которые отпадутъ отъ христіанской вѣры.» Иные говорили, что онъ мертвецъ, нѣкогда жившій, а потомъ умершій и оживленный бѣсовскою силою на горе христіанству.

*) Petrei, 194.

**) Хроногр. Погод. 1456.

Шуйскій старался поддерживать эти толки, чтобъ заглушить толки другаго рода. Въ тѣ дни, когда тѣло Димитрія лежало на площади, были ночью морозы, и въ этомъ нашли соотношеніе съ Димитріемъ. «Пока тѣло его не будетъ уничтожено, не избыть бѣды московской землѣ!» говорили въ Москвѣ.

Несчастное это тѣло вырыли, провезли опять черезъ Москву и сожгли за Серпуховскими воротами, на мѣстѣ, называемомъ Котлы, въ томъ срубѣ, который строилъ покойникъ, чтобъ доставить своимъ подданнымъ увеселительное зрѣлище западно-рыцарскаго турнира и примѣрныхъ битвъ. Разсказывали, что не съ разу поддалось огню тѣло волшебника. Бросили его въ огонь—обгорѣли руки и ноги, а тѣло самое не сгорѣло; донесли объ этомъ Василію Шуйскому, уже царю; тогда, по царскому повелѣнію, тѣло изрубили въ куски и опять бросили въ огонь *). Потомъ пепелъ собрали, всыпали въ пушку и выстрѣлили изъ этой пушки, обративъ ее въ ту сторону, откуда названный Димитрій пришелъ въ Москву. «Вотъ теперь — говорили москвичи —онъ не встанетъ и не надѣлаетъ намъ бѣды!»

Въ этомъ случаѣ московскіе люди ошиблись.

---

*) Żelanski.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

